

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Дубман Э. Л.** Некоторые источниковедческие проблемы изучения монастырского освоения Южного Средневожья во второй половине XVII века 142
- Романов М. Ю.** «И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелцкого полка) 149
- Познахирев В. В.** Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России 161
- Горшков Д. И.** Трофейные занавесы (платы) труб 2-го (голландского) полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии: классификация, история, реконструкция 167
- Герман А. А.** Портрет советского немца-трудармейца времен Великой Отечественной войны 172

Всеобщая история и международные отношения

- Шишкин В. Г.** Социально-экономическое, политическое и культурно-религиозное развитие Японии рубежа VI–VII веков по конституции Сётоку 182
- Галямичев А. Н.** Город и монастырь в средневековой Чехии (X–XIII века) 191
- Сатаров А. А.** Роль Салмана Реиса в завоеваниях Османской империи в Красноморском бассейне 195
- Меднис С. С.** «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор 199
- Киясов С. Е.** «Вольные каменщики»: мистики, просветители, революционеры 209
- Воробьев Д. Н.** Деятельность Букера Вашингтона по защите гражданских прав афроамериканцев (конец XIX – начало XX века) 215
- Чихичин Ю. С.** Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов 221
- Шенин С. Ю.** «Хрупкий консенсус» Б. Обамы и будущее договора СНВ-III 227
- Шамарина О. А.** Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков 231

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году 237
- Карташова М. В.** К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения) 245
- Кочукова О. В.** Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник 252
- Воейков Е. В.** Кадровая политика государства в лесном хозяйстве периода нэпа: проблемы и уроки (по материалам Поволжья) 258
- Данилов В. Н.** Социально-бытовые проблемы населения Саратова и пути их решения в период Великой Отечественной войны 265
- Маркова О. Н.** Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области) 273

Критика и библиография

Представляем книгу

- Борисова А. А.** Новое исследование по истории национальных меньшинств 278

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Кочкаева Инна Анатольевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 23.06.20.
Подписано в свет 30.06.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 35-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Dubman E. L.** Some Source Research Problems of Studying the Monastery Development of the Southern Middle Volga Region in the Second Half of the XVII Century 142
- Romanov M. Yu.** «On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...» (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment) 149
- Poznakhirev V. V.** Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia 161
- Gorshkov D. I.** Captured Trumpet Banners of the 2nd (Dutch) Chevauleger-Lancer Regiment of the Imperial Guard: Classification, History, Reconstruction 167
- German A. A.** Portrait of the Soviet German-Labor Army Serviceman of Time of the Great Patriotic War 172

World History and International Relations

- Shishikin V. G.** Socio-Economic, Political, Cultural and Religious Development of Japan at the Turn of the 6th–7th Centuries by the Shōtoku Constitution 182
- Galyamichev A. N.** The Town and Monastery in Medieval Bohemia (X–XIII Centuries) 191
- Satarov A. A.** The Role of Salman Reis in the Ottoman Conquests in the Red Sea Area 195
- Mednis S. S.** “Music of the Spheres”: the Order of the Elizabeth Tudor’s Coronation Banquet 199
- Kiyasov S. E.** The Freemasons: Mystics, Enlighteners, Revolutionaries 209
- Vorobyev D. N.** African-American Civil Rights Protection Activity of Booker T. Washington (The Late XIX – Early XX Centuries) 215
- Chikhichin Y. S.** Approaches of G. Bush-senior and B. Clinton Administrations to the Problem of Nuclear Disarmament of Ukraine in the Period of 1992–1996 221
- Shenin S. Yu.** B. Obama’s «Fragile Consensus» and the Future of the New START Treaty 227
- Shamarina O. A.** Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries 231

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** On the Issue of Transferring Saratov to the Right Bank of the Volga in 1674 237
- Kartashova M. V.** To the Question of the Origin of Handicraft Centers (On the Example of the Balakhninsk lacemaking) 245
- Kochukova O. V.** Notes of Saratov Volunteers – the Participants of the Serbian-Turkish War of 1876 as a Historical Source 252
- Voyeikov E. V.** Personnel Policy of the State in Forestry of the NEP Period: Problems and Lessons (Based on the Materials of the Volga Region) 258
- Danilov V. N.** Social and Everyday Problems of the Population of Saratov and Ways of Their Solution During the Great Patriotic War 265
- Markova O. N.** Sphere of Official Leisure of Soviet People in the 1960s: a Dichotomy of the Collective and Individual (Based on the Materials from the Saratov Region) 273

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Borisova A. A.** A New Study on the History of National Minorities 278

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барabanов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

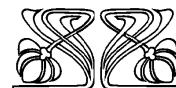
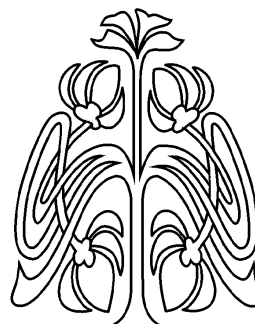
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

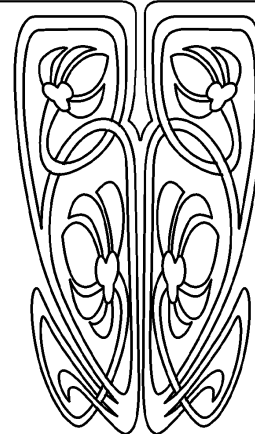
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).04

Некоторые источниковедческие проблемы изучения монастырского освоения Южного Средневолжья во второй половине XVII века

Э. Л. Дубман

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, dubmane@mail.ru

В статье рассмотрены источниковедческие проблемы изучения освоения Южного Средневолжья крупнейшими центральными монастырями России. Сформулирован вывод, согласно которому, несмотря на утрату делопроизводства приказа Казанского Дворца, выявленные архивные материалы позволяют реконструировать особенности становления крупного промышленного и промышленно-аграрного комплекса. Его производственные возможности сыграли важную роль в экономическом развитии России второй половины XVII в.

Ключевые слова: Южное Средневолжье, монастыри, источниковая база, промышленное предпринимательство, метрополии и промыслы, казна, денежные средства, рыба и соль.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Some Source Research Problems of Studying the Monastery Development of the Southern Middle Volga Region in the Second Half of the XVII Century

E. L. Dubman

Eduard L. Dubman, <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>, Samara National Research University, 34 Moskovskoye Shosse, Samara 443086, Russia, dubmane@mail.ru

The article considers the source research problems of studying the development of the Southern Middle Volga by the largest central monasteries in Russia. It is concluded that despite the loss of the sources stored in the order of the Kazan Palace, the revealed archival materials make it possible to reconstruct the features of the formation of a large commercial and industrial-agricultural complex. Its production capabilities played an important role in the economic development of Russia in the second half of the XVII century.

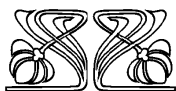
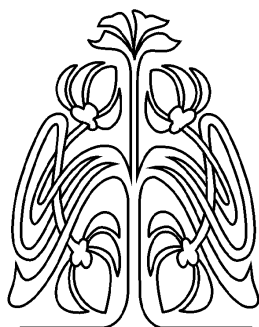
Keywords: Southern Middle Volga, monasteries, source base, commercial enterprise, metropolises and crafts, treasury, cash, fish and salt.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

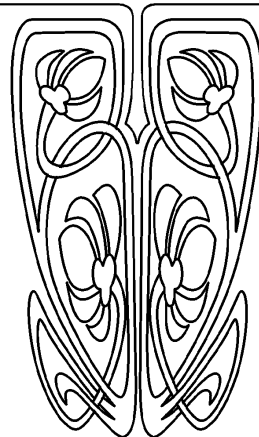
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-142-148>

Во второй половине XVI в. крупнейшие церковные корпорации России начинают активное освоение природных ресурсов Европейского Юго-Востока. На первых порах оно выражалось в организации сезонных рыболовецких предприятий в северном Прикаспии, среднем и нижнем течении Волги и Камы, других реках региона, а также добыче соли в астраханских самосадочных озерах. Только в последние десятилетия XVII в. эта предпринимательская промысловая деятельность эволюционировала в формирование крупного вотчинного хозяйства¹. Один из исследователей

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

данного процесса В. Н. Нечаев охарактеризовал его следующим образом: «... Воды превратились в покосы, леса и пашни»².

Рассмотрим такую церковную колонизацию и, прежде всего, возможности ее источниковедческого изучения на примере Южного Средневожья (региона, располагавшегося южнее территории Казанского края. В пространстве последнего уже во второй половине XVI в. появились земельные владения церковных корпораций)³. Здесь, к югу от ранее освоенной территории бывшего Казанского ханства, массовая земледельческая колонизация началась только в середине XVII в. В ходе создания непрерывной системы засечных черт (Саранской, Карсунской, Симбирской, Закамской и других) в пограничной зоне происходило испомещение и расселение служилых людей по прибору и отечеству. На землях, пожалованных дворянам и детям боярским местных «служилых городов», возникли селения помещичьих крестьян и бобылей. В 1650–1670-е гг. в этом пространстве преимущественного развития мелкого и среднего служилого расселения, характерного для всего южного и юго-восточного фронта Европейской России, только отдельные церковные корпорации смогли получить значительные земельные владения. Здесь они поселили крестьян и рабочих людей, завели комплексное хозяйство, в котором рыболовство и другие промысловые занятия были, да и то не всегда, лишь одной из его отраслей (Патриарший Дом на Самарской Луке и в Западном Закамье, звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь (ранее в научной литературе, как правило, использовалось название Савво-Сторожевский монастырь) в Предволжье и т. д.).

Массовое распространение крупного церковного землевладения началось только в 1680–1690-х гг., когда правительство смягчило действие законодательных норм о «казахных городах» в пограничных уездах⁴. В последние десятилетия XVII в. на их территории сложилась совокупность церковных владений (а в конце 1690-х гг. и светских⁵), которые по количеству дворов, размерам земельных угодий, хозяйственному потенциалу становятся крупнейшими во всей совокупности вотчинных комплексов московских Новодевичьего, Чудова, Новоспасского, Вознесенского; звенигородского Саввино-Сторожевского и ряда других монастырей⁶. К рубежу XVII–XVIII вв. в их поволжских владениях насчитывалось более 2000 дворов⁷: у Новодевичьего монастыря – от 500 до 800⁸, Вознесенского и Саввино-Сторожевского – до 300 у каждого, костромского Богоявленского – около 200 и т. д.⁹ Очевидно, что по количеству дворов и их жителей подобные владения следует отнести к группе весьма крупных¹⁰. Их доля в общей численности зависимого населения, принадлежавшего Новодевичьему и Богоявленскому монастырям, составляла до 20 %; Саввино-Сторожевскому и московскому Вознесенскому – более 15 %¹¹. Можно предположить, что в данный период происходил перевод населения отдельных монастырских владений из центральных

районов страны в богатое природными ресурсами пространство Южного Средневожья.

Исследователи вполне обоснованно считают, что источники по истории церковных корпораций, прежде всего, крупнейших монастырей, патриаршего и ряда епархиальных Домов, более репрезентативны и сохранились гораздо лучше, чем других акторов колонизационно-предпринимательской деятельности средневековой России. Но для рассматриваемого нами региона, имеется ряд труднопреодолимых проблем источниковедческого характера. Общеизвестно, что архив приказа Казанского Дворца, почти единолично управлявшего областью «низовых городов», практически полностью выгорел в начале XVIII в. Источники о хозяйственной деятельности большинства церковных корпораций в Южном Средневожье крайне редко встречаются в его фрагментарно сохранившемся делопроизводстве. В коллекциях Коллегии экономии (Ф. 280), Грамот Коллегии экономии (Ф. 281) и других архивных собраниях (Монастырского приказа, Монастырских дел и т. д.) Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) материалы по средневожским владениям церкви сохранились лишь отчасти. Работа с фондами центральных монастырей в архивах Москвы и Санкт-Петербурга и в хранилищах самих обитателей, как правило, также не привела к выявлению новых материалов. Очевидно, что в последнем случае, власти метрополий относились к сохранению делопроизводства своих пограничных владений с меньшим интересом и вниманием.

Счастливым исключением в этом отношении являются Надеинское Усолье Саввино-Сторожевского, отчасти Новопречистенское владение Новодевичьего, а также Рачейкинская и Городищенская вотчины Вознесенского монастырей. Так, по Надеинскому Усолюю, перешедшему в начале 1660-х гг. в оброчное, а затем в 1673 г. в вотчинное владение подмосковного монастыря, сохранилась уникальная коллекция источников, освещающих процесс формирования его населения (переписные, писцовые и дозорные книги, выписи из них), складывания сети сельских поселений, хозяйственно-предпринимательской деятельности, особенностей формирования уникального солеваренного и рыболовецкого промыслов, а также земледельческого производства (приходо-расходные за ряд лет, итоговые росписи по торговым поездкам, межевые, писцовые книги, описания промыслового комплекса и другие материалы по Усолюю и самому монастырю) на протяжении почти половины столетия, вплоть до начала XVIII в. Наиболее подробный анализ материалов по истории самой метрополии приведен в диссертации Е. И. Дементьева¹². Большинство из них в настоящее время хранится в РГАДА в фондах Саввино-Сторожевского монастыря (Ф. 1199), Грамот Коллегии экономии (Ф. 281), Монастырского приказа (Ф. 237), Монастырских дел (Ф. 125), Госархива (Разряд 26), а также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) (Собрание М. П. Погодина) и других архивохранилищах. К

сожалению, в архивохранилище самого монастыря источников по истории его поволжского владения второй половины XVII в. практически не удалось обнаружить.

В целом приведенные материалы дают возможность представить общую картину формирования, социального и хозяйственного развития монастырских, патриарших и епархиальных владений в Южном Средневолжье. Среди них особый интерес представляют отдельные группы источников, позволяющие более углубленно и репрезентативно рассмотреть конкретные направления данного процесса. Их анализ помог уточнить ряд положений, имеющих особую значимость для исследования российского исторического процесса второй половины XVII столетия.

Рассмотрим возможности такого углубленного изучения отдельных тем. Обратимся первоначально к складыванию в 1690-х гг. на территории Симбирского уезда крупной вотчины московского женского Вознесенского монастыря. Фондовая коллекция делопроизводства самой обители уцелела лишь фрагментарно (РГАДА. Ф. 1185), в ней практически отсутствуют дела ранее XVIII в. Ряд весьма значимых источников по истории формирования приволжской вотчины сохранился в фондах Грамот Коллегии экономии (РГАДА. Ф. 281) и Монастырского приказа (РГАДА. Ф. 237).

В первую очередь отметим уникальное собрание материалов о миграционных и демографических процессах во владениях Вознесенского монастыря. В этой связи особый интерес представляет комплекс из 5 документов с подробными описаниями перевода крестьян из вотчин Владимирского уезда московского Вознесенского монастыря на Волгу в его Городищенское и Рачейкинское владения. Все они содержатся в монастырской копийной книге с выписками из дел о приобретении новых земель и промысловых угодий на юге Симбирского уезда, а также переселении в них крепостных крестьян¹³. Эти описания в 1692–1697/98 гг. составлялись монастырскими слугами и стряпчими как в селах и деревнях Владимирского уезда (и отчасти в Саранске), так и на местах переселения в Симбирском уезде.

Так, в апреле 1692 г. приказной Г. Пospelов переписал крестьян «по именам, с женами и детьми» в селениях Владимирского уезда, указанных во «властном указе» к переселению, а также те деньги, которые они взяли за «тяглые свои жеребьи», дворовое строение, хлеб и продажу «животины»¹⁴. В том же году, отправленные в Симбирский уезд монастырские слуги Я. Хваленский, Б. Сидоров и М. Селиверстов составили перечень глав семей (всего 80 чел.), прибывших на новые места, и положенное им по «властному указу» тягло и ссуды на покупку ржи и овса¹⁵. Помимо того, особо были отмечены 9 семей (мужчин и женщин), крестьян «выведенных» из Саранска и из «бегов»¹⁶. В сентябре в том же Симбирском уезде в «новопостроенной» сл. Городецкой (Городищенской) были переписаны 73 семьи (записаны мужчины и женщины) без

указания тягла и посевов¹⁷. В январе 1693 г. слуга Б. Сидоров указал еще 4 двора пришлых крестьян и 1 яицкого казака, на которые у него были поручные записи¹⁸.

Данные описания позволяют представить реальную картину начального этапа переселения большой группы крестьян. Этот перевод осуществлялся партиями в течение ряда лет. В августе 1697 г. стряпчий И. Булгаков в том же Симбирском уезде в Городищенской слободе (с. Вознесенское), с. Рачейке (Козмодемьянском) и деревнях в итоговом описании крестьян (мужчин и женщин) показал, когда и по какому указу они вышли из вотчин во Владимирском уезде, каковы были размеры тягла каждой семьи, какие «домовые жеребьи» они имеют и сколько было высеяно ржи к следующему году¹⁹. Наконец, в 1697/98 г. слуга И. Истомин осуществил описание всего мужского и женского крестьянского населения, переведенного из Владимирского уезда и Саранска, размеров их тягла²⁰. Несмотря на значительное расстояние между двумя группами селений (Городищенской и Рачейкинской), по всей видимости, властями метрополии они рассматривались как единое целое. Центром поволжского владения считалась располагавшаяся на берегу Волги Городищенская слобода (современный г. Октябрьск Самарской области), в которой, как и в других крупных вотчинах центральных монастырей, располагался хорошо укрепленный и вооруженный городок²¹.

Подворная и посемейная сверка переведенных крестьян, отмеченных во всех источниках по именам и прозвищам, позволяет сделать вывод о точности переписчиков и их непредвзятости. Населенность дворов с весны 1692 и по весну 1697 г. по всем указанным материалам практически оставалась неизменной. Общее количество переселенцев составило 219 семей (618 душ м. п. или в среднем 2,8 на 1 двор)²². Характерно, что средняя населенность двора (мужская и женская) составляла 5,2²³, т. е. женщин было значительно меньше чем мужчин. Отметим, что источники сообщают только об одной категории переселенцев – крестьянах, бывших в основном самостоятельными дворохозяевами. Не указаны бобыли, почти нет подсоседников и т. д. На новом месте новоселы сразу же закладывали свои дворы.

В задачи статьи не входит рассмотрение особенностей переселения крестьян, но все-таки остановимся на одном из эпизодов данного процесса, а именно на подготовке к переводу первой группы переселенцев. Она началась во Владимирском уезде зимой – весной 1692 г. До наступления весенней распутицы эта партия крестьян уже прибыла в Южное Средневолжье. На первых порах они устроились в шалашах и землянках. Основная часть переведенных (60 дворов из 76) смогла продать строения и все «дворовое хозяйство» – скот, хлеб (озимые) жителям селения, где они ранее жили, или недавно пришедшим. Остальные продали или передали все своим близким – братьям, отцам за «подмогу» (деньги). Кроме того, еще 6 семей вышли из родительских

дворов, оставив им тягло. Переселялись в первую очередь самостоятельные владельцы дворов. Не наблюдалось попыток убрать из вотчины «лишнее» население путем перевода «брата от брата, сына от отца», как это зачастую происходило при формировании начального населения пограничного региона. В большинстве случаев переводимые крестьяне смогли полностью продать свое имущество. Очевидно, что это было следствием перенаселенности монастырских вотчин в центральных уездах. От продажи хозяйства и скота удавалось выручить от 2 до 35 руб. Из 76 семей большинство (54) смогли получить минимум средств для обустройства хозяйства в Симбирском уезде (до 10 руб.). Перевод переселенцев проводился «по властину указу» равномерными группами из селений Владимирского уезда. Они получали ссуду на приобретение зерна для посева и им сразу же определялся тяглый жеребей. Ничего более не известно о льготах, выделявшихся для поселения.

Таким образом, материалы делопроизводства Вознесенского монастыря демонстрируют вариант массового перевода, как правило, самостоятельных владельцев дворов. В нем практически отсутствовали подселенцы (соседи, захребетники и прочие), а вотчинникам не нужно было скрывать беглых²⁴.

Уникальный свод массовых источников (выписей из писцовых, переписных, дозорных, отказных и прочих книг) по формированию населения сложился по Надеинскому Усолю Саввино-Сторожевского монастыря. В основном они представляют собой копии (выписи) и хранятся в фонде Грамот Коллегии экономии. Лишь фрагмент одного из них – писцовой книги Надеинского Усолья 1686/87 г. – был опубликован А. Н. Зерцаловым²⁵. Судя по всем этим массовым источникам, по сравнению со временем владения прежних хозяев гостей Светешниковых²⁶, состав и численность жителей серьезно изменились²⁷. С начала 1660-х по 1686/87 гг. население Усолья выросло почти в 3 раза²⁸. Основным официальным документом о людских ресурсах вотчины для монастырских властей являлась писцовая книга Надеинского Усолья 1686/87 г., составленная стольником Я. Левашовым и подьячим приказа Казанского Дворца М. Дмитриевым. По подсчетам писцов, в Усольской вотчине насчитывалось 283 дв. (без дворов духовенства) с 955 душами м. п.²⁹ и, по сравнению с данными переписной книги 1678 г., количество дворов практически не изменилось.

О тенденции умышленного искажения данных о населенности и количестве дворов в переписных и писцовых книгах, проявившейся при переходе в середине XVII в. к подворной системе обложения, а также в материалах I ревизии, пишут многие историки. Я. Е. Водарский, специально изучивший этот вопрос, справедливо считает, что для переписи 1678 г. (как и для I ревизии) утайка населения, подлежащего регистрации, составила 25 %. Материалы по Надеинскому Усолю в целом подтверждают этот вывод. Сверка данных описаний Усолья по дворам и их жителям, проведенных в рамках одного десятилетия – переписи Г. Супонева 1678/79 г. (283 дв.)

(к сожалению, сохранились только сводные подворные данные этой переписи)³⁰, дозора Л. Вельяминова 1682/83 г. (351 дв.)³¹ и писцового описания Я. Левашова 1686/87 г. (287 дв.) свидетельствует о попытках составителей писцовых книг уменьшить бремя подворного налогообложения. Это проявилось, прежде всего, в подсчете числа дворов и их населенности. Так, средняя мужская населенность двора по писцовой книге составила 3,4 чел., а по дозорной – 2,4.

Сохранились также отказные книги Я. Руднева с. Вознесенского (Жигулевка) 1673/74 г. с 40 дворами крестьян и бобылей (всего 127 душ м.п.), где средняя населенность двора составляет 2,8 душ м. п.³² Подворное сопоставление мужского населения этого селения с данными дозорных и писцовых книг позволяет обнаружить определенную его преэминентность, хотя она и не столь выразительно выражена.

Судя по дозорному описанию и по другим источникам, Надеинское Усолье в то время переживало подъем, наблюдался резкий рост численности его жителей. Дозорная книга содержит уникальные сведения о значительном переселении крепостных людей из приписных к Саввино-Сторожевской обители монастырей, а также выявлении «пришлых» переселенцев. Характерно, что позднее, в 1690-х гг. в монастырской вотчине во время сысков было обнаружено большое количество беглых. Это подтверждает тот факт, что местные промышленники и приказчики, пользуясь покровительством царской семьи, не стеснялись их принимать.

Сверка данных дозорной и писцовой книг по дворам и их жителям позволила выявить высокий процент совпадений, что дает основание считать количество людей (а не дворов) наиболее приемлемой дефиницией, отражающей действительный состав населения. Близость результатов переписной и писцовой книг по количеству дворов можно объяснить, скорее всего, недобросовестностью Я. Левашова и М. Дмитриева. Факт возможного подкупа переписчиков подтверждается записями о расходах монастырских властей и жителей вотчины в приходо-расходных книгах Усолья. По нашим подсчетам данных приходо-расходных книг промыслового владения, общие расходы на писцов составили более 126 руб., в том числе «за работу» они получили по тем временам очень значительную сумму – 87,24 руб.³³

Крупнейшие церковные корпорации оказались одними из наиболее активных акторов промыслового освоения природных ресурсов недавно присоединенных территорий. Стремление центральных монастырей к созданию промысловых рыболовецких и соледобывающих центров на окраинах Европейской России в конце XVI–XVII вв. объяснялось потребностью в получении свободных денежных средств от продажи соли и рыбы, а также в поставках крупных партий ценных сортов рыбы и рыбопродуктов для потребления братии. Связь с рынками страны, по-

ставки на них значительных объемов промышленной продукции; наконец, использование протяженных речных и сухопутных путей сообщения и обустройство на них перевалочных пунктов, создавали совершенно новые условия для участия церковных корпораций в формировании нового экономического пространства средневековой России. Анализ историками бюджетов крупных центральных и северных монастырей (Кирилло-Белозерского, Соловецкого³⁴ и других³⁵) показывает, что именно промышленные предприятия были основными поставщиками денег в их казну. Именно поэтому столь информативной и ценной в исследовательском плане является совокупность источников по экономической деятельности на Волге и Каме властей Саввино-Сторожевского монастыря. Особую значимость среди них представляет собрание приходо-расходных книг самой метрополии, а также Надеинского Усолья и рыбного и соляного промыслов в Прикамье.

Отметим, что подобная документация церковных корпораций хорошо изучена отечественными историками³⁶, высоко оценивающих ее научную значимость³⁷. Приходо-расходные книги Саввино-Сторожевского монастыря составляют коллекцию систематизированных сводных материалов, содержащих уникальную информацию об организации и развитии хозяйства в многочисленных промысловых и аграрных владениях. Они позволяют рассмотреть как организацию технологического процесса, связь с рынком, товарность и другие стороны отдельных хозяйственных центров, так и их взаимодействие с экономикой всей обители. К сожалению, более десятка сохранившихся монастырских книг денежной казны (10 и еще 2 черновых)³⁸, за последнюю треть XVII в. содержат только краткие единичные сведения о хозяйстве далеких волжских и камских промыслов³⁹. Но, судя по ним, становится очевидно, что для монастырских властей создание крупных рыбных и соляных промыслов сначала на Каме, а затем на Волге имело особую значимость. На заведение и деятельность таких предприятий тратились значительные суммы денег. Так, в 1668 г. с промышленником старцем Зосимой Льговским для заведения камского соляного промысла было послано 1000 руб.⁴⁰, а в следующем 1669 г. на «волжский рыбный завод» – 550 руб.⁴¹ Размеры поступлений денежных средств и продукции соляных и рыбных промыслов в монастырь в ряде случаев определить крайне сложно. Рыба и соль, поступавшие в метрополию и приписные монастыри, в книгах «денежной казны» практически не учитывались. Средства от продажи на месте производства – в Н. Новгороде и других торговых центрах лишь частично поступали в казну монастыря. Значительная часть их отправлялась на промыслы для возобновления производственного процесса, оплаты работным людям, на закупки и ремонт необходимого оборудования и т. д.

Об этом же свидетельствуют и указанные выше приходо-расходные книги денежной казны⁴². По подсчетам Е. И. Дементьева, в среднем за 7 лет, по которым сохранились сведения (1667, 1668, 1670,

1677, 1682, 1685), каждый год от своих промыслов метрополия получала по 1636 руб. Это составляло почти половину годового монастырского бюджета (48,9 %). При этом в последние 3 года, когда деньги шли только с промыслов Надеинского Усолья, ежегодные поступления поднялись до 57 %. Однако, на наш взгляд, Дементьев в своих расчетах допускает ошибку. Более объективным показателем является размер «чистого» дохода, полученного с учетом данных расходной части бюджета.

Среднегодовые поступления денежных средств в монастырский бюджет были ниже еще по одной причине. Денежные суммы доставлялись в монастырь нерегулярно, не каждый год и формировались из доходов промысла за этот период. Изучение бюджета Надеинского Усолья в 1680-е гг. свидетельствует о том, что промышленное хозяйство поставляло в обитель 800–1000 руб. чистой прибыли (при этом мы не учитываем завоза значительного количества рыбы и соли для нужд братии). Денежные поступления от промышленного рыболовства при этом составляли не более 15–20 % (отметим, что часть рыбы, поступавшей в обитель, продавали сами монахи). В основном рыбные промыслы были нацелены на поставки продукции «про монастырский обиход», а соляные – на поступление свободных денежных средств в казну.

Для нас особый интерес представляют приходо-расходные книги и выписи из них самих промысловых и промыслово-аграрных комплексов. В частности, хорошо сохранилась такая книга камского рыбного (на устье р. Белая Воложка) и соляного (на р. Иж) промыслов старца промышленника Зосимы Льговского. Она охватывает период с 1 марта (даты везде по старому стилю) по начало сентября 1668 г. На ее 250 листах приведены уникальные сведения об организации монастырем и последующем развитии рыбного и соляного промыслов⁴³.

Но, пожалуй, особо значимые данные приведены в приходо-расходных книгах и выписках из них волжского Надеинского Усолья по экономике промыслово-земледельческого хозяйства за первую половину 1679 г. (выписка из приходо-расходных книг Надеинского Усолья промышленника Гаврилы Черниговца⁴⁴), 1684 г., сентябрь – 1686/87 гг.⁴⁵ и 1692 – 1694 гг.⁴⁶ Наиболее полными и информативными среди них являются приходо-расходные книги за 1684 г., сентябрь 1686/1687 гг. промышленника Самуила Савинского и целовальника И. Васильева, в которых подробно по статьям рассмотрена хозяйственная жизнь населения вотчины, результаты промышленной, сельскохозяйственной, торговой и иных сфер деятельности, затраты на оплату труда и другие доходы и расходы Надеинского Усолья. По отдельным отраслям – рыболовству, солеварению, сельскому хозяйству – материалы этой книги уже были рассмотрены нами⁴⁷. Поэтому не будем специально останавливаться на ее содержании. Так называемые «приходо-расходные записи» за 1692–1694 гг. представляют собой краткие выписи из приходо-расходных книг за эти годы и, несо-

мненно, дают общее представление и конкретные сведения о хозяйственной деятельности вотчины. Сохранились и приходо-расходные материалы по торговым экспедициям в Н. Новгород, на Яик за «яицкой рыбой», имевшей особую ценность для метрополии, и ряд других источников своеобразной «бухгалтерии» волжского владения Саввино-Сторожевского монастыря.

Остановимся несколько подробнее на реконструкции сложившейся в Надеинском Усолье организации учета расходов и доходов. Со второй половины 1680-х гг. монастырским промышленникам помогал в этом деле присылаемый из обители казначей. Доходы и расходы фиксировались и записывались в каждой отрасли хозяйственной деятельности населения Усолья, а также в торговых поездках – экспедициях. Для этой работы из монастыря дополнительно «погодно» присылали подьячих⁴⁸. Их обязанностью являлось присутствие при всех производимых работах: на ватагах и рыбных дворах в ходе приемки и сдачи улова, в разнообразной деятельности соляного промысла, при перевозке продукции на стругах и саях в метрополию и приписные монастыри, в экспедициях за «яицкой» рыбой, при посевных работах и сборе урожая, сборе повинностей и т. д. Очевидно, что в Надеинском Усолье сложилась целая делопроизводственная система. Важнейшими ее звеньями являлась подготовка приходо-расходных книг, оформление «подрядных записей», иных сделок. Все эти материалы объединялись в единое целое и соответствующим образом оформлялись, что приводило в итоге к созданию единой ежегодной приходо-расходной книги по всей вотчине. Для отправки в метрополию данная книга могла дополнительно перерабатываться для создания более кратких обобщающих «выписок». Работа с подобными материалами свидетельствует о том, что казначей, подьячие и целовальники были грамотными, разбирающимися в организации хозяйства, умеющими хорошо считать, людьми. Ошибки в таких книгах и выписках, как правило, сводились к опискам. Нередко подьячих заменяли целовальники. Вся эта хорошо отлаженная система учета, в определенной степени защищала от злоупотреблений промышленников, руководителей отдельных производств и т. д.⁴⁹

Работа с этой «бухгалтерией», дополненной рядом других материалов, позволяет определить тенденции развития промыслово-земледельческого хозяйства, попытки владельцев вотчины найти определенный баланс, добиться самообеспеченности монастырского предпринимательства и населения и в то же время сохранить определенную товарную направленность промыслов. Очевидными к концу XVII в. становятся следующие подходы монастырских властей и посланных на Волгу старцев-промышленников, а именно:

направленность промыслового хозяйства на обеспечение рыбой и, отчасти солью самой метрополии;

поставки денежных средств в монастырскую казну от продажи части улова и основного количества добываемой соли;

попытки добиться самообеспечения рабочей силы промыслов продукцией собственного сельского хозяйства.

Таким образом, работа с совокупностью рассмотренных нами групп источников позволяет комплексно изучить развитие одного из крупнейших промыслово-земледельческих комплексов Юго-Востока Европейской России. На примере Надеинского Усолья и других владений центральных церковных корпораций (московских, женских Вознесенского и Новодевичьего монастырей и прочих обителей) имеется возможность рассмотреть процесс становления промыслового предпринимательства, его эволюции в многоотраслевое хозяйство с формированием развитого сельскохозяйственного производства. Это позволяет выявить роль церкви в хозяйственном освоении вновь присоединенных, богатых природными ресурсами, регионов страны, а также определить воздействие сложившегося на Юго-Востоке в XVII в. крупнейшего промыслового комплекса на экономическое развитие всего Российского государства.

Примечания

- 1 См.: Поволжье – «внутренняя окраина» России : государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара : Самар. отд-ние Литфонда, 2007. С. 63–71.
- 2 Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 145. Л. 4–5.
- 3 См.: Дубман Э. Л. Районирование и особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. № 22. С. 57–50.
- 4 См.: Дубман Э. Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья : сб. статей [Редкол. : Ю. И. Смыков (отв. ред.) и др.]. Йошкар-Ола : Марийский науч.-исслед. ин-т языка, лит-ры и истор. им. В. М. Васильева, 1990. С. 19–25.
- 5 См.: Дубман Э. Л. Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы : Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М. ; Уфа, 2016. С. 114–127.
- 6 См.: Дубман Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке : По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев : Куйбыш. гос. ун-т, 1991.
- 7 См.: Российский государственный архив древних актов

- (далее – РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 472. 1703 г. Л. 1–16 ; Д. 478. 1703 г. Л. 1–1 об.
- 8 См.: Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 145. Л. 28.
- 9 См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода (далее – ОД-ДАС) : в 30 т. СПб., 1910. Т. 14 (1734 г.). С. 875–880.
- 10 См.: Русское православие : веки истории / Я. Н. Шаков, А. М. Сахаров, А. А. Зимин и др. ; науч. ред. А. И. Клебанов. М. : Политиздат, 1989. С. 537.
- 11 См.: *Водарский Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. : сборник статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М. : Наука, 1975. С. 79–94.
- 12 См.: *Дементьев Е. И.* Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII века : дис... канд. ист. наук. М., 1984.
- 13 См.: РГАДА. Ф. 281. Д. 11572. Л. 1–250 об.
- 14 Там же. Л. 121–142 об.
- 15 Там же. Л. 1–14.
- 16 Там же. Л. 12 об.–14.
- 17 Там же. Л. 49–54.
- 18 Там же. Л. 54 об.–55.
- 19 Там же. Л. 159–198.
- 20 Там же. Л. 199–250.
- 21 Там же. Л. 199 об., 248–249 об.
- 22 Там же. Л. 1–248 об.
- 23 См.: *Дубман Э. Л.* Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. : дис... д-ра ист. наук. Самара, 2000. С. 552.
- 24 См.: *Дубман Э. Л.* Некоторые особенности аграрного освоения Южного Средневолжья в конце XVII – начале XVIII вв. // Самарский земский сборник. 2007. № 1 (15). С. 58–63.
- 25 См.: *Зерцалов А. Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 44–55.
- 26 См.: *Бахрушин С. В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // *Бахрушин С. В.* Научные труды : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 231–247.
- 27 См.: *Дубман Э. Л.* Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв. С. 550–551.
- 28 См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11540. Л. 1 ; Д. 11562. Л. 1–36.
- 29 Там же. Д. 11562. Л. 1–36.
- 30 Там же. Д. 11562. Л. 29 об.
- 31 Там же. Д. 11553. Л. 2 об.–3, 22 об.–65.
- 32 Там же. Д. 11541. Л. 1–7.
- 33 Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 83–84, 92–93, 100, 108.
- 34 См.: *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. : Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 135–136, 146–147.
- 35 См.: *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М. : Наука, 1970. С. 137–141.
- 36 См.: *Маньков А. Г.* Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 246–253.
- 37 См.: *Французова Е. Б.* Комплекс приходно-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова : сборник статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : РОС-СПЭН, 2012. С. 33–46.
- 38 См.: РГАДА. Ф. 1199. Д. 19, 22, 24, 25 и др.
- 39 См.: *Дементьев Е. И.* Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения центра России во второй половине XVII века // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1962 г. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 186–191.
- 40 См.: АЕ. 1962. С. 185, 187.
- 41 Там же. С. 188.
- 42 Там же. С. 186–187.
- 43 См.: РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 323а. Л. 1–246.
- 44 Там же. Д. 323. Л. 1–10 ; Оп. 1. Д. 29. 1683 г. Л. 1–8.
- 45 Там же. Оп. 1. Д. 24. 1687 г. Л. 1–144.
- 46 Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694 гг. Л. 1–19.
- 47 См.: *Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 53–56, 62, 66, 256–259, 264–265.
- 48 См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 1.
- 49 См.: *Дубман Э. Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С. 69.

Образец для цитирования:

Дубман Э. Л. Некоторые источниковедческие проблемы изучения монастырского освоения Южного Средневолжья во второй половине XVII века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 142–148. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-142-148>

Cite this article as:

Dubman E. L. Some Source Research Problems of Studying the Monastery Development of the Southern Middle Volga Region in the Second Half of the XVII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 142–148 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-142-148>

УДК 94(47).046/048+356.113(470–25)(09)+929

«И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого полка)

М. Ю. Романов

Романов Максим Юрьевич, член Московского краеведческого общества Союза краеведов России, moscovit64@yandex.ru

Статья посвящена воссозданию боевого пути одного из старейших подразделений стрелецкого гарнизона Москвы, учреждение которого в 1550 г. положило начало истории стрелецкого войска. В основу реконструкции легли новейшие архивные данные, в некоторой степени компенсирующие безвозвратно утраченные документы из архива Стрелецкого приказа. Представленный материал составляет исторический фон, позволяющий раскрыть малоизученные вопросы организации стрелецкой службы в XVII в.

Ключевые слова: московские стрельцы, «начальные люди», Замоскворечье, Поволжье, Украина, восстание С. Разина, Азовские походы.

Поступила в редакцию: 20.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...» (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment)

М. Yu. Romanov

Maxim Yu. Romanov, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, Moscow Local History Society of the Union of local historians of Russia, d. 18, 3 Myachkovsky bul., Moscow 109652, Russia, moscovit64@yandex.ru

The article is devoted to the reconstruction of the military history of one of the oldest regiments of the strelets garrison of Moscow, the establishment of which in 1550 marked the beginning of the history of the strelets army. The reconstruction was based on the latest archival data, to some extent, compensating for irretrievably lost documents from the archive of the Streletsky prikaz. The presented material is a historical background, allowing to reveal the little-studied issues of the organization of the strelets service in the XVII century.

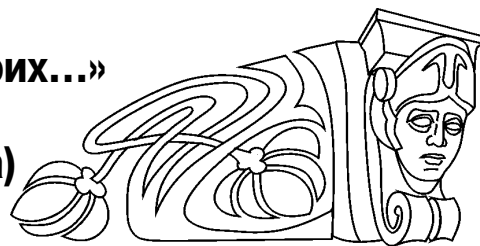
Keywords: Moscow strelets, «initial people», Zamoskvorechye, Volga region, Ukraine, the uprising of S. Razin, Azov campaigns.

Received: 20.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>

Отмечаемый в этом году 470-летний юбилей образования стрелецкого войска дает нам дополнительный повод еще раз обозначить малоизученные вопросы его истории. За редким исключением

практически неохваченной вниманием исследователей остается тема реконструкции полковых историй стрелецких частей, входивших в состав гарнизонов приграничных крепостей и большинства административных центров Московского государства.

Как известно, наиболее крупным по численности являлся стрелецкий гарнизон столицы, количество подразделений которого на протяжении большей части XVII в. неизменно увеличивалось. За сравнительно короткий период, с 1631 по 1671 г., их число выросло с 8 до 26 приказов (с 1682 г. – полков), т. е. более чем в 3 раза.

Московские стрельцы оставили заметный след как в истории своего города, так и в рагной летописи страны, став не только неперенными участниками всех важнейших военных кампаний, но и основателями целого ряда новых пограничных укрепленных пунктов. Наиболее полное подтверждение сказанному можно получить, проследив боевой путь каждого из полков, что в совокупности и дает нам объективную картину вклада этой страты московских служилых людей в процесс становления Российского государства. Воссоздание отдельных полковых историй позволяет более детально представить общие тенденции в развитии организации стрелецкой службы, раскрывая ранее неизвестные направления реформаторской деятельности властей, прилагавших значительные усилия для укрепления боевого потенциала русской пехоты.

К числу старейших стрелецких подразделений Москвы относился приказ, расквартированный в замоскворецкой части столицы, вблизи Калужских ворот Земляного города – дерево-земляных укреплений, определявших границы «царственного града». Как и в других городах, московские стрельцы жили отдельными слободами, каждая из которых имела свой приходской храм. В интересующей нас замоскворецкой слободе им являлась церковь св. Апостолов Петра и Павла, документально известная с 1624/25 г.¹ и в дальнейшем неизменно упоминавшаяся в делах патриарших приказов как расположенная в Стрелецкой слободе.

Однако эти сведения не дают нам информации о командирах местного полка, что является ключевым моментом для нашего исследования, так как традиционно стрелецкие подразделения собственных названий не имели, а назывались по именам голов (впоследствии полковников), командовавших ими в определенный период. Поэтому только с

установлением личностей стрелецких командиров и последовательности их замены мы можем получить представление о боевом пути каждого полка.

В отношении приказа, размещавшегося у Калужских ворот в годы царствования Михаила Федоровича, первые сведения о его голове относятся к 1627 г., когда подразделением командовал Сергей Семенов сын Левашов². Эта информация подтверждается и данными из более позднего источника, в котором упоминаются бывшие торговые места стрельцов Сергеева приказа Левашова, находившиеся вблизи Петропавловской церкви на Большой Калужской улице³.

Установление имени одного из первых командиров замоскворецких стрельцов дает нам возможность определить личность его предшественника, хотя здесь мы можем опираться только на косвенные свидетельства. Наиболее значимыми из них становятся сведения из «Дворцовых разрядов», в которых присутствуют полные именные списки московских стрелецких голов за 1623 и 1628 г. Их сопоставление с учетом имеющихся данных о службах упомянутых лиц приводит нас к вполне определенным выводам:

1623, декабрь: Лукьян Мясной, Андрей Жуков, Михаил Рчинов, Афанасий Веков, Путило Резанов, Борис Полтев, Никита Бестужев, Данила Пузииков⁴.

1628, апрель: Лукьян Мясной, Андрей Жуков, Михаил Рчинов, Сергей Левашов, Иван Головленков, Алексей Полтев, Никита Бестужев, Данила Пузииков⁵.

Как видим, к 1628 г. из состава стрелецких голов выбыли Афанасий Веков, Путило Резанов, Борис Полтев, места которых заняли Сергей Левашов, Иван Головленков, Алексей Полтев. Известно, что И. А. Головленков получил назначение «на Путилино место Резанова»⁶, а Б. И. Полтева сменил его сын Алексей⁷. Оставшиеся в строю стрелецкие командиры продолжали руководить своими прежними подразделениями, следовательно, единственным возможным предшественником С. С. Левашова мог быть только Афанасий Веков, которого следует считать первым достоверно установленным командиром местного приказа.

Его головой ярославский сын боярский Афанасий Иванов сын Веков был назначен не позднее осени 1617 г., когда над Москвой нависла угроза вторжения польского войска королевича Владислава. Приказ вошел в состав гарнизона г. Можайска, ставшего последним крупным оборонительным пунктом на пути интервентов к столице. В течение полугода московские стрельцы и другие русские ратники, находившиеся под командованием воеводы Федора Волынского, успешно отбивали атаки поляков и не допустили взятия города. Государь высоко оценил подвиг «можайских сидельцев». 11 сентября 1618 г. последовал указ о пожаловании стрелецких голов А. И. Векова и М. Ф. Рчинова золотыми, пятидесятников и десятников их приказов – золотыми московками⁸.

Тем временем боевые действия продолжались. В те же сентябрьские дни 1618 г. А. И. Векову было поручено совершить рейд из Можайска в направлении Борисова городища «для городского и острожново промыслу». В результате операции, проведенной силами четырех сотен московских стрельцов, государевы ратные люди тот «острог взяли и многих литовских людей побили, и языки многие поймали, и у наряды у больших пищалей колеса и станки пожгли, и острог до основания розорили. И с тово бою с сеунчом прислан голова стрелетцкой Офонасей Веков, и ему дано государева жалованья чарка в 5 рублей, камка добрая, 40 соболей в 20 рублей»⁹.

Последовавший после заключения Деулинского перемирия в декабре 1618 г. период относительного затишья не оставил сколько-нибудь значимых сведений о службах замоскворецких стрельцов, которых к лету 1626 г.¹⁰ возглавил упоминавшийся «беленин» С. С. Левашов. Это был опытный командир, ранее служивший сотенным головой у своих земляков – детей боярских города Белая (1617)¹¹, а затем головой вологодских стрельцов (1623)¹². Известны также имена четырех сотников, состоявших на службе в 1629–1630 гг. в Сергееве приказе Левашова, который имел на тот момент пятисотенный состав. Ими также являлись представители уездного дворянства – Семен Левашов, Кирилл Мосеев (по другим источникам – Мокеев¹³), Малюта Дурышкин, Семен Хомутов¹⁴.

Наиболее важные события, в которых приняли участие замоскворецкие стрельцы под командованием С. С. Левашова, произошли в 1630-е гг. В разгар Смоленской войны, осенью 1633 г., его приказ был включен в состав полка воеводы кн. В. П. Ахамашукова-Черкасского, направленного для обороны отвоеванного у поляков Дорогобужа¹⁵. После отражения попытки неприятеля вернуть утраченную крепость боевые действия, развернувшиеся в ее окрестностях, приняли локальный характер и ограничивались мелкими стычками с разрозненными группами поляков, а также посылками сборных отрядов для поимки «языков». В одной из таких операций отличился пятидесятник левашовского приказа Ивашка Лазарев «с товарищи», сумевшие захватить в плен «литовских людей 7 человек»¹⁶. На «дорогобужской службе» приказ оставался вплоть до окончания военных действий весной 1634 г.

Участившиеся в годы Смоленской войны набеги крымских татар на южные уезды страны потребовали от правительства принятия решительных мер. Одной из них стало возведение новой оборонительной засечной черты. В начале 1637 г. перед воеводой А. В. Бутурлиным была поставлена задача в кратчайший срок воздвигнуть укрепления «на Изюмской сакме, у Яблоннаго лесу»¹⁷. В состав его соединения были включены четыре московских стрелецких приказа, в том числе Сергеев приказ Левашова¹⁸. За несколько месяцев ратниками

Бутурлина был отстроен не только сам острог, но и возведена укрепленная линия до реки Оскол, которая состояла из двух земляных городков, трех острожков и надолбов¹⁹. Наиболее серьезную проверку на прочность новых укреплений их защитникам пришлось выдержать в начале осени. «Сентября в 16 день в другом часу дни пришли Изюмскою сакмою к Яблоннову острогу татар с тысячу человек и больши. И с теми татары был бой...»²⁰, – сообщал в столицу воевода.

Точное время возвращения стрельцов с полковой службы в Москву неизвестно. По-видимому, она завершилась к концу 1637 г. или немногим позже, так как во время проведения весной следующего года городской переписи голова С. С. Левашов лично присутствовал на своем московском дворе и дал необходимые ответы на вопросы переписчиков²¹. Однако не всем его подчиненным удалось тогда благополучно вернуться домой. В частности, сохранилось известие о выходе в октябре 1639 г. из татарского плена двух московских стрельцов – Сергеева приказа Левашова Кирилловой сотни Мокеева Ивашка Аникеева и Михайлова приказа Свищева Яковлевой сотни Савелова Сидорка Васильева. Служилые люди поведали, что были посланы из Яблонева на реку Оскол «для запасов», где и были схвачены крымцами, которые затем продали их «на каторгу бею, и на катарге де они были 2 года»²².

В тот момент бывшие полоняники еще не знали, что многим их однополчанам в этом году пришлось столкнуться с не менее тяжелыми испытаниями. К сожалению, ход кампании 1639 г., когда «на Украине ж для береженья от приходу Крымского царя, и царевичей, и от воинских людей» была развернута крупная группировка русских войск во главе с боярином и воеводой кн. Д. М. Черкасским²³, источники освещают крайне скупо. Из более позднего документа мы узнаем, что на полковую службу тогда были направлены те же четыре приказа, что и в 1637 г., а именно подразделения П. М. Лаврова, М. Г. Свищева, С. С. Левашова и Н. Д. Бестужева, понесшие на этот раз большие потери.

Отрывочные сведения об этой служебной посылке содержатся в одной из расходных книг Патриаршего Казенного приказа, в которой присутствует запись от 15 февраля 1641 г. о выдаче денег стрельцким женам, у которых «мужья взяты в полон во 1638/39 году: Петрова приказу Лаврова тридцати двум человеком, Богданова приказу Озеренского дватцати пяти человеком, Тарасова приказу Суворова дватцати семи человеком, Микитина приказу Безстужева тридцати четырем человеком – всего сту осмнатцати человеком по три алтына по две денги человеку»²⁴. Документ не содержит данных об убитых и раненых, но очевидно, что потери стрельцов были значительны.

Обратим внимание, что запись сделана в 1641 г., когда в двух приказах уже были проведены замены командиров. Прямых указаний на эти

кадровые решения мы не имеем, но ряд косвенных данных позволяет утверждать, что на место М. Г. Свищева назначение получил Б. Е. Озеренский, а новым головой бывшего Сергеева приказа Левашова стал Тарас Степанов сын Суворов. Так, в боярском списке 1638/39 г. помета «у стрельцов» напротив имени дворянина московского Михаила Свищева была зачеркнута, а в списке 1640/41 г. зафиксировано распоряжение об определении Свищева на службу «з городом по Кошире»²⁵. Числившаяся в составе его бывшего приказа и упоминавшаяся выше Яковлева сотня Савелова позднее уже значилась в Богданове приказе Озеренского²⁶.

Бывший стрелецкий голова С. С. Левашов в 1640 г. находился на воеводстве в Темникове²⁷. Дату его отставки мы можем определить лишь примерно – это 1639/40 г., так как к этому же году относится последнее упоминание в прежнем чине его преемника – Т. С. Суворова, до своего нового назначения служившего сотником у московских стрельцов²⁸. Его подчиненные, как и ранее, в свободное от службы время продолжали активную трудовую деятельность в Замоскворечье, работая по найму в местных кузницах и торгуя вблизи своей слободы²⁹.

В 1642/43 г. Тарасов приказ Суворова был отправлен на городскую службу в Астрахань, которая обычно длилась 2 года. В связи с этим петропавловские священники били челом о снятии с их прихода церковной дани. Патриаршая администрация пошла навстречу подателям прошения и в последующие два года подать не взималась. Необходимо отметить, что существовавшие на тот момент размеры ежегодной дани были определены указом патриарха Филарета 1632 г. о реформе окладного обложения приходских церквей, по которой для прихожан стрелецких храмов устанавливалась следующие подворные оклады:

стрелецкие головы и сотники – 6 денег;
пятидесятники и десятники – 4 деньги;
рядовые стрельцы – 2 деньги³⁰.

Следовательно, при традиционном пятисотенном составе стрелецких приказов общая сумма дани составляла немногим более 5 руб. на каждое подразделение. При голове С. С. Левашове попы местного приказа выплачивали 5 руб., 6 алтын, 2 деньги, но после проведения переписи церковных земель в том же 1642/43 г. к прежнему окладу была прибавлена дополнительная сумма в размере 1 руб., 3 алтын, 2 денег. Впоследствии после возвращения с «пониженной службы» новая шестирублевая дань выплачивалась прихожанам церкви Петра и Павла у Калужских ворот вплоть до 1650 г.³¹

За этими расчетами скрывается фактически не изученная еще тема начального этапа реформирования московского стрелецкого корпуса, осуществлявшегося на рубеже 1630–40-х гг., когда для большинства приказов был установлен новый штатный состав, предполагавший наличие в каждом подразделении шести сотен стрельцов. К этому же периоду относятся и отрывочные сведе-

ния об активном обучении московских стрельцов «солдатскому строю»³².

Значительный интерес, прежде всего в краеведческом аспекте, представляет дошедшая до нас информация о старинном артефакте, почти три столетия хранившемся в одной из астраханских городских церквей. Его появление здесь напрямую связано с «понизовой службой» Тарасова приказа Суворова. Речь идет о серебряном кресте, на котором еще в 1635/36 г. была сделана надпись: «Сей крест дали вкладу св. Апостол Петра и Павла, что за Москвою рекою за Колуски ворота стрельцов пятьсот человек по своим родителям»³³. Не вызывает сомнения, что эта реликвия стала даром замоскворецких стрельцов своим астраханским сослуживцам и была преподнесена одним из приказных священников от лица всего подразделения в одноименный храм местной стрелецкой слободы.

Последняя служебная посылка Т. С. Суворова со своими стрельцами на полковую службу состоялась в октябре 1646 г. В Карпов на зимнее «сторожевь» с боярином и воеводой В. П. Шереметевым были определены дети боярские и казаки украинских городов, тысячный драгунский полк, а также головы стрелецкие «Тарас Суворов, Воин Глазатой, восемь человек сотников, а с ними 1139 московских стрельцов»³⁴. Несколько выходя за рамки нашей темы, отметим, что в это же время в недавно отстроенном при участии замоскворецких стрельцов Яблоновском остроге, входившем вместе с Карповым в единый оборонительный рубеж, уже на постоянной основе службу несли стрельцы и казаки приказа Малюты Дурьшкина³⁵, ранее служившего сотником в левашовском приказе.

По окончании полковой службы весной 1647 г. Т. С. Суворов был отставлен из стрелецких голов и к маю того же года уже находился на воеводстве в Юрьеве-Польском³⁶. Сменил его Петр Дементьев сын Образцов, до этого имевший опыт командования одним из московских стрелецких приказов. Его новым подчиненным, как и ему самому, довелось стать свидетелями, а возможно, и участниками драматических событий, произошедших в Москве в начале июня 1648 г. и вошедших в историю под названием «Соляной бунт». Точных данных на этот счет нет, хотя высказанное наблюдение подтверждается участием представителя приказа в работе Земского собора (сентябрь 1648 – январь 1649 г.), созванного по следам восстания. Рукоприкладство, сделанное от его имени старшим приказным писарем, стоит под текстом Соборного Уложения – «Петрова приказу Дементьевича Образцова пятисотной дьячок Федька Уваров вместо выборново пятидесятника тово ж приказу Василья Григорева сына Толмачова по ево веленью р.п.»³⁷.

Знаковым событием в истории замоскворецкой стрелецкой слободы стало возведение в 1651 г. каменного храма на месте старого деревянного. По этому случаю на его стене была выбита надпись: «Лета 7157 [1649] году апреля в 16 день зачата сия каменная церковь строить святых верховных

Апостол Петра и Павла и в пределах великого чюдотворца Николы и Алексия человека Божия при державе благовернаго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца и при великом господине светейшем патриархе Никоне, а совершена и освящена сия церковь 159 году генваря в 24 день, а строили стрельцы Петрова приказу Дементьева Образцова пятидесятники и десятники и рядовые 200 человек»³⁸. Видимо, в их число вошли наиболее состоятельные члены стрелецкой приходской общины.

Важные сведения для воссоздания последующей истории полка были озвучены на заседании круглого стола, посвященного «Актуальным вопросам изучения истории стрелецкого гарнизона Москвы», которое состоялось в мае 2018 г. в музее «Стрелецкие палаты» РВИО. Их представил И. Б. Бабулин – один из ведущих специалистов по военной истории России XVII в. В частности, в своем докладе «Московские стрелецкие приказы в 1654–1655 гг.» исследователь привел данные о том, что накануне начала очередной русско-польской войны (1654–1667) Петров приказ Образцова, находился на городской службе в Вязьме.

Это случайное обстоятельство определило его дальнейшую трагическую судьбу. Замоскворецкие стрельцы не были включены в состав русского войска, готовившегося к выступлению в Смоленский поход, и остались на гарнизонной службе в столице. Здесь им пришлось разделить печальную участь большинства горожан, погибших в дни «морowego поветрия», обрушившегося на Москву летом 1654 г. В октябре кн. И. А. Хилков, управлявший городом в этот сложный период, докладывал государю: «... А голов... стрелецких на Москве Моковей Полтев да Петр Образцов, а голова Лаврентий Капустин лежит болен; а сотников стрелецких ныне на Москве 9 человек, да Московских стрельцов шести приказов 277 человек, да городовых стрельцов тех же шти приказов 162 человека...»³⁹.

Фактически один из старейших московских стрелецких приказов прекратил свое существование, хотя его история не прервалась, так как к зиме 1656 г. личный состав подразделения удалось восполнить новобранцами. В этой связи при определении частей, намечаемых для участия в Рижском походе 1656 г., Алексей Михайлович лично распорядился: «Голове Стрелецкому Петру Образцову с приказом быти на Москве, потому что приказ у ниво прибран вновь»⁴⁰.

Ситуация, сложившаяся вокруг Петрова приказа Образцова в середине 1650-х гг., обращает нас к теме функционирования системы «номерного старшинства» московских стрелецких полков, действовавшей на протяжении второй половины XVII в. Все эти десятилетия бывший приказ П. Д. Образцова неизменно занимал 18-е место в росписях частей стрелецкого гарнизона Москвы. В свое время автору довелось высказать предположение, что именно последствия «морowego поветрия» 1654 г. определили явно низкий по статусу номер

полка, хотя и относившегося к числу старейших⁴¹. Однако сведения, приведенные И. Б. Бабулиным в его новейшем исследовании, побуждают совершенно иначе взглянуть на данный вопрос. Следует процитировать мнение историка, высказанное им в мае 2018 г. на заседании круглого стола, посвященного «Актуальным вопросам изучения истории стрелецкого гарнизона Москвы»: «... «Старшинство», как правило, было связано со временем формирования того или иного приказа (чем «старее» полк, тем почетнее занимаемое им место). Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что в силу существовавшего местничества, уже, по крайней мере, с 1652 г. во всех сохранившихся «официальных списках» стрелецкие приказы приводятся в порядке «старшинства номеров», т. е. система «старшинства» приказов сложилась до 1654 г. Служебный статус того или иного приказа (полка) напрямую зависел от места, которое он занимал в иерархии московского стрелецкого войска».

Таким образом, причины присвоения Петрову приказу Образцова самого низкого номера на момент создания системы служебного старшинства московских приказов, которых в 1651 г. насчитывалось именно восемнадцать⁴², следует объяснить какими-то иными обстоятельствами. Возможно, ответ кроется в событиях 2 июня 1648 г., когда стрельцы, стоявшие на карауле в Кремле (обычно на стенной караул в полном составе назначался один из приказов) вступили в схватку со слугами начальника Стрелецкого приказа Б. И. Морозова, а затем сами приняли участие в разгроме кремлевского подворья боярина⁴³. Надеемся, дальнейшие исследования смогут пролить свет на этот частный, но принципиально важный для истории московского стрелецкого корпуса вопрос.

1656 г. ознаменовался очередной сменой командира 18-го приказа, которым стал Иван Федоров сын Полтев⁴⁴. Однако его головой он оставался недолго и к лету следующего года был заменен Андреем Семеновым сыном Коптевым, до этого руководившим другим стрелецким подразделением. Непродолжительный срок командования И. Ф. Полтева, скорее всего, объясняется жалобами новоприбранных стрельцов на самоуправство командира. Аналогичные отставки произошли в это же время и в некоторых других частях.

Как и в случае с большинством предшественников А. С. Коптева, мы не имеем прямых документальных свидетельств о его назначении на место И. Ф. Полтева, но целый ряд источников позволяет совершенно определенно локализовать его приказ как размещавшийся в Замоскворечье. Однако главным доводом выступает тот факт, что в одной из росписей московских стрелецких приказов, датированной 1667 г., его подразделению отведено именно 18-е место. Этот источник является своего рода итоговым документом, в котором был обобщен вклад стрелецких начальных людей, принявших участие в русско-польской войне 1654–1667 гг.: «А пожаловал Государь их, голов и полуголов и

сотников за их многие службы, что были они в иво государских походах на польского и на швейского королей. А они ж были на ево ж, Великого государя, службе в розных полках з бояры и воеводы, и на боях бились, не щедя голов своих, и стрельцов выучели всякому ратному строю...»⁴⁵. В их число вошли И. Ф. Полтев и А. С. Коптев, получившие в виде награды по 10 аршин атласу, а также «за ковши деньгами по одиннадцати рублев по тринадцати алтын по две деньги». Сотникам Андреева приказа Коптева – Михаилу Бабаеву, Федору Исакову, Родиону и Прокофию Коршиковым, Петру Сукачеву, Григорию Котеневу, Артемию Шершавину – было дано «по четыре аршина тафты розных цветов»⁴⁶.

За общими словами об участии стрелецких командиров в различных походах сокрыт многолетний ратный труд тысяч рядовых служилых людей, в том числе замоскворецких стрельцов. О боевом пути 18-го приказа в годы войны в настоящее время известно немного. Из послужного списка головы А. С. Коптева, частично отраженного в более поздних пометах, присутствующих возле его имени в боярской книге 1658 г., мы узнаем об участии приказа в «ливонской службе» 1659 г. с воеводой кн. И. А. Хилковым, а также о «литовских службах» 1659/60 и 1660/61 гг.⁴⁷ На протяжении года, начиная с июля 1662 г.⁴⁸, коптевские стрельцы находились на гарнизонной службе в Смоленске⁴⁹, а в 1665 г. несли службу в составе полка Новгородского разряда боярина и воеводы кн. И. А. Хованского, ставка которого размещалась в Пскове⁵⁰.

К осени 1666 г., видимо, после кратковременного пребывания в столице, замоскворецкие стрельцы совместно со сборным подразделением общей численностью 1107 человек были отправлены на службу в Казань. Их возвращение состоялось в июне следующего года. К этому моменту было приурочено пожалование рядовых стрельцов «киндяками» по случаю рождения царевича Иоанна Алексеевича, которое в отношении других приказов, находившихся в Москве, было проведено еще в сентябре⁵¹. Последующие три года подразделение оставалось в столице на гарнизонной службе.

Летом 1670 г. Андреев приказ Коптева был включен в состав крупного соединения воеводы кн. П. С. Урусова, формировавшегося для посылки в «понизовые города» для борьбы с «воровскими казаками» Степана Разина⁵². В конце августа войско достигло Нижнего Новгорода, где пехота должна была получить суда для дальнейшего продвижения на юг. Андрееву приказу Коптева были выделены 8 морских стругов и «на волской ход ясаульных» 6 стругов⁵³.

Тем временем, еще в июне, в Царицын прибыл полуголова Васильева приказа Пушечникова Василий (Дмитрий) Иванов сын Лаговчин, которому было поручено провести смотр наличных сил гарнизонов ряда поволжских городов, а также «всех ратных людей о здоровье спросить и службу их похвалить». Ему же в обязанность вменялось извещать Москву о текущем положении дел⁵⁴.

По-видимому, осенью, не позднее начала октября 1670 г., уже находясь в Казани, полуголова получил распоряжение возглавить бывший Андреев приказ Коптева, командир которого получил отставку, скорее всего, по причине болезни. Вверенное Лаговчину подразделение было включено в состав полка воеводы кн. Д. А. Барятинского, направленного для очищения от бунтовщиков Свияжска, Цивильска, Чебоксар и Козьмодемьянска.

Особенно упорные бои развернулись 3 ноября у стен Козьмодемьянска, который государевым ратным людям пришлось брать приступом⁵⁵. На время крепость стала главным опорным пунктом воеводы, пытавшегося относительно мягкими мерами добиться усмирения всего уезда. Но в ночь на 16 ноября у стен города неожиданно появился отряд повстанцев во главе с атаманом Иваном Константиновым. Разинцам удалось поджечь одну из пригородных слобод, однако стремительная контратака стрельцов Васильева приказа Лаговчина и шквადроны Первого выборного солдатского полка позволила отбить натиск «воровских людей» и не допустить распространение пожара. Развивая успех, стрельцы и солдаты навязали противнику ночной бой и добились его полного поражения. В плен было взято 30 человек, а трофеями стали 7 знамен и 2 пушки.

Довольно значительными были потери и правительственных войск. В боях под Козьмодемьянском замоскворецкие стрельцы потеряли убитыми 7 человек, в том числе сотника Ивана Аристову, ранеными – 14 человек⁵⁶. К началу следующего года в строю находились 403 рядовых стрельца, 40 десятников, 9 пятидесятников, а также полуголова (заместитель командира приказа) и 5 сотников⁵⁷.

Примерно к этому времени относится составление так называемого «белокуровского списка» – полной росписи подразделений стрелецкого гарнизона Москвы, насчитывавшего в тот момент 24 приказа. Уникальность документу придает наличие в нем описания цветов кафтанов каждого подразделения. Приказу В. И. Лаговчина в росписи отведено, соответственно, 18-е место. «Цветные кафтаны» его стрельцов имели красно-малиновый окрас⁵⁸. История появления этого документа еще ждет своего исследователя, и нельзя исключать, что он был составлен в Москве при отсутствии большинства стрелецких частей как проект будущего пожалования стрельцов тканями за их вклад в подавление разинского бунта.

Однако боевые действия продолжались и к осени 1671 г. Они переместились в низовья Волги, где перед царскими воеводами стояла задача освобождения от повстанцев Астрахани. Руководить осадой города было поручено боярину И. Б. Милославскому, в распоряжении которого среди прочих ратных людей находился и Дмитриев (Васильев) приказ Лаговчина. 27 ноября бунтовщики смирились с неизбежностью поражения и отворили крепостные ворота, и именно командиру

замоскворецких стрельцов было поручено доставить в Москву сеунч об одержанной победе⁵⁹.

В следующем году состоялось пожалование участников похода из числа стрелецких голов, которые получили существенные придачи к их поместным и денежным окладам. При этом в документе после перечня имен начальных людей и указания размеров их придач присутствует не совсем ясное дополнение – «да в приказ дать по камке адамашке, по сороку соболей ценою по осмидесят рублев сорок»⁶⁰. Возможно, речь идет о предоставлении командирам права провести награждение тканями и мехами своих сотников или особо отличившихся подчиненных.

К периоду пребывания Васильева приказа Лаговчина в Москве после возвращения из Поволжья относится один из немногих дошедших до нас уникальных чертежей XVII в., на котором была зафиксирована застройка северной части Замоскворечья в районе «улицы Большой к Калужским воротам». Здесь, в приходе церкви Благовещения пресв. Богородицы, что в Панской, и находился двор стрелецкого головы Дмитрия Лаговчина. Но для нас более важно, что совсем рядом, к востоку от той же церкви, отмечены дворы стрельцов его приказа⁶¹. На чертеже зафиксирована лишь небольшая часть Стрелецкой слободы, которая исконно располагалась на противоположной стороне улицы и относилась к приходу старинного храма св. Апостолов Петра и Павла.

Согласно чертежу под стрелецкие дворы была отведена часть белой земли Панской слободы, некогда предназначавшейся под расселение выходцев из Речи Посполитой. Произошло это, скорее всего, в конце 1650-х гг., когда численность московских приказов была увеличена до новых штатов – «тысяшных» и «семисотных». К числу последних относился и Дмитриев приказ Лаговчина⁶².

Однако на деле ситуация с наполнением личного состава стрелецких подразделений до установленной численности была не столь оптимистичной. По данным участника шведского посольства в Россию 1674 г. Э. Пальмквиста, приказ Лаговчина (Lagoffskin) насчитывал всего 600 человек. Сделанная им для своего донесения уникальная зарисовка 14 стрелецких знаменщиков отразила сведения о наличном составе стрелецкого гарнизона в период пребывания посольства в Москве и в значительной степени подтвердила данные о цветах кафтанов, содержащиеся в «белокуровском списке». Изображенный на рисунке знаменщик приказа Лаговчина одет в кафтан темно-красного цвета, имевший зеленую подкладку. В комплект униформы стрельца входили также зеленая шапка и желтые сапоги.

Рисунок дает нам представление и об одном из знамен 18-го приказа. По среднику полотнища, сшитого из ткани красного цвета, располагался голубой прямой крест, по сторонам от которого были помещены устремляющиеся к центру крупные

змеевидные «признаки». Кайма имела белый цвет с зелеными квадратными вставками на углах⁶³. Скорее всего, знамя являлось сотенным, так как в 1670-е гг. на «головиных» (приказных) знаменах обычно уже присутствовало иконописное изображение. Впрочем, и данный вопрос требует более глубоких исследований.

Тезис о наблюдавшихся в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. трудностях с набором новобранцев на места «выбылых» стрельцов находит подтверждение и в данных, отражающих численность Васильева приказа Лаговчина, включенного в мае 1675 г. в состав соединения боярина и воеводы П. В. Шереметева⁶⁴. Оно должно было выдвинуться на Украину в связи с ожидаемым возобновлением боевых действий. В ходе кампании приказ был непосредственно подчинен кн. М. Г. Ромодановскому – «товарищу» воеводы Белгородского полка кн. Г. Г. Ромодановского. Вместе с командиром 18-го приказа в поход выступили полуголова Илья Дуров и семь сотников – Прокофий Коршиков, Иван Чичагов, Александр Медветцкой, Никифор Гринев, Савва Анненков, Василий Сверчков, Марк Котенев. Под их началом находилось 500 стрельцов «да в поддаче даточных двести человек». Полковая артиллерия насчитывала «медных семь пушек»⁶⁵. Смысл использованного в документе термина «даточные» до конца не ясен. Возможно, в данном случае речь идет о попытке властей временно восполнить образовавшиеся в рядах 18-го приказа вакантные места «зборными людьми».

Предпринятый в 1675 г. русским войском поход на Правобережную Украину так и не привел к столкновению с османами из-за неготовности Речи Посполитой к совместным действиям, предполагавшимся ранее. 18-й приказ был возвращен в Москву, где состоялось пожалование его командира более высоким чином «полковника и головы московских стрельцов», введенного в практику стрельцовой службы еще в 1655 г. В новом чине Д. И. Лаговчин уже упоминается во время нахождения его приказа в составе Путивльского полка воеводы кн. В. В. Голицына⁶⁶ летом – осенью 1676 г.⁶⁷ 5 марта следующего года Лаговчин, выслуживший к этому времени и придворный чин стольника, был «от голов отставлен»⁶⁸. Карьерный взлет бывшего стрельцкого командира заостряет наше внимание на еще одном недостаточно освещенном в историографии вопросе о взаимосвязи иерархии военных и придворных чинов, наблюдавшейся в этот период.

О преемнике бывшего командира 18-го приказа мы узнаем из рядового следственного дела, разбиравшегося позднее в Стрелецком приказе. В нем, в частности, рассматривался вопрос о личности бывшего стрельца Саввино-Сторожевского монастыря Фомки Иевлева. Руководство ведомства интересовало: «... В прошлом во 181-м году ... в Дмитриев приказ Лаговчина, что ныне Федоров приказ Мещеринова, за какую вину приверстан?»⁶⁹. Подобные указания на произведенные

ранее замены начальных людей, в большинстве своем случайного происхождения, также являются для нас важными при реконструкции историй отдельных частей.

Перемена командиров 18-го приказа совпала с моментом назначения подразделения на очередную службу. 26 марта 1677 г. было принято решение «быть не его Великого государя службе в Чигирине головам московских стрельцов Григорью Титову да Миките Борисову да полуголове Илье Дурову с приказом». По-видимому, к моменту выдвижения на Украину новый командир еще отсутствовал в Москве, так как именно И. Дурову было адресовано распоряжение о получении в Севске необходимых полковых запасов, где они были оставлены по окончании службы в 1676 г. Полковую артиллерию в количестве тех же семи орудий полуголове предписывалось получить в Москве. Скорее всего, голова Федор Алексеев сын Мещеринов нагнал своих новых подчиненных в пути или присоединился к ним непосредственно в Чигирине, где на службе к лету вместе со старшими начальными людьми находились 7 сотников и 716 рядовых стрельцов⁷⁰.

Чигиринская кампания 1677 г. и ее ключевой эпизод – героическая оборона крепости русско-украинским гарнизоном – получили достаточно полное освещение как в сообщениях современников и участников тех событий, так и в новейших исследованиях по истории русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Практически все авторы единодушно отмечали активные действия осажденных, осуществивших в том числе две смелые вылазки. В составе подразделений, принявших в них участие, действовал и сводный отряд стрельцов Федорова приказа Мещеринова, который в обоих случаях возглавлял полуголова Илья Дуров.

Особенно эффективной оказалась вылазка, предпринятая в начале августа. Как сообщал участник обороны полуголова А. М. Лужин, «... в девятом числе ходил на выласку полуголова Илья Дуров с сотниками, а с ним стрельцов с 600 человек, а из Нижняго города казаков человек с 500. И божию милостию, и его великого государя счастьем неприятельских людей из ближних шанцов ручными гранатами выбили, и кололи их копьями, и гнали их, и рубили...». В ходе боев, продлившихся до конца лета 1677 г., приказ Мещеринова потерял убитыми 36 человек, ранеными – 101, включая двух сотников⁷¹.

После возвращения с «чигиринской службы» приказ недолго оставался в столице и весной 1679 г. вошел в состав соединения окольного кн. Г. А. Козловского – «товарища» воеводы полка Казанского разряда кн. М. Ю. Долгорукова. Полк являлся частью группировки русских войск, выдвинутых на Украину по случаю ожидавшегося наступления турок на Киев. К этому моменту численность «семисотенного» приказа стольника и полковника Ф. А. Мещеринова, несмотря на недавно понесенные потери, была не только полностью восполнена, но и достигла своего

максимального значения – 725 человек. Позднее такой численности подразделение более не имело. К берегам Днепра приказ прибыл к концу июля, при этом по пути количество его стрельцов сократилось до 679 человек⁷².

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в документах, освещающих подготовку русского войска к кампании 1679 г., именование чинов командиров стрелецких частей приводится в соответствии со вновь установленной формой – «стольник и полковник», хотя в отношении их заместителей употреблялось прежнее понятие «полуголова». Сохранялось и старое именование командиров сотен. Скорее всего, именно к 1678/79 гг. и следует отнести начало «чиновной» реформы в стрелецкой службе, наиболее полно отразившейся в известном указе 1680 г., запрещавшем называть бывших голов, полуголов и сотников прежними чинами и устанавливавшим для всех обязательное их именование «против иноземского чину»⁷³, т. е. полковниками, полуполковниками (подполковниками) и капитанами. При этом производство в старшие чины, по-видимому, стало предполагать автоматическое пожалование назначенных лиц придворными чинами стольников. Такая практика была распространена не только на московских, но и на стрелецких командиров ряда крупных городов. Однако и в данном случае мы вынуждены констатировать недостаточную изученность вопроса.

В это время приказ стольника и полковника Ф. А. Мещеринова находился в столице, где оставался вплоть до определения его на «пониговую службу» в начале 1682 г. Выдвижение в Астрахань состоялось не позднее середины апреля этого года, так как в последовавших в конце месяца событиях, положивших начало первому стрелецкому восстанию, стрельцы 18-го приказа участия не принимали. На Низ убыло 662 человека, которым к «сергиевскому сроку» (25 сентября) полагалось выплатить полугодовое денежное жалованье в размере 1695 руб. – пятидесятиникам по 3 руб. с полтиной, десятиникам по 3 руб., рядовым по 2 руб. с полтиной⁷⁴.

Насколько своевременно было выполнено это распоряжение, неизвестно, хотя в условиях только начинавшего утихать стрелецкого восстания контроль над его исполнением имел важное значение для недопущения волнений в частях, находившихся на дальних службах. Вести о кровавых событиях в столице и уступках, сделанных властями служилым людям, достигли «пониговых городов» к осени. 10 октября около 300 стрельцов полка Мещеринова собралось у соборной церкви и потребовали у астраханских воевод отпустить в Москву группу выборных, которым было поручено от имени всего полка бить челом «о заслуженном жалованье». Опасаясь «шатости», воеводы разрешение дали, но требование о предоставлении струга отклонили и наперед отправили гонца с известием о произошедшем.

Пока выборные в количестве 10 человек во главе с пятидесятником Давыдом Ларешниковым

неспешно продвигались к столице, в ряд городов, стоявших на их пути, поступило распоряжение о задержании посланцев. В конце ноября стрельцы были арестованы тамбовским воеводой, который позднее получил указание всех их «написать в Козлове в службу, и жен их и детей послать к ним»⁷⁵.

В конце 1682 г. в Москву пришло также известие о нападении на Волге ниже Астрахани, «за Царевой протокой», юртовских татар на отряд государевых ратных людей – «охотников», возвращавшихся с «воинского промыслу на тех же Едисанцев и на Энбулуков». В том бою погибли 46 стрельцов Федорова приказа Мещеринова и более 200 астраханских и казанских служилых людей. Нападавшие не ограничились только расправой над попавшими в засаду русскими ратниками, но и «надругались всячески, груди поролы и естество отрезывая в рот вкладывали»⁷⁶.

К концу 1683 г. руководство Стрелецкого приказа, предпринявшее ранее ряд решительных мер по чистке стрелецких рядов от разного рода «смутьянов», разработало план проведения аналогичных мероприятий и в отношении полков еще оставшихся на службах в дальних городах и подлежащих замене. Реализовать его предполагалось не сразу, а «впредь, усмотря времени». Планировалось также образовавшееся в этих подразделениях «малолюдство» восполнить «добрыми людьми» за счет стрельцов четырех полков, намеченных к расформированию⁷⁷.

Возвращение сильно поредевшего полка Мещеринова из Астрахани состоялось не ранее весны 1684 г. Сведений о каких-либо конкретных решениях властей в отношении этого подразделения пока не обнаружено, но можно с уверенностью говорить о том, что часть замоскворецких стрельцов была признана неблагонадежной и выслана на службу в другие города, а «пушие заводчики» из их числа в количестве 10 человек «за непристойные слова» сосланы в Сибирь⁷⁸.

Планы руководства Стрелецкого приказа по доукмплектованию 18-го полка за счет одного из «раскассованных» подразделений были реализованы к 1686/87 г. К этому времени новым командиром замоскворецких стрельцов стал стольник и полковник Семен Лаврентьев сын Капустин, имя которого, следуя давней традиции, на определенный период дополнило название местного слободского храма – церкви Петра и Павла, стоявшей теперь на стрелецкой земле «Капустина полку»⁷⁹.

Политический кризис 1689 г., связанный с противостоянием царевны Софьи и ее сводного брата Петра, в исходе которого в пользу «второго царя» стрелецкий гарнизон Москвы сыграл решающую роль, обошел 18-й полк стороной. В это время он находился на гарнизонной службе в Киеве. Вместе с полковником на Украину убыли подполковник Михаил Протопопов, сотники Ларион Нелибухтин, Савва Анненков, Осип Белоцерковцов и Никита Новокрещенов⁸⁰. В подчинении у них находились 585 стрельцов. В силу

малочисленности полка к нему был временно прикомандирован отряд елецких солдат. По истечении года, к моменту возвращения подразделения в столицу, его состав сократился на 30 человек, из которых половина скончалась от болезней, а еще 15 человек со службы сбежали⁸¹.

Сообщения о бегстве стрельцов с различных служб довольно часто встречаются в документах второй половины XVII в., что, на наш взгляд, было связано с отходом от традиционной системы набора в стрелецкие ряды добровольцев и переходом к набору даточных, т. е. фактически к рекрутским наборам, что неизбежно сказывалось на морально-психологическом состоянии многих новобранцев, не всегда оказывавшихся готовыми к трудностям и лишениям ратной службы.

И все же вплоть до конца XVII в. столичные стрелецкие полки продолжали составлять элитную часть русской пехоты, хотя все большая роль при ведении боевых действий стала отводиться солдатским полкам. Во время 1-го Азовского похода 1695 г. Семенов полк Капустина численностью 580 человек находился в составе соединения генерала П. И. Гордона⁸² и в основном был занят возведением осадных укреплений и отражением вылазок защитников крепости. При одном из обстрелов со стороны осажденных полковник С. Л. Капустин получил ранение, от которого скончался 1 сентября⁸³. С этого момента командиром подразделения стал его заместитель – стольник и подполковник Михаил Иванов сын Протопопов, позднее получивший повышение в чине.

Предпринятые попытки овладеть Азовом в конечном счете оказались безрезультатными, и вскоре русское войско было вынуждено отступить. Практически сразу же по прибытии в Москву началась подготовка к новой кампании. От этого периода до нас дошел один из наиболее ценных источников, проливающих свет на организационную структуру московских стрелецких полков, сложившуюся в последней четверти XVII в.

Согласно «Списку воинских чинов и военного снаряжения в стрелецких полках генералов П. И. Гордона и А. М. Головина» в подчинении у полковника М. И. Протопопова находились подполковник Иван Васильев сын Протопопов, капитаны Савва Купреянов сын Анненков, Никита Меркульев сын Новокрещенов, Дементий Прокофьев сын Барыбин, Андрей Григорьев сын Аносов, Богдан Семенов сын Кочюков, Алексей Власьев сын Котенев, «да в прибавку Кузма Матвеев сын Филипов», рядовых стрельцов 579 человек, «да в поддаче из салдат 30 человек», к которым было прибавлено еще 10 человек. Общая численность полка составляла на тот момент 619 человек. В распоряжении полковника находилось всего два орудия – «пищаль медная, пищаль верховая с станки и с колесы».

В отличие от 574 рядовых служилых людей, включая десятников и солдат, а возможно, и низших административных чинов – сотенных (сотенных дьячков), вооруженных «самопалами», прочие

стрельцы были вооружены только холодным оружием – «15 человек барабанщиков с барабаны, 6 человек знаменщиков з знамены», скорее всего, имели только сабли, а «достальные пятисотные, пятидесятники, подзнаменщики, пушкари 24 человека с копьи». Необходимо отметить, что согласно штату 1689 г. каждый полк имел только одного пятисотенного (ранее пятисотного дьячка), а также одного пристава⁸⁴ – полкового порученца по административно-судебным делам. Видимо, для краткости они были объединены в одну статью.

Исходя из реальной численности полка, имевшего, судя по всему, с середины 1680-х гг. всего 6 постоянных рот (сотен) неполного состава, мы получаем на каждую роту по два пятидесятника и по одному «подзнаменщику», а также четырех пушкарей, состоявших при двух орудиях. Седьмая рота, возглавляемая прикомандированным капитаном, вероятно, имела сводный состав и была укомплектована в основном приданными солдатами.

Документ содержит уникальное описание шести ротных знамен: «Знамя тафтяное земля черная крест белой кайма рудожелтая, 4 знамени тафтяных земля таусинная кресты белые, знамя тафтяное земля алая крест белой кайма розных цветов». Описания знамен полковничьего и подполковничьего отсутствуют, из чего следует, что вновь назначенные старшие командиры 18-го полка в тот момент таковых не имели и их функцию выполняли знамена первых рот, которые возглавляли ветераны подразделения – капитаны С. К. Анненков и Н. М. Новокрещенов. Знамя седьмой роты, возможно, выданное полку из хранилищ одного из военных ведомств в связи с ее формированием, было оставлено при отступлении из-под Азова «в новопостроенном городке Сергиеве»⁸⁵. Видимо, это было связано с передачей части полкового имущества сборному соединению стрельцов, оставленному в захваченных у турок каланчах, получивших после возведения дополнительных укреплений название Новосергиевский город⁸⁶.

Накануне очередной военной кампании всем стрельцам было выдано положенное полугодовое денежное жалованье – «пятидесятником по четыре рубли, десятником по три рубли с полтиною, рядовым по три рубли человеку». Годовые денежные оклады их начальных людей составляли на тот момент: у капитанов – 12 руб., у подполковников – 45 руб., у полковников – 150 руб.⁸⁷

В новый поход Михайлов полк Протопопова выступил в апреле 1696 г. и был непосредственно подчинен, как и ранее, генералу П. И. Гордону. Совместно с Ивановым полком Черного он выполнял задачу по сопровождению хлебных запасов⁸⁸. К началу июня царские полки достигли низовьев Дона и в кратчайший срок провели масштабные земляные работы, подступив «привалом» к стенам Азова. Началась планомерная осада, завершившаяся капитуляцией турецкого гарнизона 19 июля.

По случаю одержанной виктории государь приказал организовать в Москве триумфаль-

ную встречу победоносного войска. 28 сентября 18-й полк прошествовал в общем строю сквозь толпу ликующего народа и ряды сослуживцев, приветствовавших победителей залпами из мушкетов в воздух. По завершении торжеств, следуя старинной традиции, все солдаты и стрельцы – участники похода – были пожалованы золотыми московками⁸⁹.

После годового пребывания в столице в 1698 г. замоскворецкие стрельцы были вновь определены на «азовскую службу» и влились в состав местного гарнизона. Здесь их и застала весть о бунте собратьев из четырех полков, недавно покинувших Азов и предполагавших возвращение в свои дома после долгой и трудной службы, но вопреки ожиданиям получивших указание выдвинуться к западной границе. Отголоском кровавых казней, последовавших сразу же после подавления мятежа, стал указ 1698/99 г. о роспуске стрелецких полков, находившихся в Азове, по которому стрельцам дозволялось записываться в посадские жители других городов, кроме Москвы, «кто в который город похочет». В те же места из столицы в массовом порядке переселялись семьи опальных служилых людей «стрелецкого чину»⁹⁰.

На этом история 18-го московского стрелецкого полка была завершена. Его бывшие начальные люди получили новые назначения или были отправлены в отставку. Одним из последних свидетелей запустения Стрелецкой слободы на Большой Калужской улице в Замоскворечье стал отставной капитан С. К. Анненков, остававшийся на жительстве в столице еще в 1703 г.⁹¹ Но даже спустя десятилетия горожане, поселившиеся в приходе церкви св. Апостолов Петра и Павла, помнили, что их дома стоят на стрелецкой земле Михайлова полка Протопопова⁹².

Собранный материал о боевом пути 18-го московского стрелецкого полка в какой-то мере компенсирует безвозвратную утрату части документов из архива Стрелецкого приказа, погибшего в огне Троицкого пожара 1737 г. Однако нельзя не отметить, что во многом это стало возможным благодаря поддержке моих коллег – В. С. Великанова, О. А. Курбатова, Р. Б. Ахметова, которым хотелось бы выразить искреннюю признательность за предоставленную возможность ознакомиться с дополнительными источниками по истории полка, выявленными ими в архивных фондах других ведомств.

Особая благодарность И. Б. Бабулину, любезно поделившемуся рукописными материалами своего исследования, в настоящее время готовящегося к печати.

Примечания

- 1 См.: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы (далее – *Забелин И. Е.* Материалы) : в 2 ч. М., 1884. Ч. 1. Стб. 879.
- 2 См.: *Успенский А. И.* Столбцы бывшего Архива оружейной палаты : в 3 вып. М., 1914. Вып. 3. № 1445. С. 677–678.
- 3 См.: *Забелин И. Е.* Материалы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 1245.
- 4 См.: Дворцовые Разряды по Высочайшему повелению изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1612–1628 (далее – Дворцовые Разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 579.
- 5 См.: Там же. Стб. 1006.
- 6 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов. М. : Древлекхранилище, 2015. С. 129, 133.
- 7 См.: *Романов М. Ю.* Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) // История военного дела : исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 129–130. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Romanov_01.pdf (дата обращения: 06.03.2017).
- 8 См.: Приходо-расходная книга золотых 121–127 гг. в Разряд : Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 807.
- 9 Книга сеунчей 1613–1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы (далее – Книга сеунчей) : в 9 т. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995. Т. 1. С. 88–89.
- 10 См.: *Забелин И. Е.* Материалы. Ч. 2. Стб. 1114.
- 11 См.: Книга сеунчей. С. 60.
- 12 См.: Рос. гос. арх. древн. акт (далее – РГАДА). Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. № 31. Л. 240, 245.
- 13 См.: Распросные речи полоняников и доклад по их челобитной о даче им государева жалованья. 1639, октября 30 : Донские дела. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1898. Т. 18. Стб. 888.
- 14 См.: *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М. : Старая Басманная, 2011. С. 40, 90, 138, 154.
- 15 См.: *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев : [б.и.], 1919. С. 168.
- 16 Розрядная выпись по челобитью князя Ахамашукова-Черкасского да князя Ефима Мышецкого о пожаловании их за Дорогобужскую службу поместною и денежною придачей // Акты Московского государства, издаваемые Императорской Академией наук : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 696. С. 635.
- 17 Дворцовые Разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 530.
- 18 Там же. Стб. 548–549.
- 19 См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / отв. ред. С. В. Бахрушин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, Ин-т истории РАН, 1948. С. 265–266.
- 20 Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. : В. И. Буганов и Л. Ф. Кузьмина, М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 315.
- 21 См.: Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 229.
- 22 Распросные речи полоняников и доклад по их челобитной о даче им государева жалованья. 1639, октября 30 : Донские дела. Кн. 1 // РИБ. Т. 18. Стб. 888–889.

- ²³ См.: Дворцовые Разряды. Т. 2. Стб. 605–607.
- ²⁴ Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII века : Расходная книга 1640/41 года // Вестн. церковной истории. 2013. № 1–2 (29–30). С. 93.
- ²⁵ Горбатов Е. Н. «Подлинные» боярские списки второй четверти XVII века как источник для биографических сведений о московских чинах // Российская генеалогия : науч. альманах. М. : Новая Басманная, 2016. Вып. 1. С. 95.
- ²⁶ См.: Роспись стрельцам, привезшим пленного татарина Магмета Резепова из села Коломенского и караулившим его впоследствии в Посольском приказе. 1646, мая 10–24 : Донские дела. Кн. 2 // РИБ. СПб., 1906. Т. 24. Стб. 1064.
- ²⁷ См.: Лезина Е. П. Борьба Российского государства за безопасность южных и юго-восточных границ в XVI–XVII веках. Саранск : [б.и.], 2007. С. 27, 118.
- ²⁸ См.: Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII века : Оброчная книга пустых церковных земель 1640/41 г. // Вестн. церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 33.
- ²⁹ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 2. Стб. 1160, 1161, 1243, 1245.
- ³⁰ См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции : в 21 кн. М., 1894. Кн. 9. С. 127.
- ³¹ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 1. Стб. 879.
- ³² Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М. : Эксмо ; Алгоритм, 2004. С. 468–469.
- ³³ Астраханские епархиальные ведомости. 1876. № 8. 22 февр. С. 7–8.
- ³⁴ Записная книга Московского стола 1646–1647 г. : Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 329–330.
- ³⁵ См.: Опись архива Разрядного приказа XVII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 459.
- ³⁶ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия : По напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 279.
- ³⁷ Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1987. С. 409.
- ³⁸ Снегирев И. М. Москва. Подробное географическое и археологическое описание города : в 2 т. М., 1875. Т. 1. С. 85.
- ³⁹ Акты о моровом поветрии. 1654–1665 года // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб., 1848. Т. 3, № 119. С. 490.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 102. Л. 11.
- ⁴¹ См.: Романов М. Ю. Указ. соч. С. 143.
- ⁴² См.: «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. М. : [б. и.], 1989. С. 21.
- ⁴³ См.: Анонимное шведское сочинение о восстании в Москве в 1648 г. // Городские восстания в Московском государстве XVII в. : сборник документов. М. : Изд-во Гос. публ. ист. библ. России, 2003. № 3. С. 59–60.
- ⁴⁴ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 2. Стб. 268.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. № 321. Л. 200.
- ⁴⁶ Там же. Л. 196 об., 199 об.
- ⁴⁷ См.: Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2004. С. 197.
- ⁴⁸ См.: Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел : 7165–7183 гг. М., 1908. С. 146.
- ⁴⁹ См.: Записная книга Московского стола 1662–1663 г. : Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ. Т. 10. С. 519.
- ⁵⁰ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 12 (дополнения). С. 671–673.
- ⁵¹ См.: Книги персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 1512–1514.
- ⁵² См.: Наказная память из Разрядного приказа воеводе П. Урусову, посланного с полком в понизовые города для борьбы с отрядами С. Разина. 1670, июля ранее 10 // Крестьянская война под предводительством Степана Разина : Сб. документов (далее – КВСР) : в 4 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 1, № 141. С. 198.
- ⁵³ См.: Отписка полуголовы московских стрельцов А. Карандеева в приказ Новгородской четверти о передаче купленных и построенных им судов в полки воеводы П. Урусова. 1670, августа между 22 и 31 // КВСР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Т. 2, ч. 1. № 13. С. 21.
- ⁵⁴ См.: Записные книги. 1670 г. июнь : Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 1523.
- ⁵⁵ См.: Отписка полкового воеводы Д. Барятинского в приказ Казанского дворца о его действиях по подавлению восстания в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах. 1670, ноября 5 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 202. С. 244.
- ⁵⁶ См.: Отписка полкового воеводы Д. Барятинского в приказ Казанского дворца о восстании в Козьмодемьянском уезде. 1617, ноября 17 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 232. С. 281.
- ⁵⁷ См.: Росписи ратных людей полка воеводы Д. Барятинского, раненых, убитых и находящихся в строю. 1671, января 11 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 401. С. 522.
- ⁵⁸ См.: Белокуров С. А. О цветах кафтанов московских стрельцов 17 в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1901. Кн. 4, Отд. IV. Смес. С. 32.
- ⁵⁹ См.: Сказка всяких чинов людям о сдаче Астрахани восставшими и ликвидации восстания. 1672, января 15 // КВСР. М., 1962. Т. 3. № 166. С. 184.
- ⁶⁰ Память из Разрядного приказа в Малороссийский приказ о наградах, данных полковникам и головам московских стрельцов за участие в подавлении восстания С. Разина. 1672, сентября не ранее 7 // КВСР. Т. 3, № 224. С. 252.
- ⁶¹ См.: Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII в. М., 1898. С. 55, 58.
- ⁶² См.: Книги разного содержания : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1619.
- ⁶³ См.: Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М. : Ломоносов, 2012.

- ⁶⁴ См.: Дворцовые Разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1381.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. № 288. Л. 645.
- ⁶⁶ См.: *Новохатко О. В.* Разряд в 185-м году. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 151.
- ⁶⁷ См.: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. С. 97.
- ⁶⁸ *Новохатко О. В.* Указ. соч. С. 243.
- ⁶⁹ Разсылка дел по другим приказам. 1681 г.: Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. 21. Стб. 492.
- ⁷⁰ См.: *Великанов В. С., Нечитайлов М. В.* «Азиатский дракон перед Чигирином». Чигиринская кампания. 1677. М.: Фонд «Русские витязи», 2018. С. 137–138.
- ⁷¹ См.: *Седов П. В.* Оборона Чигирина в 1677 г.: Распросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужина об обороне Чигирина // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 501–502, 506.
- ⁷² См.: Записная книга Московского стола, 1678–1679 г.: Записные книги Московского стола. I. 1663–1664 г. II. 1678–1679 г. // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 417, 491.
- ⁷³ Именный, сказанный полковникам, полуполковникам и капитанам московских стрелецких приказов, пожалованным в сии чины из голов, полуголов и сотников. 1680, марта 25 // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. первое (далее – ПСЗ): в 45 т. СПб., 1830. Т. 2. № 812. С. 253–254.
- ⁷⁴ См.: Запись в Приказе надворной пехоты о выдаче жалованья московским стрельцам на 191 год. 1682, ноября не ранее 5 // Восстание в Москве 1682 г.: сборник документов. М.: Наука, 1976. № 180. С. 234.
- ⁷⁵ *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М.: Наука, 1969. С. 320–321.
- ⁷⁶ Акты о походах донских казаков на калмыков и астраханских юртовских татар. 1682, ноября 4–1683, июня 18 // Дополнения к Актам историческим. СПб., 1867. Т. 10, № 49. С. 152–153, 156.
- ⁷⁷ См.: Докладная выписка об удалении из Москвы ненадежных стрельцов и поселении их по городам. 1683, декабря 30 // Восстание в Москве 1682 г. № 205. С. 273–274.
- ⁷⁸ См.: Роспись сыскным делам Стрелецкого приказа. Столп 191–192 годов // Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках: в 4 т. СПб., 1884. Т. 1. Приложение 2. № 2. Стб. 459.
- ⁷⁹ Москва. Актовые книги XVIII столетия: в 10 т. М., 1895. Т. 3, № 705. С. 200.
- ⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 63. Книги Киевского стола. № 16. Л. 25.
- ⁸¹ Там же. Л. 11, 12 об. 13.
- ⁸² См.: *Гордон Патрик.* Дневник. 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 347.
- ⁸³ Там же. С. 393.
- ⁸⁴ См.: Смета о числе начальствующих лиц, стрельцов, солдат, тяглецов, долженствующих прибыть в Троицко-Сергиевский монастырь // Розыскные дела о Федоре Шаковитом ... Т. 1. Приложение 1. № 19. Стб. 317–318.
- ⁸⁵ Библиотека Академии наук, отдел рукописей, собрание Петра I (БАН ОР П I). Б № 2. Л. 44–50.
- ⁸⁶ См.: Хронологический указатель действий русской армии и флота: в 5 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 2.
- ⁸⁷ См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1006. Л. 132.
- ⁸⁸ См.: *Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 286.
- ⁸⁹ См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: в 4 т. СПб., 1858. Т. 2. С. 302–303.
- ⁹⁰ Именный, объявленный из приказа Земских Дел приказу Военных дел. 1704, апреля 11 // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 1979. С. 257.
- ⁹¹ Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1892. Т. 1. № 2090. С. 287.
- ⁹² Там же. М., 1895. Т. 3. № 110. С. 408, № 149. С. 411.

Образец для цитирования:

Романов М. Ю. «И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого полка) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 149–160. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>

Cite this article as:

Romanov M. Yu. «On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...» (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 149–160 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>

УДК 94(47)|1700/1855|

Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России

В. В. Познахирев

Познахирев Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-художественного образования, Смольный институт Российской академии образования, Санкт-Петербург, vvkr@list.ru

В статье исследуется участие России в такой институционализированной форме обмена пленными, как картели. Раскрывается сложный и противоречивый механизм выработки и реализации картеля; анализируются его преимущества и недостатки в контексте отечественного и отчасти зарубежного опыта. Формулируется вывод, согласно которому при определенных обстоятельствах картель может быть использован в ходе современных вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера.

Ключевые слова: военнопленные, вооруженный конфликт, картель, обмен пленными, репатрианты, Российская империя.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia

V. V. Poznakhirev

Vitaliy V. Poznakhirev, <https://orcid.org/0000-0001-8920-7283>, Smolny Institute Russian Academy of Education, 59 Polyustrovsky Avenue, St. Petersburg 195197, Russia, vvkr@list.ru

The article examines Russian participation in such institutionalized form of prisoner of war exchange as cartels. The author reveals a complex and contradictory mechanism for the *formulation and implementation* of the cartel; analyzes its advantages and disadvantages in the context of domestic and, in part, foreign experience; comes to the conclusion that under certain circumstances the cartel can be used in the course of modern armed conflicts of both international and domestic character.

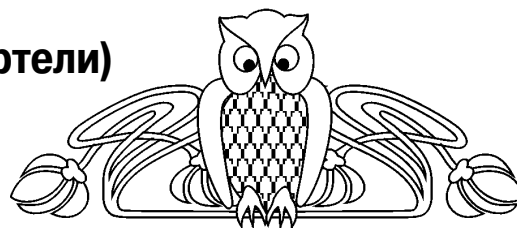
Keywords: prisoners of war, armed conflict, cartel, exchange of prisoners, repatriates, Russian Empire.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>

В наши дни, несмотря на все усилия мирового сообщества, в международных базах данных ежегодно регистрируется до нескольких десятков вооруженных конфликтов, неизбежно сопряженных с захватом враждующими сторонами более

или менее значительного числа пленников. Последующее освобождение этих людей зачастую достигается лишь в результате многосторонних, многоэтапных и, главное, многотрудных переговоров, которые *могут длиться годами* по причинам неуправляемого характера большинства современных конфликтов, колеблющейся динамики их развития, а также обилия участников разной степени самостоятельности.

Выходом из сложившейся ситуации видится обращение к опыту прошлого, а вернее – к институционализированной форме обмена пленными на основе «картелей», тем более, что договоры такого рода широко применялись в войнах Нового времени с 1599 по 1864 г. (первый в истории человечества картель был заключен в ходе войны Испании и Соединенных провинций Нидерландов 1566–1648 гг., а последний – в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг.)¹. Уже одно это обстоятельство явно свидетельствует об «устойчивости» картеля, которая, в свою очередь, детерминировалась его чрезвычайной гибкой правовой конструкцией. В сущности такое соглашение представляло собой не что иное, как систему компромиссов и взаимных приспособлений, позволяющую его участникам регламентировать именно те вопросы, которые они считали для себя наиболее значимыми.

Если говорить несколько детальнее, то, будучи договором о порядке и правилах обмена пленными, картель, в той или иной степени, преследовал три основные цели:

- а) избавить собственных соотечественников от пребывания в неволе;
- б) вернуть своей армии подготовленный контингент, в первую очередь – специалистов (артиллеристов, инженеров и т. п.), а равно лиц, способных оказать влияние на дальнейший ход войны (старших и высших офицеров);
- в) сократить затраты на содержание пленных противника.

Рассматриваемый договор заключался на срок до нескольких лет либо вплоть до окончания военных действий, что, впрочем, не лишало стороны права в любой момент отказаться от его дальнейшего исполнения или внести в него необходимые изменения и дополнения. Характерной чертой соглашения было то, что оно не носило персонализированного характера и распространялось на всех без исключения лиц, «с обеих сторон в нынешнюю войну уже в полон взятых, или же впредь в оной попадающихся»². Следует

также иметь в виду, что договор предусматривал обмен пленными на регулярной основе (например, один раз в месяц); в его тексте оговаривались конкретные даты и географические пункты обмена³, перечень, наименование и маршруты следования т. н. «картельных судов» (при перевозке репатриантов морем), а равно особенности освобождения из плена раненых и больных (обычно эти люди обменивались «на равное число таких же», но допускался и обмен без учета состояния здоровья пленников)⁴.

Центральным элементом любого картеля выступала «таблица соответствия» воинских званий, должностей и иных социальных характеристик его субъектов как друг другу, так и некоему денежному эквиваленту. К примеру, один сержант мог обмениваться на одного сержанта или двух рядовых, а при отсутствии и тех и других – «приобретаться» за установленную договором сумму. Однако на практике значение финансовой составляющей было минимальным, ибо картель все-таки пришел на смену «выкупу», потому обмен по принципам: «человек за человека» и «чин за чин» – являлся в нем, безусловно, приоритетным⁵. К тому же соглашение обычно предусматривало, что пленники отдельных категорий освобождаются без учета их количества (священнослужители, медицинский персонал, офицерские денщики, ремесленники, цирюльники, почтальоны, маркиз-танты и иные приравненные к ним лица)⁶.

Крайне важно отметить, что по своему содержанию многие картели выходили далеко за рамки вопросов обмена пленными. Так, они могли обязывать стороны: регулярно направлять друг другу списки пленников; обеспечивать безопасность захватываемых лечебных учреждений противника, а за их пациентами «смотреть докторам и лекарям, и потребные лекарства, также и нужное для их здоровья им давать»; воздерживаться от жестокого обращения с пленными; содержать их «по тому жалованию, которое они в службе своей получали»; разрешать пленникам «писать к сродникам их» о том, где они находятся» и т. п. Нередко картели запрещали воюющим требовать у противника выдачи перебежчиков, а равно принуждать пленных к переходу на службу в ряды своих вооруженных сил. Словом, исследуемые соглашения могли регулировать самые разные вопросы, вплоть до таких нюансов, как права и обязанности должников, предусматривая, к примеру, что нажитые последними в плену долги должно выплачивать то государство, к которому эти люди принадлежат⁷.

Вместе с тем объективности ради надо признать, что в отдельных источниках высказываются и критические замечания в адрес картелей. Так, в частности, акцентируется внимание на том, что такие договоры требовали относительно высокого уровня доверия сторон, а их реализация была нередко сопряжена с многочисленными взаимными претензиями и недопониманием⁸. Более того,

существует мнение, согласно которому кризис картелей стал неизбежным следствием прогресса, привнесенного в общество Великой французской революцией 1789–1799 гг.⁹

Мы не считаем высказанные упреки убедительными, так как взаимного доверия требует подписание любого договора, а реализация его довольно часто бывает сопряжена и с претензиями, и с недопониманием. Не следует, по-видимому, преувеличивать и роль Великой французской революции, ибо последние картели, заключенные в Европе и США (1855 г. и 1862 г. соответственно), отделены от нее целыми десятилетиями, но вплотную примыкают к таким первым актам, направленным на кодификацию международного гуманитарного права как Кодекс Либера (1863 г.), Женевская конвенция (1864 г.) и Брюссельская декларация (1874 г.).

Однако, как бы то ни было, все изложенное вплотную подводит нас к вопросам о том, в какой степени и с какими результатами «эпоха картелей» затронула Россию? И хотя ни зарубежная, ни даже отечественная специальная литература не содержат практически никаких упоминаний о картелях с участием нашей страны, анализ архивных документов и опубликованных источников свидетельствует о том, что за свою историю Российская империя 5 раз, как минимум, либо заключала такой договор, либо рассматривала возможность его заключения.

Переходя к более детальному освещению сказанного, отметим следующее.

1. Первая попытка установления Россией картеля относится к начальному периоду Северной войны 1700–1721 гг.¹⁰ Уже в 1702 г. был поднят вопрос «об отправлении на шведскую границу комиссара на съезд для размены с шведскими комиссарами обоюдных военнопленных всякого звания и людей (т. е. военнопленных и удерживаемых противником гражданских лиц. – В. П.)»¹¹, а российское военно-политическое руководство приступило к изучению картелей, заключенных в ходе европейских вооруженных конфликтов конца XVII столетия (Франко-голландской войны 1672–1678 гг.¹², войны между Францией и Аугсбургской лигой 1688–1697 гг.¹³ и, возможно, некоторых других).

Наиболее активные переговоры со Стокгольмом по данному вопросу пришлось на 1703–1705 гг. Инициатором их выступил Петр I, стремившийся, в первую очередь, вернуть на родину часть своей военной элиты (10 генералов и 10 полковников), которая была потеряна пленными в неудачном для русских сражении при Нарве (1700 г.). В то же время шведская сторона не желала скорого освобождения высокопоставленных российских военнопленных, а потому избегала связывать себя долговременным обязательством общего характера и настаивала на индивидуальном и групповом обмене по принципу «чин против чина»¹⁴. Тем не менее царь предпринял поистине

титанические усилия для того, чтобы добиться своего. Так, он привлек в качестве посредников на переговорах правительства Англии¹⁵, Нидерландов¹⁶, Пруссии¹⁷ и Франции¹⁸; уведомил шведский Сенат о том, что он «не токмо размен, но и картель во всю следующую войну како между всеми воюющими потентаты христианскими обыкно быти соизволяет»; уполномочил стольника А. П. Измайлова «ехати на свейский съезд <...> ради договаривания о учинении картеля к размене и окупу с обеих сторон полонянников и задержанных»¹⁹, а также принял непосредственное участие в разработке концепции будущего картеля, положив в его основу денежный эквивалент для каждого пленника, в зависимости от его воинского звания (генерал-фельдмаршал «стоил» 800 руб., генерал-лейтенант – 300 руб., полковник – 80 руб., капитан – 20 руб., сержант – 4 руб. и т. д.)²⁰. Более того, в августе 1705 г. Петр даже выразил предварительное согласие на просьбу своего союзника польского короля Августа II о включении в предстоящий картель пункта об обмене интернированных в Швецию польских военнопленных «на шведских в наших землях обретающихся излишних пленников»²¹.

Однако усилия царя не увенчались успехом и вызвали лишь раздражение Карла XII. Как писал в феврале 1706 г. прусский посланник в Стокгольме, на очередное российское предложение о картеле, «король шведский с сердцем весьма отказал, что он на то не соизволяет, а размену де учинить повелит так, как давно <...> объявил, а не инако»²². С этого момента и вплоть до осени 1709 г. всякие упоминания о картеле постепенно исчезают из внутрисоветской и международной российской переписки²³.

Новый всплеск интереса к данному вопросу был связан с разгромом Карла XII под Полтавой и пленением около 20 тыс. шведов, включая 1 фельдмаршала и 8 генералов. Иными словами, противник потерял превосходную армию, которую к тому же невозможно было восстановить (что, собственно, и подтвердили дальнейшие события Северной войны). Теперь уже Стокгольм стал настоятельно просить о заключении картеля, в рамках которого предлагал «чин против чина разменять сколько будет на обеих сторонах», а «ежели на обе стороны больше не станется чин против чина и невозможно больше на размену поставить, тогда <...> чтоб нынешним настоящим временем тако ж де и впредь, ежели война не кончится, дабы невольники, которых невозможно разменять чин против чина, тогда за несколько число денег освобождены да будут»²⁴.

Петр I отреагировал в том смысле, что «продать шведам их армию, это значит купить себе беду», и предложил для начала произвести обмен пленными военачальниками²⁵. Но Стокгольм ответил отказом. Как поясняет в этой связи М. Эрикссон, «по мнению короля (Карла XII. – В.П.), с освобождением всех высокопоставленных русских

пленников возрастет риск того, что договориться о картеле станет невозможно. Для короля было важнее заключить картель, чем дать отдельным военнопленным свободу»²⁶.

В итоге переговорный процесс довольно быстро зашел в тупик, тем более, что после Полтавской победы русские действительно утратили интерес к картелю. И хотя переписка по поводу данного договора эпизодически возобновлялась вплоть до августа 1720 г., никакого видимого успеха она не имела²⁷.

2. В период Семилетней войны 1756–1763 гг. переговоры оказались куда более результативными. Уже 4 (15) октября 1759 г. Россия и Пруссия заключили картель «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» со сроком действия в 6 лет. Однако поскольку и само названное соглашение, и порядок его реализации мы уже рассматривали ранее²⁸, ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Так, сразу же необходимо обратить внимание на то, что несмотря на присутствие в наименовании договора слова «выкуп», а в тексте его «расценок» на каждого военнослужащего (к примеру, за прапорщика следовало отдать 5 рядовых или 12,5 руб., за капитана – 16 рядовых или 40 руб., за подполковника – 60 рядовых или 150 руб. и т. д.)²⁹, в соответствии с общим правилом «стоимость» того или иного лица рассматривалась здесь не более, чем некая условная единица. Во всяком случае известная нам документация, касающаяся обмена пленными, не содержит даже намека на фактическое перечисление сторонами «выкупных платежей» и вообще на какие-либо взаиморасчеты.

Следует также признать, что для своего времени названный договор выглядел вполне заурядно и не содержал ни существенных особенностей, ни прогрессивных положений, которые выделили бы его из ряда аналогичных соглашений XVIII столетия или не были бы известны тогдашнему праву вооруженных конфликтов. Вместе с тем исследуемый картель оказался достаточно результативным, так как за 5 месяцев его действия прусской стороне было передано 1 174 пленника и получено взамен 1 328 россиян³⁰. Если говорить о последних детальнее, то в Россию смогли задолго до окончания военных действий вернуться 2 генерал-поручика, 2 бригадира, 3 полковника, 1 майор, 9 капитанов, 15 поручиков, 51 подпоручик и прапорщик, 2 врача, 1 098 унтер-офицеров и рядовых, а также десятки лиц иных категорий³¹.

Конечно, успех договора мог быть и куда более впечатляющим, но уже к марту 1760 г. Берлин фактически отказался от его дальнейшего исполнения. Причины тому ни одна из сторон ясно не сформулировала, если, конечно, не принимать во внимание массу взаимных упреков в невыполнении тех или иных обещаний, бесконечных проволочках, неправильном оформлении документов, несоблюдении установленных маршрутов и сроков, незаконном удержании лиц, не подлежащих

плону, и пр.³² Однако, на наш взгляд, прусский король Фридрих II утратил веру в договор главным образом потому, что, даже вернув Петербургу всех его плененных генералов, он так и не смог добиться освобождения самого высокопоставленного из своих находившихся в России пленников – полковника Иоганна Людвиг Гордта³³.

3. В очередной раз вопрос о картеле возник в марте 1790 г., на исходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг., когда Стокгольм через посредство правительства Испании предложил Екатерине II заключить договор об обмене пленными. Императрица направила предложение на рассмотрение Совета при высочайшем дворе. Но последний высказался по этому поводу отрицательно, заметив, что «по известному отвержению королем шведским мирных условий здешних, входить с ним в сношение, следовательно ж и предлагаемый картель учреждать, нет никакой удобности, а особливо теперь, когда ж наступает пора к открытию кампании и началу военных действий, в продолжении которых невозможно обоюдным комиссарам свободно съезжаться, а для такого трактования остановить действия было бы для здешней стороны весьма невыгодно»³⁴.

4. Несколько иначе события развивались в ходе Англо-русской войны 1807–1812 гг. Как и в предыдущем случае, инициатором переговоров выступил противник. В апреле 1808 г. британское правительство предложило Петербургу «приступить к Генеральной картели о размене военнопленных между нашим отечеством и Россией на том же основании, на каком производится оный ныне с Голландией». В качестве образца к письму прилагалась копия англо-голландского картеля от 21 января 1805 г. В основу обмена предлагалось положить принципы «человек за человека» и «чин за чин»³⁵.

Изучив полученные документы, российское Морское министерство определило в качестве картельного порта Ригу и подвергло критике п. 3 англо-голландского договора, согласно которому на переходе морем каждому репатрианту полагалось ежедневно выдавать: 1 фунт хлеба, 1 фунт мяса и 2 кварты пива. Признав эти нормы совершенно недостаточными, Министерство предложило обеспечивать пленников «морской порцией российского веса и меры, а именно, в неделю на человека: 11¼ фунта сухарей, 7 чарок хлебного вина или водки, 3½ фунта соленого мяса, 3¼ фунта круп, 2½ фунта гороха, 1½ фунта коровьего масла, ½ фунта соли, а также 7 чарок уксуса или вместо одного красного вина 14 чарок для питья с водою»³⁶.

И хотя иных замечаний и пожеланий высказано не было, саму идею картеля с Англией Петербург в конечном итоге отклонил. Однако мы полагаем, что даже если бы такой договор и удалось подписать, реализовать его не представлялось возможным уже потому, что на протяжении всей войны британцев в русском плену

практически не было (если не считать нескольких перебежчиков, которые по общему правилу выдаче не подлежали)³⁷.

5. Наиболее успешным и долговременным оказался картель, заключенный в разгар Крымской войны 1853–1856 гг.

Характерно, что готовность к обмену пленниками российская сторона выразила уже на начальном этапе боевых действий. Так, 11 мая 1854 г. Николай I «высочайше повелеть соизволил при размене пленных соблюдать непременно следующие правила: 1. При предложении со стороны турецкого начальства о размене пленных, допускать размен на русских только одних природных турок. 2. При предложении от начальства французских войск, размен делать не иначе, как на природных французов, и при предложении от начальства английских войск, также не иначе как на природных англичан»³⁸.

Однако сам картель (в российской служебной переписке этот документ, ввиду его многостороннего характера, обычно именуется «Конвенцией») был подписан лишь по прошествии 11 месяцев, при посредничестве правительства Австрии. Формально субъектами договора выступали Россия, Великобритания и Франция. Что же касается плененных османов, то Париж почти сразу же выразил согласие принимать в счет обмена и турок, поскольку количество подлежащих обмену французов не покрывало численности русских плененных, возвращаемых Францией³⁹. Вместе с тем нельзя обойти молчанием тот факт, что плененных сардинцев обменивать было почему-то «не велено», и «на предложение сардинского правительства о размене оных согласия (со стороны Николая I. – В. П.) не последовало». Впрочем, на взаимоотношения сторон этот отказ никак не повлиял, тем более, что за всю войну в русский плен попало лишь 67 сардинцев⁴⁰.

Как полагает турецкий историк Ибрагим Кёремезли, рассматриваемый картель не преследовал цели освободить лиц, способных оказать существенное влияние на дальнейший ход войны, а, напротив, носил исключительно гуманистический характер⁴¹. Мы полностью поддерживаем такую оценку, тем более, что ее разделяли и некоторые российские непосредственные участники описываемых событий. В остальном договор мало чем отличался от большинства соглашений подобного рода. Так, перевозку плененных предполагалось осуществлять исключительно морем. Картельными портами назначались Одесса и Ливава. Обмену подлежали лишь здоровые пленники, раненых и больных следовало возвращать противнику только после выздоровления (что, кстати, соблюдалось далеко не всегда). Лица, признанные негодными к дальнейшей военной службе, равно как и не относящиеся к боевому составу войск, репатрировались без учета их численности⁴².

Картель сохранял силу практически до окончания военных действий. И хотя его коли-

чественные результаты в различных источниках представлены не вполне однозначно, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в рамках рассматриваемого соглашения обе стороны репатриировали около 25 % находившихся у них пленных. При этом союзники передали России 1 013 чел. и приняли 1 623 чел., включая 205 англичан, 434 француза и 984 турка⁴³.

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам:

I. В XVIII–XIX вв. Россия эпизодически производила упорядоченный обмен пленными (или, по крайней мере, участвовала в переговорах по поводу такого обмена) с ведущими державами как Запада (Великобритания, Пруссия, Франция, Швеция), так и Востока (Турция). Несмотря на очевидную ограниченность соответствующего отечественного опыта, последний охватывает не только двухсторонние, но и многосторонние отношения; позволяет раскрыть сложный и противоречивый механизм выработки и реализации картелей и, наконец, лишней раз свидетельствует о том, что в обозначенных хронологических рамках российское право вооруженных конфликтов развивалось в русле общеевропейских тенденций.

II. Одной из основных причин того, что в середине XIX в. картели утратили свое прежнее значение, стала кодификация международного гуманитарного права (МГП). Однако современные конфликты в подавляющем большинстве носят внутригосударственный характер, а следовательно, регулируются нормами МГП лишь в незначительной степени, благодаря чему рассматриваемые соглашения могут стать в наши дни поистине незаменимыми.

III. Тот факт, что картель применим не только к межгосударственным, но и к немеждународным конфликтам, подтверждается хотя бы его относительно успешным использованием в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Да и самые первые картели (1599 г. и 1602 г.) были подписаны в ходе войны Испании и Соединенных провинций Нидерландов (1566–1648 гг.), т. е. конфликта, строго говоря, внутригосударственного.

IV. Как представляется, разработка и внедрение в современную практику соглашений подобных картелям могло бы при определенных обстоятельствах способствовать смягчению гуманитарной ситуации в конфликтных регионах. Кроме того, оно обеспечило бы регулярные контакты между воюющими, постоянный контроль за динамикой противостояния, а в конечном итоге – и высокую результативность всего мирного процесса.

Примечания

¹ Lagadec Y., Le Prat Y., Perréon S. Un aspect des relations trans-Manche : les échanges de prisonniers de guerre depuis la Bretagne pendant la Seconde guerre de Cent Ans (1689–1815) // Mémoires de la Société d'Histoire

et d'archéologie de Bretagne, Société d'histoire et d'archéologie de Bretagne. 2013. Vol. 91. P. 260.

- ² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 39. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2.
- ³ Duché E. Captives in Plantations : British Prisoners of War and Visions of Slavery in Napoleonic France and Mauritius // French History and Civilization. 2017. Vol. 7. P. 109, 117.
- ⁴ Abell F. Prisoners of war in Britain 1756 to 1815 ; a record of their lives, their romance and their sufferings. L. ; N. – Y., 1914. P. 25–26, 31.
- ⁵ См.: Догель М. И. Юридическое положение личности во время сухопутной войны (комбатанты). Казань, 1894. С. 121, 123–125.
- ⁶ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 3
- ⁷ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–8.
- ⁸ Acerra M., Merino J., Meyer J. Les marines de guerre européennes : XVIIe–XVIIIe siècles. P., 1998. P. 128.
- ⁹ Schouler J. History of the Civil War, 1861–1865 / History of the United States of America under the Constitution. N. Y., 1899. Vol. VI. P. 408–410.
- ¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 123–124.
- ¹¹ Там же. 1702 г. Д. 4. Л. 1–13, 37.
- ¹² См.: Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб., 1889. Т. 2. С. 917.
- ¹³ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1702 г. Д. 4. Л. 37.
- ¹⁴ Там же. 1705 г. Д. 4. Л. 128.
- ¹⁵ См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39. С. 199–200.
- ¹⁶ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 269–270.
- ¹⁷ Там же. СПб., 1900. Т. 4. С. 604–605.
- ¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 242/
- ¹⁹ Там же. Л. 7–10, 13, 35, 44, 128–129.
- ²⁰ Там же. Л. 77–81.
- ²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 415–416.
- ²² Там же. Т. 4. С. 639.
- ²³ Там же. С. 355, 361.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4.
- ²⁵ См.: Акишин М. А. Пленные Северной войны : правовое положение // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения : сб. статей. М. : Кучково поле, 2009. С. 187–188.
- ²⁶ Eriksson M. Statsmakten och krigsfångarna : Den svenska statsmaktens ambitioner för krigsfångarna under det stora nordiska kriget, åren 1709–1714. Sundsvall : Mid Sweden University, 2019. S. 28–30.
- ²⁷ См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 190. Л. 176–177.
- ²⁸ См.: Познахирев В. В. Русско-пруссский картель 1759 года «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» как памятник права вооруженных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2016. № 10. С. 29–32.
- ²⁹ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 145. Л. 3–5.
- ³⁰ Там же. Д. 189. Л. 28–29.

- ³¹ Там же. Д. 98. Л. 1–2.
- ³² Там же. Д. 189. Л. 21, 38, 48, 95.
- ³³ См.: Плен графа Гордта в России (1759–1762). Извлечено из его записок и дополнено Л. Н. Майковым // Русский архив. 1877. № 7. С. 311.
- ³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 10. Л. 58–59.
- ³⁵ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1052. Л. 13, 23.
- ³⁶ Там же. Л. 19–21, 24, 31.
- ³⁷ Там же. Д. 1119_{II}. Л. 111, 142.
- ³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе : в 55 т. Т. XXIX. Отд. первое. СПб., 1885. № 28221.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2 Отд. Д. 399. Л. 4–5.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 325. Д. 39. Л. 176.
- ⁴¹ Köremezli İ. Kırım Harbi Sırasında Rusya'daki Esir Osmanlı ve Müttefik Askerleri (1853–1856) // Belleten. 2013. С. LXXVII, № 280. S. 1010–1011.
- ⁴² См.: Мещерский А. В. Из воспоминаний князя Александра Васильевича Мещерского. Размен пленных в войну 1854–1856 годов. М., 1899. С. 2.
- ⁴³ См.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2-е Отд. Д. 371. Л. 1–3, 11–12.

Образец для цитирования:

Познахирев В. В. Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 161–166. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>

Cite this article as:

Poznakhirev V. V. Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 161–166 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>

УДК 94(47).072.5

Трофейные занавесы (платы) труб 2-го (голландского) полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии: классификация, история, реконструкция

Д. И. Горшков

Горшков Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина (Захарово – Вязёмы), le84e-regiment@mail.ru

В статье на основе документальных свидетельств и архивных документов воссоздана хроника захвата занавесов (плат) 2-го полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии в период 2-го этапа Русской кампании 1812 г. На примере данных трофеев автором, с одной стороны, воссоздается коллективный портрет трубачей одного из полков Императорской Гвардии, а, с другой, проводится реконструкция внешнего вида занавеса (платы) штаб-трубача. Уточняется внешний вид одного из главных эмблематов полка, являвшегося транслятором власти 1-й Империи.

Ключевые слова: Великая армия, французская армия (1804–1815), 2-й полк шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии, занавесы труб, трофеи 1812 г.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Captured Trumpet Banners of the 2nd (Dutch) Chevauleger-Lancer Regiment of the Imperial Guard: Classification, History, Reconstruction

D. I. Gorshkov

Dmitriy I. Gorshkov, <https://orcid.org/0000-0003-2325-0064>, Pushkin's State Historico-Literary Memorial Estate, Pos. Bol'shie Vyazemy, Odincovskij rajon, Moskovskij region 143050, Russia, le84e-regiment@mail.ru

Our article is based on eye-witness accounts and archive documents and depicts history of capture of banners of the 2nd (Dutch) chevauleger-lancer regiment of the Imperial Guard during the second period of Russian campaign in 1812. On the one hand, the author uses these trophies samples to recreate collective portrait of the regiment of the Imperial Guard. On the other hand, the author reconstructs the banner of a staff-trumpeter. As a result of this research we can specify the appearance of one of the main emblems of power of the 1st Empire in this regiment.

Keywords: Grande Armée, French Army (1804–1815), 2e régiment de cheveu-légers lanciers de la Garde Impériale, trumpeter's banners, trophies of 1812.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-167-171>

© Горшков Д. И., 2020

Одним из уникальных трофеев Русской кампании 1812 г. являются захваченные занавесы (или платы) труб 2-го (голландского) полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии. Они представляют исключительный интерес для исследователей не только как важный эмблемат, транслировавший власть 1-й Империи, но и с позиции воссоздания и уточнения коллективного портрета трубачей самого 2-го полка.

Между тем до сих пор нет четкой хронологии захвата данных кавалерийских занавесов, что приводит к многочисленным ошибкам и путанице. Имеющиеся же работы не всегда точны и нуждаются в верификации. Так, в монументальном труде генерала Сержа Андоленко¹ указывается, что два занавеса труб 2-го полка были взяты в качестве трофея в бою под Боровском 25 октября 1812 г. (все даты даны по новому стилю, при цитировании источников с русской стороны дается двойная датировка: сначала по новому, а потом по старому стилям). Однако при всестороннем анализе всего эмпирического материала, связанного с боем под Боровском около с. Уваровское (Калужская губерния, Боровский уезд), данное положение не выдерживает критики.

Во-первых, и 1-й, и 2-й полки были в этот период в походной форме; все элементы полной парадной формы и сама парадная униформа трубачей 1-го и 2-го полков шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии перевозилась в полковом обозе². Во-вторых, тогда должен был бы быть захвачен один занавес, а не два. 25 октября 1812 г. под Боровском был взят в плен только ротный трубач 2-го полка (№ 835) Ян Якоб (Жан-Жак) Янсен [Janssen]³. Сами же трофейные занавесы, ошибочно отнесенные к бою под Боровском, 19 (7) декабря 1812 г. были доставлены в Петербург⁴. По поводу этих событий Кутузов писал Александру I в своем рапорте от 9 ноября (28 октября) 1812 г. (Главная квартира, г. Ельня): «Полки генерала Платова, преследуя 23-го числа неприятеля от Вязьмы к Дорогобужу, напали на французские конной гвардии полки, из коих разбили несколько эскадронов, до 300 человек взяли в плен и отбили 3 пушки; взятые же притом два штандарта 2-го гвардейского полка копейщиков (lanciers) у сего также повергаются»⁵.

Необходимо сделать ремарку и подчеркнуть, что, за исключением фаньонов Молодой Гвардии, в 1812 г. ни один орел, ни одно полотнище Императорской Гвардии не стали трофеями рос-

сийских войск⁶. Традиционно в отечественной историографии путают 3-й (литовский) полк шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии и 3-й армейский полк шволежеров-лансьеров, и прежде всего их символы чести – орлов⁷.

И, наконец, в-третьих, в этот же день, 25 октября, были взяты в плен или убиты также трубачи из 1-го полка. 25 октября 1812 г. потери под Боровском среди трубачей 1-го (польского) полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии были следующими: убит ротный трубач (№ 1352) Гауденцио Массерано [Massetano] и взят в плен ротный трубач (№ 1610) Симон Вассан [Vassant]⁸. Однако данных о потерях или захвате парадных занавесов 1-го полка нет ни с польской, ни с российской стороны⁹.

Основываясь на эмпирическом материале, можно сделать следующий вывод: в период кампании 2-й полк, видимо, потерял около 9 трубных занавесов из 27 (отсутствие описаний данных вещей не позволяет точно верифицировать их)¹⁰. Два были потеряны 4 ноября (23 октября) 1812 г.; по всей видимости, еще два были взяты Платовым 24 (12) декабря 1812 г.¹¹ вместе с обозными фурами «во время преследования с перехода за Неман и до Вилковийска» (обозначены как «гвардейские штандарты»)¹²; один захвачен во время боя при Жижморах казаком Калиною Батальщиковым из полка Попова 3-го (также ошибочно проходит как штандарт «2-го Гвардейского Легконного полка»)¹³ и четыре «значка»¹⁴ (два занавеса голландцев и два Драгунского полка Королевской (итальянской) Гвардии) захвачены 26 (14) декабря 1812 г. у Инстербурга¹⁵.

А. П. Языков вспоминает, что часть занавесов была помещена в собор Святого Апостола Андрея Первозванного села Грузина (Новгородская губерния), принадлежавшего графу А. А. Аракчееву: «По воле покойного графа после каждой литургии следует совершать по нем в церкви панихиду. Для сего выставляются среди собора столы, обыкновенно покрытый черным бархатом с серебряными галунами; но во время сей службы он покрывается чехлом из шелковой материи, на боках которого пришиты 10 знамен, отнятых у Французов в 1812 году. Из них шесть с надписью золотым шитьем «Garde Impériale» и буквою N в середине (здесь Языков явно путает разные стороны одних и тех же занавесов. – Д. Г.) и четыре с надписью тоже шитьем «2 Regiment de chevaux legers. Lanciers», и в середине вышит одноглавый орел <...>»¹⁶. Позже известный исследователь Олландер указывал в своей работе, что 6 занавесов находились в Грузино и 3 – в Казанском соборе¹⁷.

Судя по всем имеющимся описаниям, сохранившимся подлинным занавесам и изобразительному материалу, в период кампании были захвачены занавесы или штандарты (étendard de trompette) ротных трубачей 2-го полка. Тем не менее, возможно, что занавес, хранящийся ныне в Литовском Национальном музее, принадлежал

либо старшему, либо штаб-трубачу (trompette-major); последнее представляется наиболее вероятным. Однако утрата в процессе бытования бахромы не позволяет отстаивать одну из версий. Предположительно, канитель данного занавеса пошла на церковное облачение, что было обычной практикой для того времени. Так, форма для церемоний маршала Луи-Николя Даву, захваченная прапорщиками Лейб-Гвардии Финляндского полка братьями Карновичами 17 ноября 1812 г. под г. Красным¹⁸, была использована при пошиве священнической ризы, т. н. 6-й группы, для облачения в период постов, прежде всего, Великого поста, священника двухпрестольной церкви Живоначальной Троицы и Святителя и Чудотворца Николая с. Холм Огарёв Ярославской губернии¹⁹.

К сожалению, «Реестр Французским, Итальянским, Неаполитанским, Саксонским, Польским, Баварским, Вестфальским и другим бывшего Рейнского союза войск знаменам и Штандартам, отбитым в сражениях во время войны с Францией 1812. 1813. и 1814. Годов, хранящимся в Соборе Казанския Богоматери» (1814 г.) никак не проясняет ситуацию. В нем лишь подчеркивается, что «три занавески синие тафтяные наподобие небольшой хоругви, на одной стороне вышито золотою канителью N, а над оным Корона. – Вверху на парче надпись: Garde Impériale. – а внизу на углах два копыя выставлены переплетенных, также вышитых золотом. – А с другой стороны сверху на парче надпись 2me Regiment dec hevaux legers Lanciers. – а посредине орел и над ним корона. В когтях держит он пламенных и видны молнии. На углах тоже шитье, что выше сказано. Все кругом обложено золотою бахромою и у каждой занавески по два золотых с шелком на таких шнурках кисточки с каждого бока»²⁰. Причем данные занавесы были в Казанском соборе «привязаны к № № 20. 22. и 26.», т. е. двум фаньоном 2-го линейного полка и спонтону со значком второго орлоносца 17-го линейного полка²¹. Неудивительно, что часть их была отдана впоследствии графу Аракчееву, ведь в Петербурге все-таки разобрались, что речь идет о трубных занавесах, а не о штандартах²².

Из девяти трофейных занавесов, по нашим неполным данным, сохранилось лишь два. Один из занавесов (ротного трубача) 2-го полка сейчас хранится в ГИМ²³ (передан из Казанского собора в 1910-е гг. в так и не открывшийся тогда Музей 1812 года)²⁴, а другой (вероятно, старшего трубача или штаб-трубача; бахрама утрачена) представлен в основной экспозиции Литовского Национального музея (бывшая «коллекция» Казанского собора)²⁵. Возможно также, что третий занавес, находившийся в Казанском соборе, в 1910-е гг. был передан на хранение в Зимний дворец (сегодняшнее его местонахождение неизвестно)²⁶.

Нельзя не отметить, что во французской историографии²⁷ занавесы ротных и старших трубачей часто неверно идентифицируют как за-

навесы штаб-трубача из-за платы штаб-трубача (с 21 февраля 1813 г.), до этого старшего трубача (с 27 сентября 1810 г.) Жана-Мишеля Коффмана [Kauffman], отставшего от полка 18 октября 1813 г.²⁸ Дело в том, что Коффман, по-видимому, не успел поменять свой старый занавес в 1813 г., либо (что, по нашему мнению, маловероятно) занавесы ротных и старших трубачей были переданы штаб-трубачу, последние же в свою очередь были заменены другими более простыми моделями.

Первоначально с 1811 г. отличие было не только в цене данных «штандартов», но и в наличии канители (*grosses torsades*) на занавесе и кистях трубного шнура у штаб-трубача. Данная система была, видимо, заимствована у поляков²⁹. Так, административный совет 2-го полка 5 июля 1811 г. заключил контракт с господами Эберами и Компанией (Hébertet^{Cie}), располагавшимися в Париже по улице Сэн-Совёр, на поставку различных галунов, этишкетов, кистей, а также «одного шнура для инструмента штаб-трубача по цене семьдесят франков», «одного штандарта штаб-трубача (для инструмента) по цене двести восемьдесят пять франков», «двадцать шесть штандартов трубачей по цене сто тридцать пять франков» и «двадцать шесть шнуров для инструментов трубачей по цене тридцать шесть франков»³⁰.

В связи с этим стоит также упомянуть занавес (44 x 33 см) из бывшей коллекции французского художника Жана-Луи-Эрнеста Мессонье [Meissonier]. 24 октября 2015 г. он в очередной раз выставлялся на торги аукционным домом Meisier et Cie как «Занавес трубы 1-го полка польских лансьеров Императорской Гвардии»³¹.

Данный тип, если он вообще и принадлежал «Полякам Наполеона», мог использоваться лишь в период 1807–1808 гг. или во время «Стадней», но никак не в рассматриваемый нами временной отрезок 1811–1812 гг.³² Возможно, что он также принадлежал трубачу бергских шволежеров. Однако, учитывая изменение цвета под действием ультрафиолета и характерную, прежде всего, для 1814–1815 гг. длину бахромы, мы больше склоняемся к версии, что данный занавес, скорее всего, использовался либо в 1-м, либо в 4-м, либо в 6-м полках армейских шволежеров-лансьеров³³.

Лусьен Руссло также данный занавес осторожно связывает со второй (малой) формой трубачей польских шволежеров Императорской Гвардии. При этом невозможно не упомянуть о некоторых неточностях при воспроизведении занавеса, прежде всего, в передаче его цвета этим известным французским исследователем (Планшет 65 – Императорская Гвардия Польские шволежеры. Трубачи, 1807–1814 гг.). Так, бахрома, орел и коронованная литера «N» показаны Руссло серебряными³⁴. При обращении же к самому занавесу хорошо видно, что изначально все его элементы декора были золотыми: это еще раз ставит под сомнение традиционные описания и легенды рассматриваемого предмета материальной культуры

и вынуждает нас не брать его в расчет ни в случае с 1-м, ни со 2-м полком.

В заключение необходимо сказать и о самих трубах (фанфарах). Так, 1 ноября 1811 г. члены Административного совета 2-го полка заключили контракт с господином Ридлоккером или, на французский манер, Рьедлоккером [Riedlocker], музыкальных дел мастером, «проживающим в Париже по улице Портфуэн № 8», на поставку 36 инструментов (кавалерийских труб) по цене 39 франков за каждую³⁵. Именно данные образцы и будут использоваться трубачами Красных лансьеров в период Русской кампании 1812 г., не говоря о том, что, собственно, к ним и крепились рассмотренные здесь кавалерийские платы.

Что касается поставщика труб, то в данном случае речь идет об известном мастере своего времени, поставщике духовых инструментов Императорской Гвардии Франце Ридлоккере (Франсуа Рьедлоккер)³⁶. Он родился в 1753 г. в Линце (Священная Римская Империя Германской Нации), позже перебрался в Париж, где стал единственным учеником одного из лучших мастеров духовых инструментов в Париже в XVIII в. Жана-Франсуа Кормери [Cormeru]. Незадолго до начала 1808 г. Ридлоккер был определен правопреемником Кормери. Он известен, прежде всего, тем, что изобрел раздвижное колено для тромбона. Как замечали современники, его инструменты отличали красота и правильность звучания, сочетавшиеся с добротностью его продукции³⁷. Судя по сохранившимся образцам, в полку польских шволежеров в 1812 г. использовались различные модели труб, изготовленные разными производителями. Среди последних была берлинская фирма Краузе, исходя из маркировки трубы (70 см) штаб-трубача (?) на ее раструбе: A. F. KRAUSE IN BERLIN. Также в период 1809–1810 гг. несколько труб для ротных трубачей было приобретено в Вене, опять-таки основываясь на их маркировке: F*W*E*A*WIEN*1804*³⁸. Впоследствии к 1814 г. ситуация изменилась. Так, в 1-м триместре 1814 г. (1 апреля 1814 г.) административный совет 1-го полка заключил в Париже контракт с опять-таки Ридлоккером на поставку 10 труб по цене 390 франков, что свидетельствует об их унификации³⁹.

Подводя итог проделанной работы, хочется отметить, что удалось не только прояснить ситуацию с хроникой захвата кавалерийских плат, но и определиться с внешним видом занавеса штаб-трубача и отказаться от неверных интерпретаций отдельных предметов материальной культуры. Но важно и другое: проведенная верификация выводит исследователя на новый уровень постановки вопроса, связанного с репрезентацией власти посредством униформы в военной среде. Помимо традиционных символов чести (орлов), именно рассматриваемые здесь элементы парадной формы трубачей становились в условиях похода теми яркими эмблемами, выделявшими полки и транслировавшие саму власть 1-й Империи. В

этой связи уточнение внешнего вида униформы и ее элементов того или иного полка на определенном этапе кампании – важная научная задача, поскольку данный материал позволяет взглянуть на проблему не только с позиции микроистории, но и с других более широких перспектив, а также является ярким маркером, свидетельствующим о состоянии как отдельного полка, так и армии в целом.

Примечания

- 1 *Andolenko S.* Aigles de Napoléon contre drapeaux du Tsar. 1799, 1805–1807, 1812–1814 (Drapeaux russes conquis par les Français, emblèmes français pris par les Russes). Paris : Eurimprim, 1969. P. 208–209, 234, 277–278.
- 2 Service Historique de la Défense (далее – S.H.D./GR, Sous-série 1 M 2331–2 – Notes et brouillons de l’histoire de la campagne de Russie par le Baron d’Autancourt, Colonel des Cheval-légers, Lanciers Polonais de la Garde Impériale. Paris, 1880. № de Feuilles : 9.
- 3 Ibid. 20 Y^c 161 – Registre matricule. 2e régiment de cheval-légers lanciers de la Garde Impériale, 21 septembre 1810–7 mars 1813 (matricules : 1 à 2 004). P. 140.
- 4 См.: Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / изд. под ред. Н. Дубровина : в 16 вып. Вып. 15 (Документы, относящиеся к истории 2-й половины 1812 года и 1-й половины 1813 года / под ред. В. Строева). Пг. : Гос. Тип., 1915. С. 186.
- 5 М. И. Кутузов : Сборник документов и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного : в 5 т. Т. IV, ч. 2 : (октябрь – декабрь 1812 г.). М. : Военное изд-во, 1955. С. 224.
- 6 *Charrié P.* Drapeaux et étendards de la Révolution et de l’Empire. Paris : Copernic, 1982. P. 226–227.
- 7 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Л. 110 об–111.
- 8 S.H.D./GR, Sous-Série 20 Y^c 157 – Registre matricule. 1er Régiment de cheval-légers lanciers “polonais” de la Garde Impériale. Vol. 1er (№ 1 à 1 800, 1807–1812). P. 226, 269.
- 9 См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134.
- 10 *Pawly R.* Les Lanciers Rouges de la Garde. Historique du 2e Régiment de Cheval-légers Lanciers de la Garde Impériale. Les frères de Stuers au service de Napoléon – № 2. Bruxelles : Editions de la Belle Alliance, 2008. P. 155.
- 11 См.: Отечественная война 1812 года : Материалы Военно-ученого архива. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений : в 22 т. Т. XV : Боевые действия в 1812 г. (июнь – декабрь). СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1911. С. 86.
- 12 См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Л. 66–67 об.
- 13 Там же. Л. 66–66 об.
- 14 См.: Отечественная война 1812 года : Материалы Военно-ученого архива... Отдел I. Т. XV. С. 88.
- 15 *Andolenko S.* Op. cit. P. 284–285.
- 16 *Языков А. П.* Из воспоминаний о селе Грузине, имени графа Аракчеева в 1826 году // Русский архив. 1869. Тетрадь 9. Стб. 1477–1476.
- 17 *Hollander O.* Les Aigles des régiments hollandais (1811–1814) / Publié par la Direction des Archives historiques de l’état-major général de l’armée des Pays-Bas. La Haye : Gebroedersvan Cleef, 1909. P. 28.
- 18 См.: *Марин А.* Краткий очерк истории Лейб-гвардии Финляндского полка, или материалы в воспоминаниях и рассказах для полной истории полка : в 2 кн. Кн. 1. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1846. С. 30–33 ; Кн. 2. СПб., 1846. С. 25–30.
- 19 См.: *Лествицын В. И.* Мундир маршала Даву в Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. 1882. № 9.
- 20 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Л. 129 об.–130.
- 21 Там же. Л. 111 об., 112–112 об.
- 22 Там же. Л. 67–67 об.
- 23 См.: Занавес 2-го гвардейского Голландского уланского полка. Франция (1808–1814). Шелк, золотая и серебряная нить, лен. 68x68x76 // ГИМ. Отдел тканей 68257/11545 М 1882. Из Военно-исторического музея в 1930 г.
- 24 См.: *Геккель А. И.* Трофеи войн 1812–1813–1814 г., хранящиеся в Казанском соборе. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. С. 12–13 (XVIII–XIX).
- 25 *Pigeard A.* Une flamme de trompette du 2e Régiment de Cheval-légers lanciers de la Garde Impériale // Tradition magazine, 2004. № 196 (Janvier). P. 11–14.
- 26 См.: Фанфарный значок 2-го гвардейского уланского полка (Франция), фотография (24 x 30 см), 1911–1917 гг. // ГЭ. КП : КПГЭ.1948–83/9233/2. Инв. № ЗНИлл-2582.
- 27 *Pawly R.* Les Lanciers Rouges. Erpe : Editions De Krijger, 1998. P. 94.
- 28 S.H.D./GR, Sous-série 20 Y^c 161 – Registre matricule. 2e Régiment de Cheval-légers lanciers de la Garde Impériale, 21 septembre 1810 – 7 mars 1813 (matricules : 1 à 2 004). P. 120.
- 29 Katalog wystawy Napoleońskiej (doby Księstwa Warszawskiego), otwartej w gmachu Muzeum Narodowego i Muzeum Wojska w Warszawie, dn. 5 maja r. 1921 / Opracował B[ronisław] G[embarzewski]. Warszawa : [s.n.], 1921. S. 160 (897).
- 30 S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 42 – Garde Impériale. 2ème Régiment de Cheval-Légers Lanciers. Supplement au Marché passé le 24 mai 1811, le 5 juillet 1811.
- 31 *Lot.96 – Flamme de Trompette du 1er Régiment de Lanciers polonais de la Garde impériale // Collections d’Armes et d’Objets d’Art du Domaine Napoléon chez Mercier & Cie, le 24 octobre 2015. Lille : [s.n.], 2015.*
- 32 Sources documentaires concernant l’histoire du Régiment des Cheval-Légers de la Garde de Napoléon I = Źródła do historyi Pułku Polskiego Lekkokonnego Gwardyi Napoleona I, d’après des manuscrits originaux et des documents édités publiées et précédées d’une préface par Alexandre Rembowski / Préface en Français par MM. C. Przeclawski et le lieut. – colonel E. Titeux. Varsovie : X. Rubieszewski et Ch. Wrotnowski, 1899. Pl. IV.
- 33 *Bourgeot V., Martin Y.* Les trompettes de cavalerie sous l’Empire. [Paris] : Le Livre chez vous – Strasbourg : Éd. Coprur, 2010. P. 130–149, 482–501.
- 34 *Rousselot L.* L’armée française / Introduction Yves Martin. Paris : Le Livre chez vous, 2009. P. 327–328.

- ³⁵ S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 42 – Garde Impériale. 2ème Régiment de Cheval-Légers Lanciers. Marché passé le 1er novembre 1811. illustrés en une partie quelconque de la musique et des arts qui y sont relatifs : en 2 vol. Vol. 2. Paris :Valade, 1811. P. 220.
- ³⁶ Pierre C. Les Facteurs d'instruments de musique, les luthiers et la facture instrumentale, précis historique. Paris : E. Sagot, 1893. P. 150, 331.
- ³⁷ Choron Al., Fayolle F. Dictionnaire historique des musiciens, artistes et amateurs, morts ou vivans qui se sont
- ³⁸ Lubomski G. Polish Guard lancers : Uniforms & Equipment, 1807–1815. Lawrenceville : Pike and Powder, 2018. P. 132–133.
- ³⁹ S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 41 – Facture des Trompettes..., le 1er avril 1814 (Paris).

Образец для цитирования:

Горшков Д. И. Трофейные занавесы (платы) труб 2-го (голландского) полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии: классификация, история, реконструкция // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 167–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-167-171>

Cite this article as:

Gorshkov D. I. Captured Trumpet Banners of the 2nd (Dutch) Chevauleger-Lancer Regiment of the Imperial Guard: Classification, History, Reconstruction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-167-171>

УДК 94(=112.2)(47+57)[1941/1945]

Портрет советского немца-трудармейца времен Великой Отечественной войны

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

В статье исследуются проблемы трудового использования советских немцев в годы Великой Отечественной войны. В течение последних месяцев 1941 – всего 1942 гг. советские немцы-мужчины в возрасте 15–55 лет и женщины в возрасте 16–45 лет через военкоматы были мобилизованы в рабочие отряды, позднее получившие название «Трудовая армия». Особенностью этих формирований являлось то, что они, осуществляя разнообразную производственную деятельность, имели военный характер организации и лагерный режим содержания, т. е. находившиеся в отрядах советские немцы практически имели статус заключенных. Расформирование этих отрядов произошло после окончания войны (1946–1947 гг.). Значительное внимание уделено созданию социально-психологического и политического портрета немца-трудармейца. Автор опирается на свои предшествующие исследования Трудовой армии, использует работы других авторов, затрагивающие историю советских немцев в период 1941–1945 гг., разнообразные документы центральных и местных архивов военного времени и первых послевоенных лет.

Ключевые слова: советские немцы, трудовая мобилизация, трудовая армия, трудармейцы, трудовое использование, рабочие отряды и колонны, условия труда и жизни.

Поступила в редакцию: 10.01.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

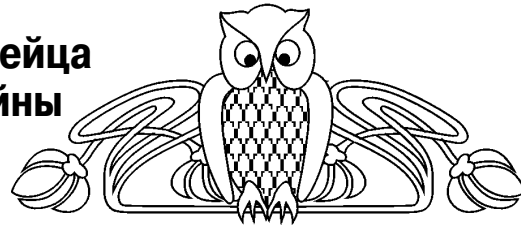
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Portrait of the Soviet German-Labor Army Serviceman of Time of the Great Patriotic War

A. A. German

Arkady A. German, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

The author explores the problems of labor use of Soviet Germans during the Great Patriotic War. During the last months of 1941 – the whole 1942. Soviet Germans, men aged 15–55 and women aged 16–45 were mobilized through military commissariats into the labor detachments, which later received the general name «Labor Army». The peculiarity of these formations was that, carrying out a variety of production activities, they were of military organization, and the camp regime of detention, that is, Soviet Germans in the detachments practically had the status of prisoners. The disbandment of these units occurred after the end of the war (1946–1946). Considerable attention has been paid to the creation of a socio-psychological and political portrait of a German labor army serviceman. The author relies on his

previous studies of the Labor Army, uses the work of other authors, affecting the history of Soviet Germans during 1941–1945. The article is based on a variety of documents from the central and local archives of wartime and the first post-war years.

Keywords: Soviet Germans, labor mobilization, labor army, labor army servicemen, labor use, labor squads and columns, conditions of work and life.

Received: 10.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-172-181>

Семь с половиной десятилетий отделяют нас от окончания Великой Отечественной войны, но до сих пор она привлекает к себе пристальное внимание историков, что в значительной мере объясняется масштабностью и неоднозначностью этого события и его последствий. Анализируя все стороны жизни и борьбы советского народа за независимость и разгром агрессора, исследователи постоянно обнаруживают и описывают все новые и новые грани этого далеко не ординарного явления, конкретизируя его и показывая вклад в Победу различных слоев и групп населения страны. Среди них выделяется немецкое население СССР. Германия была главным противником нашей страны в войне, а немцы – довольно крупным этносом среди народов СССР (по переписи 1939 г. – 1,4 млн человек)¹. Именно они испытали по отношению к себе последствия неадекватной перестройки руководства государства.

Как известно, поволжским немцам официально было предъявлено обвинение в пособничестве агрессору (печально знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Это обвинение официально было снято лишь спустя 23 года Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г.)². К концу 1941 г. почти 800 тыс. советских немцев были выселены практически со всей территории Европейской части СССР в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию и переведены на положение спецпоселенцев³.

Советские немцы стали основным контингентом так называемой «Трудовой армии» («Трудармии»), т. е. военизированных рабочих формирований, занимавших определенное место и игравших заметную роль в системе производительных сил СССР в 1941–1945 гг. Термин «Трудовая армия» появился в годы Гражданской войны. По инициативе наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого тогда были созданы

и функционировали трудовые армии, выполнявшие многочисленные производственные задачи, связанные с оборудованием прифронтовой полосы и налаживаем мирной жизни в освобожденных районах.

Трудившиеся в рабочих отрядах в 1941–1946 гг. советские немцы стали называть себя трудармейцами, чтобы хоть как-то отличаться от соседствовавших с ними в местах трудовой деятельности заключенных. Термин быстро вошел в повседневный обиход и вскоре стал использоваться как администрацией рабочих отрядов и колонн, так и курировавшими их органами НКВД.

Историки, работавшие над проблемой трудовых ресурсов в годы войны, в отсутствие достаточной источниковой базы, часто не видели отличия этих формирований от общей массы мобилизованных и привлеченных к принудительному труду людей. Тем не менее такие отличия имеют место.

Трудармейские части характеризовались тремя основными признаками:

1) производственная деятельность (труд на производственных объектах, стройках, нормы выработки, формальная оплата труда);

2) существенные элементы военной организации (призыв на службу через военкоматы, единоначалие, внутренний порядок, структура подразделений. Основным подразделением считался отряд (батальон), который состоял из колонн (рот), те же, в свою очередь включали в себя бригады (взводы)⁴;

3) лагерное содержание (место проживания было огорожено забором из колючей проволоки, по углам стояли вышки с вооруженными охранниками, постоянное патрулирование вдоль ограждения, наличие прожекторов, вооруженный конвой, сопровождавший к месту труда и назад, и др.)

Хроника и география Трудовой армии. В истории существования Трудармии можно выделить четыре этапа.

1. *С сентября 1941 по январь 1942 г.* Решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР»⁵ немцы-мужчины призывных возрастов мобилизуются в специальные подразделения. В это же время на основании директивы Наркома обороны СССР И. В. Сталина от 8 сентября 1941 г. № 35105⁶ начинается изъятие военнотрудовых немцев из действующей армии. Весь собранный контингент передается четырем лагерям НКВД: Ивдельскому, Богословскому, Соликамскому и Кимперсайскому. Краткая характеристика этим и другим объектам НКВД, где использовался труд мобилизованных немцев, дана в Приложении 1⁷.

2. *С января по сентябрь 1942 г.* На основании постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 10 января 1942 г. ГКО № 1123 сс и от 14 февраля 1942 г. ГКО № 1281 сс через военкоматы осуществляется тотальная мобилизация немцев-мужчин от 16 до 50 лет,

как переселенных в восточные районы страны (первое Постановление), так и тех, кто там проживал постоянно (второе Постановление). Сформированные рабочие отряды направляются на все важнейшие объекты НКВД⁸.

3. *С октября 1942 по декабрь 1943 г.* – проведение на основании Постановления ГКО СССР от 7 октября 1942 г. № 2383 сс самой массовой мобилизации советских немцев, к которой привлекались не только мужчины (с 15 до 55 лет), но и женщины-немки (с 16 до 45 лет). Под призыв не попадали только беременные и имевшие детей до 3-х лет. Остальные дети оставлялись на попечение стариков либо «на воспитание колхозам»⁹. Многие из них становились беспризорниками.

По этому призыву рабочие подразделения из немцев формировались не только в системе НКВД, но и на объектах многих других наркоматов и ведомств. Больше всего рабочих отрядов и колонн было создано в наркоматах боеприпасов, нефти, строительства и особенно много в наркомате угольной промышленности. Всего же за годы войны трудармейцы несли свою вахту в 40 наркоматах (включая НКВД). Женщины-немки представляли основной состав трудармейских формирований Наркоматов нефтяной промышленности и боеприпасов. Перечень основных наркоматов, в которых трудились мобилизованные немцы, приведен в Приложении 2.

4. *С января 1944 г. – до ликвидации Трудармии (в основном в 1946 г.).* На последнем этапе крупных мобилизаций немцев не было. Контингент трудармейцев пополнялся за счет репатриантов – советских немцев, попавших под оккупацию, и немцев, проживавших в России до революции и затем оказавшихся гражданами других стран¹⁰.

География размещения трудармейских отрядов охватывала почти всю территорию страны, но крайне неравномерно. Большая их часть находилась на Урале, в Сибири и Казахстане – там, где была сосредоточена основная промышленность, работавшая на войну, шло бурное строительство новых предприятий, добыча полезных ископаемых, протягивались тысячи километров новых железных и автомобильных дорог. На территориях других регионов бывшего СССР воензированные формирования из советских немцев не имели широкого распространения и были малочисленны.

Социальный облик трудармейца. Социальный состав мобилизованных немцев был представлен различными слоями общества: интеллигенцией, рабочими, крестьянами. Так, в тресте «Кемеровуголь» на шахте Северной осенью 1943 г. работали 395 немцев, из них представителей интеллигентских профессий было 34 (9%), рабочих – 98 (25%); колхозников – 263 (66%). Образование выше семи классов имели 58 человек (15%), менее семи классов – 295 человек (74,6%), неграмотных было 42 человека (10,4%)¹¹. Как видим, социальный состав и образовательный

уровень советских немцев даже в такой маленькой группе людей, как рабочая колонна, оказались близкими к средним показателям того времени (и для немецкого этноса в СССР, и для населения всей страны).

Рабочие отряды, колонны и бригады из мобилизованных немцев использовались на самых тяжелых работах, связанных с большими физическими усилиями. Они осваивали месторождения руд, угля, нефти, золота, других полезных ископаемых, строили промышленные предприятия (Челябинский металлургический комбинат, Красноурьинский (Богословский) алюминиевый завод, Соликамский, Карельский целлюлозно-бумажные комбинаты и многие другие предприятия), прокладывали железные и автомобильные дороги, изготавливали боеприпасы, производили многое другое, необходимое для страны, и, таким образом, вносили свой достойный вклад в приближение победы советского народа в Великой Отечественной войне¹².

В условиях сурового климата, при плохом питании и обмундировании, отсутствии полноценного отдыха каторжный труд в рабочих отрядах и колоннах приводил к массовому физическому истощению трудармейцев, влекущему за собой смерть, инвалидность, тяжелые болезни.

В те годы из-за того, что в Трудовой армии находилась основная часть взрослого дееспособного немецкого населения, налицо была прямая угроза физическому существованию немецкого этноса в СССР, был серьезнейшим образом подорван его генофонд. Приведем лишь один конкретный пример. По мобилизации января–февраля 1942 г. из Ишимского района Омской (с 1944 г. – Тюменской) области в Трудовую армию (на строительство Красноурьинского алюминиевого завода, в Богословлаг НКВД) попали почти все депортированные туда в сентябре 1941 г. немцы-мужчины – 342 здоровых, трудоспособных человека от 16 до 50 лет, в основном из Поволжья. Из них по официальным данным лагерной документации в 1942–1946 гг. погибли на строительстве от тяжелых условий труда, недоедания, несчастных случаев и других факторов – 85 человек (25 %). Распределение погибших по годам и по возрасту показано в таблице. Выборка сделана автором из биограмм на 20 711 немцев-трудармейцев, подготовленных на основе лагерной картотеки трудармейцев.

По состоянию здоровья были демобилизованы («активированы», как инвалиды, дистрофики, «безнадежно больные» и т. п.) еще 90 человек

(26,3 %). Таким образом, свыше половины призванных в Трудовую армию из Ишимского района депортированных чуть ранее туда здоровых немцев-мужчин, либо погибли, либо стали инвалидами. Таких районов, откуда мобилизовывались в «Трудовую армию» российские немцы, в восточных регионах страны насчитывались десятки¹³.

Говоря о смертности трудармейцев, призванных из Ишимского района в Богословлаг, отметим, что ее динамика (см. таблицу) совпадает с общей тенденцией смертности в Трудовой армии. Только за 1942 г. во всех лагерях НКВД умерли 11,9 тыс. немцев (10,6 % от их общего количества в этих лагерях). В Богословлаге за тот же год вымерли 17,2 % трудармейцев (в том числе среди призванных из Ишимского района – 16,1 %). Всего же за годы нахождения в «Трудовой армии» умерли и погибли по неполным данным свыше 60 тыс. немцев (около 20 % призванных), из них почти 2/3 в лагерях НКВД, остальные – на объектах других наркоматов¹⁴.

В контексте отмеченных выше условий труда и жизни мобилизованных советских немцев, созданной вокруг них нравственно-этической атмосферы представляется очень важным знать внутреннее психологическое состояние трудармейцев, их мироощущение, мировоззрение, реакцию на действия властей.

Лояльность и патриотизм. В разное время автором было опрошено свыше 100 трудармейцев. Один из вопросов, которые им задавались, был сформулирован так: «Какие чувства испытывали Вы, находясь в Трудармии?» Практически все отвечали одинаково: они испытывали чувство обиды и горечи за допущенную по отношению к немцам СССР несправедливость.

В Трудовой армии наиболее ярко проявлялись появившиеся в годы советской власти существенные отличия в этнической идентичности старого и молодого поколений советских немцев. Для пожилых немцев, знавших дореволюционную жизнь и переживших события революции, Гражданской войны, массовые репрессии 1930-х гг. Трудовая армия представлялась как очередное новое репрессивное по отношению к ним мероприятие власти. Они молча и стойко переносили невзгоды, снова выпавшие на их долю.

Молодые советские немцы, воспитанные на социалистических идеалах оказались в своеобразном шоке. Получив интернациональное воспитание, они никак не могли понять, как можно было их отождествлять с «фашистами» и лишать возможности защищать родину на фронте.

Смертность среди трудармейцев Богословлага, мобилизованных из Ишимского района Омской (с 1944 г. – Тюменской) области

Всего погибло	Распределение по годам (количество/проценты от общего числа погибших)				Распределение по возрасту (количество/проценты от общего числа погибших)							
	1942	1943	1944	1945	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–52	
85	55/64,6	25/29,4	4/4,8	1/1,2	5/5,9	1/1,2	13/15,3	26/30,6	19/22,3	12/14,1	9/10,6	

Сложившаяся ситуация вызывала у них обиду и желание доказать своим активным трудом и примерным поведением лояльность и патриотизм. Им казалось, что недоразумение будет исправлено и справедливость восторжествует.

Впоследствии известный советский тренер по хоккею с мячом Э. Айрих вспоминал, как группа немцев-коммунистов Богословлага НКВД на приеме у начальника политотдела строительства открыто заявила: «Мы хотим, как граждане СССР, с достоинством выполнять свой долг перед Родиной и работать под лозунгом “Все для фронта, все для победы!”»¹⁵.

По инициативе партийно-комсомольского актива проводился сбор средств в помощь Красной Армии. Патриотические инициативы трудармейцев были столь масштабны и значительны, что не могли не вызвать ответной реакции руководства СССР. Наиболее ярким примером такого рода стала телеграмма Председателя ГКО СССР И. В. Сталина трудармейцам – строителям Богословского алюминиевого завода. В ней говорилось: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353 783 рубля на строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолетов мой братский привет и благодарность Красной Армии»¹⁶.

Таким образом, высшее руководство страны показало, что оно признает высокий уровень патриотизма, имевшего место среди основной части немцев-трудармейцев.

Отдельным немцам удавалось бежать из своих лагерей, менять свои фамилии на русские и оказаться на фронте. Один из них – врач Г. Рихтер, под фамилией Смирнов с весны 1942 г. и до конца войны прошел путь от рядового до подполковника медицинской службы, начальника госпиталя¹⁷.

Главнокомандующий Группой советских войск в Германии, генерал армии В. И. Чуйков в 1951 г. спас «разоблаченного» офицера Г. Николаева, оказавшегося Эрихом Грибом. Он разрешил ему продолжать службу под новой фамилией¹⁸.

Большое количество немцев-трудармейцев участвовали в стахановском движении, становились победителями, передовиками производства. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся трест «Кемеровуголь». Там среди немцев-шахтеров весной 1944 г. насчитывалось свыше 60 стахановцев и 167 ударников. Многие трудармейцы завоевывали звание «Лучший по профессии». Такое звание, лучшего лесодоставщика, имел, в частности, немец Шлейхер, трудармеец треста Анжероуголь. Он выполнял норму на 160 и более процентов¹⁹.

Среди трудармейцев было немало научных и творческих работников. Несмотря на свой тяжелый физический труд, они пытались применить свои профессиональные знания и навыки в окружающей обстановке и небезуспешно. Приведем

лишь несколько примеров из изданной в Нижнем Тагиле в 1994 г. «Книги памяти»²⁰.

О. Н. Бадер (1901–1980) – выпускник исторического факультета Московского государственного университета, доктор палеонтологии, профессор. В Тагилстрое НКВД работал секретарем-статистиком в медицинском стационаре. В свободное от работы время проводил раскопки Горбуновского торфяника и обнаружил стоянки древнего человека времен палеолита, таким образом положив начало археологии Урала.

Г. Я. Гейнрихсдорф (1898–1965) – врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук. В 1942–1944 гг. в составе рабочей колонны работал заведующим отделением больницы Ново-Тагильского металлургического комбината, читал тагильским врачам лекции по рентгенологии, был председателем секции Нижнетагильского медицинского общества и исполнял обязанности главного рентгенолога города.

Б. В. Раушенбах (1915–2001) – выпускник Московского государственного университета, кандидат технических наук. До войны работал в Москве в области ракетостроения. Будучи в Трудовой армии, не бросал свои исследования. В 1946 г. был отозван в Москву, продолжил работу в ракетно-космической отрасли. Впоследствии – доктор технических наук, профессор, академик Российской Академии наук, Герой Социалистического Труда.

А. С. Стромберг (1910–2004) – с 1938 по 1942 г. работал в Уральском филиале Академии наук СССР над созданием технологии получения редких металлов из расплавленных солей методом электролиза. Кандидат технических наук. Весной 1942 г. оказался в Трудармии, занимался тяжелым физическим трудом. Однако уже в конце 1943 г. по ходатайству Академии наук как видный специалист был возвращен на прежнее место работы – старшим научным сотрудником Уральского филиала АН СССР.

М. В. Дистергефт (1921–2005) – художник-профессионал, закончил Ленинградскую академию художеств. Весной 1941 г. был призван по спецнабору в ряды РККА на действительную службу. С начала войны – в действующей армии. Артиллерист-зенитчик. В октябре 1941 г. вместе с другими немцами-военнослужащими был отозван с фронта и направлен на Урал в стройбат, оттуда – в рабочую колонну на Богословские угольные копи. Едва не умер от истощения и голода зимой 1942–1943 гг. Работал слесарем, пожарником, выборщиком породы. По вечерам и ночам рисовал. Создал целую серию карандашных рисунков с натуры: портреты, пейзажи, производственные и бытовые сюжеты. Смог организовать прямо в «зоне» свою творческую выставку.

Недовольство и саботаж. Если одна, превосходящая по численности, часть трудармейцев активным трудом и высокими показателями на производстве пыталась доказать властям свою

лояльность и патриотизм, надеясь, что в результате власти изменят негативное отношение к советским немцам, то другая, значительно меньшая, но не малая, – всячески выражала свою обиду, протест против допущенной несправедливости, тяжелых унижительных условий труда и жизни такими действиями, как дезертирство, отказ от работ, открытое сопротивление насилию и т. п.

Дезертирство среди трудармейцев получило достаточно широкое распространение. Только из лагерей НКВД в 1942 г. удалось совершить порядка 160 побегов, среди них было немало групповых. К примеру, осенью 1942 г. из Тагиллага сбежали на автомобиле 6 трудармейцев.

Большинство сбежавших обнаруживали и задерживали. В отдельных случаях трудармейцы-дезертиры пытались оказать сопротивление. Так, при задержании группы трудармейцев, совершивших побег из Богословлага, «таковые оказались вооруженными финскими ножами и самодельными кинжалами и, оказывая сопротивление... пытались убить пом. командира взвода оперативного дивизиона»²¹.

Дела дезертиров рассматривало Особое совещание при НКВД СССР, приговаривая практически всех к высшей мере наказания. Так 26 ноября 1942 г. по приговору Особого совещания в исправительно-трудовом лагере «Челябметаллургстрой» были расстреляны 18 трудармейцев. Тем не менее 462 дезертира обнаружить так и не удалось²².

В 1943 г., одним из самых трудных за все время существования Трудармии, дезертирство трудармейцев приобрело еще большие масштабы, из рабочих отрядов и колонн сбежали около 10 тыс. человек. Отмечался низкий процент побегов трудармейцев с объектов НКВД, что объяснялось совершенной системой охраны и конвоирования рабочих колонн. Тем не менее 1839 побегов – цифра впечатляющая. В мае 1943 г. в одной из своих директив руководство НКВД вынуждено было отметить, что «с наступлением весны активизировались попытки групповых побегов, вооруженных бандитских и контрреволюционных выступлений» со стороны отдельных групп мобилизованных немцев²³.

В отличие от лагерей и строек НКВД на объектах всех других наркоматов очень четко просматривается зависимость дезертирства от условий труда и жизни трудармейцев. Так, с заводов и строек наркомата боеприпасов в 1943 г. сбежала почти четверть трудармейцев. Напомним, что в этот наркомат мобилизовывались в основном женщины. Совершать побеге их заставляли беспокойство и душевная боль за покинутых детей. С завода № 179 (Новосибирская область) в течение 1943 г. дезертировали 930 немцев – свыше половины, трудившихся там. Аналогичная ситуация имела место на заводах № 65 и 556.

Помощник начальника отдела учета и распределения ГУЛАГа НКВД капитан госбезопасности Яцевич после проверки названных пред-

приятий наркомата в докладной записке на имя заместителя Наркома В. Чернышова отмечал неудовлетворительную организацию труда и безобразные бытовые условия, в которых находились трудармейки.

В то же время на заводах № 62, 63, 68, 76, 260 при более или менее сносных условиях жизни трудармейцев дезертирство отсутствовало²⁴. Руководство этих предприятий проявило смекалку и обеспечило доставку женщинам-трудармейкам их детей, организовали нечто вроде детсадов, т. е. выделялось специальное помещение, из среды немцев ежедневно назначались женщины, следившие за детьми.

Нередко местные органы власти, руководители предприятий и колхозов в Сибири и особенно в Казахстане принимали на работу дезертиров, таким образом фактически поощряя их. Начальник управления НКВД по Кемеровской области Шамарин в письме начальнику управления НКВД по Южно-Казахстанской области указывал, что по имеющимся у него данным в этой области проживают и работают на положении вольнонаемных рабочих и колхозников немцы, мобилизованные в 1943 г. для работы в угольной промышленности и направленные на шахты треста «Анжероуголь», откуда они в разное время дезертировали. «Эти немцы пишут своим знакомым письма, что живут не преследуемые местными органами власти из-за недостатка рабочей силы на местах и работают в колхозах. Такие письма находят благоприятную почву среди мобилизованных немцев и в последнее время дезертирство с шахт треста приняло массовый характер». Шамарин просил своего коллегу произвести задержания и направить арестованных в Анжеро-Судженский горотдел НКВД для последующего возвращения на шахты и привлечения к уголовной ответственности²⁵.

Агентурная сеть и ее работа. Для предотвращения «контрреволюционных проявлений» в трудармейской среде руководство НКВД требовало от своих структур в лагерях и на стройках постоянно насаждать и укреплять широкую осведомительскую сеть из самих же немцев. Такие же требования предъявлялись местным управлениям НКВД, в сферу ответственности которых входили рабочие колонны из немцев, работавших на объектах других наркоматов. Вербовочной работой своих органов на местах центральное руководство было постоянно недоволено, что находило отражение в многочисленных директивах, направлявшихся в нижестоящие структуры НКВД. В августе 1942 г., например, в одной из директив содержался следующий вывод: «Агентуры среди немцев мало. Имеющаяся агентурно-осведомительская сеть не направлена на выявление антисоветских повстанческих формирований среди немцев»²⁶. В том же документе указывалось на слабую работу в лагерях по борьбе с такими явлениями, как дезертирство и саботаж. Отмеченные недостатки можно увидеть и в других руководящих документах.

Однако все же следует отметить, что органам НКВД в местах нахождения трудармейцев удалось наладить достаточно надежную агентурно-осведомительную работу. Они зорко следили за политическими настроениями среди «трудмобилизованного контингента» и оценивали их в целом как удовлетворительные. Прежде всего, оперативники выискивали недовольных. Таких, конечно же, было немало. В ходе мобилизации нередко были высказывания типа: «Если не обеспечите семью хлебом, в армию не поеду. Что хотите, то и делайте...»²⁷. Нередко в документах отмечаются случаи «антисоветской агитации», ведущейся некоторыми лицами, склонение трудармейцев к «вредительству и саботажу».

Практически все недовольные брались на учет, их арестовывали и они попадали в лагерь НКВД уже в качестве заключенных. За 1942 г. в рабочих колоннах при лагерях и стройках НКВД, по нашим подсчетам, было арестовано свыше 10,5 тыс. трудармейцев. Во всех вместе взятых гражданских наркоматах арестованных оказалось почти в 10 раз меньше²⁸.

За время войны все так называемые спецпоселки, где проживали высланные и депортированные, а также все рабочие отряды и колонны были опутаны густой осведомительской сетью. О ее масштабах говорят следующие цифры: на 1 октября 1945 г. в 6 союзных, 8 автономных республиках, 5 краях и 27 областях СССР проживало 2 230 570 спецпереселенцев различных национальностей, в том числе 687 300 немцев, включая и находившихся в Трудовой армии. Всех этих советских граждан «обслуживала» агентурно-осведомительская сеть, включавшая в себя 43 280 осведомителей, 2 345 агентов, 819 резидентов, всего – 46 444 человек²⁹.

«Вражеская деятельность» трудармейцев. Выполняя приказы свыше, вся армия осведомителей, агентов и резидентов проводила напряженную работу по «выявлению и разоблачению тайных организаций». С мая 1942 г. такие проступки, как дезертирство, отказ от работы, невыполнение дневных норм труда квалифицировались по ст. 59-14 УК РСФСР как преступления, «особо для СССР опасные». В результате заводились дела, арестовывались «повстанцы», «шпионы», «диверсанты» и другие враги.

Опираясь на обвинение немцев в измене, сохранившееся в первых пунктах Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., и выявляя в среде трудармейцев «врагов», сотрудники НКВД стремились включить в их число как можно больше бывших руководителей АССР немцев Поволжья различного уровня, полагая, видимо, таким образом повысить убедительность сфабрикованных ими дел.

Активно развили работу челябинские сотрудники НКВД. В 1942 г. они завели 934 дела, по которым были осуждены 1732 человека. Несколько месяцев шло следствие в отношении бывших

руководящих работников Красноярского кантона АССР немцев Поволжья: первого, второго и третьего секретарей канткома ВКП (б) Я. Миллера, А. Роота и Т. Трутвейна, а также председателя кантисполкома А. Гартмана. Их обвинили в создании двух антисоветских организаций, насчитывавших 32 и 19 человек. Все «участники организаций», включая их «руководителей», решением Особого совещания при НКВД СССР были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны в конце 1942 г.³⁰

Однако самое сенсационное дело было сфабриковано в Богословлаге против последних высших руководителей ликвидированной в сентябре 1941 г. АССР немцев Поволжья.

В этом лагере проходили трудармейскую службу бывший председатель Совнаркома АССР Немцев Поволжья А. Гекман, бывший третий секретарь обкома ВКП (б) Немреспублики Г. Корбмахер, бывший первый секретарь Мариентальского канткома ВКП (б), стахановец-комбайнер, один из первых награжденный в АССР немцев Поволжья орденом Ленина А. Денинг, бывший заместитель председателя Совнаркома АССР Немцев Поволжья Я. Вейлерт, а также бывшие нарком земледелия АССР Немцев Поволжья Ф. Фрицлер, нарком финансов И. Майер и др.

Первым в апреле 1944 г. был арестован Г. К. Корбмахер. Через три недели допросов он признался, что входил в состав руководства антисоветской повстанческой организации в АССР Немцев Поволжья и был завербован в нее А. Гекманом. Затем арестовали А. Гекмана, которого сделали «руководителем» тайной организации, еще через несколько дней – И. Майера и Ф. Фрицлера. Несколько месяцев из них вытягивали признание. А. Гекман впоследствии писал: «...1 октября ночью меня били и потребовали от меня показаний... Били меня плеткой в подошвы ног (пятки)... Я не мог выдержать этой боли и дал вымышленные показания, чтобы избежать дальнейших побоев...»³¹.

В результате такой обработки А. Гекмана, Ф. Фрицлера и И. Майера был «выявлен» «руководящий центр подполья» в АССР Немцев Поволжья, в который кроме руководителя А. Гекмана и его ближайших помощников Ф. Фрицлера и И. Майера входили также председатель Президиума Верховного Совета АССР немцев Поволжья К. Гофман, нарком просвещения Екатерина Функ, заместитель председателя Совнаркома Я. Вейлерт (скончался 23 сентября 1945 г., от голода и побоев) и ряд других менее значимых фигур руководящего состава бывшей Республики немцев Поволжья. Некоторые из этих деятелей (в частности, К. Гофман) находились в Красноярском лагере. Туда был направлен запрос и вскоре были получены «доказательства» виновности обвиняемых.

Отдельное дело было заведено на А. Деннинга. Его объявили руководителем фашистской подпольной организации в Мариентальском кантоне.

В декабре 1945 г. он и ряд трудармейцев – его земляков по кантону – были осуждены на 10 лет лагерей и направлены отбывать наказание в Чукотский лагерь, где 13 ноября 1946 г. А. Деннинг скончался от дистрофии³².

Сенсационность дела об антисоветской подпольной контрреволюционной организации, созданной еще до войны руководителями АССР Немцев Поволжья привела к тому, что 4 ноября 1945 г. заместитель наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулов затребовал материалы в следственную часть по особо важным делам при НКГБ СССР для ознакомления и принятия окончательного решения. В ходе проверки было выявлено, что показания основных фигурантов дела неубедительны и противоречивы, что вызвало сомнение в их объективности. В связи с этим всех обвиняемых – Гекмана, Корбмахера, Фрицлера, Майера и других – отправили в Москву, где они в ходе допросов отказались от своих показаний, заявив, что те были сделаны под принуждением, в результате применения физических и психических мер воздействия на них.

Дело было пересмотрено. Обвинения с бывших функционеров АССР Немцев Поволжья в принадлежности к антисоветской повстанческой организации сняты. Однако «было установлено», что все они «были националистами», проводили «антисоветскую агитацию», «клеветали» на руководство ВКП (б) и Советское правительство. В результате всех приговорили к четырем годам исправительно-трудовых лагерей³³.

Кроме отмеченного выше знакового дела, сотрудниками НКВД, работавшими при подразделениях трудармейцев, было подготовлено много дел о «повстанческих организациях», «диверсионных группах» и т. п. «антисоветских организациях». Так, например, сотрудники Новосибирского УНКВД, опираясь на агентурную сеть в составе 11 резидентов, 6 агентов и 242 осведомителей, создали дела: «Гунны» – о «профашистской повстанческой организации»; «Термисты» – «о шпионаже в пользу Германии»; «Фрицы» – о «фашистской агитации», а также «Гансы», «Алтайцы», «Геррика», «Кроус» и многие др.³⁴.

Привлекались к ответственности и бывшие фронтовики, которые позволяли себе рассказывать людям правду о реальном положении на фронтах в начальный период войны. Так, трудармеец 2-го рабочего отряда Челябметаллургстроя НКВД Кремер летом 1942 г. был приговорен к расстрелу за распространение «ложных сведений» о ходе войны. Фронтвик рассказывал своим товарищам о кровопролитных боях лета 1941 г., больших потерях Красной Армии и ее отступлении³⁵.

Несомненно, что подобные дела на трудармейцев сломали жизнь и судьбы очень многим из них. Однако было бы необъективно рисовать отношение органов НКВД к трудармейцам только черными красками. Было немало и противопо-

ложных случаев, когда по информации агентуры вмешательство сотрудников центральных органов НКВД пресекало неорганизованность, злоупотребления лагерного или иного руководства на местах и тем самым улучшало условия жизни трудармейцев. Так, например, в директиве от 19 октября 1943 г. № 499, адресованной наркомом НКВД союзных и автономных республик, начальникам управлений НКВД краев и областей, заместитель наркома НКВД В. Чернышев отмечает, что проведенное НКВД СССР в Челябинской, Куйбышевской и Тульской областях обследование «условий размещения, режима и трудового использования мобилизованных в трудовые колонны немцев и немок, работающих на предприятиях Наркоматов – угля, нефти и боеприпасов», выявило «исключительно плохое размещение мобилизованных, несоздание бытовых условий, неорганизованность снабжения и недоброкачество питания мобилизованных. На большинстве предприятий мобилизованные размещены в случайно приспособленных бараках и других помещениях, негодных для жилья, живут крайне скученно, в антисанитарном состоянии, снабжение вещевым довольствием вовсе отсутствует, медико-санитарные профилактические мероприятия для мобилизованных не обеспечены...»³⁶. В. Чернышев требовал устранения этих недостатков в кратчайший срок и ежеквартальных докладов о состоянии рабочих колонн с акцентом на основные условия их жизни, быта, трудового использования.

Другой директивой НКВД от 10 ноября 1944 г. по ряду наркоматов отмечалась плохая организация работ, неподготовленность рабочих мест, нехватка инструмента, нераспорядительность руководителей предприятий и т. п., в результате чего нормы выработки трудармейцами не выполнялись. Отмечались случаи, когда руководители предприятий использовали мобилизованных немцев не по назначению, сдавая, в частности, как рабочую скотину, в аренду на другие предприятия, получая от этого дивиденды. Кроме того трудармейцев привлекали для удовлетворения личных нужд, на строительство собственных домов, работу на огородах в качестве домашней прислуги. По всем отмеченным фактам к виновникам были приняты административные и уголовные меры³⁷.

Аналогичных примеров в архивных документах центрального аппарата НКВД имеется немало. Понятно, что, осуществляя проверки и наказывая руководителей строек и предприятий за плохое содержание трудармейцев, центральный аппарат НКВД руководствовался отнюдь не гуманными соображениями, а необходимостью сохранения трудармейцев как остро необходимой рабочей силы и создания условий для повышения производительности их труда. Тем не менее принимавшиеся меры помогали сохранять жизнь и здоровье трудармейцев.

* * *

«Трудовая армия», «трудармия», «трудармейцы» – эти слова хорошо знакомы каждому немцу родом из бывшего СССР. Они глубоко врезались в историческую память этноса, потому что за ними скрывается самый тяжелый период жизни немцев за все время с момента их переселения в Россию, когда стал актуальным вопрос о физическом выживании народа. Трудовая мобилизация практически всего дееспособного немецкого населения для нужд военной экономики страны стала логическим продолжением депортации советских немцев, проведенной осенью 1941 г.

Трудовая армия нанесла немецкому населению нашей страны не только большой физический урон, но и вместе с депортацией и спецпоселением глубочайшую моральную травму. Этому во многом способствовал существовавший в нашей стране в течение многих послевоенных лет негласный запрет на обсуждение темы советских немцев, затянущаяся и непоследовательная реабилитация немецкого народа.

Признание трудового вклада советских немцев-трудармейцев в Победу последовало лишь в 1991 г. Указом Президента СССР М. С. Горбачева они были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»³⁸. Многие трудармейцы не дожили до этой поры. Можно только представить, какие чувства испытывали немцы-трудармейцы ежегодно, в течение многих лет, присутствуя на торжественных собраниях своих предприятий и организаций, посвященных Дню Победы, когда их сверстников фронтовиков и работников тыла поздравляли и чествовали с праздником, говорили им слова благодарности, награждали ценными подарками. Получалось так, что они – трудармейцы – к этому празднику никакого отношения не имели. Более того, именно в этот день трудармейцы чаще всего могли услышать в свой адрес, неприятные слова или даже оскорбления.

Представляется, что эпопея «Трудовой армии», как и многие другие драматические страницы нашей истории, не должна быть забыта. Из нее необходимо извлечь уроки. В этой связи особенно уместен известный афоризм В. О. Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

Примечания

- 1 См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL://http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения 28.12.2019).
- 2 См.: История российских немцев в документах. М.: Изд-во МИГУП, 1993. С. 159–160, 178–179.
- 3 См.: Депортация народов СССР (1930–1950-е годы): в 3 ч. Ч. 2: Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 172.
- 4 См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. С. 7–8.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1042. Л. 6.
- 6 См.: Шульга И. И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 131.
- 7 См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 3–5, 70, 78.
- 8 См.: История российских немцев в документах. С. 168–171.
- 9 Там же. С. 172–173.
- 10 См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Указ. соч. С. 9.
- 11 См.: Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. 210. Оп. 3. Д. 57. Л. 117.
- 12 Подробнее см.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Указ. соч.
- 13 См.: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 / авт.-сост.: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле, А. А. Пермяков, С. Л. Разинков: в 2 т. Т. 2. М.: Нижний Тагил, 2008. С. 7–907.
- 14 См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Указ. соч. С. 114–115.
- 15 Айрих Э. Строки жизни. Заметки о былом // Neues Leben (Москва). 1991. № 28. С. 2.
- 16 Сталинская стройка (Орган политотдела, стройкома и управления Базстроя). Красноурьинск. 1943. 18 марта.
- 17 О Смирнове-Рихтере Г. Э. подробнее см.: Рихтер А. Отец // Огонек. 1987. № 42. С. 4–5.
- 18 См.: Герман А. А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 20–21.
- 19 См.: ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 25, 51.
- 20 См.: Книга памяти / авт.-сост.: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, А. Я. Цейзер, С. Л. Разенков. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. С. 291, 293, 295–296.
- 21 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 128. Л. 133.
- 22 См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 44.
- 23 Там же. Л. 112.
- 24 См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 1207. Л. 5, 15.
- 25 См.: ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 86.
- 26 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 128. Л. 136 об.
- 27 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 57.
- 28 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–15; Д. 1207. Л. 106.
- 29 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 111.
- 30 См.: Кригер В. Несостоявшийся процесс // Восточный экспресс. 2000. № 17. С. 1.
- 31 Цит. по: Кригер В. Патриоты или предатели // Родина. 2002. № 10. С. 98.
- 32 См.: Кригер В. Патриоты или предатели. С. 98.
- 33 Там же. С. 99–100.
- 34 См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 189. Л. 216–238, 242–256.
- 35 См.: Ауман В. А. Судьбы и надежды советских немцев // Советские немцы: история и современность. М., 1990. С. 33.
- 36 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 154. Л. 181–183; Д. 110. Л. 26; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.
- 37 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–15; Д. 1207. Л. 3–5.
- 38 См.: Указ Президента СССР от 21 июня 1991 г. № УП-2119 «О награждении медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны». URL://http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18989.htm (дата обращения: 14.03.2019).
- 39 См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1, 2, 6.

Приложения

Приложение 1

**Размещение рабочих отрядов и колонн из советских немцев на объектах НКВД СССР в 1942–1945 годах
(Материал подготовлен на основе анализа и сопоставления документов, хранящихся в фондах 9401, 9414,
9479 Государственного архива Российской Федерации).**

Название объекта	Дислокация	Характер труда	Максимальная численность трудармейцев (год)	В том числе женщин
Актюблаг (до сентября 1942 г. Кимперсайлаг)	Казахская ССР, Актюбинская обл., пос. Кимперсай	Строительство Актюбинского комбината	1635 (1944)	–
Алтайлаг	Алтайский край, ст. Кулунда	Строительство Алтайского бромного завода	1865 (1944)	1152 (1944)
Архбумстрой	Архангельск.	Строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината	744 (1943)	744 (1943)
Бакалстрой (Челябметаллургстрой)	Челябинская обл., г. Бакал	Строительство металлургического и коксохимического заводов.	28134 (1942)	–
Белбалткомбинат	Карело-Финская ССР, пос. Сегежа	Строительство целлюлозно-бумажного комбината	4096 (1945)	4096 (1945)
Богословлаг (Базстрой)	Свердловская обл., Серовский район, пос. Турьинские Рудники	Строительство Богословского алюминиевого завода	12758 (1942)	32 (1945)
Волжлаг	Казань (управление), лагерные пункты на территории Ульяновской обл.	Строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск	16712 (1942)	–
Воркуталаг	Архангельская обл., ст. Воркута	Угледобыча	6873 (1944)	1512 (1944)
Востураллаг	Свердловская обл., пос. Тавда	Лесозаготовки	5252 (1942)	1610 (1945)
Вятлаг	Кировская обл., Кайский р-н, р. п. Рудничный	Лесозаготовки	5444 (1942)	805 (1945)
Джидастрой	Бурят-Монгольская АССР, Закайминский район, пос. Джидастрой	Добыча и промывка рудного концентрата. Лесозаготовки	1471 (1943)	1471 (1943)
Ивдельлаг	Свердловская обл., ст. Ивдель	Лесозаготовки	12347 (1942)	880 (1945)
Карагандинский угольный разрез № 4	Карагандинская обл., ст. Михайловка	Угледобыча	1280 (1944)	488 (1944)
Краслаг	Красноярский край, г. Канск	Лесозаготовки	5346 (1943)	909 (1944)
Красноярский аффинажный завод	г. Красноярск	Строительство завода	185 (1944)	86 (1944)
Нижнеамурлаг	Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре	Работа на производстве	48 (1944)	–
Нижнетагиллаг (Тагилстрой)	Свердловская обл., г. Нижний Тагил	Строительство металлургического и коксохимического заводов	4837 (1944)	972 (1945)
Отдельная исправительно-трудовая колония по Ульяновской области	Ульяновская обл., совхоз им. Сакко и Ванцетти	Сельскохозяйственное производство	1436 (1944)	1 (1944)
Отдел подсобных предприятий Главного управления автодорожного строительства НКВД	Мелкие предприятия, разбросанные по всей территории СССР	Различные виды труда	265 (1945)	–
Перевальный лагерь строительства № 500	Приморский край, Кур-Урмейский район	Различные виды труда	328 (1944)	–
Понышлаг	Молотовская обл., пос. Поныш	Строительство Понышской ГРЭС	273 (1944)	269 (1944)
Приволжлаг	г. Саратов	Строительство железных дорог	1739 (1944)	1 (1944)

Название объекта	Дислокация	Характер труда	Максимальная численность трудармейцев (год)	В том числе женщин
Проектно-изыскательская экспедиция Гидропроекта НКВД	Без постоянного места дислокации	Изыскательские работы	414 (1944)	–
Севвостлаг	Хабаровский край, г. Магадан	Строительство различных промышленных объектов	613 (1945)	–
Севжелдорлаг	Коми АССР, ст. Котлас, пос. Железнодорожный	Строительство железных дорог	5727 (1942)	–
Севураллаг	Свердловская обл., пос. Сосьва	Лесозаготовки	4262 (1943)	–
7-е строительно-монтажное управление Главного управления автодорожного строительства НКВД	Без постоянного места дислокации	Строительство автомобильных дорог	590 (1944)	–
Соликамбумстрой (Соликамстрой)	Молотовская обл., Соликамский район, р. п. Боровск	Строительство целлюлозно-бумажного комбината и порохового завода	9126 (1942)	–
Тавдинлаг	Свердловская обл., пос. Тавда	Лесозаготовки	468 (1944)	–
Умалытлаг (Умалытстрой)	Амурская обл., Бурейский район, пос. Умалыта	Строительство автодорог, мостов, угледобыча	1354 (1943)	–
Унжлаг	Горьковская обл., ст. Сухово-Безводная	Лесозаготовки	4531 (1945)	3206 (1845)
Управление автодорожного строительства Ставропольского края.	Ставропольский край	Строительство автомобильных дорог	2018 (1944)	-
Усолялаг	Молотовская обл., г. Соликамск	Лесозаготовки	8831 (1944)	2830 (1944)
Ухтоижемлаг	Коми АССР, пос. Ухта	Бурение и эксплуатация нефтяных и газовых скважин	5030 (1945)	5030 (1945)

Приложение 2

Численность немцев-трудармейцев по народным комиссариатам СССР (кроме НКВД) на 1 января 1944 года³⁹

1. Наркомат угольной промышленности – 56 423
2. Наркомат нефтяной промышленности – 29 181
3. Наркомат боеприпасов – 8021
4. Наркомат по строительству – 7703
5. Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности – 3331
6. Наркомат лесной промышленности – 2938
7. Наркомат черной металлургии – 2590
8. Наркомат цветной металлургии – 2494
9. Наркомат химической промышленности – 1709
10. Наркомат танкового вооружения – 1626
11. Наркомат электропромышленности – 1625
12. Наркомат вооружения – 535
13. Наркомат обороны – 418
14. Наркомат тяжелого машиностроения – 379
15. Наркомат электростанций – 364
16. Наркомат среднего машиностроения – 325
17. Наркомат авиационной промышленности – 293
18. Наркомат путей сообщения – 278
19. Наркомат стройматериалов – 271
20. Наркомат пищевой промышленности – 106
21. Наркомат местной топливной промышленности – 95
22. Наркомат заготовок – 35
23. Прочие 17 наркоматов – 143

Образец для цитирования:

Герман А. А. Портрет советского немца-трудармейца времен Великой Отечественной войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 172–181. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-172-181>

Cite this article as:

German A. A. Portrait of the Soviet German-Labor Army Serviceman of Time of the Great Patriotic War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 172–181 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-172-181>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(520).01

Социально-экономическое, политическое и культурно-религиозное развитие Японии рубежа VI–VII веков по конституции Сётоку

В. Г. Шишкин

Шишкин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, wital_sh@mail.ru

В статье предпринят постатейный анализ «Конституции Сётоку», где представлены данные о политической системе, социальной структуре и культурно-религиозной обстановке в Японии рубежа VI–VII вв. Обращается внимание на наличие в документе многочисленных заимствований из конфуцианства, даосизма и буддизма. Опираясь на идеи, почерпнутыми из канонических сочинений, японский законодатель призывает родовую верхушку преодолеть враждебность между кланами, повысить эффективность работы госаппарата, рационализировать ведение хозяйства и добиться доверия между различными слоями общества. Формулируется вывод, согласно которому автор Конституции не только конструирует желаемый образ японской государственности, руководствуясь идеями из классических текстов, но и обосновывает претензии царского дома на верховную власть над всеми жителями архипелага.

Ключевые слова: конституция Сётоку, статьи, Япония, буддизм, Конфуций, сановники, чиновники.

Поступила в редакцию: 17.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Socio-Economic, Political, Cultural and Religious Development of Japan at the Turn of the 6th–7th Centuries by the Shōtoku Constitution

V. G. Shishikin

Vitalii G. Shishikin, <https://orcid.org/0000-0002-2645-871X>, Novosibirsk State Technical University, 20 K. Marxa Ave., Novosibirsk 630054, Russia, wital_sh@mail.ru

The paper focuses on the article-by-article analysis of the Shōtoku Constitution, where information about the political system, social structure, cultural and religious climate in Japan at the turn of the 6th–7th centuries is presented. The author pays attention to borrowing from Confucianism, Taoism and Buddhism, which is included in the document. Using the ideas taken from canonical texts, the Japanese legislator urges the patrimonial elite to overcome hostility between kinship groups, to increase the efficiency of the state apparatus, to rationalize agricultural activity and to build trust between different segments of society. As the finding of the research, it is concluded that the author of the Constitution not only consistently proves the imperial house's claims to the supreme power over all inhabitants of the archipelago but also, guided by ideas from classical texts, constructs the desired image of Japanese statehood.

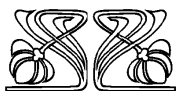
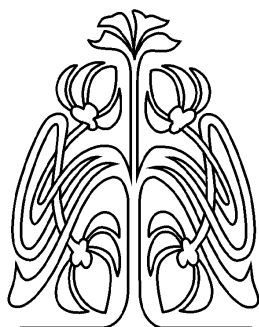
Keywords: Constitution, Shōtoku, articles, Japan, Buddhism, Confucius, dignitaries, officials.

Received: 17.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

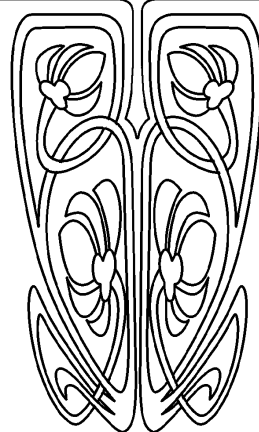
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>

© Шишкин В. Г., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Островное положение Японии оказывает серьезное влияние на развитие ее государственности, общественных институтов, хозяйства и культурной сферы. Однако изоляция никогда не носила всеобъемлющего характера, что нашло отражение в том числе в целом ряде источников.

Одним из важных документов по истории древней Японии является «Конституция Сётоку», датированная 604 г., которая также известна как «Закон Семнадцати статей», а ее полное название «Семнадцатистатьейная конституция наследника Сётоку»¹. Важно отметить, что хотя документ и называется «Конституцией», но не является таковым в современном понимании этого слова. Автором текста считается принц-регент Умаядо (574–622 гг.), более известный под посмертным именем Сётоку². Именно он на рубеже VI–VII вв. провел ряд реформ, нацеленных на культурное развитие и упорочение японского государства³.

На рубеже XIX–XX вв. появились переводы Конституции британца У. Г. Астона⁴ и немца К. Флоренца⁵. Исследование текста позволило Дж. Б. Сэнсому выдвинуть версию о том, что Конституция была написана в честь Сётоку, т. е. уже после его смерти, когда начали реализовываться некоторые предложенные им новшества⁶. В других научных работах говорится, что в Конституции отражена попытка построить государство, основанное на моральных принципах⁷, его бюрократизации, а также формирования четкой социальной иерархии⁸.

Изучением Конституции Сётоку занимались также и отечественные востоковеды. По мнению Н. И. Конрада, в документе содержится указание на «...абсолютный примат государства и его представителя – носителя верховной власти»⁹. В работе Н. А. Иофана Конституция оценивается как «...авторитетный сборник поучений в добродетели... и как древнейший в Японии памятник литературы»¹⁰. При этом исследователь отмечает бессистемность изложенных в тексте поучений, что косвенно указывает на наличие у Конституции нескольких авторов и продолжительный период ее создания¹¹. В монографии М. В. Воробьева указывается на то, что Конституция содержит «не политико-правовые положения, а религиозные и этические основы для таких положений», которые обращены к государственным деятелям и главам кланов¹². В статье В. Матвиенко Конституция рассматривается как документ, который в силу особенностей развития японской культуры неизбежно включает в область политического различные этические аспекты, важные для функционирования общества¹³. Упоминается Конституция Сётоку в текстах А. Н. Мещерякова и М. В. Грачева¹⁴, В. Н. Еремина¹⁵, а также в учебнике под редакцией Д. В. Стрельцова¹⁶. Необходимо уточнить, что в вышеперечисленных работах о Конституции говорится в контексте истории развития Японии в период оформления централизованной власти. Авторы лишь называют источники, послужившие

основой для составления документа и тех идей, которые содержатся в ее статьях. Обращает на себя внимание и то, что поверхностная характеристика документа с небольшими вариациями переходит из одной работы в другую, в то время, как комплекс важных содержательных моментов Конституции остается вне пределов исследовательского поля. В этой связи представляется необходимым более подробное изучение данного документа по истории древней Японии.

В тексте Конституции основное внимание будет уделено выявлению и анализу ключевых установок и их интерпретации. В этой связи целесообразно рассматривать статьи последовательно, учитывая, что некоторые из них логически и тематически взаимодействуют, а другие пункты носят более «автономный» характер, т. е. содержащиеся в них идеи опосредованно связаны с другими положениями Конституции. Необходимо также отметить, что японский законодатель провел серьезную аналитическую работу, не только заимствуя идеи в Китае, но и адаптировал их к специфике развития государства Ямато. Таким образом, некоторые смысловые конструкции получили новое наполнение.

Первой статьей автор документа фокусирует внимание на идеях, которые в последующих положениях получают уточнение и развитие. Мысли о «согласии» и «духе несопротивления»¹⁷ указывают на стремление нивелировать разрыв между отдельными элементами государства и общества и осуществить это на буддийских началах. Ссылка на необходимость учитывать «дух несопротивления» дается для того, чтобы преодолеть разобщенность с использованием мирных методов, а не военного принуждения. Не исключено, что составитель документа был знаком с военными трактатами, в том числе «Искусством войны» Сунь-цзы. Стоит напомнить, что создатель трактата ведет речь не только о боевых действиях, но и о том, что «... по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целостности...»¹⁸. Иными словами, мирное объединение земель на архипелаге имеет не только политическую и религиозную подоплеку, но и прагматическую – по возможности подчинять территории, используя переговоры, чтобы в последующем не пришлось заниматься их восстановлением.

Барьером для объединения территорий выступают «группировки», под которыми подразумеваются клановые структуры, находящиеся в сложных взаимоотношениях. Один из тезисов первой статьи провозглашает: «Мудрых людей мало»¹⁹, то есть указывается на деятелей, которые понимают необходимость преодолеть недоверие и распри, сдерживающие развитие архипелага. Эти люди выступают оппонентами группировок, которые «не повинуются ни государю, ни отцу, а также враждуют с соседями»²⁰.

Выход из положения видится в необходимости прийти к соглашению. Объединение подтал-

кивает учитывать интересы «верхов» и «низов»²¹. Последнее не подразумевает учета требований всех слоев, но представляет для «государственников» возможность выступать от имени как бы всего населения. В статье упоминается, что «при согласии в верхах и дружелюбии в низах, при согласованности в обсуждениях дела пойдут естественным порядком»²². Иными словами, автор указывает на то, что сотрудничество является не искусственной конструкцией, а необходимым условием развития общества. Для этого нужно преодолеть клановые интересы (разобщенность «по горизонтали») и одновременно укрепить структуру общества (побороть разобщенность «по вертикали»). Базовыми идеями объединения служат религиозные принципы, пришедшие с материка и адаптированные под местную специфику.

Во второй статье утверждается приоритет буддизма, который рассматривается в качестве официальной идеологии японского государства того периода. Это объясняется тем, что буддизм получил широкое распространение в других государствах: «... И наивысшая вера во всех странах»²³. Таким образом, Японское государство как бы встает в один ряд с наиболее сильными политическими образованиями материка и в первую очередь – с империей Суй. В статье перечисляются основные составляющие, которые необходимо учитывать: «Ревностно почитайте три сокровища; эти три сокровища суть Будда, дхарма и сангха»²⁴. Будда выступает в качестве верховного божества, дхарма – высшего закона, а под сангхой подразумевается церковное братство. В Конституции акцент сделан на том, что религиозный закон выступает как важный нормативный элемент государства. Можно предположить, что само японское общество в данном случае совпадает с религиозным братством, скрепленным узами буддийских норм. Фактически для объединения существовали все предпосылки, в том числе религиозные, надо только вспомнить о «духе несопротивления», о котором речь шла выше. Таким образом, снова подчеркивается необходимость преодоления разобщенности мирными методами: «Мало людей очень плохих, если их наставлять хорошо, то они будут повиноваться. Исправить их можно только при помощи этих трех сокровищ»²⁵.

В начале третьей статьи звучит тезис: «Почтительно воспринимая государевы указы, обязательно соблюдайте их»²⁶. В этой же статье Конституции указано, каким должно быть общество: «Государь – [это] небо, вассалы – земля. Небо покрывает [землю], а земля поддерживает небо». В одном из текстов конфуцианства «Лунь юй» Небо выступает высшим мерилем, неподчинение которому карается: «... [Учитель] поклялся: “Коль я не прав, пусть Небо отринет меня. Пусть Небо отринет меня!”»²⁷. Фактически же в Конституции в измененной форме приводится цитата из «Лецзы», где говорится: «Назначение Неба – рождать и укрывать. Назначение Земли – вскармливать и

поддерживать»²⁸. Третья статья также опирается на текст «Дао-Дэ цзин», где говорится следующее: «Кто царственен, тот подобен Небу. Кто подобен Небу, тот претворяет Путь. Кто претворяет Путь, тот пребудет долго и до конца дней избегнет вреда»²⁹.

Ссылаясь на тексты конфуцианства и даосизма, автор Конституции рассуждает о естественном порядке вещей, когда во главе находится государь, указания которого обязательны для выполнения подданными. Несоблюдение этого порядка является противоестественным и серьезным нарушением воли Неба, что непременно «приведет к разрушению»³⁰. Можно отметить, что, помимо обязательности исполнения указаний государя, в статье речь идет и о почтительности. Это предполагает понимание существования подобной системы подданными, их добровольном согласии с волей государя, которая соответствует воле Неба, а потому не может быть подвергнута сомнению.

Четвертая статья Конституции имеет конкретных адресатов – «Сановники и чиновники!»³¹. Автор текста апеллирует к ключевым группам государства, которые задействованы в его управлении. В данном случае «сановники» выступают в качестве представителей властной структуры, приближенных государя, а «чиновники» в роли бюрократов, стоящих ниже. Таким образом, речь идет о «верхах», о которых было упомянуто ранее. «Верхи» не являются однородной группой, а потому стоит дать характеристику «сановников» и «чиновников».

Критерием, согласно которому проводится разделение на эти группы, может быть степень их зависимости или близости к фигуре государя или царскому роду. На рубеже VI–VII вв. царскому дому подчинялась прослойка служилых людей, которые являлись выходцами из средних и мелких кланов и выполняли различные административные поручения властей³². Можно говорить о личной зависимости «чиновников» от царского рода, который в этот период выстраивал вертикаль власти. При этом они являются наиболее приближенными людьми, обладавшими специфическими навыками, в том числе, например, образованием, умением выполнять деликатные и ответственные поручения, которые были связаны с функционированием государства.

К группе «сановников» можно также отнести представителей клановой верхушки, находившейся в родственных, тесных экономических или иных связях с царским домом. Занимая высшие посты в развивающейся системе государственных институтов, они служили опорой трону и одновременно как бы разделяли власть с правителем, который не имел возможности контролировать все территории государства, а также сферы деятельности, необходимые для его функционирования. При этом вожди крупных кланов, вместе с представителями царского дома могли занимать высшие посты в центральных органах власти и на

местах³³. В последнем случае власти фактически закрепляли за главами союзных родов те земли, которые принадлежали им ранее. При этом подчиненные клановой старшине управленцы низшего звена на местах могли играть роль «чиновников», подчиняясь своим сюзеренам, т. е. «сановникам». Встраивая родовую знать в управленческую структуру, царский дом расширял базу своей поддержки среди кланов и тех групп, которые находились с ними в тесных связях.

Вторым важным феноменом, который нашел отражение в четвертой статье Конституции, является ритуал. По мысли авторов документа: «...если сановники и чиновники соблюдают ритуал, то все идет нормально. Если простой народ соблюдает ритуал, то государство управляется естественно»³⁴. Ритуал служит еще одним «цементирующим» элементом для развития государства и его централизации. В конфуцианстве ритуал выступает комплексом взаимосвязанных идей и обязательных для выполнения поступков и действий, соблюдение которых помогает сохранять в обществе порядок: «...Когда используют Правила, принцип единения через разномыслие должен быть самым ценным. Именно этим и был прекрасен Дао-Путь первых правителей... Однако, когда встречались неосуществимые дела, они, владея этим принципом достижения единения через разномыслие, добивались такого единения. Но невозможно достичь такого единения вне рамок Правил»³⁵. Под термином «Правила» подразумеваются определенные действия правителя, нацеленные на взаимодействие с «сановниками», «чиновниками» и «низами». Здесь уместно привести еще одну цитату из Конфуция: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он исправится»³⁶. Акцент сделан именно на «Правилах», а не на законе. Фактически закон является производной от более весомых и древних элементов, в том числе ритуалов или «Правил», важных для общества.

Содержание пятой статьи носит специализированный характер, разъясняя то, чем и каким образом должны вести дела «сановники» и «чиновники». Звучит призыв: «Избавьтесь от чревоугодия, откажитесь от жадности и справедливо разбирайте поступающие жалобы»³⁷. Данную сентенцию можно оценивать и как констатацию порядков, укоренившихся в обществе во взаимоотношениях «верхов» и «низов», что было далеко от естественного порядка вещей, но не являлось чем-то необычным для того периода.

Логичным выглядит и указание на наиболее вопиющие негативные моменты: «В последнее время лица, разбирающие жалобы, сделали

обычаем извлекать из этого [личную] выгоду и выслушивать заявления после получения взяток»³⁸. При этом автор текста не удерживается от поэтического сравнения: «Поэтому-то жалоба имущего человека подобна камню, брошенному в воду, а жалоба бедняка подобна воде, политою на камень»³⁹. В примечании к тексту Конституции говорится о том, что данное изречение заимствовано из антологии китайской литературы «Вэнь сюань»⁴⁰. Таким образом, японский законодатель демонстрирует эрудицию и широту кругозора, а также указывает на то, что источником документа являются не только канонические тексты, но и произведения изящной словесности как кладезь мудрости. В финале статьи приводится оценка ситуации накануне реформ: «Именно в этом [заключаются] недостатки [истинного] пути наших вассалов»⁴¹. Данная сентенция интересна тем, что вновь все группы населения объединяются и называются «вассалами», хотя таковыми могут не являться. Автор текста подчеркивает верховенство царской власти, ее всеобщность, возможность повелевать жителями архипелага.

Шестая статья показательна для документа еще и потому, что в ней содержится обращение к наследникам трона, без их прямого упоминания. Это добавляет своеобразие Конституции и вводит в текст нотки морализаторства в духе древних просветителей. Делается это без словесной возвышенности, а с лаконичной четкостью: «Наказание зла и поощрение добра – хорошее древнее правило; поэтому не скрывайте добра людей, а заметив зло, обязательно исправляйте его»⁴². Данная фраза перекликается с цитатой из «Чжун юн» об избежании крайностей: «Шунь – вот кто великий мудрец! Шунь любил спрашивать и внимательно вслушивался в разговор окружающих. [Везде за правило считали] сокрытие зла и возвышение добра, [а он] брал эти две крайности и среднее между ними применял в отношении к народу...»⁴³.

В последующем тексте статьи говорится об опасности льстецов и обманщиков, которые выступают как «...остроконечный меч, разящий [свой] народ»⁴⁴, что перекликается с классической политической композицией «добрый царь и плохие бояре». При этом данное положение вещей не отменяет того, что «разлагающие элементы» в верхах могли серьезным образом влиять на государя. В этой связи можно привести цитату Конфуция об управлении: «...Запрети мелодии [царства] Чжэн, изгони льстецов: мелодии Чжэн непристойны, а льстецы опасны»⁴⁵. Актуальность данных советов (по поводу льстецов, а не царства Чжэн) сохраняется, а потому и наставление потомкам в последующих предложениях дополняется новыми подробностями: «Подобные люди всегда неверны государю и немилосердны к народу, а это есть источник больших беспорядков»⁴⁶. Здесь идет развитие мысли по принципу «от простого к сложному» и указание на то, какие будут последствия, если не заниматься решением кадровых

вопросов и пустить на самотек дела государства.

В седьмой статье звучит призыв к расстановке приоритетов в кадровой политике: «Каждый человек должен иметь свои обязанности и [дела] управления не должны быть смешиваемы. ... Поэтому в древности мудрые государи искали способных людей на посты, а не искали постов для людей»⁴⁷. Обращение к будущим правителям сочетается с отсылкой к прошлому, но не японского государства, а Китая. Автор документа дополняет положения регламентирующего характера нормами морали, которые содержатся в конфуцианских текстах со схожей формулировкой: «Правитель использует сановников, руководствуясь Правилами, сановники же служат правителю, руководствуясь чувством преданности»⁴⁸. Здесь акцент сделан не на единстве «верхов» и «низов», а на том, что правящие группы должны быть готовы к управлению и понимать всю ответственность за судьбы государства. При этом большая часть ответственности ложится на плечи правителя, который занимается кадровой политикой. Автор говорит: «В мире мало людей с природными знаниями; мудрость – продукт глубоких размышлений»⁴⁹.

Схожая мысль присутствует в «Лунь юй», где дается совет молодому чиновнику: «... Больше слушай, будь сдержан, когда возникнет сомнение, осторожно говори, и тогда нареканий будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном будь осмотрителен, и тогда раскаяния будут редкими. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках [придется] редко раскаиваться, тогда и будет тебе казенное содержание»⁵⁰. Таким образом, государству нужны осторожные люди, готовые не только исполнять приказы, но и учиться управлять, соблюдая «Правила», набираться опыта. Словом, чиновниками не рождаются, ими становятся, а от того, какими будут эти люди, зависит состояние государства. Конфуций не раз возвращается к теме обучения, указывая, что это одно из ключевых занятий для благородного мужа (цзюнь-цзы), который может служить примером для простых людей и идеалом правителя.

Восьмая статья Конституции – одна из самых лаконичных во всем документе и в ее содержании четко прописаны адресаты и посыл: «Сановники и чиновники! Рано приходите ко двору и поздно уходите. Государственные дела не допускают нерадивости»⁵¹. Бюрократические порядки, получившие развитие в Китае, на тот момент были чужеродны для японского государства и общества. Аппарат в центре и на местах находился в процессе формирования, что сказывалось на эффективности его работы. Не вдаваясь в подробности служилой иерархии, которая в тот период эволюционировала⁵², стоит отметить, что автор Конституции лишь обозначил пожелание решить проблему, обосновав ее с рациональных позиций. Выстраиванием же четкой иерархической системы и расписанием служебных обязанностей разных звеньев бюрократии будут заниматься

уже последующие поколения японских законодателей, что найдет отражение в своде законов «Тайхорё»⁵³.

В девятой статье раскрывается еще один качественный принцип функционирования государства: «Доверие есть основа справедливости... Добро и зло, успех и неуспех, безусловно, зиждутся на доверии»⁵⁴. Развивая мысль о необходимости четкого выполнения служебных обязанностей, автор текста делает акцент на формировании особых отношений, которые являются одними из базовых в конфуцианстве: «При управлении государством, ... будь на этом деле благоговейно сосредоточен и добивайся доверия [народа]...»⁵⁵. Другой пример: «... Смерти никому из людей не избежать, но если народ перестанет доверять, то государству не устоять»⁵⁶. Фактически идет дословное цитирование «Лунь юй», потому что завершающая цитата девятой статьи звучит так: «Если сановники и вассалы не будут доверять друг другу, то все рухнет»⁵⁷.

Помимо важности «доверия», необходимо учитывать и то, что данная статья логически связана с предыдущей, следовательно, нацелена на «сановников» и «вассалов». Однако «сановники» формально не являются вассалами. В данном случае можно отметить, что все свободное население архипелага делилось на две группы: родовую знать всех степеней и прочих жителей. Первые являлись членами клановых структур, поддерживающих царскую власть, занимающих нейтральную позицию или находящихся в оппозиции, а вторые – членами корпораций, созданных ранее по профессиональному или территориальному принципу. Клановая верхушка, имевшая кровное родство, занималась административными и военными делами, осуществляла ритуал. Члены корпораций объединяли большую часть свободного населения островов и занимались хлебопашеством, рыбной ловлей, охотой, промыслами, а также выплачивали определенную часть прибавочного продукта клану, под покровительством которого находились⁵⁸.

Если подходить к этой структуре с точки зрения выстраивания иерархии, как в Европе, то местные «сановники» являются вассалами государя, а члены корпораций их «вассалами». Однако зависимость «сановников» от государя нельзя назвать вассальной, так как каждый клан владел землей по праву наследования, а не дарования со стороны государства или царя. В этой связи «сановники» или представители родов выступают как отдельная группа, не являющаяся вассальной по отношению к государю. Члены корпораций, в которые входила большая часть населения японского архипелага, являлись вассалами клановой верхушки, поскольку жили на их землях и отдавали часть произведенной продукции как плату за ее использование.

Можно предположить, что автор Конституции обращается в первую очередь к главам кланов, а через родовую знать – к их вассалам. Кроме того,

законодатель, чтобы быть последовательным, как бы возвращается к смыслам, которые ранее нашли отражение в документе. Раз во второй статье речь идет о религиозном братстве всего населения архипелага, то нет необходимости отступать от этих позиций и в девятой. В очередной раз повторяется мысль, только другими словами, с упором на «доверие», необходимость согласия между «высшими» и «низшими», которое было обозначено в третьей статье.

Десятая статья начинается со слов: «Избавьтесь от гнева, отбросьте негодование и не сердитесь на других за то, что они не такие как вы. У каждого человека есть сердце. У каждого сердца – свои наклонности»⁵⁹. Идет обращение к «сановникам и чиновникам» без их обозначения в тексте. Призыв забыть о негативных эмоциях связан с тем, что именно этим людям надлежит воплощать идеал человека или благородного мужа, а по мысли Конфуция, «... в гневе надо помнить о его последствиях...»⁶⁰. Фактически каждое обращение к «сановникам и чиновникам» добавляет новые требования к их деятельности и образу жизни, которые бы соответствовали принципам цзюнь-цзы, что должно прийти не через принуждение, а понимание, поэтому и упоминается сердце, связанное с моральными основами развития личности.

Дальше автор Конституции озвучивает необычную мысль: «Мы оба вместе и умны и глупы, подобно кольцу без концов. Поэтому хотя он и сердится на меня, я, напротив, должен сам опасаться сделать ошибку»⁶¹. Можно заметить намек на «Дао-Дэ цзин» за счет необычной стилистики текста, связанного с парадоксальностью изложения и возможностью интерпретировать ту или иную цитату в зависимости от контекста. Более того, в каноническом тексте даосизма присутствует цитата, где речь идет о человеке, который движется по Дао-пути, т. е. близок к естественному состоянию: «У меня сердце глупца – смутное, безыскусное!»⁶². В данном случае «глупец» не является уничижительной характеристикой. Она указывает на свободу человека от мирской суеты и понимание им сути вещей, что перекликается с характеристиками благородного мужа, которому «видеть надо ясно... слышать надо четко...»⁶³.

Заканчивается статья следующим высказыванием: «Хотя я, возможно, один прав, но должен следовать за всеми и действовать одинаково [с ними]»⁶⁴, которое подводит черту сложносоставной мысли и обогащает ее. Здесь проявляется особый подход, характерный для жителей архипелага, и «закрепляется особый тип личности, постоянно подстраивающей себя к собеседнику, партнеру, канону, традиции»⁶⁵. Это находит отражение не только в постоянных ссылках на канонические тексты, но и в указании на готовность действовать с опорой на коллектив.

Одинадцатая статья посвящена наградам и наказаниям: «Справедливо оценивайте заслуги

и провинности; обязательно награждайте и наказывайте соответственно... Бывает, что награды [дают] не по заслугам, а наказания – не по вине»⁶⁶. Идет речь об осторожном обращении с этими методами. Здесь уместно вспомнить трактат Сунь-цзы: «Если солдаты еще не расположены к тебе, а ты станешь их наказывать, они не будут тебе подчиняться; а если они не станут подчиняться, ими трудно будет пользоваться. Если солдаты уже расположены к тебе, а наказания производятся не будут, ими совсем нельзя будет пользоваться»⁶⁷. Правильное обращение с данным инструментом может привести к победе в сражении и в управлении государством, ошибки – к поражениям на поле боя и провалам в политике.

Награды и наказания как способ взаимодействия с населением можно рассматривать с нескольких позиций. В первую очередь награды и наказания служат подспорьем в управлении населением. Главенствующим является ритуал, то есть «Правила», как о том говорит Конфуций. При этом надежды на то, что все будут чтить ритуал, нет. Потому использование наказаний за несоблюдение «Правил» или поощрений в противоположной ситуации характерны для властей. Второй важной чертой механизмов наградений и наказаний является момент, связанный с рекрутированием управленцев, о чем шла речь в седьмой статье.

В двенадцатой статье Конституции единственный раз идет обращение к конкретным должностным лицам: «Царские контролеры и наместники провинций!». Далее следует призыв не облагать двойными налогами народ и апелляция к тому, что государь является единственным господином всего народа, а остальные – его вассалы⁶⁸. К рубежу VI–VII вв. в Японии власть на местах оставалась в руках клановых структур, которые не собирались ею делиться. Наместниками могли выступать люди, получавшие должности на землях царского дома, или же представители родовой старшины, владевшие землями ранее, а после включения в управленческую вертикаль государства легализовавшие свой статус, ставшие «наместниками». «Контролерами» могли быть люди государя, осуществлявшие взаимодействие политического Центра с периферией. Говорить о полном контроле над провинциальной элитой в этот период не представляется возможным. Скорее, речь идет об опосредованном контроле, т. е. сборе информации о состоянии дел на местах и ознакомлении с ней государя. Не исключено, что в этой ситуации «сановники» могли использовать «контролеров» в своих целях, в том числе за счет материальных поощрений.

Двенадцатая статья – одна из немногих, где содержатся не только утвердительные или должностные положения, но и вопрос: «Почему же [они] наряду с казной осмеливаются [незаконно] облагать [налогами] простой народ?»⁶⁹. Вопросительные коннотации используются в просветительских текстах, где через полемику

со зримым или воображаемым собеседником (от которого необязательно должен поступить ответ) достигается цель – донести очень важную мысль. Автор использует разные выразительные элементы и стилистические приемы, чтобы положение той или иной статьи, а также документ в целом были поняты адресатом.

В тринадцатой статье идет речь о качестве исполнения поручений государя: «Все назначенные чиновники должны одинаково [хорошо] исполнять [свои] служебные обязанности»⁷⁰. В дальнейшем приводятся некоторые исключения и уточнения: «Не заниматься делами можно лишь в связи с болезнью или служебными поручениями. Однако когда вы сможете исполнять обязанность, то действуйте, как и прежде в [духе] согласия»⁷¹. Данный тезис интересен еще и тем, что служит примером оговорки, когда можно не выполнять свои функции. Иными словами в документе акцент сделан не только на унификацию, но и на учет разных условий и обстоятельств. Подобную гибкость законодателя в последующем можно наблюдать, например, в таких законодательных документах, как «Манифест Тайка»⁷². Дух согласия является важным в деятельности для чиновников: «...Благородный муж строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но не [сторонник одного] дана»⁷³. Как раз несклонность к ссорам разных данов, то есть общин. Иначе говоря, благородный муж или чиновник должен поступать так, чтобы не только не оттолкнуть представителей различных групп (кланов и корпораций), но и служить связующим звеном между народом и государем.

В четырнадцатой статье содержится очередное обращение к «сановникам и вассалам» и осуждению пороков: «Не будьте завистливы. Если мы завидуем другим, то и другие завидуют нам. Беды от зависти не имеют предела»⁷⁴. Конкуренция среди управленцев наблюдалась всегда. Результирующей этого процесса была возможность занять более высокий пост, получить привилегии и повышенное содержание. Обратной стороной конкуренции становились интриги, сплетни и другие явления, тормозившие развитие аппарата, порождая борьбу между отдельными его представителями и группировками. Перенос вражды кланов и их отдельных представителей на поле управления государством представлялся опасностью, которая могла привести к краху всей структуры власти, которая только-только начала обретать более четкие очертания.

Не менее важным аспектом статьи являлась сентенция: «... Умногo встречаешь [раз] в пятьсот лет, [а] одного мудреца трудно найти и [раз] в тысячу лет. Однако кто будет управлять страной без умных людей и мудрецов?»⁷⁵. Можно вспомнить о седьмой статье, где говорилось о том, что «в мире мало людей с природными знаниями...»⁷⁶, т. е. узкой прослойке людей, подготовленных к

решению проблем управления. Их еще придется найти и воспитать. Речь идет не просто о кадрах бюрократии, а об исключительных людях, готовых взять на себя ответственность за проведение преобразований. Автор документа, если и не лелеял надежду, то предполагал, что и в государстве Ямато может появиться мудрец, как Конфуций, который в период нестабильности выдвинул комплекс идей, ставших ориентиром при преодолении кризисных явлений.

Пятнадцатая статья начинается как призыв: «Отвернуться от личного и повернуться к государственному – это [истинный] путь вассала»⁷⁷. Примат государственного над личным основывается не только на властной необходимости, но и на моральных принципах: «Если человеком овладевает личное, то [им] обязательно овладевает злоба...»⁷⁸. Дальше автор документа выстраивает цепочку рассуждений, показывая, что приоритет личного разрушителен не столько для отдельного человека, сколько для государства и общества в целом. Одной из расшифровок данного умозаключения может служить цитата из «Лунь юй», имеющая отношение к государю: «Если правитель ведет себя правильно, то дела идут и без приказов. Если же правитель ведет себя неправильно, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов не издавалось»⁷⁹. Законодатель периода Ямато «закольцовывает» логические построения данного пункта с тем, что было сказано еще в первой статье о важности согласия в «верхах» и «низах».

Таким образом, государство и общество находятся выше отдельного человека, но в определенной мере зависят от деятельности личности, потому что базируются на согласии всех элементов, тех же «верхов» и «низов», что является необходимым условием естественного порядка вещей. Если же личность возобладает, то это будет нарушением порядка. Интересен здесь и аспект, касающийся государя, который выступает как отдельная личность, но при этом должен соблюдать «Правила». И только в этом случае он может повелевать людьми.

Шестнадцатая статья документа говорит об использовании «низов» при выполнении разнообразных повинностей. В последнем случае речь идет об отрыве земледельцев от участков и выполнении работ вне рамок своего хозяйства, деревни и даже области проживания. Здесь идет речь, например, о работах по возведению различных строений, объектов инфраструктуры и пр.⁸⁰ Автор Конституции не посягает на прерогативы кланов в сборе налогов и использовании труда «низов» для выполнения повинностей, а лишь основывается на рационализации последних: «... Народ должно использовать в зимние месяцы, когда у него есть свободное время. С весны до осени, во время сезона обработки полей и шелковицы народ использовать нельзя»⁸¹. Это означает, что отрыв крестьян от работы во время аграрного периода может привести к негативным

последствиям, вплоть до неурожая и голода, сокращения налоговых выплат.

Финальная, семнадцатая статья Конституции указывает на место правителя в среде политической элиты. В третьей и двенадцатой статьях также шла речь о том, что монарх находится на вершине иерархической лестницы. В семнадцатой статье дается новая аллитерация этого положения: «Важные дела нельзя решать одному; их обязательно обсуждать со всеми»⁸². А дальше следует уточнение, что в «малых делах» монарх самостоятельно принимает решения. «Важные дела» требуют обсуждения⁸³, что указывает на существование механизма коллегиальности. При этом обсуждение вовсе не подразумевает принятия коллективного решения. Речь идет о том, чтобы избежать ошибок – обсудить и прийти к решению. Последнее слово остается за правителем. Таким образом, в финале в очередной раз более отчетливо подчеркивается наивысший статус государя.

В заключение можно отметить, что к рубежу VI–VII вв. в Японии сформировались условия для законодательного оформления государственности и усиления роли правящего рода. В этой связи автор «Конституции Сётоку» постарался не только отразить ключевые, на его взгляд, черты развития японского государства и общества того времени, но и показать свое видение того, какими они должны быть. Идеи, почерпнутые в канонических текстах, позволяли японскому законодателю выстроить доказательную базу, необходимую для последовательного и желательного бесконфликтного преодоления клановых распрей. Идеи буддизма и даосизма служили основой в деле снижения разобщенности между «верхами» и «низами», прекращения вражды между оппозиционными группировками и сторонниками царского дома. Все общество рассматривалось в качестве братства, скрепленного религиозными нормами, которые были выше земных законов. Конфуцианские предписания подходили для формирования правил, необходимых для функционирования высшей и рядовой бюрократии. При этом «сановники» и «чиновники» выступали в качестве интерфейса в процессе укрепления власти государя в Центре и в провинции. Примером идеального управленца служил образ благородного мужа, который являлся связующим звеном между родовыми структурами и различными слоями японского общества, с одной стороны, и царской властью – с другой. Превалирование в Конституции идей коллективизма и корпоративизма не перечеркивало возможности для проявления личностных качеств отдельных представителей господствующей верхушки и в особенности правителей Ямато. Обозначенные в Конституции положения являются примером компромисса между традиционными устоями, господствующими в японском социуме, и религиозно-этическими нормами, позаимствованными с материка. При этом представители японской

правлящей элиты старались адаптировать концепции китайских просветителей к местным условиям, полагая, что перенос чужих идей требует избирательного подхода и мягкого внедрения, в особенности тогда, когда общественные институты сохраняли архаичные черты, а правящему роду необходимо было решить комплекс задач, связанных с усилением государства.

Примечания

- 1 Ямато (Япония) VII в. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/pred.phtml?id=1510 (дата обращения: 31.05.2019).
- 2 См.: *Суровень Д. А.* Титулатура правителей и три высших должностных лица государства Ямато на рубеже VI–VII веков // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2011. № 21 (236). С. 74.
- 3 См.: *Ласков С. С.* Япония в раннее Средневековье VII–XII века : исторические очерки. М. : Либроком, 2011. С. 30–33.
- 4 *Aston W. G.* *Nihongi : Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697 : in 2 vols. (in 1).* L. : Keagan and Co., 1896. Vol. 2. P. 128–133.
- 5 *Florenz K.* *Japanische Annalen. Bd. XXII. Nihongi.* Tokyo : Hobunsha, 1903. P. 13–20.
- 6 *Sansom G. B.* *A History of Japan to 1334.* Stanford : Stanford Univ. Press, 1958. P. 51–56.
- 7 *Kasulis T. P.* Prince Shōtoku's Constitution and the Synthetic Nature of Japanese Thought // *The Oxford Handbook of Japanese Philosophy / ed. by B. W. Davis.* URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199945726.001.0001/oxfordhb-9780199945726-e-5> (дата обращения: 19.11.2019).
- 8 *Deal W. D.* *Hagiography and History : The Image of Prince Shōtoku // Religions of Japan in Practice / ed. by G. J. Tanabe.* Princeton : Princeton Univ. Press, 1999. P. 316–333.
- 9 *Конрад Н. И.* *Избранные труды.* История. М. : Наука, 1974. С. 374.
- 10 *Иофан Н. А.* *Культура древней Японии.* М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. С. 91.
- 11 Там же. С. 91–92.
- 12 См.: *Воробьев М. В.* Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М. : Наука, 1980. С. 183.
- 13 См.: *Матвиенко В.* Политика справедливости : о деонтологической этике в японской политической культуре // *Социологическое обозрение*. 2016. № 15. С. 75–93.
- 14 См.: *Меццержаков А. Н., Грачев М. В.* *История древней Японии : учебное пособие для вузов.* М. : Наталис, 2010. 544 с.
- 15 См.: *Еремин В. Н.* *История правовой системы Японии / отв. ред. А. А. Кириченко.* М. : РОССПЭН, 2010. 293 с.
- 16 См.: *История Японии : учебник для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова.* 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-Пресс, 2018. 592 с.

- 17 См.: Конституция Сётоку / пер. К. А. Попова // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 129.
- 18 *Сунь-цзы*. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М.: АСТ: Астрель: СПб.: Terra Fantastica, 2011. С. 457.
- 19 Конституция Сётоку. С. 129.
- 20 Там же. С. 130.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004. С. 179.
- 28 Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступит. ст. и прим. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 288.
- 29 Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). С комментариями и объяснениями / пер. с кит. В. В. Малявина. М.: АСТ, 2017. С. 73.
- 30 Конституция Сётоку. С. 130.
- 31 Там же.
- 32 См.: *Воробьев М. В.* Указ. соч. С. 146.
- 33 Там же. С. 149.
- 34 Конституция Сётоку. С. 130.
- 35 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 160.
- 36 Там же. С. 161.
- 37 Конституция Сётоку. С. 130.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Там же. С. 135.
- 41 Там же. С. 130.
- 42 Там же.
- 43 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 129.
- 44 Конституция Сётоку. С. 130.
- 45 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 217.
- 46 Конституция Сётоку. С. 130.
- 47 Там же. С. 131.
- 48 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 167.
- 49 Конституция Сётоку. С. 131.
- 50 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 163.
- 51 Конституция Сётоку. С. 131.
- 52 См.: *Воробьев М. В.* Указ. соч. С. 141–158.
- 53 См.: Свод законов «Тайхорё». Законы I–XV. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Tajhore_I/index.phtml?id=11301 (дата обращения 19.02.2019).
- 54 Конституция Сётоку. С. 131.
- 55 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 158–159.
- 56 Там же. С. 201.
- 57 Конституция Сётоку. С. 131.
- 58 См.: *Воробьев М. В.* Указ. соч. С. 133–136.
- 59 Конституция Сётоку. С. 131.
- 60 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 223.
- 61 Конституция Сётоку. С. 131.
- 62 Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). С комментариями и объяснениями. С. 83.
- 63 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 222.
- 64 Конституция Сётоку. С. 131.
- 65 *Мецгеряков А. Н.* Древняя Япония. Культура и текст. М.: Наука, 1991. С. 210.
- 66 Конституция Сётоку. С. 131.
- 67 *Сунь-цзы*. Трактаты о военном искусстве. С. 60.
- 68 См.: Конституция Сётоку. С. 131.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Манифест Тайка URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/frametext.htm (дата обращения: 31.05.2019).
- 73 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 208.
- 74 Конституция Сётоку. С. 132.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Там же.
- 79 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 205.
- 80 См.: *Воробьев М. В.* Указ. соч. С. 170–175.
- 81 Конституция Сётоку. С. 132.
- 82 Там же.
- 83 Там же.

Образец для цитирования:

Шишикин В. Г. Социально-экономическое, политическое и культурно-религиозное развитие Японии рубежа VI–VII веков по конституции Сётоку // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>

Cite this article as:

Shishikin V. G. Socio-Economic, Political, Cultural and Religious Development of Japan at the Turn of the 6th-7th Centuries by the Shōtoku Constitution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 182–190 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>

УДК 94(437)9/12

Город и монастырь в средневековой Чехии (X–XIII века)

А. Н. Галямичев

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии двух важнейших институтов средневекового общества – города и монастыря в Чехии X–XIII вв. Выявляются особенности этого взаимодействия в рамках указанного периода. Особое внимание уделяется XIII в., в течение которого чешское общество, в том числе город и церковь, претерпели существенные изменения, в результате которых политико-правовой и социально-экономический строй Чехии приблизился к западноевропейской модели средневекового развития.

Ключевые слова: средневековый город, монастырь, Чехия, монашеские ордена, немецкая колонизация.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Town and Monastery in Medieval Bohemia (X–XIII Centuries)

A. N. Galyamichev

Alexandr N. Galyamichev, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, galyamichev57@mail.ru

The article discusses the interaction of the two most important institutions of medieval society – the town and monastery in the Bohemia of X–XIII centuries, the peculiarities of this interaction during a specified period. Particular attention is paid to the XIII century, during which the Czech society, including the city and the Church, underwent significant changes, and the political, legal and socio-economic system of the Bohemia approached the Western European model of medieval development.

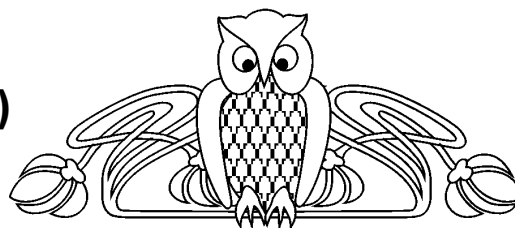
Keywords: medieval city, the monastery, Bohemia, monastic orders, German colonization.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>

Тема «Город и монастырь», предполагающая рассмотрение характера взаимодействия двух важнейших социальных институтов средневекового общества, позволяет взглянуть под своеобразным углом зрения на его историческое развитие¹

и, в частности, дает возможность более отчетливо проследить региональные особенности².

Анализ этого материала на примере средневековых городов Чехии позволяет внести новые штрихи в картину истории церкви и урбанизма.

Прежде всего следует отметить, что данные, имеющиеся в источниках, дают основание для вывода о более прочной связи города и монастыря в чешских землях по сравнению со странами Западной Европы.

Особенность развития средневековой Чехии состояла в том, что первоначально основывающиеся в стране монастыри были связаны исключительно с городами – центрами средневековой государственности. Женский монастырь св. Георгия на Пражском граде был основан одновременно с учреждением пражского епископства в 973 г., а его первой настоятельницей стала представительница княжеской династии Пржемысловичей, сестра князя Болеслава II Млада. Как повествует хронист Козьма Пражский, «когда Млада отправилась помолиться в Рим, она была радушно принята папой; проведя здесь некоторое время, она достаточно ознакомилась с монашескими уставами, и тогда в конце концов папа, по совету своих кардиналов, желая оказать благосклонно поддержку новой церкви, посвятил ее в сан аббатисы; он заменил ее имя на имя Марии и пожаловал ей устав св. Бенедикта и жезл игуменьи»³. В 993 г. был основан мужской Бржевновский монастырь неподалеку от Пражского града на правом берегу Влтавы⁴. Древнейшие монастыри Моравии также были теснейшим образом связаны с областными градами (Оломоуц, Райград)⁵.

Данное обстоятельство было, разумеется, закономерным. Дело в том, что княжеская власть выступала в качестве руководящей силы в процессе христианизации Чехии, на градах строились первые храмы (житие св. Вацлава повествует: «Во всех городах он построил очень красивые церкви. Божиим рабом он собрал ото всех народов. Всегда, во все дни совершалась служба Богу, как и у великих народов, заботами доброго и праведного владыки Вячеслава»⁶), а сельские местности, о чем красноречиво свидетельствуют первые опыты законодательной деятельности чешских правителей⁷, долгое время оставались во власти языческих представлений. Кроме того, чешская церковь, не располагая значительными земельными владениями, находилась на материальном обеспечении светской власти, включая предоставление духовенству необходимых продуктов

питания и ремесленных изделий. В учредительной грамоте Бржевновского монастыря было, например, записано: «Далее, я (т. е. князь Болеслав II. – А. Г.) установил, чтобы ежегодно в распоряжение вышеназванного монастыря пражский владарь, кто бы им ни был, предоставлял триста денариев, кусок воска для освещения этого монастыря, три бочки меда, тридцать сыров, десять хлебов»⁸.

В конце XI в. наметилось оживление деятельности монастырей в Чехии⁹. Оно сопровождалось приобретением монастырями земельных владений, создававших условия для постепенного ослабления их связи с городом и государством. Эта тенденция приобрела значительный импульс в начале 1140-х гг., когда в чешские земли пришли монахи двух основанных в конце XI – начале XII в. в странах Западной Европы орденов – премонстрантов и цистерцианцев.

Появление последних в чешских землях было вполне закономерным. В стране все более интенсивно разворачивался процесс внутренней колонизации (по оценке видного чешского историка Й. Жемлички, освоенные в течение XII в. земли составили 45 % всех земель, вовлеченных в хозяйственный оборот с древнейших времен до середины XIV в.¹⁰), и накопленный к тому времени на Западе этими орденами, внесшими большой вклад в хозяйственное освоение и технологическое развитие средневековой Европы, опыт мог быть успешно использован как на благо самих орденов, так и на благо Чехии.

Преюнкты и цистерцианцы активно включились в процесс освоения пустующих земель, каковых в Чехии середины XII в. было предостаточно. Бенедиктинцы стали приобретать первые земельные владения еще в предшествующий период. Об этом свидетельствует, например, учредительная грамота Градиштенского монастыря в Оломоуце от 3 февраля 1078 г.¹¹

Дополнительным стимулом развертывания деятельности новых монашеских орденов выступало то обстоятельство, что развертыванию внутренней колонизации в Чехии сопутствовал процесс становления частновладельческого поместья и имущественных отношений, что открывало перед орденами перспективы земельных приобретений как от княжеской власти, так и от представителей светской знати¹². Таким образом, в XII в. изначально неразрывная, но по мере упрочения позиций христианства и церкви в стране постепенно ослабевавшая связь монастыря и города в Чехии ушла в прошлое, хотя монастыри (в том числе новых орденов) оставались важным фактором жизни городских центров.

Как преюнкты, так и цистерцианцы, не ограничивались освоением лесов и пустошей, а строили свои монастыри и в городах. Так, главным центром преюнктов в Чехии стал Страговский монастырь, основанный в 1140–1143 гг. Владиславом II в непосредственном соседстве с Пражским градом¹³ и пользовавшийся особым по-

кровительством правителей. Название монастыря принято связывать со словом «стража», поскольку он был построен на месте заставы, охранявшей подступы к Пражскому граду с самой уязвимой, западной стороны.

Цистерцианцы же были известны как «горные монахи» – опытные рудознатоцы, о которых в средневековой Европе слагались легенды¹⁴, и первый основанный ими в Чехии монастырь в Седлеце (в 1143 г.) сыграл исключительно важную роль в истории добычи серебра в стране. Само название крупнейшего (с начала 1290-х гг.) центра горной добычи – Кутной Горы, расположенной в ближайшем соседстве с Седлецким монастырем, связано с преданиями об оставленной монахом-цистерцианцем Антонием на месте находки богатейшей серебряной жилы монашеской ряссы (kuta – рясса (старочеш.)).

Во второй половине XII в. в чешских землях обосновались представители духовно-рыцарского ордена иоаннитов (госпитальеров). Первая коммунда этого ордена была основана в Праге между 1158 и 1159 гг. возле моста через Влтаву¹⁵.

Приход духовно-рыцарских орденов в Чехию, как представляется, в значительной степени стал отражением происходившего во второй половине XII в. оживления городской жизни, внутренней и внешней торговли (свидетельством этого было само строительство в Праге каменного моста – второго, построенного в средневековой Европе к северу от Альп после моста через Дунай в Регенсбурге), поскольку с первых десятилетий своего существования они активно включились в систему торговых связей, неуклонно расширяя свое присутствие в важнейших центрах.

В начале XIII в. к иоаннитам присоединились тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена. Духовно-рыцарские ордена пользовались особым покровительством королевской власти, что во многом предопределялось внешнеполитическими задачами в условиях сложных взаимоотношений папства и империи.

XIII в. был отмечен стремительным ростом новых монастырских оснований в чешских землях. По подсчетам чешского исследователя Л. Йираско, из 184 монастырей, существовавших в чешских землях до 1306 г., 134 (72, 8 %) были основаны в течение XIII в.¹⁶. Это не было случайностью: XIII в. вошел в историю Чехии как столетие немецкой колонизации, которая сопровождалась проникновением и укоренением в Чехии западноевропейских правовых и культурных традиций.

Одной из важнейших перемен, которыми ознаменовался для Чехии XIII в., было оформление сословной структуры общества. В силу своеобразия местных условий формирование духовного сословия в чешских землях опережало формирование других сословий средневекового общества – бюргерского и рыцарского, а заложившая прочную основу сословных привилегий духовенства

грамота Пржемысла Оттокара I 1222 г.¹⁷ считается одной из важнейших вех чешской истории.

Следует отметить, что большинство новых монастырей было основано именно в городах. По подсчетам Л. Йираско, из 134 монастырей, возникших в чешских землях в 1222–1306 гг., 110 находилось в городах¹⁸. В годы правления Вацлава II (1283–1305), как отмечал выдающийся исследователь истории средневековой Праги В. В. Томек, только в столице Чехии насчитывалось 15 монастырей¹⁹.

В XIII в. свое присутствие в чешских землях, в том числе – городах расширили все существовавшие к его началу монашеские ордена. Но особенно быстро наращивали свою численность нищенствующие ордена, само появление и предназначение которых было связано с городами и проповеднической деятельностью в городской среде. По подсчетам того же Л. Йираско, количество монастырей нищенствующих орденов достигло к концу XIII в. 62, т. е. 62 % от общего количества монастырей, основанных в Чехии в 1222–1300 гг.²⁰

Но в XIII в. в Чехию пришли также и возникшие в самом его начале нищенствующие ордена, деятельность которых концентрировалась в городах. На их долю пришлось большинство городских монастырских оснований (62 из 110) в 1222–1300 гг., что было обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, нищенствующие ордена пользовались поддержкой как папства, так и королевской власти. Кроме того, они находились в тесном контакте с орденскими структурами за пределами Чехии.

Во-вторых, нищенствующие монахи приходили вместе с потоком немецких колонистов как его органическая составная часть, которая, в отличие от старых орденов, не была никак связана с местными традициями и воспроизводила на новом месте привычный для колонистов жизненный уклад, что составляло важное их преимущество сравнительно с другими орденами.

Нищенствующие и духовно-рыцарские (в 1222–1300 гг. количество их комменд в городах Чехии выросло на 22) ордена способствовали, таким образом, ускорению формирования в чешских землях новой модели городского строя, типологически родственной западноевропейской, где сложились как принесенные в Чехию в ходе немецкой колонизации традиции и институты городской жизни, так и сами монашеские ордена, не терявшие связи с материнскими монастырями.

В распределении монастырей по городам наблюдается следующая закономерность: чем больше город, тем выше в нем концентрация монашеских институтов. Это объясняется, по-видимому, тем, что в крупных городах в большей степени ощущалась потребность в благотворительной деятельности, которая составляла важнейшую задачу нищенствующих и духовно-рыцарских орденов.

Эта социальная функция монастырей в наибольшей степени проявилась во времена

«злых лет после гибели короля Пржемысла Оттокара II» – пяти лет (1278–1283) малолетства Вацлава II, отмеченных бесчинствами иноземцев, пришедших в страну вместе с регентом Оттоном Бранденбургским, стихийными бедствиями и жесточайшим голодом, когда в чешские города устремились в поисках спасения толпы голодных крестьян²¹.

Окончание череды бедствий «злых лет» в массовом сознании связывалось со смертью святой Анежки, сестры короля Вацлава I. К лику святых Анежка Чешская была причислена римско-католической церковью лишь в 1989 г., однако в чешских землях почиталась в качестве таковой еще при жизни. Она сыграла важную роль в продвижении нищенствующего монашества в Чехию: основала первый женский монастырь францисканского ордена к северу от Альп, переписывалась со св. Кларой, наконец, стояла у истоков создания первого из основанных в Чехии монашеских орденов – госпиталя при соборе св. Франциска, на основе которого в XV в. оформился орден крестоносцев с красной звездой²².

В целом утверждение нищенствующих орденов знаменовало собой существенное усиление роли монастырей в жизни средневековых городов Чехии, в том числе духовной и культурной, результатом чего стало укрепление общности духовной жизни Чехии и Запада. Монашеские ордена выступили в роли создателей первых готических храмов в Чехии²³, очагов развития школьного образования.

В заключение отметим, что в XIII в. взаимоотношения города и монастыря в чешских землях обрели еще одну новую грань: крупнейшие монастыри страны стали выступать в роли основателей городов и городских сеньоров. Характер взаимоотношений городов и монастырей стал приобретать новые оттенки, что свидетельствует о том, что на пороге XIV в. чешское общество вступало в новый период своего развития.

Примечания

- 1 См.: Усков Н. Ф. Монастырь и город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. М. : Наука, 1999. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. С. 284–312.
- 2 См.: Фрейденберг М. М. Монастырь в структуре средневекового далматинского города // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1980. С. 65–97.
- 3 Пражский Козьма. Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 64–65.
- 4 Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae (далее – CDB) : in VII t. Pragae : A. Wiesner, 1904. Т. I. № 375. P. 348.
- 5 Dějiny zemi Koruny české. Praha ; Litomyšl : «Paseka», 2003. D. I. S. 60.
- 6 Востокская легенда // Сказания о начале Чешского

- государства в древнерусской письменности / предисл., коммент. и пер. А. И. Рогова. М. : Наука, 1970. С. 53.
- ⁷ *Prameny k dějinám státu a práva v Československu* / ed. V. Vaneček. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1957. S. 30–31, 34–37.
- ⁸ CDB. T. I. № 375. P. 348.
- ⁹ *Machilek F. Církev a kultura (r. 800 – r. 1306) // Tisíc let česko-německých vztahů*. Praha : Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 1991. S. 38.
- ¹⁰ *Žemlička J. K charakteristice středověké kolonizace v Čechách* // Československý časopis historický. 1978. Roč. 26. S. 58–81.
- ¹¹ CDB. T. I. № 79. P. 82–85.
- ¹² *Graus F. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*. Praha : Státní nakladatelství politické literatury, 1953. S. 231–232.
- ¹³ *Wýpisky z Vincentia, Gerlaca a j.* // *Fontes rerum Bohemicarum* : in VIII t. Pragae : Nákladem Musea Království Českého, 1874. T. II. P. 271.
- ¹⁴ См.: *Бакс К. Богатства земных недр*. М. : Прогресс, 1986. С. 178.
- ¹⁵ CDB. T. I. № 245. P. 215.
- ¹⁶ *Jirasko L. Kláštery ve městech v Čechách a na Moravě ve 13. století // Města v českých zemích v období feudalismu*. Praha : Ústav československých a světových dějin ČSAV, 1979. S. 143.
- ¹⁷ CDB. T. II. № 227. P. 211–212.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy* : ve 3 díl. Praha : nákladem Musea Království Českého, 1855. D. I. S. 413.
- ²⁰ *Jirasko L.* Op. cit. S. 145.
- ²¹ *Wyprawowáni o zlých létech po smrti krále Přemysla Otakara II* // *Fontes rerum Bohemicarum* : in VIII t. Pragae : nákladem Musea Království Českého, 1874. T. II. P. 335–368.
- ²² *Soukupová H. Svatá Anežka Česká : Život a Legenda*. Praha : Vyšehrad, 2015.
- ²³ См.: *Пон И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века*. М. : Искусство, 1978. С. 92–96.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. Город и монастырь в средневековой Чехии (X–XIII века) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>

Cite this article as:

Galyamichev A. N. The Town and Monastery in Medieval Bohemia (X–XIII Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 191–194 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>

УДК 94(620)|1517/1882|

Роль Салмана Реиса в завоеваниях Османской империи в Красноморском бассейне

А. А. Сатаров

Сатаров Андрей Аркадьевич, аспирант кафедры Истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, ajaks0204@mail.ru

Статья посвящена османскому флотоводцу Салману Реису, который принял участие в нескольких экспедициях мамлюкского султаната против Португалии. В 1525 г. после проведенной в Джидде инспекции флота он подготовил отчет о политической и экономической ситуации в Красноморском бассейне и Индийском океане. Османские власти использовали этот отчет в качестве программы для экспансии империи в регионе.

Ключевые слова: Османская империя, Салман Реис, Суакин, Португалия, Красное море, Йемен

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Role of Salman Reis in the Ottoman Conquests in the Red Sea Area

А. А. Satarov

Andrei A. Satarov, <https://orcid.org/0000-0002-2976-6697>, St. Petersburg State University, 11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, ajaks0204@mail.ru

The article is devoted to the Ottoman naval commander Salman Reis who took part in several expeditions of the Mamluk Sultanate against Portugal. It is shown that in 1525, after an inspection of the fleet in Jeddah, he prepared a report on the political and economic situation in the Red Sea area and the Indian ocean. The Ottoman authorities used this report as a program for the expansion of the Empire in the region.

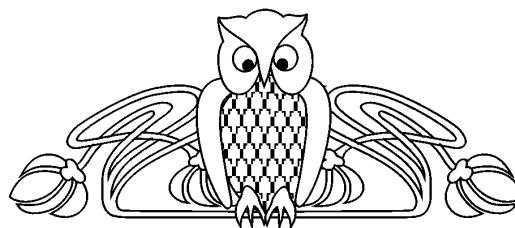
Keywords: Ottoman Empire, Salman Reis, Suakin, Portugal, Red Sea, Yemen

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-195-198>

Сразу после открытия морского пути в Индию вокруг Африки Португалия стала ежегодно организовывать экспедиции в Индию. В 1501 г. из Индии в Лиссабон португальский флот доставил первую большую партию пряностей. Появление португальцев в Индийском океане вызвало серьезное беспокойство мамлюкского султаната, экономика которого сильно зависела от торговли с Индией. Уже в 1505 г. султан Кансук аль-Гури

(1441–1516) начал создавать экспедиционный флот против португальцев на Красном море, который в 1507 г. был отправлен к берегам Индии. Помощь в его подготовке оказывали Венеция и Османская империя, также получавшие значительные доходы от транзитной торговли. Первоначально помощь состояла лишь из строительных материалов для флота, оружия, однако с 1510 г. в Египет стали прибывать добровольцы из Османской империи¹. Среди них оказался и османский флотоводец Салман Реис, который практически не упоминается в отечественной историографии в контексте османских завоеваний в Красноморском бассейне².

Источники не рассказывают о ранних годах жизни Салмана Реиса. Известно, что он родился на острове Лесбос и, возможно, имел греческие корни³. Некоторые исследователи пишут, что Салман Реис принял участие в экспедиции против португальцев в 1507–1509 гг.⁴ Достоверно известно, что в 1515 г. он стал одним из командующих последней экспедиции мамлюкского флота: 30 сентября 19 кораблей из Суэца взяли курс на Индию, чтобы выбить оттуда португальцев⁵. Планы спутал тахиридский султан Амир II ибн Абд аль-Ваххаб, который в нарушение своих вассальных обязательств отказался предоставить экспедиции людей, продовольствие и базы. В результате поход был отложен: в течение восьми месяцев мамлюкский флот занимался строительством морской базы на острове Камаран в Баб эль-Мандебском проливе, а затем при поддержке различных антитахиридских группировок был организован поход против Амира II. Тахиридскому султану удалось отстоять Аден, а затем экспедиция была эвакуирована в Джидду после получения известия о начале военных действий между Османской империей и мамлюкским Египтом. Салман Реис стал одним из тех, кто в апреле 1517 г. отразил атаку на Джидду португальского флота, отправившись в 1515 г. сюда непосредственно из Португалии во главе с третьим губернатором Португальской Индии Лопу Суарешем де Альбергария⁶.

После того, как Селим I (1465–1520) завоевал Египет, Салман Реис прибыл в Каир, но был арестован и выслан в Стамбул. Источники не объясняют причин этого заключения, которое, скорее всего, было связано с его службой у бывших врагов Османской империи – мамлюков⁷. Вероятно, Салман Реис вышел на свободу только после смерти Селима I.

То, что опытный флотоводец мог оказаться полезным, понял великий визи́рь Сулеймана Великолепного (1494–1566) Ибрагим-паша (1493–1536). В 1524 г. он лично прибыл в Египет для наведения порядка. Ему требовались люди, которые могли бы принять участие в разработке стратегического плана действий в Красноморском бассейне, ведь османское государство вышло на абсолютно новые рубежи. Тогда Ибрагим-паша обратился к Салману Реису, предложив ему отправиться в Джидду и провести инспекцию оставленного мамлюкского флота⁸. По итогам этой инспекции в 1525 г. Салман Реис составил отчет «О Красном море и португальцах в Индийском океане». Текст отчета был опубликован трижды (в том числе в виде переводов): первый раз – в 1934 г. Февзи Куртоглу. В 1974 г. перевод отчета Реиса на английский язык выполнил турецкий исследователь Салих Озбаран (нами приводятся цитаты из документа в переводе этого автора⁹), несколько позднее, в 1976 г., описание отчета и его перевод на французский язык опубликовал Мишель Лесюр. Перевод некоторых фрагментов в 2012 г. представил американский исследователь А. Пикок. В российской историографии этот документ ранее никогда не упоминался.

В отчете Салман Реис приводит описание многих прибрежных районов акватории Индийского океана: восточного побережья Африки, Йемена, Индии, Малайского архипелага. Флотоводец подробно анализирует экономическое положение стран, дает оценку возможности завоевания указанных областей и их удержания под контролем Османской империи.

Описаний Красноморского бассейна, относящихся к тому же периоду, до нашего времени дошло не так много. В упоминавшемся в отчете Салмана Реиса Суакине за два года до его составления побывал иудей Давид Раубани¹⁰, не оставивший описания города¹¹. Несколько позднее, в 1541 г., регион посетила португальская экспедиция Эштвана да Гамы, подробный отчет о плавании которой записал лоцман Жоао де Кастро: португальский флот прошел все Красное море до Суэца, «посетив» Массауа, Суакин, Кусейр, ат-Тур. Де Кастро назвал Суакин, который к этому времени уже был подчинен Османской империи, «одним из самых богатых городов Востока»¹². Он отметил его торговые связи с Юго-Восточной Азией и Египтом, которые подтверждаются современными археологическими находками¹³.

В начале своего отчета Салман Реис приводит список кораблей, орудий, людей, на тот момент доступных в Джидде для активных действий. В первой части отчета он делает вывод, согласно которому священные города мусульман Мекка и Медина, так же как и Египет, абсолютно беззащитны перед португальцами, поскольку мамлюкский флот в Красном море не подготовлен: «Из-за страха отправки этих кораблей португальцы не входят в Суэцкий залив, но если они узнают о том, что

эти корабли не пригодны для операций, что на них нет команды, они неизбежно появятся с большой армадой, поскольку кроме этих кораблей, больше ничего не может отпугнуть этих проклятых португальцев»¹⁴.

Далее в своем отчете Салман Реис перечисляет и кратко описывает крепости португальцев в регионе. Он приходит к выводу о том, что борьба с ними имеет хорошие перспективы: «Говорят, что эти проклятые португальцы удерживают вышеупомянутые порты только двумя тысячами человек. Следовательно, когда наши корабли будут готовы и, даст Бог, двинутся против них, их полное поражение будет неизбежно, поскольку одна крепость не сможет помочь другой: они лишены возможности выступить единым целым»¹⁵.

В заключительной части отчета флотоводцем выдвигаются предложения по осуществлению экспансии, даются ее экономическое и военное обоснования. Так, ключом к индийскому рынку он называет Йемен и город Аден: «В настоящий момент в Йемене нет правителя, провинция опустела. Йемен заслуживает того, чтобы стать процветающим санджаком. Его было бы легко и возможно захватить. Если удастся присоединить Йемен, то станет возможным овладеть землями Индии и отправлять каждый год огромное количество золота и драгоценностей в Стамбул. Йемен производит корень марены, произрастающий также в Индии, являющийся прекрасным ресурсом для откупов... Говорят, что даже в Индии нет похожей на эту гавань [Аден]. Прибыль одного порта каждый год составляет более 200 тыс. султани, но его беём [губернатором] является Абд аль-Малик, очень несправедливый правитель. Невозможно описать, какие несправедливости, какой гнет он учиняет мусульманам. Поэтому сначала более важным является удалить это зло, чем зло проклятых португальцев. Он постоянно причиняет вред мусульманам и собирает огромное количество товаров и сокровищ. Говорят, что он настолько несправедлив, что убить его будет долгом [согласно шариату]»¹⁶.

Еще одной целью завоевания, по мнению Салмана Реиса, должен стать Суакин, портовый город на территории современного Судана, который в то время являлся одним из главных торговых центров на Красном море. Контроль над ним был необходим для увеличения налоговых поступлений. Купцы из Индии предпочитали разгружаться в Суакине, а не в Джидде, уже контролируемой османами, чтобы не платить большие сборы: «Напротив порта Джидда, на другой стороне Красного моря и на расстоянии 250 миль от Египта находится еще один порт, известный как Суакин. Купцы из Индии часто высаживаются в этом порту, избегая большой несправедливости в порту Джидды. Здесь также к каждому кораблю подплывают голые арабы, чтобы по очереди собрать в подходящее время ушр. Они поровну разделяют полученную сум-

му и исчезают. Это объясняется тем, что шериф Мекки также берет свою долю, но ничего не идет в казну султана. Если в подходящее время корабль с 50 мушкетерами на борту из Джидды прибудет [к Суакину], он может быть захвачен для государства»¹⁷. Кроме того, через Суакин проходили поставки лошадей из Египта «неверным» в Эфиопию, что вызывало недовольство у потенциальных союзников Османской империи мусульманских правителей Зейлы: «В порт Суакин упомянутый выше каждый год из Саида [верхнего Египта] привозят тысячу арабских лошадей и продают их неверным в провинцию Эфиопия. С этим связано то, что мусульмане из вышеупомянутой Зейлы посылают жителям письма, спрашивая: «Почему вы продаете лошадей неверным в вашей стране? С помощью этих лошадей они становятся сильными и борются с нами. Вы тоже немусульмане?». Но они не принимают это во внимание»¹⁸.

Для обеспечения безопасного судоходства в Красном море адмирал также рекомендовал захватить порт Дахлак: «В вышеупомянутый порт [Дахлак] прибыл посланник с 200 неверными из проклятой Португалии, чтобы построить крепость. Эти неверные до сих пор содержатся здесь как заключенные. Но если бы проклятые неверные построили крепость в вышеупомянутом порту, они бы смогли контролировать море до самого Суэца»¹⁹.

В конце своего отчета Салман Реис предлагает подчинить султанат в Сеннаре (это первое упоминание султаната в Османских документах) и Эфиопию. По оценке флотоводца, при небольших военных затратах османам можно было получить контроль над землями, богатыми полезными ископаемыми, а также различными экзотическими товарами: «На границе Нила, за горами, которые находятся с другой стороны Суакина, есть провинция, на достижение которой требуется три месяца и которой управляет черный раб по имени Амара. Племена этих земель настолько слабы, что они каждый год отдают в качестве дани 9 тыс. верблюдов неверным из Эфиопии... Количество товаров из провинции Эфиопии и из других провинций, названия которых неизвестны, безгранично. Большинство товаров состоит из золота, мускуса, слоновой кости. Столицей провинции Эфиопии является Баб аль-Мулюк, неверные здесь представляют собой слабых босоногих лакеев с деревянными луками и щитами, сделанными из кожи слона. Эти люди господствуют в этой стране, поскольку никто не может поднять сопротивление против них. Бог знает, что легко захватить не только город Табара с тысячью бойцов, поскольку до него идти 3 месяца, но и всю страну Эфиопию»²⁰.

Таким образом, Салман Реис разработал стратегический план по установлению Османского контроля над Красным морем, для обретения которого османам было необходимо подчинить себе все главные порты в регионе, что давало бы значительные доходы от торговли с Индией. Сал-

ман Реис осознавал все последствия португальского пришествия в Индийский океан: «Теперь пряности идут в Португалию. Ранее, до того, как португальцы захватили эти порты у нас, они могли приносить большой доход пряностями в Египет и другими доступными товарами»²¹. Вообще к особенностям отчета необходимо добавить, что Салман Реис обосновал экономическими причинами все предложенные цели завоевания.

В том же 1525 г. Ибрагим-паша приказал восстановить старый мамлюкский флот в Джидде: началась подготовка к военной экспедиции в Йемен. Ее командование было поручено Салману Реису, в подчинение к которому поступал его давний спутник Хайреддин ар-Руми, также принимавший участие в последнем мамлюкском морском походе. Экспедиция началась в конце 1526 г., и в январе 1527 г. армия высадилась в районе порта Моха и начала подчинять местных правителей, которые образовали коалицию во главе с правителем Забида Мустафой Бекем, направленную против османских властей. В сентябре 1527 г. состоялось решающее сражение, в котором османе одержали решительную победу. Все побережье Йемена, кроме Адена, оказалось под контролем Османской империи. Правитель Адена также признал формальное главенство империи: имя султана стало произноситься в пятничных молитвах, чеканились монеты с его именем. Салман Реис удовлетворился таким формальным подчинением и перебрался на остров Камаран, где была создана постоянная морская база. На острове также была учреждена таможня, так что все проходившие через него суда должны были платить транзитный налог. В 1527 г. португальский флот впервые за долгое время не появился в водах Красного моря.

Однако вскоре жизнь Салмана Реиса прервалась из-за конфликта с Хайреддином ар-Руми: последний нанял наемных убийц, которые зарезали османского флотоводца в сентябре 1528 г.²²

В заключение необходимо отметить, что другие рекомендации из отчета Салмана Реиса также претворялись в жизнь: в 1527 или 1528 г. был подчинен Суакин²³. Несколько позднее, в 1538 г., подчинили Аден²⁴. В 1555 г. в Красноморском бассейне был создан эялет Хабеш, который должен был включить в себя и некоторые территории Эфиопии. До конца XVI в. также предпринимались попытки подчинить султанат в Сеннаре²⁵.

Таким образом, отчет Салмана Реиса стал своего рода программой османской экспансии в Красном море и Индийском океане. Он подсказал Ибрагиму-паше первые конкретные шаги к установлению реального присутствия Османской империи в регионе.

Примечания

¹ *İnalçık H.* An Economic and Social History of the Ottoman Empire. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 319–321.

- ² Casale G. The Ottoman Age of Exploration. N. Y. : Oxford University Press, 2010. P. 32.
- ³ Soucek S. Five Famous Ottoman Turks of the Sixteenth Century // The Journal of Ottoman Studies. 2012. Vol. XL. P. 326.
- ⁴ Brummett P. Ottoman Seapower and Levantine Diplomacy in the Age of Discovery. Albany : State University of New York Press, 1994. P. 115.
- ⁵ İnalçık H. Op. cit. P. 321.
- ⁶ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М. : Восточная литература РАН, 2001. С. 98–99.
- ⁷ Soucek S. Op. cit. P. 327.
- ⁸ Casale G. Op. cit. P. 39.
- ⁹ Reis S. A Turkish report on the Red Sea and the Portuguese in the Indian ocean (1525) // Özbaran S. The Ottoman Response to European Expansion : Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century. Istanbul : ISIS, 1994. P. 99–109.
- ¹⁰ Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. СПб. : Галерея печати, 2018. С. 27–28.
- ¹¹ Muhammad Salih Dirar. Tarih Sawakin wa al-bahr al-ahmar (История Суакина и Красного моря). Khartoum: Dar as-Sudaniya lil-kutub, 1988. S. 50.
- ¹² Kerr R. A General History and Collection of Voyages and Travels : in 18 vols. Edinburgh : W. Blackwood ; L. : T. Cadell, 1824. Vol. 6. P. 287–365.
- ¹³ Mallinson M. Ottoman Suakin 1541–1865 : Lost and Found // The Frontiers of the Ottoman World / ed. by A.C. S. Peacock. Oxford : Oxford University, 2009. P. 486–490.
- ¹⁴ Reis S. Op. cit. P. 100–102.
- ¹⁵ Ibid. P. 103.
- ¹⁶ Ibid. P. 103–104.
- ¹⁷ Ibid. P. 104, 108.
- ¹⁸ Ibid. P. 108.
- ¹⁹ Ibid. P. 108.
- ²⁰ Ibid. P. 108–109.
- ²¹ Ibid. P. 103.
- ²² Casale G. Op. cit. P. 43–44.
- ²³ Сатаров А. А. Экспансия Османской империи в Красноморском бассейне в XVI в // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47). С. 32.
- ²⁴ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 110–111.
- ²⁵ Peacock A. C. S. The Ottomans and the Funj sultanate in the sixteenth and seventeenth centuries // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2012. Vol. 75. P. 92–97.

Образец для цитирования:

Сатаров А. А. Роль Салмана Реиса в завоеваниях Османской империи в Красноморском бассейне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 195–198. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-195-198>

Cite this article as:

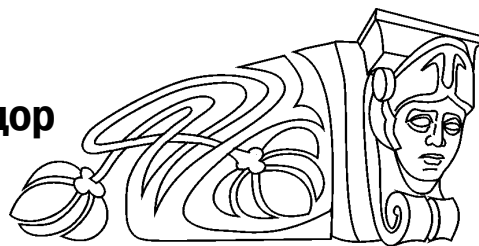
Satarov A. A. The Role of Salman Reis in the Ottoman Conquests in the Red Sea Area. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 195–198 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-195-198>

УДК 9(94)16|

«Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор

С. С. Меднис

Меднис Светлана Сергеевна, младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, svetlanamednis@gmail.com

Королевский пир в честь коронации Елизаветы Тюдор состоялся 15 января 1559 г. Театрализованная мизансцена банкета – комплекс обычаев, основанных на взаимодействии средневекового видения статуса коронованной особы и обновленных принципах проведения обрядов во второй половине XVI в. Выделены ключевые эпизоды пира – процессии, турниры, иерархические и структурные аспекты английского придворного мира. Политические и религиозные конфликты второй половины XVI в. оказали влияние на сценарий праздника в честь коронации Елизаветы Тюдор.

Ключевые слова: Елизавета Тюдор, английский двор, королевский пир, коронация, ритуал, церемониал, процессия.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

“Music of the Spheres”: the Order of the Elizabeth Tudor’s Coronation Banquet

S. S. Mednis

Svetlana S. Mednis, <https://orcid.org/0000-0002-7575-9607>, The State Hermitage Museum, 38 Palace Embankment, Dvortsovy Municipal Okrug, Central District, St. Petersburg 191186, Russia, svetlanamednis@gmail.com

The coronation royal banquet of Elizabeth Tudor was held in Westminster Hall on 15 January 1559. The theatrical staging of the royal feasting involves the ritual complex of the medieval coronation and the ritual’s renovation of the sixteenth century. The article focuses on the traditions of the processions, tournaments and structural conversion of the ceremonial atmosphere. The context of the social and political conflicts of the sixteenth century influences the ritual genesis of the Elizabeth Tudor’s coronation feasting.

Keywords: Elizabeth Tudor, English court, royal banquet, coronation, ritual, ceremonial, procession

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-199-208>

Введение

Коронационный пир является примером праздничного придворного торжества и классической формой церемониала, выработанного на

протяжении эпохи Средневековья. Пир-трапезы как постцеремониальный тип общения появились в Англии во второй половине XII в. и наиболее ранним упоминанием подобного события считается описание коронационного банкета в честь Ричарда I Плантагенета. Обряды, их особенности, сформированные при короле, отражали новую форму придворного диалога, основанного на идее единства и равенства. Дуализм заложен в церемониальных чинах английских коронационных пиров позднего периода¹.

Коммуникативная концепция получила развитие на банкетах конца XIV – начала XV в.² В этот период церемониал обогатился геральдическими и символическими знаками. Во второй половине XVI в. королевский пир подразумевал общение в рамках поэтической и музыкальной традиции, сохраняя церемониальную структуру³. Пир представлял собой продолжение пляяды коронационных торжеств и одновременно завершал последовательность праздничных событий чувствованием помазанного короля.

Однако задача данного исследования заключается не столько в рассмотрении становления торжественных ритуалов коронационного пира, сколько в вопросах их обновления и в некоторых случаях восстановления. В этих условиях обряды коронационного пира обладали своевременным содержанием, раскрывающимся в демонстрации королевских атрибутов, проведении процессий или модусах переходов между подачей блюда.

Коронационный пир Елизаветы I Тюдор интересен прежде всего тем, что позволяет сформировать представление об иерархических и структурных изменениях в контексте религиозных и политических факторов второй половины XVI в. Процесс обновления был выражен в двух моментах. Во-первых, во взаимодействии светских торжеств⁴ коронационного пира и разветвленного церемониала с включением придворных персоналий, которые принимали участие в соответствии с отведенными ролями и должностными полномочиями⁵. Во-вторых, в интерпретации обрядов церемониала, когда преобладает донесение до публики значения атрибутов и символов с дальнейшим разъяснением посредством масок, жестов или костюмов.

Протокол коронационного чина *Liber regalis*, составленный для коронации Эдуарда II, является основополагающим при рассмотрении формирования и развития обрядов коронационного пира Елизаветы Тюдор. Документ содержится в при-

ложении к исследованиям по истории английского придворного церемониала под редакцией Л. Легга⁶. В содержании затронуты ритуалы между трапезами, особенности убранства Вестминстерского зала и королевские символы Средневековья и Раннего Нового Времени, что позволяет представить общую концепцию банкета. Альбом гравюр коронационных празднеств Елизаветы Тюдор сопровождал документальный комплекс. Среди схем, посвященных коронационным обрядам, из коллекции Г. Эгертона Британского музея рисунки торжественного пира в честь королевы представлены в двух экземплярах, которые дополняют образы и структуру коронационного пира.

В отечественном историографическом обзоре проблема коронационного пира как тип универсальной формы общения затрагивается А. А. Сванидзе в рамках проблематики символического порядка и оформления внутреннего пространства трапез⁷. В работе С. А. Польской освещаются ритуалы, идея коммуникативности и контекст феодального аспекта постцеремониальных пиров при французском дворе во второй половине XVI в.⁸ Результаты О. В. Дмитриевой по церемониальному анализу маркеров королевского пира затрагивают концепцию повседневных застолий при Елизавете Тюдор в конце XVI – начале XVII в. как многосторонний компонент, включающий династические интересы, этикет и общение на основе документальных источников немецких путешественников и русских дипломатов⁹. Однако регламент королевского пира как праздничного сегмента коронации заслуживает пристального внимания и, прежде не рассматриваемый в отечественных исследованиях, позволяет представить расширенный комплекс функций, обрядов и переходов в рамках банкетного церемониала при дворе Елизаветы Тюдор.

Prologus: о правилах для гостей

Прежде чем перейти к анализу структуры пира Елизаветы I Тюдор, необходимо зафиксировать его местоположение в системе коронационных торжеств. Банкет следует воспринимать как завершающий элемент церемонии. Это можно проследить при рассмотрении общей последовательности обрядов. Процесс перехода между коронационными празднествами напоминал смену декораций. Объединенные одним сценарием, они подчеркивали линейность коронационного ритуала.

Первая декорация – городское пространство, при котором принимали участие как придворные, так и жители Лондона. Взаимодействие короны и народа отражалось в театральных сценах, которые разыгрывались на специальных платформах, расположенных в ключевых памятных центрах. Чаще всего они были частью торжественной процессии, которая длилась с периодическими остановками от Тауэра до Вестминстерского собора¹⁰. Вторая

декорация – Вестминстерский собор, в приделах которого состоялась коронация Елизаветы I Тюдор 15 января 1559 г.,¹¹ и третья – Вестминстер Холл, в котором прошел пир с участием светских и церковных персон.

Продолжая идею локализации, следует отметить момент оформления зала, изображение которого представлено на черновом рисунке интерьера Вестминстер Холла со столами, установленными в соответствии с коронационным протоколом (рис. 1)¹². В центре изображена королева в коронационном облачении под балдахинном на специальной платформе. Расставленные параллельно друг другу четыре длинных стола, по два от стен с каждой стороны¹³, образовывали внутреннее пространство по принципу квадрата¹⁴. Платформа, на которой были установлены стол и трон, находилась в центре зала и ее задний фон драпировался бархатными тканями¹⁵. Длинные столы расставлялись перпендикулярно королевской платформе.

Соответствующее традиционному обычаю оформление преобладало на пиру Елизаветы Тюдор, однако усложнилась проблема рассадки гостей. Выделялся символический центр Вестминстер-Холла, который на протяжении праздника служил театрализованной ареной для процессий и обрядов¹⁶. Чем ближе гости размещались к центру, тем выше был их социальный статус. Одновременно оставалась классическая форма рассадки, когда более почитаемые гости располагались в пределах видимости от королевской платформы.

В условиях обновления вызывает интерес момент, связанный с размещением церковных представителей, которые по протоколу XIV в. должны были сидеть за одним столом с монархом. При Елизавете Тюдор традиция сменяется единоличным расположением королевы за столом, а епископ Кентерберийский и священнослужители отдельно располагались во главе первого стола, наиболее приближенного к королевской платформе. Упоминание о единовременной подаче блюд к королевскому и первому столу подчеркивает наиболее высокий статус, по сравнению с другими гостями. Ситуация олицетворяет проблему конфессионального нейтралитета, но возникает вопрос о сглаживании церковного противостояния в условиях придворного церемониала.

Связующим элементом являлся департамент Развлечений, возглавляемый Томасом Каварденом. Церковный и секулярный элементы сглаживались мастером¹⁷ благодаря заимствованию сценариев из предшествующих церемоний. Следует отметить, что, привлекая компетентного Томаса Кавардена, двор сосредоточивался на отображении и поддержании протестантских символов. Это подчеркивалось в королевском шествии, во время которого демонстрировался континуитет обрядов процессии с аналогичной церемонией брата Елизаветы Тюдор – Эдуарда VI. После его коронационных приготовлений и консекрации, то есть помазания,

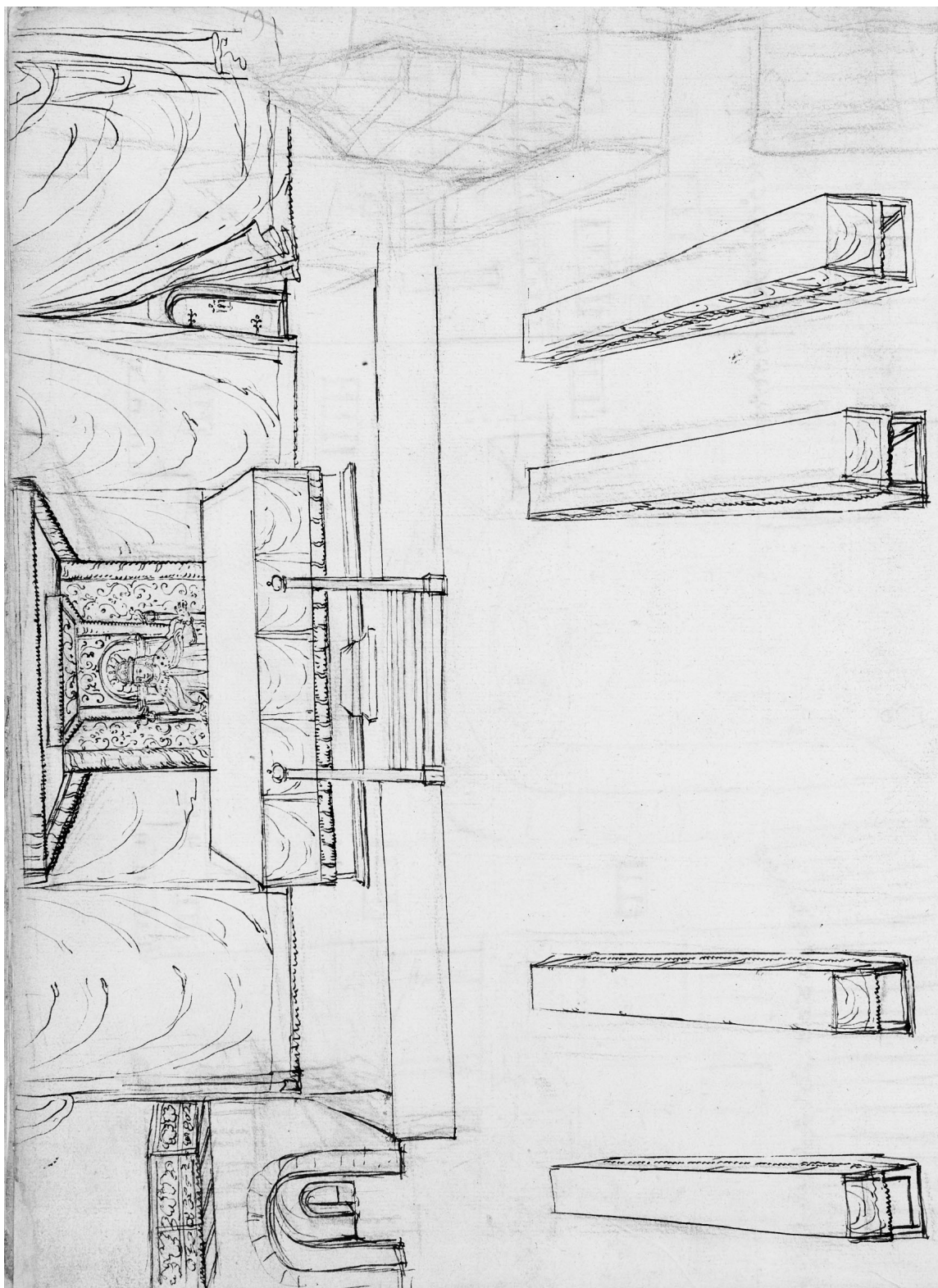

Рис. 1. Интерьер и оформление пира в Вестминстере. XVI в. Альбом гравюр в честь коронационных торжеств и процессий Елизаветы Тюдор. Без подписи художника. Британская библиотека

политическое окружение молодого короля придерживалось реформационного порядка. Этот момент корректировался при Елизавете Тюдор¹⁸. Несмотря на то, что протестантские идеи прослеживались в ее подготовительном периоде коронации, при дальнейших ритуалах приоритет сместился в пользу равновесия между протестантскими и католическими фракциями. Присутствие и выделение церковных представителей, демонстрация священных атрибутов, процессии учитывали религиозный нейтралитет, а сам коронационный пир Елизаветы Тюдор соблюдал переплетение протестантских и католических символов.

Изменения банкетного протокола выражались не только в конфессиональном вопросе. Проблема роли и визуализация административных должностей главным образом затронули пять Баронств – форму старинного объединения. До второй половины XVI в.¹⁹ инкорпорированный в состав государственного аппарата крупный торговый союз фигурировал в качестве самостоятельной оборонительной единицы прибрежных земель.

В последние годы правления Марии Тюдор консолидация предприятий способствовала расширению английского адмиралтейства, и обязанности баронов сосредоточились на поддержании порядка в небольших портах и речных торговых центрах²⁰. На коронационном банкете Елизаветы Тюдор за ними были закреплены места, как прежде: первый стол справа ближе к центру. Учитывая расширение адмиралтейского корпуса, в отличие от коронационных банкетов Марии Тюдор и Эдуарда VI, бароны и представители адмиралтейства располагались в окружении адмиралов и представителей морских корпораций.

Помимо баронов и представителей адмиралтейства, места за первым столом с правой стороны от королевы отводились королевским барристерам и представителям судебных должностей. Административный аппарат располагался дальше от платформы, во многом из-за церковных делегатов. Расположение судебных чинов, таким образом, отражало социальную иерархию и в дополнение к сценарию Томаса Кавердена сглаживало религиозный конфликт. При этом учитывался символический центр и по отношению к нему административное подразделение располагалось в первом ряду.

Положение городского правительства, олдерменов, адвокатов и прокуроров, герольдов, наоборот, повысилось. До второй половины XVI в. они располагались за третьим или реже четвертым столом. Разделение иерархии Вестминстерского зала на два направления демонстрировало сочетание обновленного и традиционного типа расположения королевского окружения, и при Елизавете Тюдор указанные особы заняли второй ряд в пространстве банкетного зала²¹.

В отличие от лиц, размещенных с правой стороны, персоны слева от королевы отвечали правилам размещения на прежних пирах. Пред-

ставители Тайного Совета, иностранные делегаты, королевские послы располагались за первым столом. Далее – маркизы, графы, герцоги, придворные и континентальные гости.

Практика оформления банкетного зала и рассадки гостей на английском коронационном банкете, рассмотренная впервые в рамках политических и религиозных коллизий второй половины XVI в., позволила выделить два момента. Во-первых, план рассадки стал отличаться от прежнего прямоугольного построения, при котором одномерный вектор был направлен от королевской платформы к западным дверям Вестминстер Холла. При Елизавете Тюдор разрабатывается двухмерная модель. В ее основе заложены два измерения: классический вариант – от королевы до гостей нижних столов – и от центральных персон до тех, кто занимал места в глубине зала, что отражало увеличение состава департаментов и их внутреннюю иерархию в вертикали власти. Во-вторых, присутствие определенных лиц на коронационном банкете служит дополнительным подтверждением социальных и политических перемен, которые отразились в организации придворных структур.

Cursus Primus: процессия Domus Providencie

Идея коронационных празднеств заключалась в переходе от крупных обрядов, шествий, театральных сцен к ритуалам, связанным с персонализацией помазанной кандидатуры. Появление Елизаветы Тюдор, ее вход в Вестминстер-Холл отражают эту закономерность²². Королева прибывала, когда гости в соответствии с рангами занимали места, однако оставалась ли она в центре внимания? После того как Елизавета Тюдор в окружении свиты входила в Вестминстер-Холл и располагалась за отдельным банкетным столом, начиналась символизирующая начало пира торжественная процессия.

В целом начало сценария пира выстроено в соответствии с принципами коронации. Королева также входила в церковь св. Петра, после того как зрители разместились на своих местах, и церковные делегаты завершали последние приготовления перед процедурой аккламации или символического признания.

Отличительный момент, который прежде не затрагивался при рассмотрении коронационных празднеств, заключался в том, что появление Елизаветы Тюдор и ее действия в рамках протокола породили цепь обрядов коронационной процедуры. На банкете сигналом к открытию, напротив, служило не столько явление королевской особы, сколько игра придворного окружения.

Королева не участвовала в банкетных процессиях. Она была зрителем и редким соучастником. Свита отвечала за организацию шествий, которые являлись переходами между сменами блюд.

Процессия на коронационных пирах – самодостаточная форма репрезентации королевского

двора, однако существовал традиционный знак ее торжественного начала. За него отвечал хранитель серебряной кладовой²³, а именно королевской утвари, которая размещалась в специально отведенном буфете, выставленном в банкетном зале²⁴. Хранитель дегустировал приготовленные блюда, а затем слуги раскладывали их по тарелкам.

В соответствии с протоколом процессия начиналась от главных западных дверей и следовала по внутреннему коридору. По схеме в первой линии шли два дегустатора (clerks controllers). За ними всадники и оруженосцы, лорд-гофмаршал (Lord High Steward) как наиболее важная и влиятельная фигура Domus Providencie (Генрих Фицалан, граф Арундел (1512–1580) – лорд-гофмаршал Англии с 1558 по 1564 гг.), рыцари Бани, лорд Аддингтонского манора и королевские повара. Замыкали процессию слуги, разнесившие блюда²⁵.

В процессии участвовал Domus Providencie²⁶. Здесь следует сделать акцент на двух моментах: благосостоянии королевы и ее личной охране. Интеграция милитаризованного и хозяйственного аспектов прослеживается в чередовании представителей хаусхолда, когда дегустаторы и лорд-гофмаршал следовали в окружении всадников-оруженосцев, а военное сословие дополняло светское окружение.

Территориальный фактор выражен в участии лорда Аддингтонского манора – представителя земельных интересов короны. Если в предыдущих линиях процессии прослеживалась идея довольствия-защиты, то присутствие манориального лица указывает на реорганизационную политику социального явления. Во второй половине XVI в. эта земельная система находилась на стадии перехода от самокупаемого хозяйственного держания к рыночным отношениям в условиях широкого распространения аренды²⁷. При Эдуарде VI и Марии Тюдор манориальная система переживала кризис, меняя статус цельного держания на земельную единицу с ограниченной ответственностью²⁸. При Елизавете Тюдор появилась тенденция сохранения манора как финансового источника. С возвращением положения и статуса манориальных лиц началась консолидация периферийных территорий в рамках единого центра. Это позволяло установить экономически выгодный контроль над частными земельными владениями. Реорганизация манора также позволила рассчитывать на дополнительный доход, улучшая продовольственное положение и обеспечивая дополнительную прибыль департаментам и службам, что позволило увеличить штат слуг королевской кухни – дегустаторов, поваров и кондитеров.

Впервые воссозданная процессия открытия коронационного пира позволяет шире интерпретировать роль Елизаветы I в ритуалах пира. Она была свидетелем всех обрядов, что обусловило закрепление новой дихотомии за коронованной особой как участника-зрителя. Кроме того, модель

процессии служит вспомогательным механизмом интерпретации политических и, в частности, земельных отношений.

Regalis: омовение и коронационные символы

Роль Domus Providencie уравнивалась за счет Domus Regie Manificencie – департамента, ориентированного на репрезентативность королевского двора. Domus Providencie, который отвечал за служебные обязанности, в виде исключения на коронационном пиру Елизаветы Тюдор становился соучастником обрядов. Иная ситуация сложилась по отношению Domus Regie Manificencie. Если первоначально задачи этого департамента консолидировались на визуализации церемониала, то на коронационном банкете его представители сосредоточились на службе королеве. Исключительный случай, связанный с Domus Providencie, отмечен во время первой процессии, в которой представители этой части двора участвовали как полноправные актеры, а Domus Regie Manificencie был задействован в репрезентативных, но хозяйственных обрядах.

Королевское омовение сочетало символические атрибуты и их представление²⁹. Процедура характеризовалась не только идеей донесения сакральных традиций очищения монарха, наличием элемента нравовучения, но и подразумевала участие доверенных лиц короны.

Уильям Говард, граф Эффингхема был лордом-камергером в первые годы правления Елизаветы Тюдор. Говарды играли важную роль в политике двора, но их появление на коронационном банкете свидетельствовало о династической преемственности. Момент, когда лорд-камергер преподносил королеве кувшин и серебряную тарель³⁰, над которой она омывала руки³¹, позволил превратить упорядоченную последовательность действий и жестов в династический ритуал. При спорном политическом и религиозном положении страны присутствие этой семьи стало проявлением протестантских интересов, хотя форма обряда не изменяла католическим коннотациям.

Сопоставление династических ролей с обрядами уравнивало религиозную ситуацию. Это позволило без серьезных изменений перейти к последующим этапам сценария. Обряд омовения предварял начало столования и первую смену блюд, которая завершалась вынесением церемониального коронационного супа, или «делегру» (фр. de le grout или англ. dillegrout). Блюдо настаивалось на петушином мясе и миндальном молоке с добавлением пряностей. Традиция его приготовления восходит к коронационным практикам XI в. и впервые упоминается на коронации Вильгельма Завоевателя.

Первоначально суп преподносился как благодарность манориальных лордов за земельные дары. В Средневековье ритуал закрепился на коронационных торжествах и, несмотря на при-

верженность к обновлению и тенденцию переосмысления обрядов во второй половине XVI в., при Елизавете Тюдор церемониальные блюда, напротив, приобретают популярность. Они отражают взаимосвязь с предыдущими поколениями. С учетом возвращения представителей манора в процессию *Domus Providencie* традиция вынесения блюда также была восстановлена.

Лорд Аддингтонского манора выносил диллегроут дважды: в первый раз во время шествия, во второй – как символ дегустации. Эти два обряда, несмотря на то, что разводились по времени, были взаимосвязаны, на что указывает второй выход – реминисценция по отношению к открывающейся процессии и покровительству земельного фактора.

Не только внутренняя организация хаусхолдов, их участие в традиционных обрядах обогащали церемониал. Многообразии королевских символов задействовалось в пространстве коронационного пира. Регалии – скипетр и держава, с которыми Елизавета Тюдор вступала в Вестминстер-Холл, фигурировали на протяжении всей вступительной части банкета. Она приветствовала подданных в полном коронационном облачении и единственный момент, когда совершала ритуал передачи символов – перед омовением. Ответственность за королевские атрибуты, как и с «делегру», переходила представителям маноров.

После того как Елизавета Тюдор отдавала на время коронационного пира скипетр и державу, в дальнейшем они фигурировали на самом банкете или вместо них использовались элементы, которые визуально замещали королевские атрибуты и до окончания торжества являлись непосредственными символами регалий. Королевская золотая чаша весом в 16 тройских унций (приблизительно 500 г) и гипокрас³² – красное вино, подслащенное медом с добавлением пряностей, были одними из таких элементов. В процедуре преподнесения атрибутов участвовал королевский виночерпий, который во второй половине XVI в. предстает не как церемониальная персона, а участвует на правах светского представителя, объединяя функции службы и репрезентативности.

Сэр Томас Ли, лорд-мэр Лондона, который являлся почетным гражданином города и возглавлял торговую корпорацию, на коронационном пиру фигурировал как виночерпий. Он был посвящен в рыцари незадолго до вступления на престол Елизаветы Тюдор и его присутствие рассматривалось не как дань или церемониальная роль, а как элемент защиты и подданства. Преподнесение гипокраса в золотом кубке воплощало рыцарственный и куртуазный сюжет. Первый, как было сказано выше, указывает на данные атрибуты как королевские символы власти коронационного пира, традиционно принятые при английском дворе в условиях католицизма. Второй, выраженный в светском романтизированном рыцарском мотиве, отражает религиозный спорный этап, и

символический признак был понятен обеим сторонам, что послужило соединяющим элементом церемониала пира.

***Cursus Secundus*: процессия *Domus Regie Manificencie* и Защитника Королевы**

Небольшой фрагмент с преподнесением королевского кубка стал прологом к еще одной процессии банкета – торжественного въезда в Вестминстер-Холл королевского Защитника в окружении рыцарей и оруженосцев. Выход логически следовал после обряда Томаса Ли и вынесения делегру.

Вручение королеве кубка, наполненного гипокрасом – это альтернативная передача регалий, а преподнесение коронационного супа – символ манориального и территориального подданства, то есть в данном случае монарх, получая власть, должен был выступать в качестве защитника земель и народа. Эта идея заложена в клятвенный обряд при коронации. Королева клялась, принимала на себя обязанность отстаивать интересы подданных и тем более этот моральный аспект усиливался после консекрации. Выход Защитника – напоминание о конфликтах и столкновениях и необходимости постоянного присутствия того, кто выступит королевским заступником. В данном случае прослеживается положение Елизаветы I как посредника; королева являлась заступником народа, но ей требовались политическая помощь и дополнительная защита.

Сама процессия начиналась с церемониальной речи герольда, который следовал перед рыцарями и, трижды останавливаясь – у западных ворот Вестминстерского дворца, изображенных на гравюре, со стороны улицы св. Маргариты (рис. 2), в центре зала и напротив королевского стола³³. Основная мысль заключалась в том, что если кто-либо из присутствующих не соглашался с кандидатурой коронованной королевы, то сэр Эдвард Диммок³⁴, который выступал в роли Защитника, сразится с человеком, оспаривающим право. В подтверждение слов рыцарь бросал перчатки. По своему значению церемониальная речь являлась визуализацией судебного поединка и непосредственно причины, по которой тот мог состояться. Рыцари на белых конях выступали как защитники королевы, а перчатки являлись подтверждением знака поединка. Подобный смысл был характерен для ранних времен, однако во второй половине XVI в. понятие судебной дуэли трансформируется в более сложную комбинацию, в основу которой закладывается идея поединка за истинность династической власти.

Существует определенное противоречие, так как было бы правильнее, если повод подобного поединка возник бы до коронации и помазания королевы. И в таком случае не казался бы парадоксальным вызов, брошенный после всех совершенных ритуалов. На коронационном банкете Елизаветы I данная проблема разрешилась так,

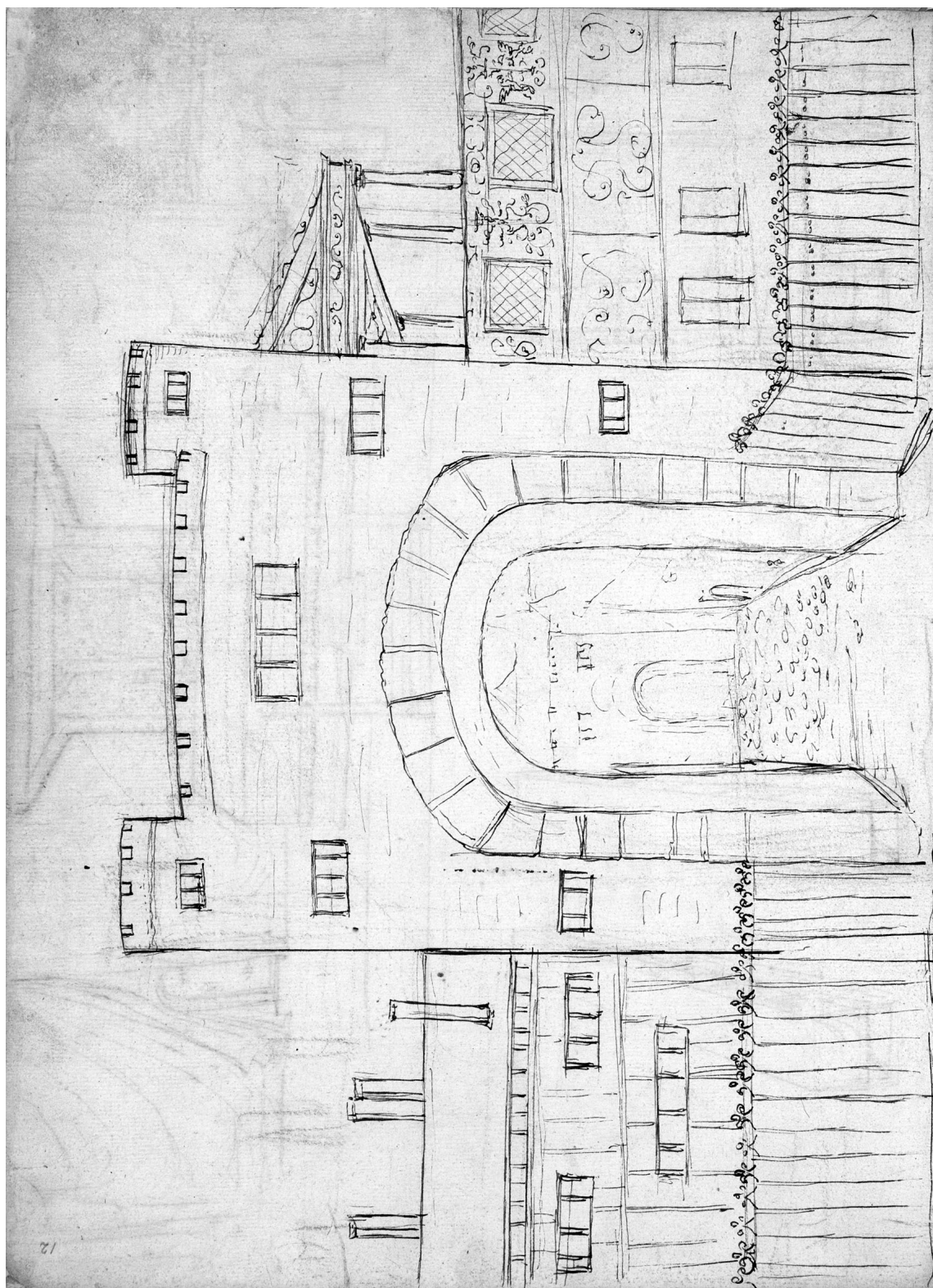

Рис. 2. Вестминстер-Холл. Западный вход. Альбом гравюр в честь коронационных торжеств и процессий Елизаветы Тюдор. Без подписи художника. Британская библиотека

что выход Защитника воспринимался не отдельным фрагментом заступничества перед теми, кто оспаривает право наследования и демонстративным способом предотвращения противоборства сторон, а отражением гаранта легитимности королевской власти через подтверждение свершенного обряда. Это выражалось в шествии Защитника, в котором принимали участие могущественные представители английских домов – Диммоки, Говарды и Фитцалананы.

При условии вступления на престол королевы внимание акцентируется не только на одном Защитнике, который традиционно выступал доверенным лицом и верным оруженосцем при спорном наследовании престола, а на окружении сторонников. В таком случае Эдвард Диммок боролся не с внешним врагом или противником, а подтверждал статус во внутренней династической дуэли. С политической точки зрения, в данном шествии сэр Диммок обладал номинальным званием единственного Защитника королевы, так как внутри самой процессии могла происходить завуалированная борьба за этот церемониальный статус. Несмотря на то, что подобная борьба во время процессии больше напоминала игровой элемент рыцарской джостры, по сценарию сэр Диммок выходил победителем, что в дальнейшем подтверждала Елизавета I, преподнося ему в качестве дара за храбрость и благородство свой кубок, наполненный гипокрасом³⁵. Сосуд обретает символическое значение не только королевского символа, но и атрибута священного Грааля. Кроме того, на коронационном банкете Елизаветы I перед Диммоком стояла задача не только победить Говардов и Фитцалананов, но и отстоять наследное право выступать в качестве единоличного заступника английской королевы.

Не случайно выход Защитника являлся развязкой постцеремониального пира, так как в совокупности двух предшествующих факторов процессия напоминала коронационный обряд признания или аккламацию. Что касается духовного ритуала, то он соответствовал единогласному выражению общественного мнения, то есть «признание» расценивалось как принятие миром нового монарха. Этот обряд подразумевал достаточно широкий резонанс и затрагивал по большей части церковное пространство. На коронационном банкете процессия рыцарей – реминисценция аккламации, которая выражена в принятии светским окружением коронованной кандидатуры, так как сама прошедшая коронация и помазание Елизаветы I являлись отражением церковного согласия.

Cursus Tertius: церемониальные чаши и королевские дары

После завершения процессии защитников следовала реприза аллегорического признания в словесной форме и эта обязанность возлагалась на рыцарей Ордена Подвязки и герольдов³⁶. Их

выход имел определенный смысл: с одной стороны, они подтверждали легитимность королевы и продолжали общую рыцарскую направленность, а с другой – становились теми, кто предвещал последующий обряд преподнесения даров.

Однако на коронационном пиру это понятие имело не только фактическое значение, то есть преподнесение предметов и утвари. В данном случае значение приобретало понятие королевской власти как некой формы дара, что в очередной раз подчеркивало исключительность коронованной особы и факт сосредоточения могущества в единоличном правлении. Именно эту идею обрамляли любые подарки, которые преподносились королеве – книги, драгоценности, богатая утварь и пр. Среди них главную символическую роль играли три чаши, изготовленные из кленового дерева³⁷. С одной стороны, простые вырезанные сосуды напоминали по своему значению символ королевского посоха, который мог обладать простой и несовершенной формой, но главная суть заключалась в его назначении как правительственного атрибута. Играет роль именно символический характер, и для подобных кленовых чаш прототипом являлся потир или кубок священного причастия.

Сама идея использования на коронационных празднествах подобного элемента закрепилась при Эдуарде III Плантагенете. Это было связано с заимствованием французских коронационных практик, которые постепенно привносились в английский церемониал представителями Анжуйской династии. Отсюда становится понятным, почему рыцари Подвязки и герольды провозглашали щедрость, могущество и снисходительность Елизаветы I на английском, латинском и французском языках. Кленовые чаши были символом трех государств – Англии, Франции и Ирландии в соответствии с прокламацией титула Елизаветы I. В дальнейшем значение тройственного атрибута расширилось. Он стал определяющим знаком начала обряда преподнесения даров королеве. Это был и символический жест, за которым следовали подношения поданным за оказанную службу. Например, виночерпию преподносились золотой кувшин и блюдо, а вафельница предназначалась пекарю. Подобные символические дары в контексте многосложного этапа передаривания служили примером не только куртуазного и феодального характера, при котором королева оказывала честь своим поданным, но и придворного союза – центра как английского, так и международного политического влияния.

Заключение

Завершая анализ сюжета коронационного пира Елизаветы I Тюдор, следует отметить впервые предложенную интерпретацию церемоний и атрибутивного комплекса. Пир заимствовал старые традиции, которые в условиях возникших политических и религиозных проблем обрели новый смысл.

Обогащенный ритуалами, коронационный банкет Елизаветы Тюдор приобрел четкую структуру благодаря воссозданной последовательности ритуалов и отделений торжественного события. Первая часть пира характеризовалась шествием *Domus Providencie*, омовением и преподнесением кубка виночерпием. Второй этап включал церемониальное шествие Защитника королевы и рыцарей Ордена Подвязки и начала второй подачи блюд. Заключительной частью стали вынесение кленовых чаш, преподнесение даров департаментам и перенесение королевских регалий в сокровищницу. В рамках подобного обобщения впервые коронационный пир Елизаветы Тюдор был изучен как элемент коронационных торжеств.

Пир как классический традиционный элемент был рассмотрен в свете предположения, что при такой организации на коронационном банкете Елизаветы I устанавливались два типа церемониала – один соответствовал внутреннему пространству Вестминстерского зала и распространялся на гостей пира, второй ориентировался на персону королевы и задумывался как обрамление ее статуса и положения.

Банкет подразумевал сосуществование трех фракций. Первая включала тех, кто осуществлял или моделировал церемонии, выполняя ее отдельные ритуалы в пространстве Вестминстерского зала. Их задачи оговаривались заранее, как и отдельные детали, знаки, придающие им отличительный характер в контексте обрядов. Вторую фракцию составляли те, кто участвовал в отдельных обрядах коронационного пира. В этих условиях банкет правильнее рассматривать с точки зрения королевской особы и знати. Последние были вовлечены в процесс как актеры или действующие герои мифологии. Третья фракция состояла из тех, кто наблюдал за выполняемым обрядом – почетных гостей на церемониальном банкете – иностранных послов, высших чинов, представителей отдельных групп и конгломератов.

Сформулированная в рамках придворных исследований новая модель церемониального пространства основана на художественной репрезентации пира, функционале придворных должностей. Это позволяет добавить локальный сюжет в цельную композицию как заключительную часть коронационного обряда.

Примечания

- ¹ *Hamilton J.* The Plantagenets : History of Dynasty. London : MPG Books Ltd, 2010. P. 21–22.
- ² См.: Королевский двор в Англии XV–XVII вв. / под ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2015 (далее – Королевский двор...). С. 277–279.
- ³ *Normore Ch.* A Feast for the Eyes : Art, Performance, and the Late Medieval Banquet. Chicago : University of Chicago Press, 2015. P. 11.
- ⁴ *Archer I.* City and Court Connected : The Material

- Dimensions of royal Ceremonial, ca 1480–1625. Huntington : University of California Press, 2008. P. 178.
- ⁵ *Baldassare Castiglione.* The Perfect Courtier. His life and letters (1478–1529) / ed. by J. Cartwright. London : Murray, 1908. P. 5–11.
- ⁶ *Legg L. G. W.* English Coronation records. Oxford : Oxford University Press, 1901. P. 63–67.
- ⁷ См.: *Сванидзе А. А.* Викинги – люди саги : жизнь и нравы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 63–64.
- ⁸ См.: *Польская С. А.* Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе : явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. М. : Алетейя, 2001. С. 235–237.
- ⁹ См.: *Дмитриева О. В.* Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевском застолье Елизаветинской Англии // Одиссей : Человек в истории. Трапеза / под ред. А. Я. Гуревича. М. : Наука, 1999. С. 85–91.
- ¹⁰ См.: *Ковалев В. А.* Истина мифа власти : континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV – начала XVII века // Королевский двор... С. 340–342.
- ¹¹ См.: *Меднис С. С.* Геральдические символы коронации Елизаветы Тюдор // Труды Государственного Эрмитажа. 2018. Т. 92 : Геральдика : исследования и практика. С. 164–166
- ¹² Egerton MS 3320. F. 12. Coronation Drawings. Drawings of the processions, ceremonies, etc., attending the coronation of Queen Elizabeth I ; 14–15 Jan. 1558/9. XVI century.
- ¹³ *Hamrick S.* The Catholic Imaginary and the Cults of Elizabeth, 1558–1582. Routledge : Ashgate, 2009. P. 59.
- ¹⁴ *Legg L. G. W.* Op. cit. P. 63.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Bellaigue de G.* A Royal mise-en-scène : George IV's Coronation Banquet // Furniture History. London : The Furniture History Society, 1993. Vol. 29. P. 174–175.
- ¹⁷ *Hunt A.* The Drama of Coronation : Medieval ceremony in Early Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 146–148.
- ¹⁸ *Klein A.* Intolerance in the Reign of Elizabeth, Queen of England. Cambridge : Cambridge University Press, 1917. P. 14–15.
- ¹⁹ *Mantell T.* Coronation ceremonies and customs relative to Barons of the Cinque Ports. Dover : Ledger, 1820. P. 23–24.
- ²⁰ *Murray K.* The constitutional history of the Cinque Ports. Manchester : Manchester University Press, 1935. P. 77.
- ²¹ *Legg G. W.* Op. cit. P. 63–64.
- ²² *Nichols J.* The Progresses and Public Procession of Queen Elizabeth : in 3 vols. Oxford : Oxford University Press, 1823. Vol. 1. P. 60–61.
- ²³ Ibid. P. 63–64
- ²⁴ *Cripps W. J.* Old English Plate, ecclesiastical, decorative and domestic. L. : Murray, 1886. P. 189
- ²⁵ См.: *Бакалдина Е. В.* Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор... С. 105–109.
- ²⁶ The Black Book of Household of Edward IV // The Household of Edward IV : The Black Book and the

- Ordinance of 1478 / ed. by A. R. Myers. Manchester : Myers, 1959. P. 142.
- ²⁷ *Seebohm F.* The English Village Community. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 361.
- ²⁸ *Ratis J.* Peasant economic development within the English manorial system. London : McGill-Queen's University Press, 1996. P. 7.
- ²⁹ *Legg G. W.* Op. cit. P. 64.
- ³⁰ *Дмитриева О. В.* Указ. соч. С. 88.
- ³¹ *Cripps W.* Op. cit. P. 39–40.
- ³² *Scully D.* Early French Cookery : Sources, History, Original recipes and Modern Adaptation. Michigan : University of Michigan Press, 2002. P. 57.
- ³³ *Legg G. W.* Op. cit. P. 65
- ³⁴ *Nichols J.* Op. cit. P. 62.
- ³⁵ *Ibid.* P. 62–63
- ³⁶ *Legg G. W.* Op. cit. P. 65.
- ³⁷ *Ibid.* P. 66.

Образец для цитирования:

Меднис С. С. «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 199–208. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-199-208>

Cite this article as:

Mednis S. S. "Music of the Spheres": the Order of the Elizabeth Tudor's Coronation Banquet. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 199–208 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-199-208>

УДК 061.236

«Вольные каменщики»: мистики, просветители, революционеры

С. Е. Киясов

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeykiyasov@mail.ru

В центре внимания автора – события европейского масонского движения XVII–XVIII столетий. Анализ источников позволил осветить причины и ход реформы «старого» масонства в Британии в эпоху Нового времени. Констатируется, что инициаторами перемен стали интеллектуалы, члены Королевского общества. Их целью стали широкие реформы общества в духе концепций Просвещения. Как доказывает автор, новая Великая ложа активно экспортировала свои практики в европейские страны и в Североамериканские колонии.

Ключевые слова: масонство, эзотерика, масонская конспирация, просветительская философия, Американская революция, Французская революция.

Поступила в редакцию: 10.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Freemasons: Mystics, Enlighteners, Revolutionaries

S. E. Kiyasov

Sergey E. Kiyasov, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sergeykiyasov@mail.ru

The focus of the author are the events of the European Masonic movement in the XVII – XVIIIth centuries. Analysis of sources helped to illuminate the causes the course of the reform of “old masonry” in Britain in the Modern history. It is shown that the change agents were the intellectuals, members of the Royal Society. Their aim was wide-ranging reforms society in the spirit of the concepts of the Enlightenment. As the author proves, new Grand Lodge actively exported their practices to Europe and North American colonies.

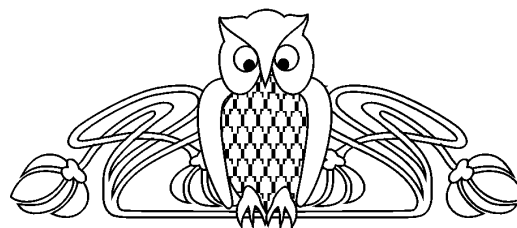
Keywords: Masonry, Esotericism, Masonic conspiracy, Enlightenment philosophy, American revolution, French revolution.

Received: 10.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-209-214>

Современные масонские ложи (внегильотинные) появились на территории Шотландии¹ и Англии². Хронологические рамки их зарождения также известны и захватывают рубежные десятилетия XVII–XVIII вв. Сакральная дата этого

по-прежнему загадочного для внешнего мира процесса – 24 июня 1717 г. В этот день в Лондоне состоялось провозглашение Великой ложи³. Она стала первой в истории и практической деятельности «вольных каменщиков». Последующие усилия лидеров нового английского масонства, которые одновременно являлись членами влиятельного Лондонского королевского общества⁴, были направлены на максимально быстрое оформление просветительской по духу идеологии⁵. Состоявшаяся модернизация завершила многовековую и славную летопись ремесленного строительного Братства.

Рождение Великой ложи Лондона, превратившей масонские структуры в новомодные собрания интеллектуалов-реформаторов, стало результатом длительной и сложной эволюции. Ее начало можно датировать XVI столетием, а местом «запуска» определить Шотландию⁶. Лишь спустя столетие сходные процессы получили развитие в послереволюционной соседней Англии. Именно здесь философские, или «спекулятивные» масонские сообщества, сумели, наконец, окончательно сосредоточить свои усилия на распространении передовых общественно-политических и научных знаний. Об этом, к примеру, свидетельствуют широкие административные полномочия созданной ими Великой ложи Лондона. В качестве «материнской» ложи она не только упорядочила и структурировала новое масонство, но и создала многочисленные зарубежные отделения – Великие Провинциальные ложи, которым активно покровительствовала. Такая деятельность по праву наделила обновленное масонство ролью глашатая «духа перемен» и способствовала осуществлению эпохальных революционных переворотов, в списке которых Война за независимость в североамериканских колониях Великобритании и Французская революция. Во всяком случае речь идет о несомненном идейном влиянии «вольных каменщиков» на эти события, поскольку именно их структуры (обряды) целенаправленно пропагандировали необходимость радикальной ревизии традиционных общественных, религиозных и политических ценностей. Все сказанное не оставляет сомнений в актуальности дальнейшего осмысления процесса становления и последующей эволюции транснационального масонства.

Реконструкция и проникновение в глубины генезиса масонского движения, имевшего место в эпоху Просвещения, прежде всего, требует развенчания устоявшихся мифов. Речь идет

об истоках этого феномена и хронологии его рождения. По утверждениям ангажированных летописцев-масонов, «древняя» история Ордена берет начало в библейские времена, в частности в эпоху строительства Иерусалимского Храма царя Соломона⁷. Однако предпринятая попытка «состарить» масонство лишь выдавала приверженность идеологов движения идеализации дохристианских и раннехристианских верований. В эпоху Нового времени рациональный синтез подобных традиций, по-видимому, должен был подкрепить и обеспечить торжество масонской (философской) религии и ее божества – Велико-го Архитектора Вселенной. Как уже отмечалось, новейшие исследования убедительно доказали, что становление масонского движения и его универсальной просветительской идеологии произошло много позднее – XVII–XVIII вв. Немаловажно, что в эпицентре становления масонского интеллектуального феномена оказались крупные и влиятельные протестантские страны, в частности Шотландия и Англия. К этому времени они пережили сложные перипетии политических революций и внутренних идейно-религиозных коллизий. По итогам состоявшихся здесь перемен в Европе появилось эталонное буржуазное государство – Великобритания, которое не упустило возможности наладить экспорт своего влияния и многообразных идейных новаций.

Отметим в этой связи специфику развития «ремесленного сектора» в государствах континентальной Европы. Она не позволила местным интеллектуальным структурам опередить Великобританию в вопросах его идейной и структурной трансформации, соответствующей духу времени⁸. Можно, в частности, констатировать наличие в европейских странах (например в католической Франции) «замороженного» наследия феодального социально-экономического уклада, а также устоявшихся традиций религиозного консерватизма. Все это сделало менее востребованными модные тенденции, нацеленные, как за Ла-Маншем, на модернизацию местных масонских ремесленных структур. Впрочем, несмотря на неблагоприятные условия, предопределившие отмеченное отставание, европейские интеллектуалы сумели внести свой вклад в налаживание структуры просветительской конспирации. В XVII столетии их усилиями были созданы многочисленные тайные сообщества, ведущее место среди которых занимал Орден розенкрейцеров⁹.

О рождении этой организации в 1614 г. сообщил анонимный трактат, изданный в Германии под названием «Откровение Братства». Текст с изложением учения розенкрейцеров адресовался «всем ученым и правителям Европы»¹⁰. Здесь же была впервые представлена история Ордена, считавшего своей задачей «реформацию всего мира, приведение человечества к истинной философии». Также были оглашены шесть главных принципов розенкрейцеров. В частности, первый

из них прославлял ремесло врачевания «больных безнадежно»¹¹, что иносказательно подразумевало оказание помощи бедствующему человечеству. Второй пункт определял правила поведения членов интернационального Ордена в повседневной жизни. В частности, все они обязывались носить одежду, соответствующую обычаям той земли, где они находились. Третий пункт предусматривал обязательность ежегодных общих собраний розенкрейцеров. Четвертый предлагал каждому «брату» найти себе преемника, а пятый – устанавливал для братьев специальный пароль (слово «розенкрейцер»). Последний, шестой пункт, объявлял сроки тайной деятельности Ордена, рассчитанной на столетие¹². Основателем Ордена в «Откровении» был назван легендарный немецкий мистик Христиан Розенкрейц (1378–1484), который будучи воспитанником одного из монастырей, в юном возрасте якобы побывал в Палестине, Аравии и Египте. В стране фараонов любознательный европеец постиг тайны древних мистерий. Вернувшись на родину, он создал тайное общество с целью реализации полученных знаний, которые представляли собой синтез иудейского, исламского и христианского гнозисов. Общество получило название Орден розенкрейцеров. После смерти Христиана Розенкрейца последователи отыскивали в саркофаге учителя рукопись с изложением новых тайн и откровений, значение которых, по их мнению, могли оспорить только тексты Священного Писания¹³.

В 1620 г. усилиями немецкого протестантского богослова Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654) были созданы первые Христианские Братства, которые можно рассматривать в качестве реальных организационных структур Ордена розенкрейцеров. Возглавить ученое сообщество Андреэ, оставаясь его идеологом, предложил протестантскому герцогу Августу Брауншвейг-Люнебургскому (1568–1636). По мнению специалистов, структуры Ордена действовали в большинстве стран Европы¹⁴. Обретенное идейное могущество вплотную приблизило розенкрейцеров к политике. Политической нацеленности организации способствовала также ее мировоззренческая платформа. Орден был ярким врагом Рима и активно выступал против католической церкви. Поддерживая Реформацию, его участники, как и будущие новые масоны, мечтали об установлении в Европе и в мире единой религии, которая бы отстаивала интересы «Единого Всеведующего и Всеблагого Господа Бога»¹⁵. Подчеркивая роль и влияние идеологии Ордена на современников, новейшие исследователи ввели в научный оборот специальное понятие – «розенкрейцеровское просвещение»¹⁶.

Розенкрейцеры вынашивали планы создания нового международного ученого сообщества, черты которого позже отчетливо просматривались в структурах Невидимого колледжа (Оксфорд) и Королевского общества (Лондон). Важно от-

метить, что члены интеллектуального Ордена в Англии использовали те же самые организационные технологии, которые позднее были взяты на вооружение обновленными масонскими ложами. Так, розенкрейцеры, как и «вольные каменщики», пытались искусственно, в целях собственного престижа «состарить» Братство; связывали его рождение с деятельностью мифического лидера; наконец, они использовали в своей практической работе особые степени посвящения¹⁷.

Во второй половине XVII столетия эпицентром тайного движения розенкрейцеров стала буржуазная Англия, заявившая о себе как о родоначальнице эпохи Просвещения. Наиболее выдающимися представителями Ордена розенкрейцеров являлись врач Роберт Фладд (1574–1637), антиквар Элиас Эшмол (1617–1692), физик Роберт Бойль (1627–1691) и архитектор Кристофер Рен (1632–1723)¹⁸. Немногочисленность и замкнутость розенкрейцерских структур, перегруженных в своей деятельности наследием мистики и эзотерики, вынудила влиятельных британских интеллектуалов изыскать новые формы консолидации научной и политической элит. В силу устоявшихся в тогдашней интеллектуальной среде культурных традиций, сложившихся под влиянием античной мифологии с ее разнообразными аллегориями, наиболее привлекательными для них стали традиции строительной (масонской) культуры и сами ложи «вольных каменщиков». В начале XVIII столетия немногочисленные европейские и английские розенкрейцеры, потерявшие надежды на сохранение организационной самостоятельности, влились в систему масонской просветительской конспирации. Впрочем, полностью розенкрейцерские традиции и структуры не исчезли. Во второй половине XVIII в. они, не разрывая связей с масонством, возобновили свою деятельность в Пруссии (Братство золотых розенкрейцеров).

Между тем на территории Британии перестройка угасающих ремесленных строительных сообществ осуществлялась достаточно активно и приобрела новые направления. Так, в Шотландии ремесленники-масоны заявили о себе уже в эпоху раннего Средневековья. Их профессиональная деятельность изначально обладала некоторой спецификой. В частности, по причине отсутствия в этой стране мягких пород строительного камня среди местных зодчих не были развиты приемы тонкой, декоративной отделки архитектурных объектов. Вследствие этого, здешние мастера-строители в отличие от соседней Англии были лишены возможности сформировать разветвленную систему профессиональной иерархии с выделением особо привилегированных структур наподобие гильдий.

В Шотландии также действовали упрощенные законы об ученичестве. Данная категория ремесленников-строителей обучались менее продолжительно, чем в Англии, но обладала правом выполнять работу мастера еще до официального

подтверждения профессиональной квалификации. В XVI столетии строительные цехи Шотландии, как и в целом в Европе, пережили кризисные процессы, которые разрушили их прежнюю замкнутость и открыли доступ посторонним людям. Решающую роль в этих событиях сыграли финансовые затруднения, которые вынуждали местные цехи принимать в свои ряды любого состоятельного человека. Результаты такой «открытости» можно проиллюстрировать на примере масонской (еще ремесленно-строительной по статусу) ложи Абердина. В 1670 г. она насчитывала 49 человек, из которых только 10 были каменщиками-ремесленниками. Еще 15 человек не являлись таковыми, а были плотниками, кровельщиками и кузнецами. Прочие участники данного масонского сообщества выступали как представители «средних слоев». Среди них значились торговцы, священнослужители, чиновники, джентльмены, адвокат и ученый-математик. В ложе также оказались 4 дворянина, из которых трое носили графский титул¹⁹. Пестрый социальный состав участников такого масонского собрания убедительно свидетельствует о состоявшемся отрыве от традиций ремесленного мира. Похожая ситуация наблюдалась и в других масонских структурах Шотландии, которые на протяжении XVII столетия окончательно превратились в «клубы протестантских господ»²⁰. По мнению современного шотландского историка Дэвида Стивенсона, именно в этой стране возникла мода на масонские ложи, в которых преобладали не ремесленники-строители, а интеллектуалы и джентльмены²¹.

В Англии ремесленные гильдии, в том числе и строительные, появились в XI в. Их деятельность изначально жестко регламентировалась королевской властью. К середине XV столетия имущественное неравенство ремесленных цехов привело здесь к процессу амальгамации, то есть, к поглощению бедных корпораций более богатыми, как правило, торговыми. Все это обеспечило появление «смешанных», или ливрейных компаний, что ускорило разложение цеховой системы и способствовало быстрому развитию раннекапиталистических отношений в английском городе. Важно подчеркнуть пересечение таких тенденций в экономике с общественно-политическими событиями (научная революция, торжество англиканской церкви, усиление власти парламента). В конечном итоге именно эти веяния создали условия для зарождения философского масонского движения и в этой стране. Наиболее динамично процессы формирования новых ассоциаций каменщиков происходили в Лондоне. В 1463 г. их объединение – Компания масонов Лондона – получила статус ливрейной²². Ее представители регулярно делегировались в местные органы власти, занимая там ключевые посты. Помимо лондонской строительной гильдии, аналогичные организации появились и в других городах Англии – Честере, Дурхэме, Ньюкасле и Ричмонде. Однако к началу XVII в.

деятельность провинциальных масонских (строительных) ассоциаций пришла в окончательный упадок. В этой связи «перемещение» Компании масонов Лондона в наивысший разряд цеховой «табели о рангах» заслуживает особых комментариев, поскольку именно это событие, на наш взгляд, приоткрывает тайну рождения структур современного масонского Ордена.

Как известно, столичные ливрейные компании занимали исключительное место среди ремесленных и торговых гильдий Англии. Это были наиболее влиятельные и богатые цехи, которые пользовались особым расположением короля и городских властей. Самые большие из них размещались на территории Лондонского Сити, где в 1717 г. и появилась первая Великая масонская ложа. Исследователи относят ливрейные компании (livers gilds) к числу крупнейших торговых корпораций, появившихся на рубеже Средневековья и Нового времени. Важно отметить, что включение лондонского масонского цеха в число ливрейных компаний радикально изменило его социальный состав и профессиональную ориентацию. Отныне он был наделен правом кооптации в свои ряды людей, не связанных со строительным ремеслом. О специфике состоявшихся перемен можно судить по сохранившимся статутам. Один из них – «Ордонансы лондонских масонов» (1521)²³. Этот документ подтверждает полную свободу местных ремесленников-строителей от всяких цеховых ограничений. Возникшая ситуация способствовала появлению двух разновидностей масонских лож, которые отныне существовали отдельно: гильдий масонов-строителей и философских лож «вольных каменщиков». Об этом свидетельствует текст масонской «Старой Конституции», которая, по свидетельству Джеймса Андерсона, была рассмотрена и утверждена 27 декабря 1663 г. на Ассамблее – уже теряющего свою автономию – строительного Братства²⁴. Не удивительно, что этот документ крайне далек от рассмотрения вопросов, относящихся к работе профессиональной строительной гильдии. Основное внимание в тексте «Конституций» уделено организационным вопросам нового порядка, не связанным с прежней деятельностью. В частности, здесь впервые упомянута персона Великого Мастера как главы Братства Вольных Каменщиков. Таким образом, к указанному времени в Англии произошла важная организационная перестройка, коснувшаяся ремесленных гильдий каменщиков-строителей (масонов-ремесленников). Эти структуры не просто превратились в ливрейные гильдии, но и полностью утратили свои профессиональные традиции. Таким образом, они стали не более чем аллегорической ширмой, скрывающей становление и «работу» нового, философского масонства. В эпицентре этого «перерождения» находились британские интеллектуалы и ученые, заинтересованные в становлении многочисленного и влиятельного просветительского движения.

Несмотря на успехи масонов-философов, влияние в Англии сохраняли и последователи традиций «старого» масонства. Они подчеркивали свою связь с ремеслом, а также с воззрениями мистиков-розенкрейцеров. Вопрос об итоговом соединении двух ветвей масонства в Соединенном Королевстве удалось решить лишь в 1813 г. После длительных переговоров и взаимных уступок дело завершилось провозглашением Объединенной Великой ложи Англии (UGL)²⁵. Подчеркнем, что это событие обозначило итоговую победу просветительской традиции в масонском движении, пришедшей на смену оккультной эзотерике мистиков-розенкрейцеров.

Новая просветительская парадигма в деятельности регулярного масонства наиболее ярко представлена в США и во Франции, переживших в конце XVIII столетия бурные революционные события. Безусловно, настоящими пионерами политических баталий явились североамериканские масоны. Их связь с наиболее яркими эпизодами Войны за независимость сомнений у специалистов не вызывает²⁶. Однако альянс масонства с политикой нуждается в отдельных пояснениях и комментариях.

Первые ложи «вольных каменщиков» на территории английских колоний в Северной Америке появились в начале 30-х гг. XVIII столетия. Они оставались немногочисленными и накануне Войны за независимость насчитывали несколько сотен человек²⁷. Однако реальное влияние этих структур было достаточно велико. Так, присутствие масонской идеологии отчетливо прослеживается в тексте Декларации независимости, озвученной 4 июля 1776 г. Ее принципы легко обнаружить и в тексте семи статей Конституции, закрепивших образование США. Этот базовый документ был обсужден Конституционным Конвентом в Филадельфии и принят 17 сентября 1787 г. При этом обращает на себя внимание несомненное сходство работы Конвента, руководимого масонами-политиками Джорджем Вашингтоном (1732–1799) и Бенджамином Франклином (1706–1790), и Великой ложи «вольных каменщиков». Такие обязательные компоненты стандартного масонского регламента, как выборы делегатов, процедура свободного обсуждения, коллегиальное утверждение документа, наличие председательствующего и даже название собрания, с поразительной точностью воспроизводят устоявшуюся масонскую традицию. По всей видимости, для участников этого собрания, среди которых было немало масонов, подобная практика давно стала привычной и наиболее приемлемой. После ратификации ассамблеями штатов Конституция США вступила в силу, о чем объявил новоиспеченный американский парламент – Конгресс представителей – в марте 1789 г. Здесь же был принят проект Билля о правах – начальные десять статей-поправок к тексту Конституции США, провозгласившие ряд дополнительных политических, личных и про-

цессуальных прав граждан. Отметим, что базовые идеи этих документов, предопределивших последующую эволюцию североамериканского демократического государства, были предельно близки ортодоксальной доктрине масонства, конечно же, хорошо известной его отцам-основателям.

Во Франции, переживающей в конце XVIII столетия кризис «Ancien regime», масонские ложи также сыграли заметную роль в надвигающихся политических коллизиях. Разумеется, не следует при этом преувеличивать роль конспирологических теорий аббата Огюстена Баррюэля (1741–1820), прямо обвинившего «вольных каменщиков» и масонов-иллюминатов в подготовке революции²⁸. Разумеется, как и за океаном, масонские структуры во Франции стали участниками процесса формирования революционных настроений, тем более, что в предреволюционной Франции они были достаточно многочисленны и, несомненно, обладали большим общественным влиянием. Этот факт признают и масонские историки²⁹. Однако достаточно спонтанное развитие революционных событий свидетельствует об отсутствии в европейской стране, в отличие от Североамериканских колоний, единого координационного центра. Штурм Бастилии в июле 1789 г. носил стихийный характер, хотя как акт сопротивления деспотии, конечно же, был заранее заложен в умы французов. Подлинное же содержание революционных идей, которые, в свою очередь, подпали под влияние конкретных политических, социальных, и экономических факторов, раскрылось только в ходе многоэтапного и столь же непредсказуемого последующего политического действия³⁰.

Сами французские масоны накануне и в период революции выступали в качестве противников абсолютизма и поборников либеральных реформ. К этому их подталкивали вовсе не сформированные заранее тайные политические программы, а сам дух их уставных документов, в которых отрицались сословные, расовые и религиозно-политические различия между людьми. Как результат революционные события привели к колоссальному разбросу мнений, в том числе и в среде самих «вольных каменщиков». Было очевидно, что их главный противник – абсолютизм – был повержен, а дальнейшее развитие событий вовлекло их в ожесточенную политическую борьбу, главной целью которой было отнюдь не создание демократического государственного строя. В итоге уставные принципы масонской организации, опиравшиеся на морально-этические установления, не смогли заменить партийных лозунгов. Объективные обстоятельства делали внесоциальную консолидацию, на возможности и целесообразности которой продолжали настаивать масонские лидеры, утопичной и нереализуемой. Реалии и законы политической борьбы привели движение «вольных каменщиков» революционной Франции к полному упадку. К 1794 г. работа в столичных и провинциальных ложах оказалась под запретом³¹.

Лишь годы спустя, в хронологических рамках постреволюционной империи Наполеона Бонапарта (1769–1821) французские масоны сумели возобновить свои собрания. На сей раз они проявили единство и сплоченность, активно поддержав усилия своего покровителя-императора³². Со своей стороны сама Великая Франция в лице своего основателя и лидера также оказывала всемерную поддержку лояльному, «имперскому» масонству³³.

Рождение современного регулярного масонства века Просвещения завершило многообразные циклы его предшествующей истории и эволюции. Разрозненные структуры ремесленного средневекового Братства, деятельность которого сопровождалась тяготением к мистике, усилиями интеллектуалов-просветителей начали приобретать контуры будущего Вселенского Братства. Однако начальная стадия жизни обновленного масонского движения обозначила не только успехи, но и высветила многочисленные проблемы. Если в актив рассматриваемого процесса может быть включено быстрое распространение регулярных структур «вольных каменщиков» на европейском континенте и за океаном, то в пассиве отчетливо прослеживались усложнение его обрядовой культуры, а также нарастающая разобщенность. Подобные тенденции явились следствием недостаточно полной адаптации новой масонской идеологии и ее практического применения к уже сформированным реалиям социально-политической жизни как в самой Великобритании, так и в других европейских странах, оказавшихся на пороге системных внутренних перемен. Однако в контексте назревающей многопрофильной (политической, экономической, культурной, ментальной) мутации «старого» социума Европы правящая элита вынуждена была опереться на идеи уже состоявшейся интеллектуальной революции, активными и заинтересованными глашатаями которой выступили транснациональные структуры новых «вольных каменщиков».

Примечания

- ¹ *Stevenson D.* The origins of freemasonry : Scotland's century. 1590–1710. Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- ² *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone : Lewis Masonic Books, 1994.
- ³ *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917.
- ⁴ *Lomas R.* The invisible college : the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. London : Headline Book Publishing, 2002.
- ⁵ The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723.

- ⁶ *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1988.
- ⁷ The Constitutions of the Free-Masons... P. 1–23.
- ⁸ См.: *Киясов С. Е.* Массонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 49–65.
- ⁹ См.: *Киясов С. Е.* Очерки по истории массонства XVII–XX вв. Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2016.
- ¹⁰ *Fama Fraternitatis*, То есть Вещание Братства высокохвального Ордена Р. К. к государям разного состояния, людям и ученым в Европе / пер. с нем. В. П. Б. V. 1784 года (б.м.) // НИОР РГБ. Ф. 14 (В. С. Арсеньев). Ед. хр. 178. Л. 1–60.
- ¹¹ Там же. Л. 25.
- ¹² Там же. Л. 25–26.
- ¹³ Там же. Л. 42.
- ¹⁴ См.: *Бейджент М., Ли Р.* Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии / пер. с англ. М. : Эксмо, 2004. С. 100.
- ¹⁵ *Андреев А. А.* Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. М. : «Традиция»-«Евролинц», 2001. С. 101.
- ¹⁶ См.: *Йейтс Ф. А.* Розенкрейцерское просвещение / пер. с англ. М. : Алетейя, Энигма, 1999.
- ¹⁷ См.: *Парнов Е.* Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М. : Изд-во полит. литературы, 1991. С. 199.
- ¹⁸ См.: *Розенкрейцеры : из молчания – свет* / пер. с итал. М. : Ниола-Пресс, 2010. С. 64.
- ¹⁹ *Short M.* Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. London : Grafton Books, 1990. P. 49.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Stevenson D.* The first freemasons... P. 8, 182.
- ²² *Barron C. M.* London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1. 600–1540. Ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 430.
- ²³ London Mason's Ordinances 1521 // Documents in English Economic history (England from 1000 – to 1760). London : The Harvill Press, 1977. Vol. 1. P. 1000–1002.
- ²⁴ The Constitutions of the Free-Masons... P. 132–134.
- ²⁵ См.: *Киясов С. Е.* Объединенная Великая ложа Англии : история создания // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 348–352. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-348-352
- ²⁶ *Bullock S. C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill and L. : University of North Carolina Press, 1996, 421 p.
- ²⁷ *Palou J.* La Franc-Maçonnerie. P. : Éditions Payot, 1964. P. 345.
- ²⁸ *Barruel A.* Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. T. 1–4. London : Kenning, 1797–1798.
- ²⁹ *Martin G.* La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. P. : PUF, 1926, 294 p.
- ³⁰ См.: *Киясов С. Е.* Массонство в эпоху Просвещения... С. 335–336.
- ³¹ *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Vol. 1–3. P. : Fayard, 1974–1975 ; Vol. 1. P. 338.
- ³² См.: *Киясов С. Е.* Массонство в эпоху Просвещения... С. 337–354.
- ³³ Там же. С. 349.

Образец для цитирования:

Киясов С. Е. «Вольные каменщики»: мистики, просветители, революционеры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 209–214. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-209-214>

Cite this article as:

Kiyasov S. E. The Freemasons: Mystics, Enlighteners, Revolutionaries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 209–214 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-209-214>

УДК (94+73)(08)

Деятельность Букера Вашингтона по защите гражданских прав афроамериканцев (конец XIX – начало XX века)

Д. Н. Воробьев

Воробьев Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН, Москва, worobjowdmirij@gmail.com

Статья посвящается анализу деятельности афроамериканского лидера рубежа XIX–XX вв. Букера Вашингтона (1856–1915 гг.), направленной на защиту гражданских и политических прав чернокожего населения США. Будучи широко известной публичной персоной, Б. Вашингтон продвигал разработанную им политику приспособления на основе межрасового компромисса. Его суть заключалась во временном отказе афроамериканцев от политического и социального равноправия на территории южных штатов, в угоду достижению материального прогресса. Публично заявляя о необходимости приспособления к сложившимся на Юге общественным порядкам, Б. Вашингтон тайно стремился ослабить политические позиции расистов при поддержке федеральных властей и тем самым защитить избирательные права негритянского населения. Однако власти Юга расценили политику приспособления Б. Вашингтона как фактическое признание поражения афроамериканцев в борьбе за равноправие, приступив к повсеместному лишению чернокожего населения избирательных прав при молчаливом согласии федеральных властей. Не сумев остановить дальнейшее распространение расистского законодательства на Юге, Б. Вашингтон продолжил официально придерживаться политики приспособления, что привело к росту недовольства его деятельностью в «цветном» сообществе и усилению позиций негритянского протестного движения, выступавшего за активное противодействие расизму.

Ключевые слова: история США, афроамериканцы, идеология приспособления, межрасовые отношения, гражданские права, «дедушкины статьи», Букер Вашингтон, Теодор Рузвельт.

Поступила в редакцию: 14.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

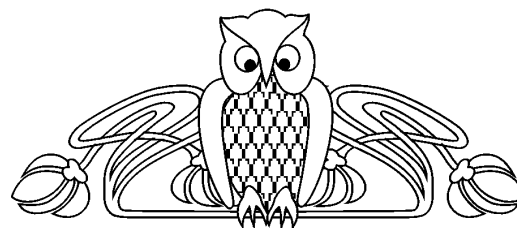
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

African-American Civil Rights Protection Activity of Booker T. Washington (The Late XIX – Early XX Centuries)

D. N. Vorobyev

Dmitry N. Vorobyev, <https://orcid.org/0000-0002-3585-620X>, Institute for the U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, 9 Masterovaya St., Moscow 111524, Russia, worobjowdmirij@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the activities of the African-American leader of the XIX–XX centuries – Booker T. Washington (1856–1915) aimed to protect the civil and political rights of the Black

American population. A well-known public person, B. T. Washington promoted his accommodation policy based on the interracial compromise. Its goal was the temporary renunciation by the African-Americans of the political and social equality in the Southern states in order to achieve the material progress. Publicly declaring the need to adapt to the prevailing social order in the South, B. T. Washington secretly sought to weaken the racists' political positions with the support of the federal government and thereby protect the suffrage of the Black population. However, the Southern authorities regarded B. T. Washington's accommodation policy as a de facto recognition of the defeat of the African Americans in the struggle for equality proceeding to a widespread deprivation of Black people's voting rights with a tacit consent of the federal government. Unable to stop the further spread of racist legislation in the South, B. T. Washington continued to officially adhere to the accommodation policy that led towards growing discontent of his activity in the Black community and strengthening of the African-American Protest Movement positions.

Keywords: the US history, African-Americans, the ideology of accommodation, interracial relations, civil rights, Grandfather clause, Booker T. Washington, Theodore Roosevelt.

Received: 14.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-215-220>

Фигура БукераТалиафера Вашингтона, являвшегося общепризнанным лидером негритянского населения США на рубеже XIX–XX вв., остается одной из самых противоречивых в американской истории. Рожденный рабом в 1856 г., Б. Вашингтон сумел построить блестящую карьеру не только благодаря невероятному трудолюбию, но и редкому умению находить общий язык с представителями обеих рас. Являясь одним из лучших выпускников популярного на Юге Хэмптонского технического училища для «цветных», покровителем которого был известный генерал северянин С. Ч. Армстронг, будущий негритянский лидер в 1881 г. был назначен директором педагогического училища для чернокожих студентов в небольшом городке Таскиги (штат Алабама). В образовательной программе учебного заведения особый упор делался на преподавании ремесел и агрономии, что должно было повысить востребованность квалифицированных «цветных» работников на рынке труда. Отлично владея ораторскими способностями, Б. Вашингтон, заявляя о чрезвычайной важности всестороннего развития чернокожего населения, сумел заручиться финансовой поддержкой наиболее влиятельных меценатов

страны, среди которых были Дж. Рокфеллер и Э. Карнеги, обратившие свое внимание на проблему негритянского образования. Уже к 1890 г. педагогическое училище Б. Вашингтона, прозванное институтом «Таскиги», превратилось в одно из самых престижных учебных заведений для афроамериканцев, успех которого способствовал значительной популяризации технического образования среди «цветного» населения¹.

Став одним из самых видных представителей афроамериканского сообщества, Б. Вашингтон уделял особое внимание взаимоотношению с политическими элитами южных штатов. С окончанием периода Реконструкции Юга в 1877 г. демократы, вернувшие себе контроль над регионом, приступили к планомерному ограничению гражданских и политических прав чернокожего населения в регионе. Осознавая, что афроамериканцы, лишённые весомой поддержки федерального правительства, были не в состоянии отстаивать свои права, гарантированные XIV и XV поправками к Конституции США, Б. Вашингтон разработал собственное видение решения негритянского вопроса на Юге. В своем знаменитом выступлении на международной выставке в Атланте в 1895 г., на которой присутствовали известные бизнесмены и политики, Б. Вашингтон предложил межрасовый компромисс: взамен на временное признание социального и политического неравенства неграм предоставлялись возможности для трудоустройства и получения образования². Таким образом, главным посылом идеологии приспособления Б. Вашингтона являлась задача улучшения материального положения чернокожего населения, что должно было в дальнейшем гарантировать афроамериканцам гражданское и политическое равноправие. Поддержка идеологии приспособления со стороны федеральных властей и региональных элит Юга превратила Б. Вашингтона в общепризнанного лидера афроамериканского сообщества.

Степень реальной приверженности Б. Вашингтона разработанной им политикой приспособления является одним из самых дискуссионных вопросов в историографии. В советской исторической науке закрепился сугубо отрицательный образ негритянского деятеля. Причиной тому стал акцент отечественных исследователей на официальном отказе Б. Вашингтона от активной борьбы за гражданские права афроамериканцев в пользу поиска экономической выгоды, то есть приспособления к существовавшей политической и социальной обстановке (работы А. П. Королевой³ и Э. Л. Нитобурга⁴). В американской историографии политика Б. Вашингтона долгое время также воспринималась в большей степени как пораженческая для негритянской общественности, так как основными источниками, связанными с деятельностью афроамериканского лидера, являлись его официальные речи и выступления, в которых он всегда придерживался заявленного межрасового компромисса⁵.

«Тайная жизнь» Б. Вашингтона, направленная на защиту гражданских и политических прав афроамериканцев, была впервые освещена исследователями О. Майером и Э. Радвиком, проделавшими колоссальную работу по изучению личной переписки негритянского деятеля⁶. В настоящее время ученые ведут споры относительно того, насколько секретная деятельность Б. Вашингтона, выходящая за рамки его общепринятого имиджа «приспособленца», имела положительное воздействие на афроамериканскую общественность, и в какой мере Вашингтон имел реальную возможность защитить гражданские и политические права чернокожего населения Юга (исследования Д. Джексона⁷ и Р. Норелла⁸).

В этой связи стоит задача расширить представления о практической деятельности Б. Вашингтона и уделить особое внимание его борьбе за гражданские права афроамериканцев, остающейся за рамками внимания отечественной науки. Изучение так называемой «тайной жизни» Б. Вашингтона, не предаваемой широкой огласке, позволяет существенно изменить представления о личности афроамериканского деятеля. Важно рассмотреть причины неудач тактики Б. Вашингтона по защите гражданских и политических прав чернокожего населения.

Исследование выполнено на основе применения методов инвент-анализа и контент-анализа. Сравнение официальных речей, интервью и памфлетов Вашингтона с его личной перепиской позволяет сделать выводы относительно того, что публичный образ «мастера компромиссов» расходился с реальным представлением негритянского лидера о состоянии межрасовых отношений в стране.

Несмотря на то, что вопросы экономического прогресса чернокожего населения (в первую очередь развитие бизнеса, увеличение количества земельных собственников и квалифицированных рабочих кадров) занимали центральное место в программе Б. Вашингтона, он, претендуя на роль общепризнанного афроамериканского лидера, не мог не реагировать на такие важные для «цветного» сообщества проблемы, как сегрегация, линчевания и лишение негров гражданских и политических прав. Опасаясь настроиться против себя «белый» Юг, он осторожно касался подобного рода вопросов, делая упор на поиске компромисса в сложном этнокультурном социуме. Более того, Б. Вашингтон никогда не заявлял открыто о том, что его главной задачей являлась полная интеграция негров в американское сообщество. В его понимании обеспечение гражданского равноправия, подтягивание негров до морального и культурного уровня белого населения должны были привести к постепенной ассимиляции чернокожего населения. Б. Вашингтон видел в этом решении единственную возможность избавить афроамериканцев от рабского наследия⁹.

По личному распоряжению Б. Вашингтона в институте «Таскиги» велся постоянный сбор ин-

формации о происходивших в стране линчеваниях с указанием причин содеянного. Он считал, что негры не должны давать малейшего повода для конфликтов, требуя не допускать роста преступности внутри афроамериканской общины. Вместе с тем негритянский лидер, осуждая проявления самосуда белой толпы, отмечал, что подобные инциденты наносили урон не только межрасовым отношениям Юга, но и репутации региона в глазах международной общественности. Так, в одном из интервью 1904 г. по поводу очередного линчевания, в ходе которого было сожжено двое чернокожих мужчин и женщина, а убийцы не были осуждены, негритянский лидер заявил, что подобный беспредел, к сожалению, стал нормой и что следовало примерно наказать преступников¹⁰.

Не мог Б. Вашингтон обходить вниманием и такую важную для чернокожей общественности проблему, как сегрегация мест общественного пользования, повсеместно вводимую на Юге в конце XIX в. Раздельные трамваи для белых и «цветных» жителей появились в штате Джорджия в 1891 г., а уже к началу XX в. разделение транспорта по расовому признаку стало типичным явлением для всего Юга. В 1905 г. в Джорджии неграм было запрещено посещение центральных парков, а в столице штата Атланте в 1908 г. были узаконены сегрегированные лифты¹¹. Сегрегация транспорта вызывала особое негодование негритянской общественности, так как афроамериканцам всегда предоставлялись худшие места и вовсе запрещалось ездить на поездах первого класса. Белые южане, со своей стороны, воспринимали критику сложившейся системы сегрегации как попытку оспорить социальное неравенство двух рас.

Любопытно, но Б. Вашингтон не считал сегрегацию общественного транспорта серьезной проблемой в случае четкого соблюдения официально заявленного властями Юга принципа «раздельных, но равных условий». В письмах в крупную южную газету «Montgomery Advertiser» он с сожалением отмечал, что негры лишены права ездить в железнодорожных вагонах первого класса, требуя обеспечить их всеми возможными удобствами, пусть и отдельно от белых пассажиров¹². Однако предложения афроамериканского деятеля не были приняты во внимание железнодорожными компаниями.

Несмотря на сложившуюся на Юге систему неравенства, Б. Вашингтон верил, что политические и гражданские права афроамериканцев придут со временем: «Через жертвенность, образование и христианский характер негр получит конституционные права, когда будет соответствовать американским стандартам морали и материального благополучия»¹³. Через тяжелую работу и постепенное самосовершенствование афроамериканцы, по его мнению, должны были преодолеть предубеждения белых и убедить их относиться к себе как к равным. В то же время ввиду своей склонности к элитизму Б. Вашингтон

поддерживал вводимые на Юге образовательные и имущественные цензы при голосовании для всех групп граждан вне зависимости от цвета кожи, считая, что подобные условия лишь стимулировали афроамериканцев к скорейшему достижению прогресса.

Большие надежды Б. Вашингтон связывал с усилением федеральной поддержки негритянского населения. У него сложились дружеские отношения с президентом Т. Рузвельтом, сделавшим его своим помощником по межрасовым отношениям в стране. Понимая невозможность выделения большого числа федеральных постов для афроамериканцев, игравших все менее заметную политическую роль в стране, Вашингтон старался не допустить назначений представителей так называемой «лилейно-белой» фракции республиканцев, поддерживавших расистские меры против негров на Юге. При личной встрече с президентом он рекомендовал назначать на федеральные должности чернокожих бизнесменов и выпускников негритянских колледжей, а также белых южан, являвшихся противниками линчеваний и лишения афроамериканцев избирательных прав¹⁴.

В личной переписке, оставшейся вне поля зрения общественности, Б. Вашингтон позволял себе давать более определенные советы президенту касательно федеральных назначений. В результате активного лоббирования афроамериканского лидера его близкий соратник Р. Террелл был назначен первым чернокожим судьей в округе Колумбия¹⁵. В портовом городе Чарльстон (штат Южная Каролина), несмотря на активное сопротивление южных демократов, на вакантное место главы таможни был назначен У. Крам, ставший единственным афроамериканцем, назначенным Т. Рузвельтом на федеральный пост вместо белого. Следуя советам Б. Вашингтона, президент в 1901 г. заменил председателя республиканской партии в Алабаме У. Вогана, известного своими расистскими взглядами, на более умеренного Дж. Томпсона¹⁶, а в Миссисипи назначил на должность федерального маршала демократа Э. Уилсона¹⁷. В благодарность тот не только не уволил ни одного из своих «цветных» подчиненных, но и добился для них новых назначений, самым значимым из которых был пост контролера порта Виксбург¹⁸. Однако неоднократные попытки Б. Вашингтона разбавить монополию «лилейно-белых» в Луизиане и Техасе встретили их серьезное сопротивление, ввиду чего Т. Рузвельт не решился идти против мнения белых южан¹⁹. Таким образом, тайная борьба Вашингтона с белыми расистами в рядах южного анклава республиканской партии не увенчалась успехом. Вопреки громогласным заявлениям президента о том, что он «не собирается закрывать дверь надежды перед любым человеком, вне зависимости от состояния и цвета кожи»²⁰, результаты его патернализма по отношению к негритянскому сообществу оказались спорными. В общей сумме Рузвельт сделал

на два федеральных назначения афроамериканцев меньше, чем предыдущий президент У. Маккинли. Руководство «партии Линкольна» видело в приспособленческой философии Вашингтона лишь долгожданную возможность официально снять с себя ношу ответственности за судьбу чернокожего населения.

Несмотря на компромиссную позицию Б. Вашингтона в вопросе межрасовых отношениях, в подсознании белого населения Юга постоянно присутствовал страх возвращения Реконструкции как эпохи «власти черных», вследствие чего все большую популярность набирали апологеты расового экстремизма. В интерпретации белых радикалов негры, рожденные после отмены рабства, неизбежно скатывались к первоначальному состоянию варварства вследствие низких стандартов морали. Расисты умело использовали главные тезисы Вашингтона о важности саморазвития чернокожего населения как доказательство отсталости «черной» расы, а его политика приспособления объявлялась логичным следствием поражения афроамериканцев в борьбе за равные права. По их инициативе в прессе, школах и церковных проповедях постоянно распускалось огромное количество слухов и небылиц, целью которых было доказать не только непреодолимую отсталость негров, но и представить их в качестве первоостепенной угрозы спокойствию жизни белого Юга. В результате не прекращавшейся расистской агитации к власти на Юге не раз приходили весьма одиозные личности, такие как губернатор Миссисипи Д. Вардаман, прозванный «великим белым вождем». В 1904 г. он громко заявил: «Если будет необходимость, то мы устроим линчевание для всех негров в штате, для того чтобы установить белое господство»²¹. Влияние расистов на политику было особенно заметным в штатах «глубокого Юга», где был высокий процент чернокожего населения.

В результате произошел всплеск бытового расизма, приведший к новой волне негритянских линчеваний и погромов. Более того, под напором расистов на Юге были приняты так называемые «дедушкины статьи», лишавшие избирательных прав тех лиц, чьи предки не имели права голоса до начала Гражданской войны в 1861 г. Закон не только оставлял практически всех афроамериканцев Юга, являвшихся потомками рабов, без права голоса, но и наносил сильнейший удар по идеологии приспособления, обещавшей достижение гражданского равноправия посредством экономического прогресса.

В 1898 г. на принятие «дедушкиных статей» решилось руководство штата Луизиана. Попытки Б. Вашингтона в личной переписке убедить местные власти не расширять список избирательных цензов не увенчались успехом²², в результате чего действия Луизианы стали примером для остальных южных штатов. В 1899 г. в законодательстве Джорджии началось обсуждение законопроекта

Хардвика, предлагавшего принять «дедушкины статьи». Б. Вашингтон был решительно настроен задействовать все возможности, чтобы его блокировать: «Если мы не победим, мы покажем им, что являемся трусами, готовыми распрощаться со своими правами»²³, – писал он своему близкому соратнику Т. Форчуну. Общественность Атланты и представители округов с большим процентом чернокожего населения активно выступили против законопроекта, вследствие чего законодательная власть штата не решилась узаконить билль Хардвика.

В 1900 г. Б. Вашингтон инициировал судебное разбирательство в Луизиане о законности принятия «дедушкиных статей», убедив ряд известных филантропов, таких как Ф. Гаррисон, выделить на этот процесс средства²⁴. Официально иск против штата подала негритянская общественная организация «Афроамериканский совет», но ход дела со стороны контролировал лично Б. Вашингтон²⁵. Желая сохранить в тайне свое участие в судебном процессе, он поместил себя в списке спонсоров под кодовым названием «X.Y.Z.», а своих друзей из числа филантропов как «регX.Y.Z.»²⁶. Б. Вашингтон также приступил к апелляции против «дедушкиных статей» в его родном штате Алабама, призвав негритянское население к активному голосованию в тех штатах, где афроамериканцы еще обладали избирательными правами²⁷.

Было бы неверно говорить, что Б. Вашингтон совсем не преуспел в защите гражданских прав негритянского населения. В 1904 г. его подручные юристы добились в Верховном суде США отмены приговора чернокожему мужчине, так как в жюри присяжных не было ни одного афроамериканца²⁸. В результате рассмотрения «дела Алонсо Бэйли», которое негритянский лидер курировал, не афишируя свое участие, с 1908 по 1911 гг., Верховный суд признал пеонаж видом долгового рабства, а потому незаконным и антиконституционным²⁹. Однако на деле пеонаж продолжал процветать на Юге, оставаясь формально вне закона.

Несмотря на частичные успехи, главную судебную битву Б. Вашингтон так и не выиграл, не сумев добиться отмены «дедушкиных статей» в Алабаме и Луизиане. К 1908 г. лишь 34 тыс. афроамериканцев в Алабаме пользовались избирательными правами, в то время как до принятия закона право голоса имели более 100 тыс. чернокожих мужчин, а в Луизиане число «цветных» избирателей сократилось менее чем за 10 лет в 26 раз (со 130 тыс. до 5 тыс. чел.)³⁰. Между тем Б. Вашингтону и большинству преподавателей «Таскиги», за которых директор училища оплачивал избирательные налоги, власти штата Алабама не препятствовали в голосовании³¹.

Отказ Б. Вашингтона открыто выступать против расизма привел к тому, что среди афроамериканской общественности за ним постепенно закреплялся образ противника межрасового равенства. Позиционируя себя в качестве представителя всех негров в глазах белых американцев, он

оказался в крайне уязвимом положении. Опасаясь, что рост недовольства чернокожего населения своим положением приведет к ответным мерам со стороны белых южан, Б. Вашингтон считал, что его первостепенной задачей должно стать недопущение раскола среди афроамериканской общности, вследствие чего он стремился не допускать любое недовольство политикой приспособления в негритянском сообществе. Однако именно неспособность Б. Вашингтона остановить наступление расистского законодательства на права чернокожего населения стала главной причиной стремительной популяризации в начале XX в. негритянского протестного движения, требовавшего ведения активной борьбы с расизмом.

Публичный образ «мастера компромиссов» не позволял Б. Вашингтону открыто заявлять о своей позиции по отношению к белому расизму. В своих многочисленных выступлениях и газетных статьях он заявлял лишь о необходимости бороться с практикой линчеваний, а также следования принципу «раздельного, но равного» доступа к местам общественного пользования. В свою очередь, тайно занимаясь лоббированием федеральных назначений, а также судебными тяжбами в борьбе с расистским законодательством, он, несмотря на ряд локальных успехов, потерпел неудачу в защите гражданских и политических прав чернокожего населения. Надежды афроамериканского деятеля на поддержку президента Т. Рузвельта оказались напрасными. За исключением ряда благородных жестов в сторону «цветной» общественности в вопросах нескольких важных назначений приближенных к Б. Вашингтону деятелей президент не был готов пойти на эскалацию конфликта с «белым» Югом в угоду неграм, чье политическое влияние в регионе было ничтожным. Принятие южными штатами «дедушкиных статей» и вовсе ставило под сомнение весь смысл философии Б. Вашингтона, так как достижения афроамериканцами гражданского равноправия через образование и материальное благополучие переставало быть осязаемым.

Политика приспособления давала трещины, что становилось ясным и для самого Б. Вашингтона. Однако, несмотря на то что общая картина распространения расизма принимала угрожающий характер, он, боясь потерять поддержку федерального центра, отказался открыто выступить против политики южных властей, подавляя протестные настроения в афроамериканском сообществе. Лишь накануне смерти в связи с распространением практики расовой сегрегации на департаменты правительства в столице страны Б. Вашингтон открыто заявил о неприятии существовавших на Юге межрасовых порядков, включая сегрегацию³². Его смерть в 1915 г., совпавшая с началом «великого переселения» афроамериканцев в промышленные города Севера-Запада из сельских районов Юга, ознаменовала резкое ослабление влияния идеологии приспособления на негритянское сообщество.

Примечания

- ¹ Harlan L. R. Booker T. Washington : The Making of a Black Leader, 1856–1901 : in 2 vols. New York : Oxford University Press, 1972. Vol. 1. P. 223.
- ² Washington T. B. Up From Slavery. New York : Doubleday, Page & Company, 1901. P. 173.
- ³ Королева А. П. Расовые войны и расовые компромиссы. М. : Мысль, 1987. С. 81–96.
- ⁴ *Нумобург Э. Л.* Негры США (XVII – начало XX в.). М. : Наука, 1979.
- ⁵ Vann Woodward C. Origins of the New South, 1877–1913. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1951.
- ⁶ Meier A., Rudwick E. M. Negro Thought in America, 1880–1915 : Racial Ideologies in the Age of Booker T. Washington. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1964.
- ⁷ Jackson D. H. Booker T. Washington and the Struggle against White Supremacy : The Southern Educational Tours, 1908–1912. New York : Springer, 2008.
- ⁸ Norrell R. J. Up from History : The Life of Booker T. Washington. Cambridge : Belknap Press, 2011.
- ⁹ Washington T. B. Up From Slavery... P. 68.
- ¹⁰ Interview with Booker T. Washington // Recorder. 1904. March 17. P. 3.
- ¹¹ Marable M. Black Leadership. New York : Columbia University Press, 1998. P. 37.
- ¹² Interview with Booker T. Washington // Montgomery Advertiser. 1888. June 5. P. 1.
- ¹³ Washington B. T. My Larger Education. New York : Doubleday, Page & Company, 1911. P. 170.
- ¹⁴ Meier A., Rudwick E. M. Op. cit. P. 115.
- ¹⁵ Booker T. Washington to Philander C. Knox. 1901. October 24 // Booker T. Washington Papers : in 13 vols. Urbana : University of Illinois Press, 1977. Vol. 6 : 1901–02. P. 557.
- ¹⁶ Booker T. Washington to Roosevelt. 1902. November 4 // Booker T. Washington Papers... 1977. Vol. 6 : 1901–02. P. 592.
- ¹⁷ Wilson to Booker T. Washington. 1901, November 30 // Booker T. Washington Papers... 1977. Vol. 6 : 1901–02. P. 333.
- ¹⁸ Wilson to Booker T. Washington. 1902, October 6 // Booker T. Washington Papers... 1977. Vol. 6 : 1901–02. P. 557.
- ¹⁹ R. L. Smith to J. E. Scott. 1905, April 29 // Booker T. Washington Papers... 1979. Vol. 8 : 1904–06. P. 263.
- ²⁰ Roosevelt to James Adger Smyth. 1902, November 26 // Letters of Theodore Roosevelt : in 8 vols. Cambridge : Harvard University Press, 1951. Vol. 3 : 1901–03. P. 383.
- ²¹ Danielson C. The Color of Politics : Racism in the American Political Arena Today. Santa Barbara : ABC-CLIO, 2013. P. 43.
- ²² Curry to Booker T. Washington. 1898, March 5 // Booker T. Washington Papers... 1975. Vol. 4 : 1895–98. P. 395.
- ²³ Harlan L. R. Booker T. Washington : The Wizard of Tuskegee, 1901–1915 : in 2 vols. New York : Oxford University Press, 1983. Vol. 2. P. 170.
- ²⁴ Booker T. Washington to Fortune. 1899. November 7 // Booker T. Washington Papers... 1976. Vol. 5 : 1899–1900. P. 260.

- ²⁵ Garrison to Booker T. Washington. 1900. March 2 // Booker T. Washington Papers... 1976. Vol. 5 : 1899–1900. P. 456.
- ²⁶ Booker T. Washington to Scott. 1900. March 11 // Booker T. Washington Papers... 1976. Vol. 5 : 1899–1900. P. 461.
- ²⁷ Harlan L. R. Booker T. Washington : The Making of a Black Leader, 1856–1901 ; in 2 vols. New York : Oxford University Press, 1972. Vol. 1. P. 303.
- ²⁸ Rogers v. Alabama, 192 U.S. 226 (1904) // Justia US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/192/226/> (дата обращения: 02.02.2017).
- ²⁹ Bailey v. Alabama, 219 U.S. 219 (1911) // Justia US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/219/219/> (дата обращения 02.02.2017).
- ³⁰ Marable M. Black Leadership. New York : Columbia University Press, 1998. P. 38.
- ³¹ John H. Washington to Booker T. Washington. 1910. February 2 // Booker T. Washington Papers... 1981. Vol. 10 : 1909–11. P. 271.
- ³² Washington B. T. Is the Negro Having a Fair Chance // Century. 1912. November. P. 53.

Образец для цитирования:

Воробьев Д. Н. Деятельность Букера Вашингтона по защите гражданских прав афроамериканцев (конец XIX – начало XX века) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 215–220. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-215-220>

Cite this article as:

Vorobyev D. N. African-American Civil Rights Protection Activity of Booker T. Washington (The Late XIX – Early XX Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 215–220 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-215-220>

УДК 327.82

Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов

Ю. С. Чихичин

Чихичин Юрий Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, urchih@mail.ru

В статье рассматриваются особенности переговорного процесса по поводу ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 гг. в контексте целей и задач США. На основе анализа текстов соглашений, американских и украинских программных документов, экспертных оценок воспоминаний государственных деятелей формулируется вывод, согласно которому ядерное разоружение Украины являлось одной из ключевых целей обеих администраций в указанный период.

Ключевые слова: Украина, США, Демократическая партия, Республиканская партия, ядерное разоружение, Программа совместного уменьшения угроз, американско-украинское сотрудничество.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Approaches of G. Bush-senior and B. Clinton Administrations to the Problem of Nuclear Disarmament of Ukraine in the Period of 1992–1996

Y. S. Chikhichin

Yury S. Chikhichin, <https://orcid.org/0000-0002-3558-4953>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, urchih@mail.ru

The article analyzes the approaches of G. Bush-senior and B. Clinton administrations to the problem of nuclear disarmament of Ukraine in the period of 1992–1996. The author studies the features of the negotiation process in the context of the goals and objectives of the United States. Based on an analysis of the texts of agreements, American and Ukrainian policy documents, expert assessments and memoirs of statesmen, the author comes to the conclusion that the nuclear disarmament of Ukraine was one of the key issues of both administrations during the indicated period.

Keywords: Ukraine, USA, Democrats, Republicans, nuclear disarmament, Cooperative Threat Reduction Program, US-Ukrainian cooperation.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>

Достижение консенсуса в вопросе о ядерном разоружении Украины являлось одной из при-

оритетных задач американской политики в ходе первого президентского срока Б. Клинтона. В этом отношении сохранялась преемственность по отношению к линии Дж. Буша-старшего – предыдущая администрация ставила данный вопрос в американо-украинских отношениях на первое место. Несмотря на отдельные голоса скептиков, высказывавшихся в том духе, что наличие у Украины ядерного оружия станет дополнительной защитой от посягательств Москвы, позиция американской администрации была однозначной – разоружение и только разоружение. По мнению госсекретаря Дж. Бейкера, кризис в отношениях между Россией и Украиной, обладающими ядерным вооружением, был бы совершенно не в интересах Вашингтона. Поэтому хранитель «ядерной дубинки» на постсоветском пространстве должен быть один и этим «кем-то» может выступить лишь Россия, так как только ее ресурсов хватит на подобные траты¹.

В данном случае демократы Б. Клинтона выступали единым фронтом с республиканцами Дж. Буша-старшего. Вышедший весной 1993 г. обзор американской политики на Украине не только вторил Дж. Бейкеру в плане приоритетности направлений двустороннего сотрудничества, но и ставил развитие американо-украинских отношений в сфере политики, экономики и безопасности в прямую зависимость от того, насколько быстро и успешно будет решен вопрос о ядерном разоружении Украины. Никто в американском правительстве не ставил приоритетность данной проблемы под сомнение².

Для того чтобы обеспечить достижение Украиной безъядерного статуса, в Вашингтоне были готовы оказать Киеву финансовую поддержку в решении вопроса. Важную роль здесь сыграл американский Конгресс, который 12 декабря 1991 г. принял Программу совместного уменьшения угроз (Cooperative Threat Reduction Program), известную также как Программа Нанна-Лугара, которая подразумевала оказание помощи странам бывшего СССР в ликвидации запасов ядерного, химического и биологического оружия в соответствии с договорами о разоружении. По свидетельству Г. Аллисона, к моменту принятия Программы для слушаний в Конгрессе было уже слишком поздно. Поэтому сенатор от демократов С. Нанн и сенатор от республиканцев Р. Лугар предложили принять Программу в виде поправки к законопроекту о военных ассигнованиях. Согласно поправке с целью утилизации ядерного

вооружения бывшего СССР ежегодно могли быть использованы до \$400 млн из средств, выделенных на оборону США. Первоначально эта идея не встретила понимания у администрации Дж. Буша-старшего и вызвала немало вопросов со стороны американских конгрессменов, однако в итоге ей был дан зеленый свет и поправку приняли подавляющим большинством голосов³.

Принятие Программы Нанна-Лугара свидетельствовало о высочайшей степени значимости, которую придавали в США вопросам ядерного разоружения на постсоветском пространстве. Особую роль здесь играло то обстоятельство, что в данном случае инициатива исходила от представителей Конгресса – органа, традиционно «прижимистого» в отношении и куда меньших сумм. Программа совместного уменьшения угроз стала одним из ключевых инструментов американской политики на Украине в рассматриваемый период, так как давала США возможность увязывать получение военно-технической помощи с определенными условиями. С другой стороны, готовность Вашингтона ежегодно тратить \$400 млн позволяло той же Украине рассчитывать на получение большей доли «пирога» в случае умелого торга, что и было использовано Киевом в ходе переговоров⁴.

Сами переговоры, носящие двусторонний характер, проводившиеся по линии Москва–Киев и Киев–Вашингтон, приобрели тенденцию к превращению в треугольник Москва–Киев–Вашингтон с участием лидеров государств. По свидетельству С. Пайфера, трехсторонний переговорный процесс о ядерном разоружении Украины с участием Москвы, Киева и Вашингтона де-факто стартовал с начала 1992 г. и сопровождался серьезными трудностями. В марте 1992 г., заручившись поддержкой Верховной Рады, Л. Кравчук временно приостановил вывоз тактического ядерного оружия с территории Украины. К концу года данный вопрос удалось решить, однако трудности на этом не закончились.

Весной 1992 г. США и четырем постсоветским республикам, обладающим ядерным оружием, после долгих и трудных переговоров удалось заключить соглашение о передаче России всех арсеналов, находящихся на территории Белоруссии, Украины и Казахстана. Тем не менее вопреки условиям Лиссабонского протокола от 23 мая 1992 г., предписывающего в кратчайшие сроки присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а также данных в рамках СНГ обязательствах избавиться от ядерного оружия до конца 1994 г., украинское руководство не спешило окончательно расставаться со своим ядерным арсеналом. В письме Дж. Бушу-старшему от 7 мая 1992 г. Л. Кравчук выражал готовность все стратегические наступательные вооружения на территории страны ликвидировать в течение 7 лет. В дальнейшем сроки окончательного достижения Украиной безъядерного статуса сдвигались на 7 лет с момента присоединения к договору о

сокращении наступательных вооружений СНВ-1 (Верховная Рада ратифицировала его 20 ноября 1993 г.) или даже на 14 лет с момента ратификации Лиссабонского протокола (Верховная Рада ратифицировала его 3 февраля 1994 г.). Политика Украины по вопросу разоружения постепенно ужесточалась. На разных уровнях законодательной и исполнительной властей выдвигались предложения оставить в собственном распоряжении часть боеголовок и их носителей, соответствующие изменения вносились в законодательство. Так, министр обороны Украины К. Морозов неоднократно высказывал мысль о необходимости сохранить в распоряжении страны 46 МБР РС-22, пытаясь заручиться поддержкой своих американских коллег. Серьезную обеспокоенность в Вашингтоне вызвала активность Верховной Рады, которая на протяжении 1992–1993 гг. неоднократно принимала законодательные акты, в которых ядерное оружие и инфраструктура, находящиеся на территории Украины, объявлялись исключительной собственностью украинского государства. К таковым актам относились заявление Верховной Рады в апреле 1993 г. и новая внешнеполитическая доктрина Украины, принятая 2 июня 1993 г.⁵

В рассматриваемый период в Украине существовала серьезная оппозиция проводившемуся курсу на ядерное разоружение, однако в первую очередь это относилось к радикально настроенным националистическим кругам, имевшим в Верховной Раде существенное влияние. Применительно к высшим эшелонам исполнительной власти уместнее говорить о предмете торга, в который был превращен безъядерный статус Украины ее руководством. Проявляя несговорчивость в ходе переговорного процесса, Киев увязывал разоружение с экономическими преференциями со стороны Москвы, а также предоставлением экономической помощи и гарантий безопасности со стороны Вашингтона.

К моменту прихода администрации Б. Клинтона в Белый дом консенсуса не удалось достигнуть ни на одном из указанных направлений. Украинское руководство настаивало на увеличении объемов внешней помощи, увязывая их с темпами ядерного разоружения и проведением экономических реформ. Понимания в этом вопросе Л. Кравчуку не удалось найти ни у Дж. Буша-старшего, ни (поначалу) у Б. Клинтона. Администрация Дж. Буша-старшего, во-первых, не имела законченного представления о политике, которую предстояло проводить на постсоветском пространстве: во-вторых, по той же причине ориентировалась на Россию как центральное звено этого пространства: в третьих – не имела достаточно отлаженной и сбалансированной программы оказания помощи, которая к тому же только начинала осуществляться⁶.

В создавшихся условиях Вашингтон пытался соблазнить Украину увеличением помощи в сфере ядерного разоружения. 9 декабря 1992 г. Дж. Буш-

старший предложил Л. Кравчуку форсировать процесс ядерного разоружения Украины в обмен на увеличение объемов помощи до \$175 млн в рамках программы Нанна-Лугара. Однако почти двукратное увеличение доли Украины от общего «пирога» (изначально на украинскую часть программы приходилось около \$90 млн) не возымело желаемого эффекта. Своеобразным ответом на инициативу Дж. Буша-старшего стал меморандум министерства иностранных дел Украины от 11 декабря 1992 г., в котором прямым текстом ставился вопрос о праве собственности на все компоненты ядерных боеголовок, дислоцированных на территории страны. Б. Клинтон же с его изначальной ориентацией на Россию в принципе не был расположен увеличивать объемы помощи, предоставляемой Украине, и лишь отчетливо обозначившаяся к середине 1993 г. угроза тупика в американо-украинских отношениях заставила новую администрацию пересмотреть свои позиции⁷.

Что касается гарантий безопасности, то здесь речь, в первую очередь, шла о пятой статье договора НАТО. В случае распространения на Украину действия данной статьи США обязывались бы принять непосредственное участие в отражении гипотетической агрессии со стороны России. Подобная перспектива не вызывала энтузиазма ни у Дж. Буша-старшего, ни у Б. Клинтона, так как брать на себя ответственность в случае гипотетического российско-украинского конфликта никто не хотел. Кроме того, существовало опасение, что, предоставив Вашингтон Киеву такие гарантии безопасности, на следующий день в Белый дом могла выстроиться очередь, состоявшая из других бывших республик СССР. Исходя из этого, американцы стремились к такому оформлению гарантий безопасности Украине, которое не накладывало бы на Вашингтон конкретных международно-правовых обязательств и не подразумевало бы оказания военной помощи напрямую. Таким способом гарантировать безопасность Украины впоследствии стал Будапештский меморандум, однако до его разработки и принятия необходимо было решить немало проблем⁸. Главной из них стал тупик двусторонних переговоров как по линии Москва–Киев, так и по линии Киев–Вашингтон. Одним из ключевых спорных моментов стал вопрос о компенсации за высокообогащенный ядерный уран (HEU) в передававшихся России боеголовках. Москве и Киеву не удавалось прийти к консенсусу в данном вопросе, а предложение Вашингтона списать часть украинского долга не вызвало у Кремля ни малейшего энтузиазма. Идея обеспечивать украинские АЭС топливными стержнями с низкообогащенным ураном (LEU) была встречена более благосклонно, однако здесь также предстояло решить ряд задач, в частности вопрос с тактическими ядерными боеприпасами, компенсировать которые подобным образом Москва не была готова. 26 января 1993 г. на территории Украины начала работать

специальная комиссия во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом России Ю. Дубининым, однако вопросов оставалось больше, чем ответов. Пробуксовка российско-украинских переговоров о ядерном разоружении Украины внакладку на общий кризис, наметившийся в двусторонних отношениях, заставила Вашингтон несколько сместить акценты в своей политике, начав уделять больше внимания посредничеству в переговорах между Киевом и Москвой, а также углублению американо-украинского сотрудничества. Начиная с мая 1993 г., в администрации Б. Клинтона приходят к выводу о необходимости большего вовлечения в дела Украины и расширения двустороннего взаимодействия⁹.

Пересмотру подверглась также сама стратегия переговоров по ядерному разоружению. Несмотря на давление, оказываемое на украинское руководство, окончательного успеха в переговорах не наблюдалось. Более того, с разных сторон поступали довольно пессимистичные оценки относительно дальнейших перспектив переговорного процесса. В одном из докладов ЦРУ констатировалось, что по состоянию на 1993 г. Украина в большей, нежели год назад, степени оказалась близка к тому, чтобы сохранить в своем распоряжении часть, если не все ядерное оружие бывшего Советского Союза, все еще расположенное на ее территории¹⁰.

Настойчивость администрации Б. Клинтона в «продавливании» вопроса о ядерном разоружении Украины вызывала одобрение далеко не у всех. Критики отмечали, что, стремясь как можно скорее добиться безъядерного статуса Украины, Вашингтон рискует вызвать негативную реакцию Киева и упустить при этом ряд благоприятных возможностей. Эксперты из РЭНД-корпорации Р. Асмус, Р. Куглер, Ф. Лараби в статье «Building new NATO» назвали такой подход контрпродуктивным. По их мнению, вместо окончательного согласия Украины на ликвидацию своих ядерных арсеналов неуместная прыть Вашингтона может привести к обратному эффекту, так что делать ставку на разоружение было бы неразумно. Вместо этого экспертами рекомендовалось расширить перечень направлений сотрудничества; в первую очередь это касалось вопросов, связанных с созданием новой архитектуры безопасности в Восточной Европе.

Авторы статьи полагали, что Запад должен всеми силами противостоять попыткам России восстановить свое влияние на Украине. В противном случае там возобладают тенденции национализма с направленностью на сохранение ядерного оружия. Необходимо также поддерживать Украину на пути европеизации, что означает развитие более тесных связей с Центральной Европой и интеграцию страны в общеевропейские и региональные структуры, снижая тем самым вероятность появления националистического и ксенофобского режима, который будет угрожать соседям, в первую очередь Польше¹¹.

Выстраивание отношений с Украиной являлось одним из шести элементов предлагаемой авторами новой стратегии НАТО, куда, кроме непосредственной трансформации самой роли альянса, входило взаимодействие с Францией, Германией, странами Вышеградской группы и Россией. По мнению экспертов РЭНД-корпорации, независимая Украина является одним из ключевых элементов нового европейского стратегического ландшафта. На фоне неопределенности будущего демократии в России и общего вакуума силы на территории Восточной Европы независимость Украины стала бы лучшей гарантией от восстановления империи под эгидой Москвы¹².

С аналогичных позиций на страницах журнала «Foreign Affairs» позже выступил Зб. Бжезинский. В статье «Преждевременное партнерство» американский политолог высказывался в том смысле, что напряжение, возникшее между Вашингтоном и Киевом по поводу ядерного разоружения, объясняется, с одной стороны, неприкрытым давлением США, а с другой – хитроумной политикой Москвы, которой удалось, играя на американских опасениях (и на очевидном предпочтении американской администрацией контроля над украинским ядерным оружием со стороны России), представить новых лидеров в Киеве в качестве угрозы международной стабильности. При этом очевидные экспансионистские устремления российской администрации в отношении Украины администрацией Б. Клинтона игнорировались. «Выходит, за свою международную изоляцию и ощущаемую от этого уязвимость украинцы должны пенять на собственную неуступчивость в вопросе о ядерном оружии»¹³, – констатировал Зб. Бжезинский.

Американский политолог предлагал сместить акценты с «россицентричности» на более гибкий и реалистичный подход. По его мнению, вопрос о ядерном разоружении не должен становиться лакмусовой бумажкой в американо-украинских отношениях; внешнюю помощь следовало распределять более равномерно, причем применительно к России ее получение должно зависеть от того, насколько дружественную политику проводит Москва по отношению к соседним государствам. Ключевой же целью украинской политики США в рамках предлагаемого политологом «геополитического плюрализма» должны стать стабильность и независимость Украины. С точки зрения Зб. Бжезинского, этот вопрос являлся более значимым, нежели ее безъядерный статус. Итоговый вывод по Украине, сделанный в статье, фактически совпадает с аналогичным заключением экспертов РЭНД-корпорации: без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически ею становится¹⁴.

Как бы то ни было, линия, проводимая Вашингтоном на Украине, начала давать сильный побочный эффект в виде роста напряженности

в отношениях между двумя странами. В апреле 1993 г. сорвались переговоры с премьер-министром Украины Л. Кучмой во время его визита в США. Одной из причин этого послужило публичное выражение администрацией Б. Клинтона своего недовольства позицией Украины по вопросам ядерного разоружения. Дальнейшим шагом администрации могли стать санкции, возможность введения которых к тому времени стала открыто обсуждаться в американских органах законодательной и исполнительной власти. Возможно, именно апрельский провал стал последней каплей, заставившей администрацию Б. Клинтона пересмотреть свои позиции и скорректировать баланс между условным «кнутом» (давление и санкции) и условным «пряником» (экономическая помощь и гарантии безопасности) в пользу последнего.

Первым шагом в этом направлении стало заявление С. Тэлбота о готовности администрации Б. Клинтона выделить Украине \$175 млн в случае ратификации ею Договора СНВ-1, датированное 9 мая 1993 г. Второй шаг был сделан летом 1993 г., когда США и Украина провели переговоры на уровне глав оборонных ведомств двух стран, по итогам которых стороны объявили о новом этапе военно-технического сотрудничества. Хорошим подспорьем здесь послужила программа Нанна-Лугара, в рамках которой в дальнейшем удалось значительно расширить взаимодействие в сфере ядерного разоружения. По мнению самого С. Нанна, по-настоящему эффективно данная программа заработала именно во времена Б. Клинтона, так как к ней проявил интерес министр обороны Л. Эспин, а позже поддержал сменивший его на этом посту У. Перри (как и С. Нанн, оба являлись представителями демократической партии)¹⁵. Другое объяснение заключается в том, что США согласились увеличить размеры оказываемой помощи, причем как в рамках программы Нанна-Лугара, так и вне ее. Обе версии имеют право на существование хотя бы потому, что в ходе развития переговорного процесса отчетливо проявились обе тенденции¹⁶.

Летом 1993 г. лидерам России и США удалось договориться о ратификации трехстороннего формата Москва–Киев–Вашингтон. Для этого в августе 1993 г. была создана рабочая группа во главе с заместителем министра иностранных дел России Ю. Мамедовым и С. Тэлботтом. Тогда же комиссией Ю. Дубинина были предоставлены проекты трех соглашений между Россией и Украиной. По свидетельству Ю. Дубинина, американская сторона была не в восторге от намечавшегося взаимопонимания сторон: С. Тэлботт, которому были переданы тексты проектов соглашений, был явно удивлен таким поворотом событий и не выразил ни малейшего удовлетворения по этому поводу. Подобное противоречие (относительно необходимости ядерного разоружения Украины Россия и США были полностью солидарны) можно объяснить тем, что, решив активнее участво-

вать в роли посредника, Вашингтон вознамерился играть в переговорном процессе первую скрипку, получив тем самым дополнительный рычаг влияния. Одновременно с этим, начиная со второй половины 1993 г., активизировались контакты представителей администрации Б. Клинтона с властями Украины: С. Тэлботт и У. Кристофер стали систематически посещать Киев с целью определения основ новых партнерских отношений и обсуждения объемов финансовой помощи Украине со стороны США¹⁷.

Так или иначе на рубеже 1993–1994 гг. в ходе переговорного процесса наметился явный перелом. 25 октября 1993 г. США и Украина подписали соглашение о предоставлении Украине помощи в ликвидации стратегического ядерного оружия, а также предотвращении распространения оружия массового поражения. Однако настоящим прорывом стало подписание Л. Кравчуком, Б. Ельциным и Б. Клинтонем Трехстороннего заявления от 14 января 1994 г., в котором указывались сроки передачи России украинских боеголовок и сроки поставок российских топливных стержней для украинских АЭС в качестве компенсации. В отдельном порядке указывался объем подлежащего списанию долга Украины за высокообогащенный уран в тактических ядерных боеприпасах, вывезенных с территории страны в 1992 г. Смена тактики принесла свои плоды: несмотря на сопротивление парламентской оппозиции и торг со стороны официального Киева, к моменту заключения соглашения вопрос о безъядерном статусе Украины был уже делом решенным¹⁸.

После подписания Трехстороннего заявления процесс ядерного разоружения Украины значительно ускорился. В марте 1994 г. в совместном заявлении президентов США и Украины объявлялось о начале новой эры в двусторонних отношениях. Американская сторона подчеркнула исключительную важность независимости и территориальной целостности украинского государства. При этом США не только подтверждали готовность предоставить Украине \$175 млн в рамках октябрьского соглашения, но и возлагали на себя обязательство выделить на нужды ядерного разоружения Украины такую же сумму в течение 1994–1996 гг. Кроме того, в рамках Акта о поддержке свободы США обещали предоставить Украине уже не \$155 млн, как планировалось изначально, а \$350 млн «в рамках двусторонней экономической помощи для поддержания перехода Украины к рыночно-ориентированной экономике и демократическому обществу»¹⁹.

Параллельно с этим шло расширение американо-украинского сотрудничества как в рамках программы Нанна-Лугара, так и в рамках профильных ведомств. В период 1993–1996 гг. начала реализовываться серия проектов, направленных на демонтаж инфраструктуры ядерных объектов Украины и конверсии ее ВПК. 5 декабря 1993 г. между министерствами обороны обеих стран

было подписано соответствующее соглашение, к которому позже был внесен ряд поправок. По условиям договоренностей американская сторона согласилась поставить Украине оборудование для транспортировки и ликвидации ракет, а также предоставляла консультационную помощь. Объем финансирования в рамках заключенного соглашения составил \$244,7 млн 27 декабря 1995 г. между оборонными ведомствами двух стран было заключено аналогичное дополнительное соглашение, касающееся инфраструктуры ядерных объектов. В соответствии с условиями соглашения министерство обороны США приняло решение оказать Украине помощь в обезвреживании и демонтаже военных объектов, расположенных возле Первомайска и Хмельницкого, а также в ликвидации хранилищ ядерного оружия в Первомайске, Хмельницком, Макарове и Кировограде. Объем помощи в рамках соглашения первоначально составлял \$10 млн; позже, в 1996 г., к указанной сумме добавили \$13,4 млн²⁰.

С указанными соглашениями был косвенно связан проект «Контроль над экспортом» («Export Control»), регламентировавший вопросы финансовой, консультационной и технической помощи в сфере торговли. В качестве одной из ключевых целей проекта был обозначен контроль над передачей оружия массового поражения и связанных с ним технологий. Внимание США к рассматриваемому вопросу связано с опасением, что научно-технический потенциал Украины в ядерной сфере мог быть использован странами, стремящимися заполучить ядерное оружие. Взаимодействие осуществлялось, начиная с 1995 г., по линии Агентства специальных видов вооружений (Defense Special Weapons Agency). На реализацию проекта было выделено \$13,26 млн.

Важным элементом системы двусторонних договоренностей стало соглашение о конверсии украинского ВПК. Заключенное 21 марта 1994 г., соглашение предусматривало конверсию и приватизацию 33 украинских оборонных предприятий, специализирующихся на производстве оружия массового поражения, а также строительство жилья для демобилизованных офицеров ракетных войск. Со стороны США в рамках программы первоначально было выделено \$40 млн, позднее эта сумма возросла до \$55 млн. Еще один проект «Material Control & Accountability and Physical Protection», направленный на повышение уровня безопасности хранения ядерных материалов, начал реализовываться в апреле 1994 г. и охватывал 4 объекта, объем финансирования составил \$22,5 млн. Это событие являлось итогом реализации программ по ее ядерному разоружению. 4 июня 1996 г. Украина объявила о полном вывозе со своей территории имевшегося у нее оружия массового поражения и о своем безъядерном статусе²¹.

Можно констатировать, что в период 1992–1996 гг. ядерное разоружение Украины

стало одной из ключевых целей политики США. Опасаясь нарушения режима нераспространения и желая сократить запасы оружия массового поражения таким образом, чтобы они оказались в распоряжении одной постсоветской республики вместо четырех, администрация Дж. Буша-старшего, а затем и Б. Клинтона приложила немало усилий для достижения поставленной цели. Несмотря на сопротивление украинского руководства и возросшую напряженность в американо-украинских отношениях, в итоге консенсус все же был достигнут. Решение принципиального вопроса в дальнейшем обусловило активизацию американо-украинского взаимодействия в тех областях, где тесного сотрудничества ранее не наблюдалось.

Примечания

- 1 Pifer St. The Eagle and the Trident U. S. Ukraine Relations in Turbulent Times. Washington : Brookings Institution Press, 2017. P. 40–41.
- 2 Ibid.
- 3 Nunn S. «We choose between cooperation and disaster» (Interview with Stanton Nuclear Safety Foundation scholar M. Bugerin). inosmi.ru. URL: <https://inosmi.ru/social/20170627/239681212.html> (дата обращения: 23.09.2019).
- 4 См.: Кондратюк Е. А. Проблема ядерного разоружения Украины и американская дипломатия (1991–2004). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-yadernogo-razoruzheniya-ukrainy-i-amerikanskaya-diplomatiya-1991-1994> (дата обращения: 26.09.2019).
- 5 Pifer St. Op. cit. P. 48.
- 6 Ibid. P. 33.
- 7 См.: Александрия О. М. Проблема ядерного наследства СССР : к 20-летию подписания Лиссабонского протокола // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 4. С. 154.
- 8 Pifer St. Op. cit. P. 48.
- 9 Ibid. P. 52.
- 10 Smith R. J., Sun L., Oberdorfer B. Officials See Shift in Ukraine's Nuclear Position // The Washington Post, December, 19, 1992.
- 11 Richard L. Kugler F., Larrabee S. Building a new NATO // Foreign Affairs. 1993. № 9(10). P. 37–38.
- 12 Ibid.
- 13 Bzhezinskiy Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs. Vol. 73, № 2, March/April 1994. P. 71.
- 14 Ibid.
- 15 Nunn S. Op. cit.
- 16 См.: Кондратюк Е. А. Указ. соч.
- 17 См.: Дубинин Ю. В. Дипломатический марафон. М. : АВИАРУС-XXI, 2005. С. 67–68.
- 18 Pifer St. Op. cit. P. 62.
- 19 Ibid. P. 64.
- 20 The Cooperative Threat Reduction Assistance to Ukraine. Cooperative Threat Reduction Program, Department of Defense. URL: <http://www.bits.de/NRANEU/START/documents/ctrukrain.pdf> (дата обращения: 29.09.2019).
- 21 Ibid.

Образец для цитирования:

Чихичин Ю. С. Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 221–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>

Cite this article as:

Chikhichin Y. S. Approaches of G. Bush-senior and B. Clinton Administrations to the Problem of Nuclear Disarmament of Ukraine in the Period of 1992–1996. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 221–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>

УДК 94(73)|19

«Хрупкий консенсус» Б. Обамы и будущее договора СНВ-III

С. Ю. Шенин

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению наиболее вероятных вариантов развития событий вокруг договора СНВ-III, посредством которых различные группы американской правящей элиты пытаются добиться реализации своих глобальных стратегических целей. Особое внимание уделено исследованию фактора межпартийного взаимодействия, который предопределил достижение «хрупкого консенсуса» между республиканской и демократической партиями по вопросу взаимодополняемости программы модернизации ядерной триады и процесса контроля над вооружениями.

Ключевые слова: администрация Д. Трампа, Б. Обама, договор СНВ-III, контроль над вооружениями, модернизация ядерной триады, республиканская партия, демократическая партия.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

B. Obama's «Fragile Consensus» and the Future of the New START Treaty

S. Yu. Shenin

Sergei Yu. Shenin, <https://orcid.org/0000-0002-4503-59-23>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shenins@yahoo.com

The article is devoted to the study of the most probable variants of developments around the New START Treaty, through which various groups of the American ruling elite are trying to achieve their global strategic goals. Special attention is paid to the study of the factor of inter-party interaction, which predetermined the achievement of a «fragile consensus» between the Republican and Democratic parties on the issue of complementarity of the program of modernization of nuclear triad and arms control process.

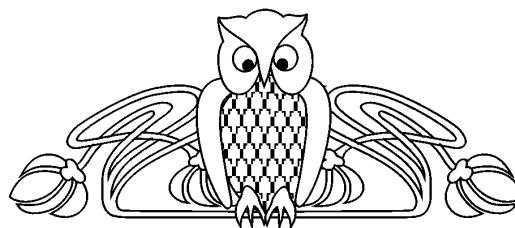
Keywords: administration of D. Trump, B. Obama, New START Treaty, arms control, modernization of the nuclear triad, Republican party, Democratic party.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-227-230>

Договор СНВ-III, который является двухсторонним соглашением по контролю над стра-

тегическими ядерными вооружениями между США и Российской Федерацией, был подписан президентами двух стран – Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым – 8 апреля 2010 г. в Праге и вступил в силу после ратификации обеими сторонами 5 февраля 2011 г. Договор предписывает участникам иметь не более 1550 установленных на носителях боеголовок, при этом самих носителей (межконтинентальных баллистических ракет, тяжелых бомбардировщиков и подводных лодок) может быть не более 700. Договором также устанавливается контрольно-инспекционный режим, разрешающий сторонам осуществлять проверки на местах.

Данное соглашение было рассчитано на 10 лет, после чего его можно продлить еще на 5 лет. Соответственно, основной срок заканчивается 5 февраля 2021 г. и сторонам необходимо решить вопрос о его продлении. При этом нет необходимости в новой ратификации – Белый дом и Кремль могут решить этот вопрос между собой без участия парламентариев своих стран¹.

Российская твердая позиция заключается в том, что договор полностью выполняет свое предназначение и продлевать его нужно в том виде, в котором он сейчас существует, без какой бы то ни было модернизации². Однако в США такой твердой позиции по данному вопросу нет. Там сформировались три основных варианта отношения к договору СНВ-III.

Во-первых, «дать ему умереть». Этот вариант поддерживается консервативным крылом республиканской партии и аргументируется тем, что за последнее десятилетие Россия нарушила более восьми международных договоров. Наиболее серьезные последствия для контроля над вооружениями несут с собой нарушение и отказ Москвы от договора о ракетах малой и средней дальности (ДРСМД). Соответственно, Кремль утратил репутацию договороспособного партнера и продолжать с ним отношения в такой чувствительной сфере очень рискованно.

Консерваторы считают, что, поскольку Российская Федерация активно создает новое стратегическое оружие, которое выходит за рамки СНВ-III (крылатые ракеты с ядерным двигателем, сверхзвуковые ракеты, ядерные торпеды, боеголовки малой мощности и т. д.), надеяться на то, что договор обеспечит стратегическое равновесие, уже невозможно. Даже если Москва действительно придерживается выполнения СНВ-III (как считают многие американские эксперты),

трудно утверждать, что она будет делать это и дальше, особенно, если ей станет невыгодно. Соответственно, договор «создает ложное чувство безопасности».

Кроме того, сам договор имеет серьезные встроенные дефекты, поскольку, разрабатывая его, администрация Обамы рассчитывала на грядущую «перезагрузку» отношений с Российской Федерацией. Так, Россия в рамках договора практически не сокращает свои боеголовки и носители, а США вынуждены уменьшать их количество до российского исходного уровня. Что очень важно, в договоре отсутствует привязка стратегических факторов к наличию ядерных тактических боеголовок (считается, что у России здесь преимущество 10:1).

Как указывают представители консервативной группировки, СНВ-III не предусматривает адекватной и эффективной системы контроля за исполнением договоренностей, поэтому говорить о его прозрачности и использовании для сбора информации о российском арсенале ошибочно. При проведении инспекций на местах американская сторона, как правило, сталкивается в России с осмотром «потемкинских деревень». Даже если какая-то прозрачность и имеет место, то она неизбежно будет сокращаться, поскольку, как уже отмечалось, Москва выводит свое стратегическое оружие за рамки СНВ-III. Наконец, констатируется, что Кремль не желает соответствовать «духу» договора, он не реагирует на предложения Вашингтона по исправлению недочетов и лазеек в СНВ-III и дальнейшему сокращению потенциалов.

Учитывая сказанное, американские консерваторы делают вывод, что продолжение соблюдения такого договора после 2021 г. будет формировать все большую угрозу национальной безопасности США, поскольку Россия постарается трансформировать свое ядерное превосходство в геополитическое преимущество³, а значит повсеместно угрожать американским интересам⁴.

Второй вариант, который разработан и продвигается политиками демократической партии, предполагает возможность сохранения СНВ-III после 2021 г., но в модернизированном виде. При этом утверждается, что в основном договор отвечает интересам США, по сути он является столпом всей глобальной архитектуры стратегической стабильности, предотвращает гонку вооружений, снижает риски ядерного конфликта. Договор не дает Москве резко расширить свое стратегическое преимущество (ибо она уже закончила модернизацию своей триады), но позволяет имеющимся ядерным силам США обеспечивать эффективное «сдерживание» России.

Кроме того, сохранение СНВ-III важно в контексте формирования американской внешнеполитической стратегии, поскольку (как утверждают демократы) сторонники остановки действия договора рассчитывают на новую гонку вооружений,

которая позволит дать резкий толчок активности военно-промышленного комплекса и, соответственно, поддержать враждебные глобализации силы внутри самих США. Однако при этом не учитывается, что конкуренты Америки (Россия и Китай) давно действуют на другом фронте – нетрадиционной «мягкой» силы, которая предполагает политическое вмешательство, экономическую инфильтрацию, информационные войны.

Тем не менее сторонники сохранения СНВ-III считают, что до 2021 г. договор надо модернизировать, приспособив к реалиям трансформирующегося мирового порядка. Поэтому договор должен стать «всеобъемлющим», то есть включать в себя все виды стратегических вооружений, в том числе сверхновые военные технологии Российской Федерации, а также тактическое ядерное оружие, которое сегодня вполне может выполнять роль стратегического (учитывая, например, географическую близость войск НАТО и России в Европе).

Кроме того, демократы заявляют о необходимости добавить к договору так называемое «многостороннее» измерение. Это связано с тем, что в XXI в. в мире появились новые ядерные державы, в первую очередь Китай, который вырос до уровня реального конкурента США. Хотя у Пекина невысокий ядерный потенциал (всего 290 боеголовок), по мнению американской разведки, в ближайшие годы он может удвоиться⁵. Поэтому пролонгация СНВ-III без учета возможностей Китая не имеет большого смысла – опять будут ограничены только Российская Федерация и США. В целом указанные меры позволят продолжить глобальный диалог по вопросу стратегической стабильности с Российской Федерацией и привлечь к нему новых участников⁶.

Третьего варианта придерживаются реалистская группировка в республиканской партии. Они считают, что СНВ-III нужно сохранить без изменений, поскольку модернизацию договора, хотя она и желательна, до февраля 2021 г. осуществить не удастся – просто не хватит времени, особенно в условиях отсутствия квалифицированной команды переговорщиков у Трампа. Продление договора важно также с точки зрения продолжения диалога с Москвой в условиях, когда модернизация триады в Америке еще не закончилась, а в России уже завершена. Используя заинтересованность Москвы в пролонгации СНВ-III и продлив действие договора на 5 лет, можно будет готовиться к полноценному заключению нового соглашения в 2026 г., включая «всеобъемлющий» и «многосторонний» аспекты.

Чтобы Российская Федерация не саботировала процесс подготовки к новому договору, реалисты предлагают сделать его условным, то есть ежегодно осуществлять оценку активности российской стороны, особенно ее участие в вопросе привлечения Китая к переговорам. В случае, если при этом США будут вынуждены оценить

эту активность негативно и, соответственно, прервать действие СНВ-III, ничего страшного не произойдет – можно не опасаться нарастания напряженности между странами и гонки вооружений. Во-первых, Россия экономически не потянет гонку вооружений, она уже сейчас опасается перенапряжения⁷. Во-вторых, после приостановки договора из-за возможного «деструктивного поведения» Москвы стороны могут взять на себя обязательства добровольно соблюдать имеющиеся в рамках СНВ-III ограничения. Подобные случаи уже имели место в истории. Например, после ввода советских войск в Афганистан договор ОСВ-2 не был ратифицирован, но стороны продолжали соблюдать его⁸.

В условиях наличия в США трех вариантов развития событий в отношении пролонгации СНВ-III на первый план выходит фактор, который у американских экспертов получил название «хрупкий консенсус Обамы». Он связан с тем, что еще в 2010 г. при разработке и ратификации данного договора обе главные партии в США взяли на себя определенные обязательства по вопросу взаимозависимости процессов модернизации триады и контроля над вооружениями.

Как известно, президент Дж. Буш-мл. на протяжении своего пребывания в Белом доме фокусировал внешнеполитическое внимание своей администрации на борьбе с терроризмом. В результате изменение приоритетов в распределении бюджетных средств привело к недофинансированию ядерного комплекса США, что включало в себя производство и хранение ядерного оружия, а также морские, наземные и воздушные системы доставки.

Барак Обама, став президентом, эту ситуацию признал и заявил о необходимости ее исправить. Хотя в своей знаменитой пражской речи в 2009 г. он указывал на стремление демократов бороться за полное избавление мира от ядерного оружия, достижение «ядерного нуля», однако эта стратегия не исключала потребности сохранять и держать в порядке американский потенциал ядерного «сдерживания». Соответственно, в документе NPR (Обзор ядерной политики) 2010 г. были изложены приоритеты администрации в этой сфере, которые предполагали глубокую модернизацию ядерной триады США до 2030 г. Сюда включались усовершенствование МБР «Минитмен-3», строительство новой подлодки класса «Колумбия» и бомбардировщика В-21. На это предполагалось выделить серьезные средства.

Одновременно администрация начала переговоры с Москвой о замене истекшего в 2011 г. договора СНП на новое соглашение, получившее название СНВ-III (англоязычная версия названия New START). Непростые дискуссии о новом договоре, которые вела администрация в конгрессе, позволили Национальному агентству по ядерной безопасности (NNSA) потребовать у Белого дома дополнительно несколько миллиардов долларов

на восстановление нормального функционирования ядерных лабораторий и производств в Оук-Ридже и Лос-Аламосе.

Согласие Обамы на это заложило основы пакетной сделки, результатом которой стали два меморандума о взаимопонимании между фракциями демократов и республиканцев в конгрессе. Их смысл сводился к общему согласию о взаимодополняемости процессов модернизации и контроля над вооружениями. В результате сформировался межпартийный «хрупкий консенсус», который на практике означал готовность администрации выделить дополнительные средства на модернизацию в обмен на ратификацию нового СНВ-III сенатом, где на тот момент преобладали республиканцы.

Плодами данного консенсуса первой воспользовалась администрация, которая получила в верхней палате конгресса нужное количество республиканских голосов для одобрения СНВ-III. Со своей стороны она предусмотрела в бюджете дополнительные несколько миллиардов долларов для восстановления производства ядерных материалов и их хранения. Обе партии выражали полное удовлетворение достигнутым уровнем сотрудничества. Однако в 2013–2014 гг. произошел сбой – конгресс в результате необходимости осуществить секвестр урезал в том числе и средства, выделенные для NNSA. И хотя к 2016 г. объем финансирования был восстановлен, тем не менее республиканцы получили повод обвинить администрацию Обамы в невыполнении условий сделки. В последующие годы правления Обамы ни одна из сторон не ставила под сомнение правомерность «хрупкого консенсуса». И даже когда в Белый дом пришли республиканцы Трампа, они сохранили уровень финансирования модернизации, существовавший в рамках предыдущей демократической администрации⁹.

В целом до 2019 г. в данном вопросе существовала взаимоприемлемая для обеих партий ситуация. Однако к моменту, когда возникла необходимость определиться с будущим договора СНВ-III и республиканская администрация Трампа стала выражать сомнения в необходимости это делать, многие демократы посчитали, что такой шаг станет нарушением консенсуса 2010 г. Поэтому они стали настаивать на том, что демократы, имеющие большинство в палате представителей, должны воспользоваться правом использовать бюджетный рычаг и под угрозой сокращения финансирования процесса модернизации заставить оппонентов продлить действие СНВ-III до 2026 г.¹⁰

Республиканцы, особенно представители консервативного крыла партии, в свою очередь, поставили под сомнение справедливость консенсуса. По их мнению, за прошедшие 10 лет сложилась новая геополитическая ситуация, и поэтому консенсус не может действовать бесконечно. Но самое главное – нельзя рисковать процессом

модернизации, которая важна для национальной безопасности сама по себе, особенно учитывая, что Россия к 2020 г. фактически заканчивает этот процесс, и США будут отставать в вопросе стратегических вооружений почти на десятилетие¹¹.

Учитывая, что представленные альтернативные точки зрения исповедуют самые влиятельные группы американского истеблишмента, реализация любого из трех вышеуказанных подходов к проблеме истечения действия договора СНВ-III в условиях пошатнувшегося консенсуса вполне реальна. Сама администрация еще не определилась с тем, какой вариант она выберет. Колебания Трампа связаны с тем, что любое радикальное решение может повлиять на ход президентской избирательной кампании 2020 г. Так, например, если Трамп предпочтет не продлевать договор, то это даст его оппонентам возможность обвинить его в том, что он окончательно уничтожил систему глобальной стратегической безопасности, не создав ничего взамен. Поэтому, представляется, что наиболее вероятным решением может стать компромиссный вариант, предлагаемый представителями реалистского крыла республиканской партии, поскольку он оставляет место и время для принятия долгосрочных решений после февраля 2021 г.

Примечания

- ¹ Министерство обороны Российской Федерации. Текст договора о СНВ. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10947115%40morfNPAChapter (дата обращения: 20.09.2019).
- ² Лавров выступил за продолжение действия СНВ-3 между РФ и США. Interfax, 4 сентября 2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/675171> (дата обращения: 30.09.2019).
- ³ Dodge M. New START and the Future of U. S. National Security. Heritage Foundation. Backgrounder, No. 3407, May 21, 2019. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-05/BG3407_0.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁴ The Future of Arms Control : Keynote Address by Senator Deb Fischer (R-NE), CSIS, April 3, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/future-arms-control-keynote-address-senator-deb-fischer-r-ne> (дата обращения: 21.09.2019).
- ⁵ Carden J. Progressives Are Right to Endorse a ‘No First Use’ Nuclear Weapons Policy. The Nation, August 15, 2019. URL: <https://www.thenation.com/article/nuclear-weapons-no-first-use-john-bolton-donald-trump/> (дата обращения: 10.09.2019).
- ⁶ Rose F. The End of an Era? The INF Treaty, New START, and the Future of Strategic Stability. Brookings Institution, February 12, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/02/12/the-end-of-an-era-the-inf-treaty-new-start-and-the-future-of-strategic-stability/> (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁷ Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on Europe, Eurasia, Energy, and the Environment “Russia and Arms Control : Extending New START or Starting Over?” A Testimony by : Thomas Karako. CSIS, July 25, 2019. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/congressional_testimony/190725_Karako_HFAC_Testimony.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁸ Miller F. Deterrence, Modernization, and Arms Control” (speech, Mitchell Institute Breakfast Series, Washington DC, May 24, 2019). URL: http://docs.wixstatic.com/ugd/a2dd91_ad42f0c21d4542a2839bc941bf9062fb.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
- ⁹ Falling apart? The Politics of New START, and Strategic Modernization. Brookings Institution, January 7, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/events/falling-apart-the-politics-of-new-start-and-strategic-modernization/> (дата обращения: 28.09.2019).
- ¹⁰ Pifer S. Extending New START is a no-brainer—And yet, we can’t count on it. Brookings Institution, February 20, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/02/20/extending-new-start-is-a-no-brainer-and-yet-we-cant-count-on-it/> (дата обращения: 30.09.2019).
- ¹¹ Dodge M. Op. cit.

Образец для цитирования:

Шенин С. Ю. «Хрупкий консенсус» Б. Обамы и будущее договора СНВ-III // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 227–230. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-227-230>

Cite this article as:

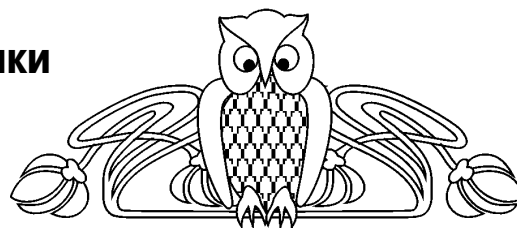
Shenin S. Yu. B. Obama’s «Fragile Consensus» and the Future of the New START Treaty. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 227–230 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-227-230>

УДК 94(41/99)

Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков

О. А. Шамарина

Шамарина Олеся Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamarina.olesya@yandex.ru

В статье рассматривается политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии на рубеже XX–XXI вв. Проанализированы основные инструменты и формы реализации этой политики в гуманитарной сфере, обозначены ее условия и исторический контекст. Сформулированы выводы относительно целей сотрудничества, а также перспективы применения турецкой «мягкой силы» в отношении Грузии. **Ключевые слова:** «мягкая сила», Турция, Южный Кавказ, Грузия, гуманитарные проекты.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries

O. A. Shamarina

Olesya A. Shamarina, <https://orcid.org/0000-0001-6026-3919>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shamarina.olesya@yandex.ru

The article discusses the «Soft Power» policy of Turkey towards Georgia on the cusp of the 20th and 21st centuries. The author analyzes the main tools and forms of this policy implementation in the humanitarian sphere, outlines its terms and historical context. The study draws conclusions concerning the cooperation nature and prospects for Turkish «Soft Power» applying in Georgia.

Keywords: «soft power», Turkey, South Caucasus, Georgia, humanitarian projects.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-236>

На протяжении всей своей истории Южный Кавказ являлся эпицентром столкновения различных религий, наций и государств. В настоящее время здесь также сталкиваются интересы как региональных, так и внерегиональных (Россия, США, ЕС и др.) акторов, формат взаимоотношений между которыми во многом определяет уровень стабильности. Заметную роль в политических процессах на Южном Кавказе с конца прошлого века и вплоть до сегодняшнего дня играет

Турция, претендующая на роль трансрегионального лидера. В контексте ее региональной политики именно Грузии отводилось особое место.

Долгое время вплоть до 1878 г. территория Южной Грузии входила в состав Османской империи. В годы Первой мировой войны в 1918 г. Батумская область была вновь возвращена под контроль османов, пока в 1921 г. в соответствии с Карским договором Турция отказалась от нее в пользу Грузинской ССР. Исполнявший обязанности народного комиссара иностранных дел Турции А. Мухтар заявил депутатам Великого национального собрания Турции (ВНСТ) 3 января 1921 г.: «Порт Батум имеет особое положение. Батум является единственным окном, через которое могут дышать кавказские республики, все живущие там около 12 млн. человек различных национальностей»¹. Политический и идеологический вакуум, образовавшийся в 90-е гг. прошлого столетия как следствие распада СССР, и обретение независимости новообразованными республиками позволили политическому руководству Турции вновь обратить свои взоры на территорию грузинского государства с точки зрения укрепления своих позиций и усиления своего влияния здесь.

В силу сложных и крайне противоречивых армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений Грузия также являлась и является единственным связующим мостом, своего рода «площадкой» между Турцией и ее основным партнером – Азербайджаном. На сегодняшний день Грузия важна для Турции и с точки зрения доступа к энергоресурсам Центральной Азии и Каспия, поскольку именно через территорию грузинского государства проходят основные коммуникации по их транспортировке, а контроль над ними автоматически превратил бы Турцию в «энергомост и терминал между Европой и Азией»².

Что касается самой Грузии, то «дружба» со своим геополитическим врагом, веками мешавшим процессу объединения грузинских царств и княжеств в единое государство, была выгодна и ей самой, поскольку в лице Турции грузинское руководство с момента обретения страной независимости видело не только противовес России, но и проводника на пути интеграции в ЕС и НАТО³, особенно после прихода к власти президента Михаила Саакашвили.

Именно Турция одна из первых признала независимость Грузии 1 ноября 1991 г. Уже в конце 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель прибыл с официальным визитом в Баку, в ходе

которого был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, ставший базовым документом правовой основы двусторонних отношений. 30 июля 1993 г. в турецком парламенте была заявлена новая внешнеполитическая стратегия Турции. В частности, в ней говорилось, что «появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе»⁴.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие прошлого века было сделано немало в вопросах наращивания взаимного сотрудничества двух стран – это и подписание 20 сентября 1994 г. международного «контракта века» по совместной разработке трех нефтяных месторождений, и Соглашение о сотрудничестве в военной сфере 4 апреля 1996 г., в соответствии с которым грузинские силовики перенимали военный опыт у своих турецких коллег в рамках проведения совместных учений на военных базах в Турции⁵, и Меморандум о сотрудничестве и взаимном согласии в военной сфере от 25 апреля 1998 г., в рамках которого Грузия получила финансовую помощь на развитие грузинских ВС, взаимоотношения Турции и Грузии в 90-е гг. XX столетия сложно назвать конструктивными. Так или иначе, невзирая на ряд сложностей и просчетов турецкого руководства, именно в этот период времени был заложен базис для дальнейшего развития и расширения взаимовыгодных контактов между Турцией и Грузией.

После прихода к власти в 2002 г. умеренной исламской Партии справедливости и развития в Турции наметилась тенденция к смене внешнеполитических приоритетов от господствовавших долгое время доктрины реализма и откровенно прозападной ориентации в сторону большей многовекторности внешней политики страны и подчеркивания при этом своих исламских корней и имперского прошлого. Новая внешнеполитическая доктрина турецкой правящей партии, основанная на предложенной турецким политиком, профессором Стамбульского университета Бейкент Ахметом Давутоглу идее «нулевых проблем с соседями», первоначально широко приветствовалась и рассматривалась в качестве стратегической «дорожной карты» для реализации нового внешнеполитического курса страны. Ярким подтверждением обновленного курса страны стали события 2006 г., когда в ходе очередного витка грузино-абхазского конфликта позиция Анкары была направлена не на поддержание той или иной стороны, а на развитие отношений с каждой из них по отдельности.

События ноября 2003 г. в Грузии, известные более как «Революция роз», в результате которых в стране произошла смена политического руководства, также выдвинули перед новым президентом Грузии М. Саакашвили новые требования. В

частности, в соответствии с Концепцией национальной безопасности Грузии 2005 г.⁶ одним из приоритетов внешнеполитической деятельности страны провозглашалось сотрудничество с Турцией. Однако если до лета 2008 г. Турцию можно было по праву считать страной, взявшей на себя роль регионального лидера, обладающего значительным стратегическим весом, то «война 08.08.08», более известная как «Пятидневная война», выявила жесткое противостояние геополитических интересов двух внерегиональных игроков – России и Соединенных Штатов, что означало практическое «обнуление» достигнутых Турцией результатов на Южном Кавказе. Любой опрометчивый шаг турецкого руководства мог обернуться для страны открытыми столкновениями с одним из трех партнеров. Именно поэтому Анкара, все же не отказываясь от заманчивой идеи стать региональным лидером, предприняла ряд шагов по стабилизации ситуации в регионе и повышения своего статуса, в частности, выдвинула идею создания Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе, озвученной в ходе визита премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в Москву⁷. Среди других ее инициатив можно назвать оказанную продовольственную помощь и строительство 100 домов для беженцев в Гори⁸.

Таким образом, начиная с августовских событий 2008 г., турецкая политика «нулевых проблем» подвергалась резкой критике как в самой стране, так и в Грузии в частности, за несоответствие между ее целями и средствами реализации. После указанных событий Турция пыталась нейтрализовать напряжение в отношениях с Грузией расширением сотрудничества в культурных, образовательных и религиозных сферах, ставивших, помимо прочего, своей целью популяризацию «турецкой модели» развития государства посредством реализации политики «мягкой силы».

С целью расширения зоны своего влияния в регионе наряду с совместными экономическими инициативами Анкара придавала особое значение гуманитарным проектам. Причем ряд республиканских политических деятелей Турции интерпретировали продвижение этих инициатив как целенаправленные шаги по формированию позитивного образа Турции в грузинском обществе; другие же, наоборот, видели между этими направлениями политики полное отсутствие синхронизации. Так или иначе, факт остается фактом: как и в десятках других стран, Турция начала использовать рычаги для распространения своего религиозного, идеологического и культурного влияния в Грузии. По большому счету эти инициативы координировались тремя влиятельными государственными учреждениями, действующими при премьер-министре Турции: Турецкое Агентство по сотрудничеству и развитию (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma Dairesi, TİKA), Турецкие культурные центры имени Юнуса Эмре и Управление по делам религии, Диянет⁹.

ТКА начала свою активную деятельность на территории Грузии еще в 1994 г. Среди основных достижений его работы можно отметить улучшение социальной и экономической инфраструктуры и услуг; ремонт и оснащение образовательных центров; организацию образовательных программ (профессиональное обучение, обучение языкам и т. д.), здравоохранение и улучшение качества питьевой воды. Согласно ежегодному финансовому отчету организации в 2012 г. Грузия получила 4,23 % от общей финансовой, профессиональной и технической поддержки ТКА, что сделало Грузию седьмым по объемам расходов и вторым по величине (после Кыргызстана) крупнейшим бенефициаром Агентства на постсоветском пространстве¹⁰.

Однако уже спустя два года согласно новому опубликованному финансовому отчету Агентства за 2014 г. доля Грузии в бюджете ТКА значительно сократилась: ей была отведена только шестая позиция из семи стран региона Центральной Азии и Кавказа, получавших помощь от Турецкого Агентства по сотрудничеству и развитию¹¹.

С 2007 г. Анкара приступает к реализации своего другого проекта в рамках общего «мягкого» курса страны: создание турецких культурных центров Юнус Эмре по всему миру, целью которых стала популяризация турецкого языка, литературы, истории и культуры. Эти центры были созданы по образцу Гете-Института, Британского совета, Института Сервантеса и других подобных учреждений. Коснулись турецкие инициативы и Грузии – в мае 2012 г. заместитель премьер-министра Турции Бюлент Аринч в Тбилиском государственном университете имени Иване Джавахишвили открыл первый в Грузии Турецкий культурный центр имени Юнуса Эмре, который ежегодно проводит культурные фестивали, отмечает государственные праздники Турции, организует занятия по турецкому языку и литературе, а также инициатирует проведение совместных гуманитарных проектов. Позднее, по сообщению посольства Турции в Грузии, усилиями Центра состоялось открытие кафедры турецкого языка в Кутаисском государственном университете имени Акакия Церетели, втором по величине городе Грузии, и в Государственном университете имени Самцхе-Джавахети в Ахалцихе, городе на юго-востоке Грузии, большинство населения в котором составляет армянская община.

В отличие от предыдущих двух организаций Управление по делам религии Диянет активно ведет свою деятельность на территории Турции с 1924 г. В 80-х гг. XX столетия Управление впервые вышло за пределы страны, опираясь в большей части на опыт работы с мусульманскими общинами за рубежом. Несмотря на тот факт, что, по данным национальной переписи населения 2014 г., лишь только 10,7 % грузинского населения причисляли себя к мусульманам¹², Турция не отказалась от своих религиозных инициатив,

активно развернув деятельность Диянет в трех районах Грузии с большинством мусульманского населения – Квемо Картли, Ка-Хети и Аджарии. Как и в других странах региона, религиозная политика Анкары на территории Грузии заключалась в помощи грузинскому населению в организации хаджа, обучении имамов, подготовке богословов, предоставлении стипендии на обучение в аспирантуре Турции, а также оказании финансовой помощи на восстановление старых и строительство новых мечетей.

Не последнюю роль в лоббировании религиозных интересов страны в Грузии играет Турецкое консульство в Батуми, которое активно поддерживает Диянет в вопросах распространения исламской литературы на грузинском языке в Аджарии, а также направляет туда турецких религиозных лидеров для проповеднической работы в местных мечетях, полностью покрывая их расходы за счет государственного финансирования. Руководство Диянета на регулярной основе посещает Грузию и проводит встречи с руководителями муфтиятов. Именно религиозное управление стояло у открытия второго по величине медресе в Грузии в селе Меоре Кесало в 2000 г. В 2002 г. в Квемо-Картли, районе, располагающемся в непосредственной близости к Азербайджану, при финансовой помощи Турции было открыто исламское медресе, которое собрало в своих стенах немалое число местной молодежи. Вскоре они начали вести протурецкую пропаганду уже вне стен заведения. Наиболее успешные из них даже были приглашены на бесплатное обучение в турецкие вузы. Получив соответствующее образование и вернувшись в родную Грузию, именно они стояли у открытия ряда молодежных организаций, поддерживавших и пропагандировавших турецкую модель развития – среди них наиболее известными стали организации «Хузур», Общество образования и помощи молодежи Грузии, руководство над которыми негласно осуществлял лидер Ассоциации грузинско-турецкой дружбы Эмин Шекерджи. За относительно короткий промежуток времени эти организации упрочили свое влияние и авторитет в массах, значительно увеличив численность, прежде всего, за счет безвозмездной финансовой помощи нуждающимся семьям во время турецких религиозных праздников. Основным же спонсором подобной благотворительной деятельности выступало Агентство ТКА¹³.

Помимо учебных курсов «Хузур» выпускал просветительский журнал «Угур», финансированием которого занимались теперь не только турецкие бизнесмены, проживающие в Грузии, но и азербайджанский Фонд помощи молодежи.

Турецкие грузины (груз. – «чвенебури») составляли мощную основу для «турецкого лобби», особенно в регионе Аджарии, где мусульмане представляют численное большинство. В соответствии с одним из шести принципов, предложенных А. Давутоглу (в частности, «эффективное

использование международных форумов»¹⁴), еще в 2000 г. Анкара инициировала создание здесь турецко-культурного образовательного фонда, который выступил организатором конференций, круглых столов, мастер-классов по интересующей совместной тематике.

Не менее важной структурой в вопросах религиозного продвижения интересов Турции среди мусульманских общин на Балканах и в бывших советских республиках стал учрежденный Управлением по делам религий еще в 1995 г. Евразийский исламский совет (Avrasya İslam Şurası, EİC). В задачи Совета входила организация конференций, в которых на постоянной основе принимают участие лидеры Грузинской мусульманской общины, в том числе муфтии из Аджарии.

Помимо вышеупомянутых государственных учреждений, в Грузии действует также ряд турецких образовательных учреждений, входивших в сеть школ Фетхуллага Гюлена. В преддверии раскола между Реджепом Тайипом Эрдоганом и Фетхуллагом Гюленом в декабре 2013 г. эта сеть оказывала значительную поддержку многим турецким политическим инициативам. До тех пор, пока турецкое правительство и сеть Гюлена мирно сосуществовали в Турции, многие из их мероприятий в Грузии и в других странах дополняли друг друга. Как независимые акторы, эти две группы иногда бросали друг другу вызов и вступали в жесткую конкуренцию, но в целом, правительство и сеть Гюлена способствовали созданию положительного имиджа Турции среди грузинского населения.

Школы Гюлена в Грузии, широко известные как «турецкие школы», действовали под эгидой учебных заведений Чаглар (Çağlar Eğitim Kurumları, ÇEK), созданных в феврале 1993 г. С тех пор Организация создала семь школ и один университет в Грузии. За исключением первых двух школ и университета остальные пять были созданы после событий 2003 г. в Грузии, известных более как «Революция роз», в период президентства Михаила Саакашвили.

В Турции с особой ответственностью относились как к образовательному процессу, так и к административным обязанностям в так называемых «турецких школах» за рубежом. Помимо современного оснащения техникой и оборудованием, особое внимание организаторами уделялось участию школьников и студентов в олимпиадах по турецкому языку (Türkçe Olimpiyatları), которые позволяли участникам бесплатно посетить Турцию, познакомиться с организаторами программы и установить контакты¹⁵. Примечательно, что между «турецкими» школами и университетами Грузии была создана гибкая и взаимодополняющая система. Так, выпускники этих школ получали скидки на обучение в ряде университетов Грузии. В период же своего обучения в университете студенты также имели возможность периодически принимать участие в турецких культурных меро-

приятиях и посещать турецкие образовательные и академические учреждения. По данным государственной статистической службы Турции, в период с 2000 по 2011 г. в Турции обучились около 7 тыс. граждан Грузии¹⁶.

Не обошел стороной Грузию и феномен «турецких сериалов» как одно из эффективных средств культурной дипломатии Турции – сериалы «Великолепный век», «Черная любовь», «Запретная любовь» и другие с успехом транслировались на государственных каналах Грузии. По данным турецкого телевизионного монополиста – компании Au Yarım – некоторые самые популярные эпизоды сериала «Черная любовь» были проданы в Грузию по цене от 100 000 до 150 000 долл.¹⁷

Турецкая международная общественная станция, входящая в состав государственной турецкой телерадиокомпаний TRT, Голос Турции, а также популярные турецкие радиостанции (TRT FM, RadyoTurku, Radyo 3) вещали на территории Грузии.

Что касается миграционного законодательства, то в отношениях между двумя странами были достигнуты значительные результаты: так, во время очередного дружеского витка отношений между Грузией и Турцией летом 2011 г. страны подписали договор, в соответствии с которым грузины и турки могут пересекать границы даже без заграничных паспортов, лишь по удостоверению личности, на срок не более 90 дней. Во время церемонии торжественного открытия нового таможенного пункта в Сарпи президент Грузии М. Саакашвили отметил в своем выступлении, что взаимоотношения между двумя соседними странами служат образцом для подражания не только для стран Центральноазиатского региона, но и для всего мира в целом.

Представляет интерес вопрос об особенностях восприятия и формирования образа Турции как грузинской политической элитой, так и самим грузинским народом. При разработке политических подходов к Турции позиции грузинского руководства (как при Михаиле Саакашвили, так и позднее при коалиции «Грузинская мечта») определялись рядом геополитических, экономических, инфраструктурных и просто прагматических факторов. Так, например, бывший президент Грузии М. Саакашвили неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что отношения между Турцией и Грузией во время его президентского срока являлись своего рода «золотым веком». Именно при администрации Саакашвили Грузия была сторонником еще более глубокого турецкого присутствия как в грузинской экономике, так и во всем регионе. Во время своего президентства Саакашвили несколько раз подчеркивал значимость турецкого исторического опыта для грузинского народа, моделей культуры и политической системы Турции в качестве устойчивого «шаблона» грузинского развития.

Однако ситуация начала кардинальным образом меняться уже в преддверии выборов 2012 г.

Во время предвыборной агитации ряд кандидатов от входившей в то время в оппозицию коалиции «Грузинская мечта» по Батуми, Шуахевскому и даже Гардабанскому районам, а также некоторые партийные лидеры, артисты и телеведущие пропагандировали антитурецкие настроения на предвыборных митингах. Одним из самых громких среди них был Мурман Думбадзе, бывший сотрудник Аджарского государственного университета и член консервативной Республиканской партии, который построил свою репутацию на том, что стал ярким противником восстановления мечетей в Аджарии. Бека Миндиашвили, сотрудник аппарата Уполномоченного по правам человека Грузии, утверждает, что с 2007 г. все избирательные кампании отличались своей «предвыборной ксенофобией» из-за искусственным образом сконструированного «образа врага». Так, во время выборов 2012 г. коалиция «Грузинская мечта» открыто заявила о тюркофобии, провозгласив новым «врагом» страны «мечеть Азизие, запах чорбы и донер-кебаба на Батумском бульваре».

После смены власти в 2012–2013 гг. новое руководство Грузии было вынуждено пересмотреть свою антитурецкую риторику, уступив интересам некоторых общественных кругов страны, прежде всего, по причине незамедлительной ответной реакции со стороны Азербайджана и Турции. Ряд официальных заявлений в СМИ нового премьер-министра страны Бидзина Иванишвили в первые месяцы работы нового правительства вызвали тревогу как у предыдущей администрации, так и внутри турецко-азербайджанского альянса, поставив под сомнение финансовую и экономическую целесообразность некоторых региональных проектов Турции (в частности, железной дороги Карс-Ахалкалаки, строительство которой было начато в 2007 г. для соединения Турции и Азербайджана через Грузию). Первыми почувствовали все тяготы политической напряженности между двумя странами турецкие предприниматели в Грузии, отметившие ужесточение бюрократической системы в отношении них. Лишь только официальный визит в Баку и Анкару премьер-министра Б. Иванишвили смог немного разрядить обстановку, не допустив, таким образом, «заморозку» ряда совместных проектов. Бывший министр обороны Грузии Ираклий Аласания, партия которого входила в коалицию «Грузинская мечта», также отметил, что отношения Грузии с Турцией «становятся все более напряженными по мере того, как наши интересы все больше переплетаются»¹⁸. В целом можно отметить, что хотя новая администрация Грузии и продолжала поддерживать официально «вежливые» отношения с Турцией, по сравнению с правительством Саакашвили, она была куда менее оптимистична в вопросах дальнейшего укрепления и углубления двусторонних контактов.

Таким образом, анализ политической и экономической динамики двусторонних отно-

шений Турции и Грузии свидетельствует о том, что для их развития преследовались различные цели, вытекающие из существовавших геополитических реалий и амбиций. Если Турция стремилась к политическому, экономическому, культурному и социокультурному присутствию в Грузии, то политика Грузии в отношении Турции базировалась, прежде всего, на торгово-экономических и социальных факторах. Большинство грузинских общественных и политических деятелей, а также подавляющее большинство научного сообщества положительно относились к турецкому присутствию в экономической и стратегической сферах Грузии. Тем не менее наблюдалось заметное и растущее сопротивление со стороны некоторых политических сил, Грузинской православной церкви и связанных с ней религиозных структур. Немалая часть грузинского общества начала говорить о внутренних проблемах, с которыми сталкивается их страна, когда она допускает всестороннее турецкое присутствие в стратегически важных областях Грузии. С 2004 г. растущее влияние Турции в грузинской экономике, участие Грузии в энергетических программах и сохраняющаяся неопределенность в отношениях между Грузией и Россией создали для Турции системную возможность расширения своего политического влияния в Грузии.

Религия также играет определенную роль в политической жизни Турции. В отличие от экономических и политических аспектов политики «мягкой силы» Турции, религиозная составляющая столкнулась с серьезными трудностями и препятствиями. Критика и противодействие со стороны Грузинской православной церкви и различных слоев грузинского общества заметно ограничили возможности турецкого религиозного влияния. Лишь только небольшое число общин в Грузии готово было сотрудничать с Турцией в религиозных вопросах. По мере того, как проявления турецкой «мягкой силы» в отношении религиозных групп Грузии становятся все более заметными, различия между религиозными, культурными и экономическими аспектами «мягкой силы» возрастают.

Примечания

- ¹ Киреев Н. Г. История Турции XX в. М. : Крафт+ ИВ РАН, 2007. С. 141.
- ² Аватков В. А. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015) / под ред. В. А. Аваткова. М. : ООО «Паблиц», 2015. С. 37.
- ³ Chveneburi. Saakaşvili Gürcistan'ın Yeni Elçilik Binasını Açtı [online]. URL: <http://www.chveneburi.net/tr/default.asp?bpgpid=1370&pg=1> (дата обращения: 20.11.2019).
- ⁴ Семедов С. А. Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 145.

- ⁵ Aydın M. 1990-2001 Kafkasya ve Orta Asya'yla İlişkiler. İstanbul : İletişim, 2002. S. 77.
- ⁶ См.: Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.) – полный текст [online]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20100509/213153512.html> (дата обращения: 01.12.2019).
- ⁷ Bülent A. Türkiye-Rusya İlişkilerinde Çok Boyutlu Ortaklık // Sabah. 12 August 2009.
- ⁸ Semih İ. Azerbaycan da Geniş Açıdan Bakabilmeli // Milliyet. 8 September 2008.
- ⁹ Çavuşoğlu M. Speech at the Opening of the 7th Ambassadors' Conference. Ministry of Foreign Affairs, 5 January [online]. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlutcavusoglu_nun-vii_-buyukelcilerkonferansinin-acilisinda-yartigi-konusma_-5-ocak-2014_-ankara.tr.mfa (дата обращения: 20.11.2019).
- ¹⁰ Caucasus Barometer 2013 [online]. URL: <http://caucasus-barometer.org/en/datasets/> (дата обращения: 18.09.2019).
- ¹¹ TİKA. Turkish Development Assistance Report 2015 [online]. URL: <http://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/TKYR%202015%20ENG/KALKINMA%20.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).
- ¹² Caucasus Barometer 2015 [online]. URL: <http://caucasusbarometer.org/en/cb2015/codebook/> (дата обращения: 18.09.2019).
- ¹³ İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments : Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency. Foreign Policy Analysis, 2015. P. 180.
- ¹⁴ Дружиловский С. В., Аватков В. А. Внешнеполитические идеологии Турции (2002–2012) // Обозреватель. 2013. № 6. С. 74.
- ¹⁵ Çavuş T. Dışpolitikada yumuşak güç kavramı ve Türkiye'nin yumuşak güç kullanımı. Sakarya Üniversitesi, 2012. S. 32.
- ¹⁶ Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <http://www.tuik.gov.tr/Start.do?jsessionid=b20GdWcRWj2gmf76jgzrvQVZYv2Ly2VHрKH8hyjNymhFh1QWLTdm!-795364122> (дата обращения: 20.10.2019).
- ¹⁷ См.: Казаринова Д. Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии «мягкой силы» в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. 2011. № 3.
- ¹⁸ Ter-Matevosyan V. Turkey in Georgia : pursuing the “Soft Power” politics // Religion and Soft Power in South Caucasus. Policy perspective. Tbilisi : Georgian Institute of Politics, 2017. P. 33–41.

Образец для цитирования:

Шамарина О. А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 231–236. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-237>

Cite this article as:

Shamarina O. A. Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 231–236 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-236>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94 (470.44–25)|1674|

К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены причины переноса левобережного Саратова на правый берег Волги в район современной Музейной площади. Особое внимание уделено начальным лицам (воеводам) города и уточнено время их пребывания в новом правобережном Саратове. Подробно проанализированы основные источники по истории Саратова данного периода.

Ключевые слова: Печатный приказ, А. А. Голомбиевский, А. А. Гераклитов, Ф. И. Леонтьев, Новоспасский монастырь, полковник А. Шель, академик Фальк.

Поступила в редакцию: 10.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

On the Issue of Transferring Saratov to the Right Bank of the Volga in 1674

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

The article considers the reasons for the transfer of the left-bank Saratov to the right bank of the Volga in the area of the modern Museum Square. Particular attention is paid to the ruling persons (governors) of the town. The time of their stay in the new right-bank Saratov is specified. The main sources on the history of Saratov of this period are analyzed in detail.

Keywords: Printed order, A. A. Golombievsky, A. A. Geraclitov, F. I. Leontiev, Novospassky Monastery, Colonel A. Schel, Academician Falk.

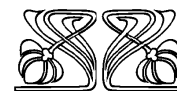
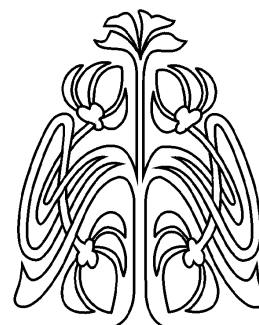
Received: 10.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

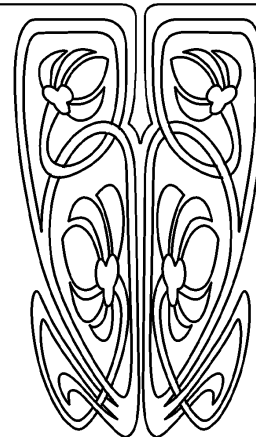
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>

В 1674 г. Саратов был перенесен на правый берег Волги в район современной Музейной площади. Прежде чем разбирать причины, приведшие к переносу города с луговой стороны на нагорную, следует рассмотреть географическое положение Саратова в начале 70-х гг. XVII в., сразу после подавления восстания Степана Разина. В это время Саратов все еще находился на левом берегу Волги (сейчас это северная окраина г. Энгельса в районе СХИ).

На восток простиралась бескрайняя степь, где кочевали калмыки, присоединившие к себе часть ногайской орды. Постепенная колонизация степного Заволжья в окрестностях Саратова началась лишь с середины XVIII в., после основания Покровской слободы в 1747 г. (сейчас – г. Энгельс), а первые монастырские села и поселения раскольников появились на Иргизе только с конца XVII в.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На севере – северо-востоке на Волге в 1670-е гг. между Саратовом и Самарой никаких постоянных поселений не было. Сызрань и Кашпир были построены в 1683 и 1687 гг., соответственно (уже после перенесения Саратова на правый берег!). Тогда же, в последней четверти XVII в., появляются промысловые села между Сызранью и Саратовом и начинают возникать первые поселения в Саратовском крае.

На юге ближайшим населенным пунктом долгое время оставался Царицын, потом появилось временное укрепление на Камышинке, которое впоследствии стало городом Дмитриевском (Камышином).

В целом можно констатировать, что за последние 20–30 лет существования левобережного Саратова никаких особых изменений на севере, востоке и юге от него в отношении колонизации окрестных земель не происходило. Однако этого нельзя сказать о северо-западном (московском) направлении.

На северо-западе в 1660-е гг. начинает осваиваться верховье р. Суры, построена крепость Пенза, через которую стал проходить сухопутный путь из Саратова на Москву¹. Если раньше перед воеводами Саратова стояла задача контроля Волжского пути в своей зоне ответственности, то теперь воеводы должны были обеспечивать также безопасность сухопутного пути от Саратова до Пензы. Сразу же после его возникновения в 1660-х гг. стало видно, что местоположение левобережного Саратова имеет ряд недостатков. На правом берегу Волги напротив левобережного Саратова стали скапливаться грузы, которые необходимо было как-то охранять. К тому времени уже был построен рыбный городок на правом берегу, однако он был недостаточно укреплен, а помощь из левобережного Саратова в случае нападения на него кочевников или воровских казаков могла подоспеть не скоро (особенно во время ледостава и ледохода осенью и весной). Волга стала сильно мешать сухопутным связям левобережного Саратова с Москвой – экономическим, военно-стратегическим, административно-политическим. С учетом других факторов в 1672–1673 гг. в Москве было принято решение о переносе Саратова с левого берега Волги на правый. Перечислим эти «другие факторы».

Сразу исключим гибель Саратова в связи с восстанием Степана Разина. Н. Ф. Хованский и С. С. Краснодубровский считали, что гибель города произошла сразу после взятия Саратова Степаном Разиным, который сжег город, разгромил и нанес ему смертельный удар². Приведем одну цитату из книги С. С. Краснодубровского: «*Саратов Стенька взял обманом. Саратовский воевода Козьма Лопухин (Лутохин. – Я. Р.) не пустил его в город. Вор обещал ему, что жителей он не тронет и вступит в Саратов лишь затем, чтобы приложиться к святым иконам и помолиться в храме Божиим. Ворота были отворены. Буйная*

*казацкая толпа ворвалась в Саратов и запалила его со всех сторон. Начальные саратовские люди были перебиты, а воеводу утопили в Волге. Нужно заметить, что все это случилось в том Саратове, который был на левом берегу Волги при устье Саратовки. Вероятно, после погрома Стеньки город и был перенесен на правую сторону, а на старом его месте осталось одно пепелище, которое видно до сих пор»³. Такого же мнения придерживались П. Н. Милюков и Д. И. Багалея, которые на VIII археологическом съезде выступили с аналогичными заявлениями. Они считали, что «исчезновение Саратова на левом берегу после 1670 года вероятнее ставить в связь с бунтом Разина, чем с договором 1673 года». Про договор 1673 г. с калмыцким ханом Аюкой говорил на том же съезде Ф. Ф. Чекалин, который подчеркивал, что после его заключения отпала необходимость в левобережной крепости: «*Стенная полоса Саратовского Поволжья не нуждалась более в передовом укреплении»⁴.**

На самом деле ни в августе 1670 г., когда саратовцы вышли встречать хлебом-солью Степана Разина, ни в июле 1671 г., когда жители «принесли свои вины» царю Алексею Михайловичу и в город вошли царские воеводы князь Юрий Никитич Борятинский и Иван Богданович Мирославский, никаких боев, осад, приступов Саратова не было, а репрессии воевод не доходили так далеко, чтобы сжигать «вражеский» город. Репрессии касались некоторых жителей, которых отправляли в ссылку в Архангельск (имена многих из них известны), но не их домов, куда могли переселяться новые люди.

Саратовский краевед Ф. Ф. Чекалин отрицал, что Разин уничтожил Саратов. Важную роль он отводил природным изменениям. Разрушительные весенние паводки и постепенное обмеление Застенной Воложки (сейчас речка пересохла), где располагался в то время Саратов, заставили правительство перенести крепость с ногайской (луговой, левобережной) на крымскую (нагорную, правобережную) сторону Волги. При этом Ф. Ф. Чекалин ссылаясь на мнение академика Иоганна Петера Фалька, который почти через сто лет после переноса города на нагорную сторону посетил Саратов (в 1769 г.) и внимательно изучил окрестности города, в том числе район бывшего левобережного Саратова, недалеко от которого возникла Покровская слобода. И. П. Фальк писал, что Саратов переведен на правый берег Волги по причине наводнений и худой пристани⁵.

Правда, Ф. Ф. Чекалин считал, что Саратов с самого начала (то есть еще со Смутного времени!) находился одновременно на обоих берегах Волги: посад – на правом берегу, а острог – на левом. Сочинения путешественников первой половины XVII в. Ф. Котова, А. Олеария и других опровергают данное предположение. С Ф. Ф. Чекалиным можно согласиться только применительно к периоду начала 1660-х гг., но никак не раньше. По его мнению, левобережный острог перенесли на

правый берег, к посаду, в связи с тем, что в 1673 г. был заключен договор с калмыцким ханом Аюкой о подданстве России. Тем самым была устранена опасность от левобережных калмыков. В то же время крымские татары продолжали тревожить нижнее Поволжье, их набеги продолжались и в XVIII в., вспомним, например, события 1717 г. Для борьбы с крымскими набегами нужно было иметь крепость на правом берегу. Действительно, крепость должна располагаться не там, где бы можно было без опасения отсидеться от кочевников, а там, откуда можно, наоборот, противодействовать таким набегам.

А. А. Гераклитов считал, что настоящую причину переноса Саратова на правый берег следует искать в неудобстве сообщений через Волгу с центральными районами страны. Также он отмечал существование довольно значительного монастырского поселения на правом берегу (рыбного городка), поэтому в связи с татарскими набегами следовало его защищать. Это могла сделать расположенная рядом крепость⁶.

В. А. Осипов скептически отнесся к мнению Ф. Ф. Чекалина и И. П. Фалька о природных изменениях, приведших к переносу Саратова. Он писал, что легче было перенести Саратов на более удобное место на левом берегу (по-видимому, имелся в виду перенос в район будущей Покровской слободы, Анисовки, Квасниковки и других мест левобережья. – Я. Р.), чем строить город на правом берегу Волги. Но так как правительство приняло другое решение, то следует искать иные причины, не связанные с природными изменениями. Перенесение Саратова на правый берег В. А. Осипов объяснял тем, что этот берег был менее доступен для кочевников и «воровских казаков». С данным мнением трудно согласиться. В действительности угроза крымских набегов на правобережье была более реальной, чем калмыцких набегов на левобережье, учитывая к тому же заключенный договор 1673 г. с ханом Аюкой. В. А. Осипов приводил также довод о том, что в случае надобности правобережному Саратову быстрее могла быть оказана военная помощь со стороны Пензы и других городов, чем левобережному. Хотя по состоянию на 1670-е гг. лучше было сказать, что правобережный Саратов в отличие от левобережного быстрее мог сам оказать военную помощь окрестным территориям правобережья. К тому же, как увидим из дальнейших событий последней четверти XVII в., перед воеводами Саратова и Царицына встанет задача по ликвидации «воровских городков», появившихся на правобережье в верховьях и среднем течении р. Медведицы. Впервые такие наступательные походы против воровских казаков на Медведицу предпринимал еще первый воевода Саратова князь Г. О. Засекин в 1590 г.⁷ Во второй половине XVII в. эти земли облюбовали старообрядцы, против которых правительство после церковного собора 1667 г. приняло крутые меры

в 1670–80-е гг., привлекая для этих целей воевод Саратова, Царицына, Тамбова, калмыков и донских казаков. В то же время политика властей по отношению к старообрядцам, поселившимся на Иргизе, стала более мягкой.

Сразу после Смуты воеводы Саратова в основном выполняли оборонительные функции (защита города, охрана караванов). В 1660-е гг., мы все чаще наблюдаем дальние походы служилых людей из Саратова в глубь правобережной степи против воровских казаков⁸. В этих походах участвовали как конные стрельцы, так и дети боярские⁹. Активную тактику наступления, а не обороны, в том числе карательные меры, можно было успешно реализовать только при наличии крепости на правом берегу.

В. А. Осипов, изучив документы о восстании Степана Разина, пришел к выводу, что Разин не сжигал Саратов. Также он отказался от мнения, что Саратов сожгли каратели при подавлении восстания Разина, хотя при этом утверждал, что город «теперь обезлюдел и захирел под тяжестью обрушившихся на него жестоких карательных мер царского правительства. Он начал возрождаться лишь с 1674 г., когда был перенесен с левого берега на правый и построен вновь»¹⁰.

Как верно отмечал В. А. Осипов, на правом берегу было удобнее приставать судам и останавливаться сухопутным караванам, отправлять грузы сухим путем в Москву в течение года. В качестве административного центра Саратов был нужнее на заселявшемся правом берегу, чем на пустынном левом, колонизация которого началась лишь в середине XVIII в.

В. А. Осипов осторожно заметил: «Об истинных причинах, побудивших правительство дать распоряжение о строительстве нового Саратова на правом берегу, документальных данных пока не обнаружено. Этот вопрос возможно решить путем новых изысканий»¹¹.

Современный исследователь А. С. Касович не связывает перенос Саратова с восстанием Степана Разина. Если бы это восстание происходило в стороне от Саратова (или восстания не было бы совсем), то город все равно пришлось бы перенести на правый берег: «Репрессии правительства против горожан, которые не оказали сопротивление казакам Разина, сыграли свою роль, но не они привели к перенесению города на правый берег». А. С. Касович считает, что следует прислушаться к мнению академика Фалька, который указал на губительное действие волжских разливов, размывавших мыс, на котором находился город, на постепенное обмеление некогда судоходной Застенной Воложки. К этому следует добавить плачевное состояние саратовского острога. Перечисленные обстоятельства привели к необходимости искать новое место для города. Оно было найдено на правом берегу, обладавшем всеми упомянутыми достоинствами¹².

По нашему мнению, указанные причины имели место, но главная из них – удобство связи Право-

бережья по суше с центром страны – с Москвой. Следует учесть рост Саратова, в котором важную роль теперь играл не только стрелецкий гарнизон, но и посадское население, занимавшееся рыболовецким промыслом и торговлей скотом и солью¹³.

Естественно, что доставка товаров из Саратова в Москву по суше с правого берега была более удобна, чем с левого. Здесь важно учитывать два взаимосвязанных фактора. Во-первых, к моменту переноса Саратова на правый берег сухопутный путь до Москвы уже был хорошо освоен. Во-вторых, именно к концу 1660-х гг. наблюдается значительный количественный и качественный рост товаров, перевозимых по этому пути (возрос как объем, так и ассортимент товаров). Рыба, икра и соль постепенно начинают уступать место другим товарам¹⁴. Табуны калмыцких лошадей, ранее отправлявшиеся в Москву, в основном из-под Астрахани, теперь все чаще перегоняют в столицу именно по сухопутному пути из Заволжья через Саратов¹⁵. Из документов Тайного приказа видно, какие дорогие товары и предметы роскоши (ткани, ковры и т. д.) отправлялись во второй половине 1660-х гг. по сухопутному пути из Саратова в Москву в основном для нужд царского двора¹⁶.

Определенную роль в переносе Саратова на правый берег сыграла деятельность армянской торговой компании в Исфагани, представители которой Степан Рамаданский и Григорий Лусиков в 1667 г. заключили договор с правительством царя Алексея Михайловича, по которому этой компании предоставлялись льготные условия продажи шелка-сырца и других восточных товаров в России (Астрахань, Москва, Архангельск) и вывоза их в европейские страны. У армянских купцов был даже специальный представитель для этих целей (для торговли с Западной Европой) – англичанин Томас Брейн¹⁷. Шелк-сырец и ранее по пути из Астрахани перегружался в Саратове с кораблей для последующей доставки его по сухопутному пути в Москву. Многие товары некоторое время хранились в Саратове, ожидая своего часа для отправки (были случаи и пропажи шелка-сырца в левобережном Саратове)¹⁸. Если сравнивать грузопотоки в Москву и обратно, то, думается, что в Москву отправлялось из Саратова намного больше товаров, чем из центральных уездов в Саратов.

Левобережный Саратов был безуездным городом, он не был в числе «приписных городов» и в административном отношении не подчинялся ни Казани, ни Астрахани. Для связи по Волге с Казанью или Астраханью было не так важно, на каком берегу находился Саратов, лишь бы было удобное место для причала кораблей (хотя и здесь к 1670-м гг. возникают трудности у левобережного Саратова). Но для связи с Москвой все было иначе. Саратов управлялся непосредственно из Москвы. Воеводы Саратова были вполне самостоятельны и непосредственно сносились с Приказом Казанского дворца. Все распоряжения начальным людям Саратова шли из этого Приказа, находившегося в

Москве. Сколько было случаев, когда срочное донесение воевод в Москву или, наоборот, приказы из Москвы не могли быть вовремя доставлены в Саратов по причине начавшегося ледохода или ледостава!

С Казанью Саратов был связан лишь тем, что все хлебные запасы поступали в Саратов из Казани. Саратов не имел своего уезда, своих крестьян из-за постоянной опасности набегов кочевников и воровских казаков, здесь не выращивали хлеб, весь хлеб был привозной из Казани. Этим можно объяснить, почему именно в Казань в октябре 1661 г. была отправлена грамота из Москвы о выдаче хлеба старицам Саратовского женского Воздвиженского монастыря¹⁹. Еще ранее, в 1658 г. в Саратов воеводе стольнику Головину из Москвы пришла грамота, извещавшая о том, что из Казани посадских людей «за малолюдством» «на Саратов с деньгами и с хлебными со всякими запасы посылать не велено»²⁰.

Строительство правобережного Саратова началось, вероятно, еще в 1672–1673 гг., а в следующем 1674 г. в документах упоминается новый город Саратов на «нагорной стороне».

По-видимому, в Москве узнали о действительном состоянии Саратовской крепости из отписки воеводы Саратова думного дворянина Ф. И. Леонтьева в Посольский приказ. Всем краеведам давно известна цитата из этой отписки: «А на Саратове, великий государь, от всяких воровских людей опасение большое, потому, государь, что город Саратов худ, острог весь розвалился, а саратовским служилым людям малолюдство большое...»²¹. Данный документ был обнаружен, как писал в свое время Ф. Ф. Чекалин, «госпожой Шахматовой в московском иностранном архиве»²², и впервые был опубликован А. Н. Минхом²³, а затем разобран составителями Саратовской летописи Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским²⁴.

Данное донесение было отправлено воеводой Ф. И. Леонтьевым из Саратова 9 июня 1672 г., в июле оно уже получено в Москве, и вскоре было принято решение, чтобы новую крепость строить на правом берегу Волги (на нагорной стороне): «А Саратов город на горах делать новой». А. А. Голумбиевский опубликовал в 1888 г. в Трудах СУАК грамоту от 21 июня 1674 г. из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику М. И. Глебову, в которой приводится эта фраза, правда, без особых комментариев²⁵. Вскоре после этого краевед Ф. Ф. Чекалин пришел к выводу о том, что Саратов был перенесен около 1674 г. на правый берег горододелецем полковником Александром Шелем. Этот вывод Ф. Ф. Чекалин озвучил впервые на VIII Археологическом съезде в Москве (опубликован небольшой реферат об этом). Исследователь указал, что еще в 1672 и 1673 гг. был изготовлен лес для этой постройки, а весной 1674 г. А. Шель, «приступив к работам, назначил к сломке находившийся здесь двор московского Новоспасского монастыря»²⁶.

В следующем году А. И. Шахматов, разбирая данный сюжет, указал на важную роль одного из своих предков в этих событиях, а также отметил, что и как перевозилось с левого берега Волги на правый при воеводе Михаиле Ивановиче Глебове²⁷. При этом никаких источников, ссылок он не привел, что побуждает с осторожностью относиться к фактам, изложенным этим «любителем старины», на что в свое время обращал внимание А. А. Голомбиевский.

Отметим некоторые моменты, которые указаны в грамоте от 21 июня 1674 г. Она адресована воеводам М. И. Глебову и дьяку Л. Савлукову, следовательно, в Москве к моменту составления этой грамоты (21 июня 1674 г.) знали, что данные начальные люди находятся в Саратове.

Жалоба (челобитная) архимандрита московского Новоспасского монастыря Иосифа и келаря Варлама Бакина была подана в том же 1672 году (то есть вскоре после 1 сентября 1673 г.). Далее, как было принято в те времена, в царской грамоте от 21 июня пересказывается содержание этой челобитной старцев, а кроме того – содержание царской грамоты прежним воеводам Саратова Ф. И. Леонтьеву и дьяку Л. Савлукову и ответ этих воевод царю. Старцы Новоспасского монастыря уже знали, что по царскому указу «*велено Саратов город на горах делать новой*». В том районе «на горах» был к тому времени построен двор для монастырского иргизского рыбного промысла. А строитель саратовской крепости «*горододелец полковник Александр Шель*» собирает этот монастырский двор сломать. Старцы, узнав о планах полковника Шеля, писали царю, чтобы тот запретил уничтожение их двора и в свою очередь дополнительно просили отвести им под тот двор земли 30 на 20 сажень.

Царь Алексей Михайлович оказался в затруднении. С одной стороны, могла пострадать обороноспособность новой крепости, если тот монастырский двор будет препятствовать строительству либо загромождать сектор обстрела из башен, либо просто из соображений противопожарной безопасности (снаружи возле крепостных стен на определенном расстоянии не должно быть никаких строений). С другой стороны, Новоспасский монастырь – это родовой монастырь бояр Романовых, их усыпальница, он пользовался покровительством всех царей из династии Романовых, просьбы старцев этого монастыря, как правило, удовлетворялись.

В январе 1674 г. царь отправляет грамоту в Саратов. По царскому указу окончательное решение по данному вопросу должны были принять воеводы Саратова Ф. И. Леонтьев и дьяк Л. Савлуков. Они должны были осмотреть и измерить этот монастырский двор, а также решить, «*впредь тому двору на том месте быть пристойно ль*»? Не будет ли новому городу Саратову от того двора какого-либо утеснения? В случае вражеского на-

падения на Саратов не будет ли «*от того двора городу какие порухи*»?

Судя по всему, воеводы Саратова получили этот царский указ еще в конце февраля 1674 г. Осуществив все промеры стен, башен и этого «злосчастного» двора, они отправили в Москву свое решение по данному спорному вопросу. Отметим, что в документации того времени фраза «*во 182-м году апреля в 28 день писали к нам, великому Государю с Саратова думной наш дворянин и воевода Федор Иванович Леонтьев и ты дьяк...*» означает, что 28 апреля 1674 г. это донесение саратовских воевод было получено в Москве. Следовательно, оно было отправлено из Саратова в конце марта, в самую весеннюю распутицу, а воеводой Саратова в то время был все еще Ф. И. Леонтьев.

В своем донесении саратовские воеводы Ф. И. Леонтьев и Л. Савлуков указывали, что монастырский двор оказался размером 22 на 15 сажень, этот двор не препятствует новой саратовской крепости, «*на том месте тому двору быть мочно и городу утеснения никакова не будет*». Однако в Москве еще около двух месяцев решали, что делать с этим монастырским двором. В итоге 21 июня 1674 г. решение было утверждено в пользу монастырских старцев, да еще с придачей. В соответствии со второй просьбой старцев царь разрешил увеличить размеры монастырского двора, ему «*примерили порозжей земли*» вдоль 10 сажень и поперек 5 сажень (теперь общие размеры двора составили 32 на 20 сажень). Новому саратовскому воеводе стольнику М. И. Глебову, с которым оставался дьяк Л. Савлуков, было указано разрешить старцам владеть по-прежнему их двором, подлинник царской грамоты отдать челобитчикам Новоспасского монастыря, находившимся в Саратове, для урегулирования будущих споров с жителями или властями. Воеводы должны были с этой грамоты сделать копию (список) и оставить у себя в съезжей избе.

Данная грамота, а также другие источники свидетельствуют о том, что перенесение г. Саратова полковником А. Шелем происходила не при воеводе М. И. Глебове, а еще до него, при прежнем воеводе – думном дворянине Федоре Ивановиче Леонтьеве (он был в Саратове до конца марта 1674 г., а скорее всего – даже до мая 1674 г.).

Разберем еще один источник, введенный в научный оборот А. А. Голомбиевским, который проливает свет на начало строительства новой саратовской крепости на правом берегу Волги. 18 февраля 1673 г. саратовскому воеводе Ф. И. Леонтьеву и дьяку Л. Савлукову была послана грамота «*по челобитью полковника Александра Шеля*»²⁸. В ней указывалось, что воевода Ф. И. Леонтьев должен дать этому горододелцу А. Шелю «*бревен на избу, амбар и сени*», из тех, которые «*к горододелу делу не годятся*»²⁹. А. А. Голомбиевский при этом ссылается на «Кн. 173. Л. 421», а в другом месте – на «Кн. 173. Л. 431об». Этот документ

может служить дополнением к опубликованной А. А. Голомбиевским в трудах СУАК грамоте от 21 июня 1674 г., извлеченной в московском архиве из отдела «жалованных грамот по Коллегии Экономии»³⁰.

Прежде всего, следует обратить внимание на дату – 18 февраля 1673 г. В связи с этим можно предположить два варианта. Первый вариант – полковник А. Шель, находясь в Москве, получил в самом начале 1673 г. (январь) указание в ближайшее время выехать в Саратов и приступить к постройке новой крепости. Предвидя будущие осложнения с местным начальством по поводу своего устройства на новом месте (иноземные специалисты привыкли жить со всеми удобствами), предусмотрительный горододелец заранее озаботился тем, чтобы ему предоставили необходимый материал для постройки своего двора (избы, амбара и сеней), и с этой грамотой он отправился к новому месту службы. В таком случае начало строительства нового правобережного Саратова следует отнести к весне 1673 г. Второй вариант предусматривает еще более раннее начало строительства нового города, еще в 1672 г. Именно в этом году А. Шель уже прибыл в левобережный Саратов, приступил к строительству новой крепости. Тогда же возник конфликт по поводу строительного материала (бревен), зимой 1672/73 г. челобитная была отправлена в Москву, ее рассмотрели и 18 февраля 1673 г. приняли по ней положительное решение, удовлетворяющее запросы горододельца А. Шеля.

Уточним время прибытия в Саратов воеводы М. И. Глебова. А. А. Гераклитов считал, что стольник М. И. Глебов был воеводой в Саратове в период «17 марта 1674 г. – 1676 г.», а до этого, ссылаясь на А. П. Барсукова, отмечал, что в 1673 г. Глебов был воеводой на Царицыне³¹. Здесь все верно, за исключением первой даты (17 марта 1674 г.).

В пошлинной книге Печатного приказа № 180 имеется следующая запись от 17 марта 1674 г.: «*На Саратов к думному дворянину и воеводе к Федору Леонтьеву да к дьяку Льву Савлукову; велено быть на его место стольнику Михаилу Глебову*»³². Судя по данной записи, в Москве 17 марта было принято решение о замене воевод Саратова. Однако от момента принятия решения до его реализации может пройти немало времени, особенно, если учесть средства коммуникации и место, где в тот момент находился сменщик Михаил Глебов.

Трудно сказать, кто был инициатором отправки нового воеводы или замены прежнего (то есть кто написал челобитную и платил пошлину в Печатный приказ). Это вполне мог быть прежний воевода Саратова Ф. Леонтьев или один из новых воевод Царицына, отправленных на замену М. Глебову.

В журнале «Старина и новизна» в 1911 г. опубликован документ из архива Приказа тайных

дел. Как обычно принято в этом журнале, никакого комментария к документу не приводится. В документе отмечено, что 21 марта 1674 г. послал государь на Царицын грамоту с новым воеводой «*на перемену стольнику Глебову, а Глебову велел быть на Саратове*»³³. Этим новым воеводой Царицына был назначен стольник Даниил Иванович Траханиотов, а товарищем к нему – московский дворянин Михаил Петрович Есипов.

Произведем необходимые предварительные расчеты. Дело было срочное, поэтому гонец из Москвы был отправлен в марте 1674 г. сразу же полем станицей напрямую в Царицын. Не исключено, что вместе с ним был послан один из новых воевод Царицына, хотя обычно новые воеводы Понизовых городов (от Самары до Астрахани и Терского городка) отправлялись из Казани по Волге весной с началом навигации. Одновременно другая станица была отправлена в Саратов с извещением Ф. И. Леонтьеву, что его вскоре сменит новый воевода Глебов. В конце апреля, несмотря на весеннюю распутицу, приказ об отправке Глебова из Царицына в Саратов был уже доставлен по назначению в Царицын. Получив этот неожиданный для него приказ, воевода Царицына Глебов стал готовиться к переезду к новому месту службы (до этого, думается, он рассчитывал к лету уже прибыть в Москву и отдохнуть после тяжелой службы в этом пограничном городе). Глебов не имел права уезжать из города без передачи новому воеводе ключей, имущества, наряда, всех документов и т. д. Передав дела сменщику, М. И. Глебов в середине – конце мая прибыл из Царицына в Саратов (скорее всего, с первым весенним караваном из Астрахани). С этим же караваном из Саратова в Москву отбыл прежний воевода Ф. И. Леонтьев. Так что начало службы М. И. Глебова в Саратове следует отнести не к 17 марта, а к маю 1674 г. Известная многим краеведам грамота от 21 июня 1674 г. из Приказа Казанского дворца, о которой ранее упоминалось, была адресована уже саратовскому воеводе стольнику М. И. Глебову.

Что касается второго воеводы Саратова, дьяка Л. Савлукова, то он остался в новом городе при стольнике М. И. Глебове. Этим двум воеводам в том же 1674 г. была отправлена из Москвы еще одна грамота, по которой велено быть «на пропуске» (на заставе) вместо Павла Ахматова саратовцу Федору Елисееву сыну Ахматову³⁴.

Стоит привести еще мнение А. А. Гераклитова по вопросу строительства правобережного Саратова. Он считал, что сначала на правом берегу был построен земляной город в районе Музейной площади, границы которого доходили до Глебова оврага (возможно, в 1672–1673 гг.), а потом дополнительно А. Шель построил еще деревянный город «на Горах», севернее Глебова оврага (в районе современной Славянской площади). Здесь же, на Горах был построен Четырехсятский храм, и при нем «еще до 1682 г.» существовал уже и

мужской монастырь. А Богородицкий монастырь, который находился в левобережном Саратове еще с начала 1620-х гг., был в 1691–1692 гг. приписан к московскому Петровскому Высокому монастырю, в дальнейшем, в 1704 г., вообще был упразднен, а его церковь во имя Казанской Божьей Матери стала приходской³⁵. Четырехсвятский монастырь впоследствии стал Спасо-Преображенским монастырем. На этом месте сейчас находятся Саратовский областной институт развития образования и пост ГИБДД.

История левобережного Саратова на этом прекращается. Постепенно все мало-мальски пригодные для жилья вещи были перенесены жителями на нагорную сторону. Жизнь на левобережье замерла. Только в дни приезда калмыков для торговли они разбивали здесь свой стан. Через 70 лет после переноса Саратова недалеко от прежнего левобережного Саратова (примерно в 5 км юго-западнее) была основана Покровская слобода, давшая начало современному городу Энгельсу.

Примечания

- 1 См.: Рабинович Я. Н. Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 225–232. DOI : <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-225-232>.
- 2 См.: Хованский Н. Ф. Очерки истории города Саратова. Саратов, 1884. С. 8.
- 3 Краснодубровский С. С. Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891.
- 4 Шмуцло Е. Ф. Восьмой археологический съезд (9–24 января 1890 года), окончание // Журнал м-ва народн. просвещ. (далее – ЖМНП). Ч. ССCLXIX. 1890, июнь. Раздел Современная летопись. С. 96.
- 5 См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов : Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1892. С. 65.
- 6 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. С. 265.
- 7 См.: Рабинович Я. Н. История первоначального Саратова 1590–1604 годов : характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 80–87. DOI : [10.18500/1819-4907-2016-16-1-80-87](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-80-87).
- 8 См.: Рабинович Я. Н. Служилые люди по прибору (стрельцы, пушкарки, воротники) в левобережном Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 231–240. DOI : [10.18500/1819-4907-2018-18-2-232-241](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-232-241).
- 9 См.: Рабинович Я. Н. Служилые люди по отечеству в левобережном Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 102–113. DOI : [10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113).
- 10 Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 102.
- 11 Осипов В. А. Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та ; ИИЦ АО «Заволжье», 1993. С. 44–45, 74.
- 12 Касович А. С. Саратов левобережный // Четыре века : сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 33–34.
- 13 См.: Рабинович Я. Н. Экономическая жизнь в левобережном Саратове в третьей четверти XVII в. : хозяйственная деятельность, местное гражданское население // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 97–103. DOI : <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-97-103>
- 14 См.: Рабинович Я. Н. Рыболовный промысел в левобережном Саратове в третьей четверти XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 528–535. DOI : <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-528-535>
- 15 См.: Рабинович Я. Н. Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Посадский. Саратов : Техно-Декор, 2019. Вып. 12–13. С. 126–134.
- 16 См.: Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. СПб., 1907. Т. 21 ; Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. СПб., 1904. Т. 23.
- 17 См.: РГАДА. Ф. 100. Сношения России с Арменией. Оп. 1. С. 3–5 ; Оп. 2. С. 1–2.
- 18 Там же. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Дела, подключенные из россыпи в 1985 г. (доп. листы).
- 19 См.: Голомбиевский А. А. Некоторые сведения о саратовских монастырях // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3, вып. 1. С. 243–245.
- 20 Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : записки книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892 (далее – Голомбиевский А. А. Материалы...). № 28. С. 12.
- 21 Отписка саратовского воеводы Ф. Леонтьева в Посольский приказ о вновь предполагаемом приходе казаков на Волгу. 1672 г., июня 9 // Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. документов. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3, № 176. С. 197.
- 22 Чекалин Ф. Ф. Указ. соч. С. 65.
- 23 См.: Минх А. Н. Воровские городки // Саратовский листок. 1891. № 205.
- 24 См.: Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Издание саратовского общества вспомоществования нуждающимся литераторам. Вып. 1. Саратов : Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 28.
- 25 См.: Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства юстиции : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому

- воеводе стольнику Михаилу Ивановичу Глебову о разрешении Новоспасскому монастырю владеть их рыбным двором внутри города, который хотел сломать горододец полковник Шель. 1674, июня 21 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 448–449 (документ № 7).
- ²⁶ Чекалин Ф. Ф. Указ. соч. С. 65.
- ²⁷ См.: Шахматов А. И. Исторические очерки г. Саратова. Саратов, 1891.
- ²⁸ Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892. С. 212.
- ²⁹ Голомбиевский А. А. Материалы... № 64. С. 16.
- ³⁰ См.: Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову... : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Михаилу Ивановичу Глебову... 1674, июня 21 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 448–449.
- ³¹ См.: Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 68.
- ³² Голомбиевский А. А. Материалы... С. 9.
- ³³ Из архива Тайных дел // Старина и новизна. СПб., 1911. Кн. 15. С. 168.
- ³⁴ См.: Голомбиевский А. А. Материалы... № 68. С. 16.
- ³⁵ См.: Гераклитов А. А. По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Св. Креста в Саратове // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 53–60.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. On the Issue of Transferring Saratov to the Right Bank of the Volga in 1674. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 237–244 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>

УДК 94(746.211)

К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения)

М. В. Карташова

Карташова Мария Вячеславовна, кандидат исторических наук, директор МБУК «Балахнинский музейный историко-художественный комплекс», Балахна Нижегородская обл., kmiw@mail.ru

В Российской империи с XVIII в. шел процесс формирования центров кустарных промыслов. В отечественной историографии отсутствует точное понимание проблем, связанных с вопросами возникновения кустарных промыслов и их центров. На примере одного из крупных центров кружевоплетения – города Балахны Нижегородской губернии – в статье рассматриваются версии о его появлении и развитии. Проведенный анализ впервые вводимых в научный оборот архивных источников позволяет выдвинуть «усадебную» версию возникновения кружевного промысла в Балахне и уезде как наиболее предпочтительную. Следовательно, не все промыслы имели местное происхождение. Особо трудоемкие и высокохудожественные промыслы, такие как плетение кружев на коклюшках, находились под западно-европейским влиянием и их возникновение и развитие стимулировали высшие слои общества – купечество и дворянство.

Ключевые слова: Российская империя, Нижегородская губерния, город Балахна, кустарные промыслы, кустарь, кружевной промысел, Шереметевы

Поступила в редакцию: 10.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

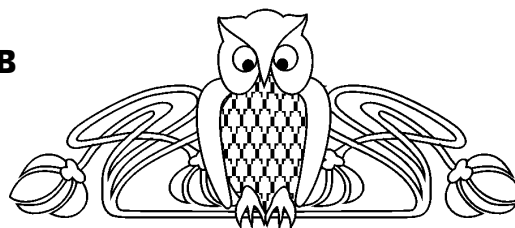
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

To the Question of the Origin of Handicraft Centers (on the Example of the Balakhninsk lacemaking)

M. V. Kartashova

Maria V. Kartashova, <https://orcid.org/0000-0001-8878-9808>, MBUK "Balakhna Museum of History and Art Complex", 44 K. Marx St., Balakhna, Nizhny Novgorod Region 606400, Russia, kmiw@mail.ru

In the Russian Empire from the XVIII century there was a process of formation of centers of handicrafts. Russian historiography lacks an accurate understanding of the problems associated with the emergence of artisanal crafts and their centers. On the example of one of the major lace-making centers – the city of Balakhna of the Nizhny Novgorod province – the article discusses versions of its appearance and development. The analysis of the archival sources introduced for the first time into scientific circulation allows us to put forward the "manor" version of the occurrence of lace crafts in Balakhna and the county as the most preferred. Consequently, not all crafts were of local origin. The most laborious and highly artistic crafts, such as weaving lace on bobbins, had Western European influence and received an impetus for the emergence and development of the upper strata of society: merchants and the nobility.

Keywords: Russian Empire, Nizhny Novgorod province, the city of Balakhna, handicrafts, handicraftman, lace industry, Sheremetevs

Received: 10.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>

Вопрос о происхождении кустарных промыслов, получивших широкое распространение в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., интересовал многих исследователей: историков, публицистов и экономистов. В историографии имеется целый пласт работ, начиная со статей народников конца XIX в. до современных исследователей. Самой распространенной признана теория о трансформации домашней крестьянской промышленности в кустарные промыслы. Так возникло большинство деревообрабатывающих промыслов: ложкарный, веретенный, бондарный; промыслы по обработке волокна, кож, ткачество. Мастерство крестьян, которые изготавливали изделия для собственного обихода, совершенствовалось, товары становились качественнее и со временем крестьянин получал возможность обменивать, а затем и продавать их в своей деревне, в соседнем селе на ярмарке, а потом возить на дальние рынки. Развитие товарно-денежных отношений и углубление специализации внутри волости, уезда и даже губернии повлекло за собой формирование уже в XVIII в. центров крестьянских производств. Под «центром» промысла в литературе понимается селение «со значительным числом промышленников»¹. Иных критериев для определения этого понятия пока нет. Во времена крепостного права многие крестьяне, особенно центрально-черноземного района России, «сидели» на оброке, то есть были вынуждены платить землевладельцу денежный оброк, а деньги нужно было где-то брать. Самым лучшим вариантом для получения денег стало для них производство товаров для продажи, тем более что этому способствовали свободные от сельскохозяйственных работ зимние месяцы.

Разрушая идею о натуральном крестьянском хозяйстве в первой половине XIX в. Л. М. Рянский, основываясь на этнографическом исследовании государственных крестьян Курской губернии А. С. Машкина (1816–1904), приводил затраты крестьянского двора. В списке покупных товаров оказались: соль, деготь, плотницкие инструменты,

серпы, косы, телеги, сани, сохи, бороны, сапоги, шапки, кадки, ступы, одежда, пошитая из собственной ткани².

Однако были и такие промыслы, которые не могли появиться сами собой в крестьянской среде, потому что требовали особых инструментов и материалов. К таковым можно отнести некоторые высокохудожественные металлообрабатывающие промыслы и кружевоплетение, те, которые впоследствии, уже в советское время, получили статус народных художественных промыслов. Обратимся к кустарному кружевному промыслу и попытаемся выяснить историю его возникновения в России.

Наиболее известные в мире центры плетения нитяных кружев находились в Италии: Милан, Венеция, Генуя; в Бельгии: Брюгге, Брюссель (Фландрия, Брабант); во Франции: Алансон, Аржантон, Реймс. Славилась своими кружевами Испания, Англия, Мальта. Известно, что после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603 гг.) осталось 3 тыс. платьев, украшенных кружевами, и бесчисленное множество мелких предметов туалета³. В 1855 г. производством кружева в Европе как машинного, так и ручного, было занято 1,250 млн женщин и детей и это число постоянно увеличивалось. История же нитяного кружева в России, по мнению большинства исследователей, восходит к началу XVIII в., то есть ко временам Петра I, который привез из Европы новые продукты, новую моду, новые обычаи и правила.

В нашей статье речь пойдет о балахнинском кружеве. Этот промысел зародился в небольшом волжском городе, некогда бывшем крупным центром солеваренного производства. Кружева, вылетаемые балахонками, как некогда называли жительниц Балахны, уже в XIX в. стали источником существования для целых семей. Удачное местоположение города вблизи Нижегородской ярмарки давало возможность не только сбывать вылетаемый товар, но и покупать сколки (рисунки кружев), шелковые нитки и булавки. В те времена Балахна превратилась в небольшой уездный городок с несколькими маломощными заводиками: солеваренными, кирпичными, гончарными. Народ жил бедно. Каждая копейка была на счету, и женщины были вынуждены плести кружева.

Исследовательница кружевного промысла М. К. Горбунова еще в 1880 г. писала: «Хорошие же кружева, где каждый конец или каждая вещь составляет сама по себе в некотором смысле *chefd'oeuvre* (шедевр), как по рисунку, так и по исполнению – такие кружева требуют большой подготовки, могут изготавливаться только при условии существования предпринимателя с большим капиталом, требуют, чтоб работница совершенно оставила все домашние работы, так как от них руки грубеют; они составляют в добавок, исключительно предмет роскоши, доступной немногим»⁴.

История появления кружевоплетения в том или ином российском городе или селе до сих пор не изучена в силу отсутствия старинных кружевных образцов, сколков и архивных данных, так как кружевное дело мало кого интересовало, хотя этот промысел был одним из самых распространенных среди женского населения Российской империи. По подсчетам одной из основательниц Мариинской практической школы кружевниц в Санкт-Петербурге С. А. Давыдовой, в конце XIX в. в 10 губерниях России кружевом занимались 32 514 женщин⁵. По данным статистики начала XX в. А. А. Рыбникова, на рубеже XIX–XX вв. плетением кружев в империи занимались 558 900 чел.⁶ Советская исследовательница русского кружева В. А. Фалеева определяла эту цифру в более чем сто тысяч мастериц сорока одного уезда в семнадцати губерниях империи⁷.

В 1880–1883 гг. в литературе о кустарных промыслах выделялось 19 центров кружевоплетения (городов и уездов) из 11 губерний с общим числом кружевниц до 33 тыс. чел. и объемом вылетаемого кружевного товара на сумму до 2 млн руб. в год и среди них назван город Балахна Нижегородской губернии⁸. Балахна как центр кружевоплетения была хорошо известна Кустарному комитету Главного управления землеустройства и земледелия, который занимался реализацией правительственной программы по развитию кустарных промыслов, о чем свидетельствует ее упоминание в «Смете доходов и расходов отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики на 1911 г.», представленной на рассмотрение в Государственную думу⁹. Балахнинское кружево обратило на себя внимание исследователей еще в XIX в. Известный нижегородский писатель П. И. Мельников-Печерский в своей статье «Балахна», опубликованной в неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» в 1849–1850 гг. и вышедшей также отдельным изданием, писал, что в городе производят шелковые блонды и кружева. Этим промыслом «занимаются многие женщины из мещанского сословия. Блонды делают очень хорошо, но большей частью по заказам; случается, что иногда за одну вещь берут по 100 и более руб. сереб. Заказывают более для Нижнего Новгорода; но довольно значительное количество блонды и кружева продается на нижегородской ярмарке»¹⁰.

В известной повести М. Горького «Детство», опубликованной в 1913 г., писатель нарисовал яркий образ своей бабушки, балахнинской кружевницы Акулины (Акилины) Ивановны Кашириной (1813–1887), дочери нижегородского мещанина Ивана Яковлевича Муратова. Плести кружева научила ее мать, «знатная кружевница». Судьба матери Акулины была тяжелой. М. Горький пишет, что «в девушках ее барин напугал». Она выкинулась ночью из окна и «перебила» себе бок, отчего у неё «отсохла» правая рука. Такая увечная стала она барину не нужна, и

дал он ей «вольную». Стала она скитаться «по миру»¹¹. Этот отрывок интересен рядом фактов. Кружева мать Акулины научилась плести еще в юности, будучи крепостной. По времени это конец 1790 – начало 1800-х гг. Отсюда следует, что в имении у помещика была мастерская, где девушки плели кружева. К большому сожалению, М. Горький не назвал фамилии помещика, то есть мастерская могла быть как в самой Балахне, так и в селе Кубенцеве. Когда Акулине исполнилось 10 лет, они «осели» в Балахне и мать посадила ее за кружево. Дед писателя – Василий Васильевич Каширин – родился в Балахне 16 января 1807 г. и был крещен в Покровской церкви бывшего мужского монастыря. В окружении Кашириных практически все женщины были кружевницами. Мать Василия – Ульяна Максимовна – торговала в Нижнем Новгороде кружевом и вышивкой¹². Василий и Акулина обвенчались 18 января 1831 г. в Спасо-Преображенской церкви и поселились в Балахне на Никитской улице. М. Горький так писал о кружевнице: «Связала все вокруг меня в непрерывную нить, сплела все в разноцветное кружево»¹³.

Балахнинский кружевной промысел упоминался и в ведущих статистических сборниках империи¹⁴. В 1874 г. при Министерстве финансов была создана комиссия по исследованию кустарных промыслов в России, которая издала 16 томов своих трудов. В опубликованной в 9-м выпуске за 1883 г. статье И. Ягодинского о кружевном промысле г. Балахны¹⁵ впервые было дано довольно подробное описание развития балахнинского кружевного дела. Численность кружевниц автор определил в 1970 чел. Однако во всех исследованиях говорилось, что промысел возник давно, более 100 лет назад.

Обзор состояния балахнинского кружевного производства провел известный исследователь кустарных промыслов Нижегородской губернии М. А. Плотников. В первую очередь он обратился к статистике промысла. По его мнению, в начале 1890-х гг. плетением занимались почти 2 тыс. женщин в Балахне и 225 чел. в Кубенцевской, Городецкой, Катунской, Николо-Погостинской и Козинской волостях Балахнинского уезда¹⁶. Эти сведения были взяты автором из материалов переписи, произведенной в ходе подготовки «Материалов к оценке земель Нижегородской губернии». Однако эти сведения вряд ли достоверны. В реальности кружевниц по волостям было гораздо больше.

В вышедшей в конце 1930-х гг. книге Д. В. Прокопьева «Художественные промысла Горьковской области» один параграф посвящен балахнинским кружевницам. «Балахнинское кружево ушло из жизни», – с горечью отметил автор и, к счастью, оказался неправ. Нисколько не сомневаясь, он полагает, что в XVII в. кружевной промысел в Балахне уже был, о чем свидетельствуют «узоры местных старинных полотенец,

где изображены павы и олени, огромные цветы и пышные деревья»¹⁷. Следует отметить, что такое подтверждение факта существования кружевоплетения в XVII в. в Балахне достаточно зыбкое, но не лишено смысла.

Балахна как крупный центр кружевоплетения Центральной полосы империи упоминается в труде Я. Е. Водарского и Э. Г. Истоминой, в которой говорилось, что техника кружева «на балахнинский манер» была очень трудоемкой и требовала большого мастерства. Для изготовления узоров мастерица использовала сразу до двухсот пар коклюшек¹⁸.

Единственной работой, полностью посвященной изучению балахнинского кружевного промысла, является книга главного хранителя фондов музея Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Л. В. Ведерниковой¹⁹. Самые ранние свидетельства о его существовании автор относит лишь к пореформенной эпохе и при этом отмечает, что в Балахне в 1862 г. «насчитывалось до четырехсот кружевниц»²⁰.

Неоднократно в своих статьях обращается к балахнинскому кружеву кандидат искусствоведения М. А. Сорокина, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея. По ее мнению, бренд современной Балахны – это трудоемкое, сложное в исполнении многопарное кружево. Оригинальные мотивы балахнинских косынок, их разнообразные решетки не имеют аналогов в кружеве других центров. Автор обращает внимание и на самую редкую в коклюшечном кружеве местную решетку, получившую название «клюновой», так называемые «балахнинские клюони», имевшие плотную звездчатую решетку из насновок («семечек»). «Клюони» как разновидность гипюра развивались в России под влиянием французского кружева и воспроизводили старинные узоры²¹.

Недостаточно обоснованным представляется заключение Б. Л. Шапиро о появлении кружева в России: «В России искусство плетения кружева появилось в 1724 году, когда Петр I выписал несколько “брабантских сирот, выученных в монастырях” для обучения насельниц Хотьковского девичьего монастыря прядильному делу, золотному шитью и плетению кружев»²². Речь, видимо, идет о нитяном кружеве, на чем автор не сделал акцент.

Таким образом, обзор немногочисленной литературы, где поднимаются вопросы, связанные с историей возникновения кружевного промысла в Балахне, показывает, что данная проблема не достаточно изучена. Введение в научный оборот новых источников позволяет автору выдвинуть несколько версий появления кружевоплетения в городе. В литературе эти версии не рассматривались.

Первая версия – московская. Балахна с XVI в. была тесно связана со столицей. Четко прослеживаются родственные, экономические и культурные связи. В XVII в. в Балахне работали

и жили мастера Оружейной палаты Московского Кремля: кирпичники и иконописцы. В документах Оружейной палаты Московского Кремля говорится о работах мастеров-кружевников, например, Кондратия Петрова²³. Упоминаются и кружева: браное кованое серебряное изолотное; плетеное серебряное кружево²⁴. Заслуживает внимания тот факт, что одним из первых открыл «шёлковую, лентную и позументную фабрику на свои собственные деньги и своими мастеровыми людьми, своим старанием прежде других фабрик» в Москве на Сретенке, на другой стороне улицы от Сретенского монастыря в 1714 г.²⁵ Алексей Яковлевич Милютин (1673–1755). Впоследствии фабрика называлась «шелковой». А. Я. Милютин происходил из семьи балахнинского посадского человека, придворного поставщика рыбы Якова Деметьевича Милютина. Алексей упоминается в писцовой книге г. Балахны 1674–1676 гг. двухлетним ребенком. Он служил комнатным истопником при царе Иване Алексеевиче, с 1690 г. – придворным комнатным истопником при царях Иване Алексеевиче и Петре I. Для технического руководства фабрикант нанял лучших мастеров по обработке шелка-сырца и по художественному ткачеству и прикрепил к ним более 20 учеников. Для скручивания шелковых нитей использовался труд женщин. К 1718 г. на фабрике насчитывалось 34 стана – на десяти ткали позументы, на остальных – атлас, тафту и платки. Следовательно, по первой версии, плетением кружев в Балахне могли заниматься уже с первой половины XVIII в.

Вторая версия – «петровская». В Балахне с петровских времен стало активно развиваться судостроение. Известно, что по указу императора Петра Алексеевича в Балахне строились струги для Азовских походов. В начале XVIII в. здесь стали строить марсельные шкоуты, грузовые суда для Волги и Каспийского моря. В 1720 г. Петр I послал в г. Балахну и на речку Керженец корабельного подмастерья Сурмина. Ему было приказано выстроить там образцовый элинг и суда – романовку и эверс, «с тем, чтобы все судохозяева, для хода по реке Волге вниз до Астрахани и по Каспийскому морю, строили свои суда по тем образцам»²⁶. Петр I отправил в Балахну «для введения правильного судостроения и вооружения судов» так же адмиралтейских мастеров: судового, блокового, мачтового, боцмана и 15 матросов, а для надзора за общим ходом работ по судостроению повелел выбрать в Сенате «доброе человека немца, по крайней мере не ниже майора». Кроме них были отправлены туда ученики эверсного дела Кирилл Бутенев и Елисей Булгаков. Им наказано было учить балахонцев судостроению²⁷. Вероятно, что в Балахну прибыли иноземные мастера-судостроители и привезли с собой жен, которые умели плести кружева. Те, в свою очередь, научили балахонок этому трудоемкому мастерству. Однако подтвердить эту версию документами пока не представляется возможным.

О вкладе Петра I в распространение кружевоплетения в России свидетельствует и тот факт, что в 1724 г. император своим указом предписал «вести мастерства в женских монастырях»: «Монахиням принимать сирот без призрения после родителей оставших, и обучить их грамоте, также следующих мастерств: пряжи, шитья, плетенья кружев, для чего надлежит выписать из Брабандии сирот, которые выучены в монастырях»²⁸.

Третья версия – «усадебная». Вокруг Балахны в XVIII в. существовали дворянские поместья. Самыми крупными и, главное, территориально близко расположенными от города, были село Кубенцево с деревнями – владения дворянской линии Шереметевых и село Николо-Погост, с 1797 г. ставшее вотчиной полководца и дипломата, фельдмаршала Н. В. Репнина, а после его смерти по дарственной перешедшее к роду Волконских. В 1809 г. Николо-Погост стал владением будущего декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

Обратимся к Кубенцево. Это село отделялось от г. Балахны лишь речкой Железницей, через которую был переброшен мост. По нему шла главная дорога – Костромской тракт, поэтому Кубенцево уже, видимо, в XVIII в. становится крупным торгово-промышленным селом. В XVIII в. владельцами села Кубенцева с деревнями были последовательно представители дворянской линии Шереметевых: Василий Петрович (1659–1733), младший брат фельдмаршала, графа Бориса Петровича; Сергей Васильевич (ум. 1773), его супруга Наталья Яковлевна, урожденная княжна Голицына (1731–1792); Марфа Васильевна Балк (дата владения, зафиксированная в документе – 1782 г.²⁹); Елена Сергеевна Шереметева, сестра Василия Сергеевича (1752–1831), сам Василий Сергеевич, его супруга Татьяна Ивановна, урожденная Марченко (1770–1830). М. В. Балк принадлежали: село Кубенцево; деревни Курза, Вонята, Коробенниково, Могильцы Малые, Могильцы, Посниково, Бобриха, Кочергино, Беловская, Ляпуниха, Липовица, то есть практически все населенные пункты, в которых был развит кружевной промысел (по данным переписи 1917 г.).

В фонде Шереметевых сохранились письма сестры Василия Сергеевича Шереметева, Елены Сергеевны управляющему в Кубенцево. Е. С. Шереметева замуж не выходила и впоследствии ушла в монастырь³⁰, как писали в документах «девица»³¹. Видимо, и она имела отношение к управлению селом. Шереметевы являлись одними из крупнейших помещиков Нижегородской губернии. Семья была очень состоятельной. Кроме Кубенцева, им принадлежало село Богородское Горбатовского уезда с многими деревнями, знаменитое уже в XVIII в. своим кожевенным промыслом. В XVII–XIX вв. представители и графской, и нижегородской ветвей рода Шереметевых успешно насаждали и развивали промыслы в своих владельческих селах (Павлово, Богородское, Юрино). В докладе Московскому губернскому

земству «О русских художественных промыслах» граф П. С. Шереметев приводит материалы родового архива графов Шереметевых, хранящегося в те годы в Фонтанном доме, свидетельствующие о том, что помещики в XVIII в. насаждали промыслы среди своих крестьян. Примером тому может служить деятельность графа Петра Борисовича Шереметева, сына фельдмаршала. Уже в середине XVIII в. крупными промысловыми центрами являлись села Павлово и Ворсма Горбатовского уезда Нижегородской губернии, где изготавливали ножи, клинки, замки (сталеслесарный промысел) и село Иваново-Вознесенск Владимирской губернии (ткацкий и набоечный промыслы)³². С целью развития промыслов Шереметевы прибегали и к переселению крестьян из одного своего владения в другое. Это практиковал Василий Сергеевич Шереметев (нижегородская ветвь). В конце XVIII в. из села Богородского Нижегородской губернии им были переселены кожевники в одноименное село Казанской губернии, а в 1828–1830 гг. на новое место жительства вынуждены были перебраться 204 семьи (около 1138 человек) из того же села Богородского в недавно приобретенное им село Юрино, чтобы снабдить рабочей силой суконную мануфактуру и стекольный завод. Так, богородчане привезли кожевенное дело и в Юрино³³, которое вскоре стало крупным центром рукавичного промысла.

Шереметевы не обошли своим вниманием и женские промыслы. В конце XVIII в. владелица села Уборы Звенигородского уезда Московской губернии Анна Семеновна Шереметева устроила женскую вышивальную мастерскую. Причем изделия, выполненные крестьянками, шли на продажу. Так, Анна Семеновна в 1791 г. писала из Убор своей подруге А. А. Паниной: «Пожалуй, постарайся матушка запродать мои платья, а цена, какую ты хочешь, и что будут давать, а мне ты на эти деньги купишь кружева нитяного»³⁴.

В пользу «шереметевской» версии происхождения балахнинского кружевного промысла свидетельствуют и материалы С. А. Давыдовой, которая пишет, что «близ Балахны у помещиков в усадьбах много выплеталось кружев. Здесь изготавливали и белое, вроде Malines, и гипюра и черное, вроде Chantilly». Свои слова автор иллюстрирует имеющимися в ее распоряжении кружевами. Особого внимания заслуживают фрагменты кружев, о которых она пишет: «Из прежних же сцепных кружев выработался особый тип, представляющий тюлевую решетку с густыми цветами, которому мастерицы дали название “русского кружева”»³⁵. Две косынки с именно таким рисунком хранятся в фондах Балахнинского музейного комплекса. Кружево полностью идентично, только решетку С. А. Давыдова называет неправильно. Это не тюлевая, а московская решетка. Второй тип кружева по Давыдовой, выполнявшийся «в роде «гипюра» и «клони», получил название «Балахонского манера». Рисунки в кружевах из коллекции

Балахнинского музея встречаются довольно часто. Следующий фрагмент кружев, как пишет автор, был выплетен во времена Екатерины II купчихой Золотой – бывшей крестьянкой нижегородского имени графа Шереметева³⁶.

Четвертая версия – купеческая. В XVIII в. в Балахне жили купцы, имевшие промышленные предприятия как в самом городе, так и в других местностях. Такими крупными промышленниками были, прежде всего, Осокины и Латухины. Мелкие мастерские, которые работали при купеческих дворах, иногда перерастали в промышленные предприятия. Так, в 1780-е гг. при доме Ивана Латухина действовала небольшая полотняная фабрика, на которой «вырабатываются наемными людьми фламского полотна, ревендуку и каламенку, всего до тысячи двухсот полукусков, и оное для продажи отпускает в Санкт-Петербург»³⁷. Возможно, мастерская кружев могла быть открыта при купеческом дворе.

Таким образом, мы имеем, как минимум, четыре версии о возникновении кружевного промысла в Балахне и уезде. Наиболее предпочтительными на данное время представляются «петровская» и «усадебная» версии. Для их верификации следует обратиться к письменным источникам.

Самое раннее выявленное документальное свидетельство о существовании в Балахне кружевного промысла содержится в автобиографии нумизмата Виктора Константиновича Савельева (1 апреля 1810 г. – 27 марта 1882 г.). Автор родился в г. Горбатове, но «помнить себя начал в с. Балахне, куда отец переведен был на службу» учителем рисования в уездное училище. Жила семья Савельевых сначала в приходе Спасской церкви, а затем перешла на квартиру к купцу Преснякову. Дом их располагался на улице крайней к полю, которая вела в Кубенцево. Весьма интересны воспоминания В. К. Савельева о вечерних посиделках в их доме: «Помню, как у нас собирались девушки для развлечения ее (матери мальчика. – М. К.). Пели песни, под которые мы засыпали. Пряли из льна самые тонкие нитки, а некоторые плели кружева по рисункам на бумагах коклюшками»³⁸. Воспоминания можно датировать 1814–1816 гг. Следовательно, уже во втором десятилетии XIX в. кружевным промыслом занималось население Балахны и села Кубенцево.

Ценным источником по истории балахнинского кружевоплетения является коллекция сколков из личного фонда основателя Балахнинского музея Виктора Николаевича Кириллова. Она включает в себя 127 сколков и 6 образцов кружева. Речь идет именно о сколках, а не о технических рисунках, так как на бумаге имеются лишь булабочные наколы, их обводка карандашом, чернилами или краской присутствует не на всех сколках. Сколки датируются периодом со второй половины XVIII в. до 20-х годов XX в. Причем датировка бумаги и самого сколка может разниться

ся. Некоторые сколки выполнены на документах или на фрагментах документов. По их текстам можно определить принадлежность сколка. Так, 2 сколка происходили из семьи крестьян подгорной Покровской слободы Масленниковых. На одном из них фиксируется фрагмент письма от 10 февраля 1881 г.: «В Московскую судебную палату просит Нижегородской губернии Балахнинской подгорной слободы крестьянин Флегонт Алексеев Масленников, живущий в собственном доме в упомянутой слободе...»³⁹. Самым ранним датированным документом, на котором сколото кружево, является кружево-край (скругленный, как для воротника), заполненное двумя сетками, одна из которых простая, с наколом 2,5 мм и, видимо, московской. На бумаге карандашом скопирован текст указа императрицы Елизаветы Петровны от 22 октября 1753 г. Запись плохо сохранена, карандаш сильно выгорел, имеются загрязнения.

Большинство сколков краев кружев схожи с ростовскими сколками из коллекции Щаповых: № 21, 26, 27, 29, датированных 1803–1870-ми годами⁴⁰. Похожее мерное кружево-край опубликовано в книге В. А. Фалеевой и атрибутировано как «Край (узор “розы”), 1880-е гг. Нижегородская губерния, Балахна»; а также «Воротник (блонды). Деталь. Середина XIX в. Нижегородская губерния, Балахна»⁴¹.

Следовательно, самое раннее письменное извести и самый ранний документ, на котором сколот рисунок кружева, позволяют говорить о том, что кружева плели в Балахне во второй половине XVIII в. В то же время изучение балахнинских сколков, без сомнения, свидетельствует о том, что кружевной промысел являлся привнесенным мастерством, так как в самых ранних рисунках кружев конца XVIII – начала XIX в. отсутствует самобытность. Мелкие наколы сколков явно рассчитаны на тонкие шелковые нити, которые покупались либо в столицах, либо на Макарьевской ярмарке. Уже в середине XIX в. начинается расцвет кружевного промысла в Балахне и близлежащих селениях. Так, в 1848 г., как сообщается в годовом отчете о состоянии Балахны, «главным предметом занятия... женского пола» было «плетение разного рода кружев»⁴², что позволяет говорить о том, что уже в 40-х гг. промысел был настолько развит, что упоминается наряду с самыми прибыльными промыслами балахнинцев: солеварением, судостроением, выделкой кирпича. За 1858 г. уже имеются данные о количестве кружевниц по всему Балахнинскому уезду: 52 – мастерицы и 8 учениц⁴³ – в I-м и во 2-м стане по 30 кружевниц. Здесь же в документе перечислены и населенные пункты, где плели кружева: в селах Катунках, Василевой слободе, Пурехе, Городце, Николо-Погосте и в деревнях Соромовой и др. Как видим, это обширные территории, охватывающие многие приволжские волости Балахнинского уезда. Маловероятно, что указанное количество кружевниц соответствовало действительности. Несомненно, их было гораздо больше.

Таким образом, современное состояние изученности источников позволяет выделить «усадебную» версию возникновения кружевного промысла в Балахне и уезде как наиболее предпочтительную. Местом появления первой кружевной мастерской следует считать село Кубенцево, бывшее во владении дворян Шереметевых. Время возникновения – период правления Елизаветы Петровны (1741–1761). Впоследствии кружевоплетение распространилось в Балахне и по Балахнинскому уезду. Следовательно, центры кустарных промыслов, имеющие высокохудожественную основу и трудоемкость при их производстве, не могли складываться в замкнутой городской или крестьянской среде. Развитие товарно-денежных отношений вынуждало местное население либо дворян, владельцев усадеб изыскивать занятия для своих крестьян с целью получения прибыли в виде денежного оброка. Они заводили мастерские, привозили из-за границы мастеров, инструменты для промыслов, материалы, тем самым не только самообогащаясь, но и способствовали переходу традиционных крестьянских хозяйств к новому жизненному укладу.

Примечания

- ¹ Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9.
- ² См.: Рянский Л. М. Расходы и доходы помещичьих крестьян Курской губернии в середине XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 66–67.
- ³ См.: Воронцов В. П. Кружевная промышленность в Бельгии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России: в 11 т. Т. IX. СПб., 1911. С. 7.
- ⁴ Горбунова М. К. Кружевной промысел // Промыслы Московской губернии: в 5 вып. Вып. II / сост. И. Боголепов. М., 1880. С. 89.
- ⁵ La Dentellerusse, histoire, technique, statistique, par Mme Sophie Davydoff. Leipzig, 1895. S. 19.
- ⁶ См.: Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. Таблица.
- ⁷ См.: Фалеева В. А. Русское плетеное кружево. Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 69.
- ⁸ См.: Русское народное искусство на Второй Всероссийской выставке в Петрограде в 1913 г. / под ред. А. В. Прахова. Пг., 1914. С. 58.
- ⁹ См.: Смета доходов и расходов отдела сельской экономики и с/х статистики на 1911 г. СПб., 1910. С. 73.
- ¹⁰ Мельников-Печерский П. И. Балахна, уездный город Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1850. С. 54.
- ¹¹ Горький М. Детство. В людях. Мои университеты / вст. ст. Д. Гранина; коммент. И. Бочаровой; ил. худож. В. Гальдяева. М.: Худож. лит., 1989. С. 63.
- ¹² См.: Позднин Е. Н. Жизнь и судьба Василия Каширина и внука его Алеши. Н. Новгород: Деком, 2018. С. 24.
- ¹³ Горький М. Указ. соч. С. 22.

- ¹⁴ См.: Мещерский А. А. Свод материалов по кустарной промышленности в России : сост. по поруч. Отд-ния статистики Рус. геогр. о-ва д. членами кн. А. А. Мещерским и К. Н. Модзалевским. СПб., 1874. С. 611–613.
- ¹⁵ См.: Ягодинский И. Кустарные промыслы Балахнинского уезда. Кружевной промысел города Балахны // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности России : в 16 вып. Вып. 9. СПб., 1883. С. 2482–2487.
- ¹⁶ См.: Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1894. С. 263.
- ¹⁷ Прокопьев Д. В. Художественные промысла Горьковской области. Горький : ГОИЗ, 1939. С. 181.
- ¹⁸ См.: Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 221.
- ¹⁹ См.: Ведерникова Л. В. Балахнинское кружево. Н. Новгород : Литера, 2008. С. 106.
- ²⁰ См.: Ведерникова Л. В. Традиции балахнинского кружева и перспективы его изучения // Народное искусство : материалы и исслед. : сб. статей : в 4 вып. Вып. 2. СПб. : Государств. Русский музей, 2005. С. 175.
- ²¹ См.: Сорокина М. А. «Балахонский манер» : косынки кружевниц Балахны // Платки и шали в России XVIII–XXI веков из собрания Русского музея / авторы ст. : Н. Ковалева, М. Сорокина, Ю. Шлядинская. СПб. : Palace Editions, 2019. С. 211.
- ²² См.: Шатило Б. Л. История кружева как культурный текст. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 80.
- ²³ См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 4008. Л. 1 ; Д. 4199. Л. 1 ; Д. 4210. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 4227. Л. 4.
- ²⁵ См.: Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах : От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, Сочиненное Михайлом Чулковым : в 7 т. СПб., 1786. Т. 6, кн. 3. С. 606.
- ²⁶ О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном [1] : Описание судов, плавающих по морям Белому и Каспийскому и рекам Волге и Двине и их притокам / [Корпуса корабельных инженеров штабс-капитана П. Богославского]. СПб., 1859. С. 84.
- ²⁷ Там же. С. 84–85.
- ²⁸ Смирнов С. К. Покровский Хотьков девичий монастырь : [Исторический очерк]. М. : тип. В. Готье, 1854. С. 31.
- ²⁹ См.: Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 60. Оп. 239 А. Д. 25.
- ³⁰ См.: Шереметев В. С. Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910. С. 8.
- ³¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 42. Л. 104–106.
- ³² См.: Шереметев П. С. О русских художественных промыслах. Доклад члена кустарного совета Московского губернского земства графа П. С. Шереметева. М., 1913. С. 32.
- ³³ См.: Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький : Горьк. обл. гос. изд-во, 1950. С. 104.
- ³⁴ Шереметев П. С. Указ. соч. С. 36.
- ³⁵ Давыдова С. А. Русское кружево и русские кружевницы. СПб., 1892. С. 126.
- ³⁶ Там же. С. 20.
- ³⁷ Дневник мещан города Балахны Нижегородской губернии Василия Ивановича Бармина и Григория Михайловича Еванисова, 1786–1829 гг. (публикация С. В. Сироткина) // Российская генеалогия : научный альманах : в 3 вып. М., 2018. Вып. 3. С. 243–378, 294.
- ³⁸ Савельев В. К. Автобиография. Публикация Ю. Г. Галая // Записки краеведов. Вып. 14 / сост. О. А. Рябов. Н. Новгород, 2013. С. 189.
- ³⁹ ЦАНО. Ф. Р-6033. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.
- ⁴⁰ См.: Брюханова Е. В., Щапов Я. Н. Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Щаповых. Альбом-каталог. Ростов Великий : [б. и.], 2009. С. 112, 123–128.
- ⁴¹ Фалеева В. А. Указ. соч. С. 188, 190.
- ⁴² ЦАНО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.
- ⁴³ Там же. Ф. 61. Оп. 216. Д. 32. Л. 25.

Образец для цитирования:

Карташова М. В. К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 245–251. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>

Cite this article as:

Kartashova M. V. To the Question of the Origin of Handicraft Centers (on the Example of the Balakhninsk lacemaking). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 245–251 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>

УДК 94(47+470.44–25)|18|

Записки саратовских добровольцев – участников Сербско-турецкой войны 1876 г. как исторический источник

О. В. Кочукова

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена участию добровольцев из Саратова в Сербско-турецкой войне 1876 г. Анализируются тексты записок саратовских добровольцев, опубликованных в издании региональной прессы «Саратовский справочный листок». Выявляются социально-психологические и политические мотивы добровольцев, восприятие ими ситуации на Балканах и эволюция их настроений от момента отправки из России до непосредственного участия в боевых действиях и возвращения с войны.

Ключевые слова: Сербско-турецкая война 1876 г., славянское национально-освободительное движение, военное добровольческое движение, общественное мнение в России, региональная пресса, Саратовская губерния, «Саратовский справочный листок».

Поступила в редакцию: 25.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Notes of Saratov Volunteers – the Participants of the Serbian-Turkish War of 1876 as a Historical Source

O. V. Kochukova

Olga V. Kochukova, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kochukovasgu@mail.ru

The article is devoted to the participation of military volunteers from Saratov in the Serbian-Turkish war of 1876. The author analyzes the texts of the notes of the Saratov military volunteers published in the publication of the regional press “Saratov fact sheet”. The article reveals the socio-psychological and political motives of military volunteers, their perception of the situation in the Balkans and the evolution of their sentiments from the moment they were sent from Russia to their direct participation in the hostilities and return from the war.

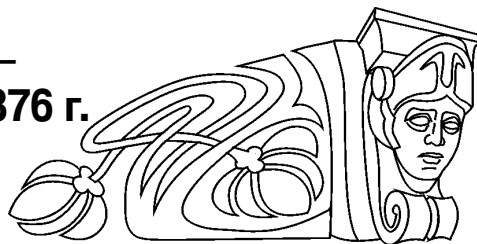
Keywords: Serbian-Turkish war of 1876, Slavic national liberation movement, military volunteer movement, public opinion in Russia, regional press, Saratov province, “Saratov fact sheet”.

Received: 25.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>

Применительно к событиям 1875–1878 гг., связанным с ростом национально-освободитель-

ного движения славянского населения Османской империи, в исторической науке обычно применяют термин «Великий Восточный кризис» или «Балканский кризис». Ключевая роль в разрешении этого кризиса принадлежала России, причем собственно военной стадии конфликта (Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) предшествовал довольно длительный (1875–начало 1877 г.) период использования дипломатических мер, средств информационной политики, тактики непрямого воздействия на ход событий посредством общественного мнения в России и за рубежом, гуманитарных и благотворительных акций среди православного славянского населения Балканского полуострова. К 1876 г. относится беспримерная акция массового участия добровольцев из России в Сербско-турецкой войне.

«Великий Восточный кризис» был вызван подъемом национально-освободительного движения на Балканах. В 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине, а в 1876 г. – в Болгарии. Апрельское восстание в Болгарии было подавлено с небывалой жестокостью, и «турецкие зверства» стали самой волнующей темой европейских известий. Весь 1876 год общественное мнение в России было захвачено заветной мечтой об освобождении «братьев-славян», и славянская тема не покидала страниц периодической печати. На пике популярности оказалась деятельность Славянских комитетов и пламенная агитация их лидера И. С. Аксакова. Славянские комитеты стали распространять по всей России печатные воззвания с текстами, подобными следующему, сохранившемуся в одном из фондов Государственного архива Саратовской области: «Турки озлоблены тем, что восстание не прекращается, а напротив, заносится из области в область, и не хотят или не умеют понять, что оно и не может прекратиться, пока они остаются все теми же вероломными ненавистниками христиан... До шестидесяти тысяч мирных жителей в короткое время преданы самым ужаснейшим видам смерти и кровь их понапрасну вопиет к турецкому правосудию, нимало не смущающемуся заступничеством за христиан долготерпеливой Европы... Пора, наконец, не дозволять обольщать себя европейскими баснями о славянах, которые будто бы до того оступели, что даже и немного чувствуют, когда их кидают в огонь или сажают на кол! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и других, что славянское дело – святое и разумное дело, на которое стоит жертвовать. Люди,

горячо верующие в Бога, пусть делают ради Его святых слов, что все одинаково Его дети и между собой братья. Люди, беспрестанно толкующие о человечестве, его преуспейнии, о благих плодах образованности, пусть поймут, наконец, что все это лишь слова, если можно равнодушно сносить то, что делается теперь на востоке. Если Запад фарисейски сует на вид эти выпренные слова и в то же время, на деле пропитанный себялюбием, преспокойно их попирает ногами, то пусть же их снова поднимем мы, – младшие в европейской семье, пусть спасут ее образованность от позора и поругания. Люди русские, не теряйте времени. Проникнитесь все одним чувством, одною мыслью, жертвуйте, кто сколько может и хочет, только жертвуйте все и каждый»¹. В пользу славян собирались денежные средства, а затем русские добровольцы отправились на Сербо-турецкую войну в сербскую армию, возглавленную генералом М. Г. Черняевым. Желавших пожертвовать деньги или личные вещи угнетенным православным славянам или даже отправиться на Балканский полуостров и бороться за их освобождение с оружием в руках, пролить за них собственную кровь, было значительное количество.

Участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне в отечественной историографии представлено немногочисленными специальными исследованиями Л. В. Кузьмичевой², И. М. Григорьева³, С. А. Кочукова⁴, А. Ю. Шепелевой⁵ и другими, но в исторических источниках, прежде всего мемуарных, оно отражено достаточно полно⁶. Следует предположить, что более пристальное внимание историков к запискам добровольцев будет способствовать постановке и решению целого ряда вопросов, таких как мотивы участников добровольческого движения, способы формирования его организационных центров, его историческое значение и судьбы добровольцев. Яркие и «живые» свидетельства непосредственных участников добровольческого движения, оставленные людьми с очень разными взглядами, принадлежавшими к различным социальным слоям общества, разнообразны по жанровой форме и внутреннему содержанию (от путевых очерков до попыток создания аналитических обзоров). При этом наименее известным остается региональный материал: можно только догадываться, сколько такого рода записок, составленных добровольцами из разных губерний Российской империи, может ждать своего исследователя в архивных фондах и публикациях региональной печати второй половины XIX в.

Отдельного внимания заслуживают записки саратовских добровольцев-участников Сербо-турецкой войны, прежде всего, потому, что в Саратове в силу разных причин развернувшееся в середине 1870-х гг. по всей России общественное движение в поддержку южных славян приобрело значительные масштабы и имело достаточно хорошую организацию.

Известный общественный деятель Саратова И. Я. Славин в 1911 г. написал небольшую заметку «Памяти саратовских добровольцев» в газету «Волга»⁷. Это была попытка откликнуться на 35-летний юбилей Сербо-турецкой войны и участия в ней добровольцев из России. Автор называл добровольцев «русскими жертвами славянской войны», чрезвычайно высоко оценивал их подвиг борьбы и смерти многих из них «за други своя» и сожалел, что история добровольческого движения 1876 г. в Саратовской губернии еще не написана. К сожалению, ситуация не изменилась за целое прошедшее столетие.

И. Я. Славин в своей заметке сообщал о судьбах трех лично ему хорошо знакомых добровольцев, отправившихся в Сербию еще в начале войны, то есть летом 1876 г. и погибших в самом начале боевых действий. Среди них был сотрудник газеты «Саратовский справочный листок» Евгений Коровин, присылавший в это издание свои корреспонденции. Именно данное издание местной печати представляет особый интерес для исследователей в направлении поиска источников о саратовских добровольцах 1876 г. В «Саратовском справочном листке» в конце 1876 и в течение всего 1877 г. было опубликовано в общей сложности 5 текстов участников добровольческого движения. Это записки Е. Коровина «На пути в Сербию»⁸, Н. Серафимовича «С театра войны. Из записной книжки волонтера»⁹, священника Н. П. Горизонтова «На пути в Сербию и обратно»¹⁰, а также небольшие по объему и не имеющие подписи «Записки добровольца»¹¹ и «Письмо добровольца из Саратова»¹². Самый обширный и отличающийся внутренним единством и стройностью текст в жанре путевых очерков создан Н. П. Горизонтовым (печатался в девяти номерах «Саратовского справочного листка»). Он представляет собой обработанные автором исходные записки дневникового характера. Записки Е. Коровина с самого начала предназначались для публикации в «Саратовском справочном листке» и написаны в жанре газетной корреспонденции с места событий. Внешняя форма записок Н. Серафимовича выдержана в эпистолярном жанре, а письма имеют точную датировку.

Информативная ценность опубликованных в «Саратовском справочном листке» записок добровольцев определяется тем, что их содержание имеет значение в плане постановки и решения целого ряда исследовательских задач. Среди них: определение способов и центров организации добровольческого движения в России в период Сербо-турецкой войны 1876 г.; понимание социально-психологических и политических мотивов добровольцев; восприятие русскими добровольцами ситуации на Балканах и эволюция их настроений от момента отправки из России до непосредственного участия в боевых действиях и возвращения с войны.

Уже первые строчки записок саратовских добровольцев проясняют вопрос об их личных мотивах, которыми они руководствовались в принятии решения об отъезде в Сербию на войну за свободу славян. Е. Коровин, Н. Гризонт и Н. Серафимович в качестве ведущего мотива называют сочувствие угнетенным славянам, вызванное, прежде всего, чтением газет. На страницы их записок из газетных очерков 1875-1876 гг. перешли яркие и возмущающие сознание образы сожженных городов и сел, бегущего от репрессий населения, жестоких казней героев славянской борьбы за свободу. Мотивы гуманности и человеколюбия соединялись с распространенным в тот период идеологическим посылом об освободительной миссии России в отношении славянских народов. Так, священник Н. Горизонт прямо сообщил о воздействии на него газетных сообщений о балканских событиях: «... Не мог я относиться хладнокровно к свершающимся событиям, - и событиям, которым суждено, может быть, окончить тот вековой вопрос, разрешения которого так давно желает русский народ»¹³. Е. Коровин формулировал близкую по содержанию мысль: «Я еду, чтобы как можно больше увидеть, чтобы составить себе верное понятие о войне двух народов – не двух армий, но двух народов, то есть славян и турок. Я желаю увидеть войну на жизнь или смерть, какой обыкновенно и бывает народная война, всегда упорная с каждой из воюющей сторон, всегда не лишенная геройства с той и другой стороны»¹⁴.

Общие, признаваемые всеми участниками добровольческого движения, мотивы, разумеется, дополнялись конкретной спецификой отдельно взятой человеческой ситуации или личности. Так, специфический мотив Е. Коровина был мотивом корреспондента газеты: «Прощай, Саратов! Но зачем я еду? – Я еду корреспондентом, и все тут, и пусть читатель видит во мне ни больше, ни меньше. Я еду как можно больше увидеть... Я желаю услышать свист пуль, стоны раненых, радостные клики победителей, проклятия побежденных, словом, я желаю узнать, как живет на свете война... и хочу рассказать своим землякам»¹⁵. Специфический мотив Н. Горизонтова был связан с его священническим саном: после прочтения воззвания о помощи сербского митрополита Михаила он стал собирать в своем приходе пожертвования в пользу православных славян, а затем решил и сам отправиться в Сербию¹⁶. Специфический мотив Н. Серафимовича – это мотив человека военного, профессиональная жизнь которого была связана с поиском военных подвигов и тяготением к военной повседневности: «... Меня так и тянуло туда, где гремели орудия, где раздавалась ружейная трескотня, хотелось попробовать новых ощущений, хотелось стать грудью против неприятеля»¹⁷. Следует отметить, что озвученный Н. Серафимовичем мотив отъезда на Сербо-турецкую войну был характерен для

очень многих русских добровольцев; его можно было бы понять в качестве «экзистенциального» поиска опасности и героизма как способа придания смысла личному существованию и ухода от обесмысленной обыденности.

Саратовские добровольцы в своих записках сообщают немаловажные детали отправки на Сербо-турецкую войну, проясняющие вопрос о способах и центрах организации добровольческого движения в России. Общеизвестно, что ключевая роль в этом отношении принадлежала Славянским комитетам. К центрам этой общественной организации (в Москве, Петербурге, Одессе), действительно, вели все дороги, которыми двигались добровольцы со всей России, но записки добровольцев показывают более сложную картину реальности, в которой было гораздо больше «действующих лиц», чем принято представлять. В самом деле, что должен был делать человек, решивший отправиться воевать в Сербию: куда и на какие средства он должен был ехать, к кому обращаться за помощью в оформлении документов при отправке за границу и т. п.?

В начале войны, то есть летом 1876 г., в Сербию отправлялись отдельные лица, по своему личному почину и, как правило, на свои средства. Именно так отправились в Сербию Е. Коровин и Н. Горизонт, хотя и следует предположить наличие финансовой помощи одному из них со стороны редакции газеты, а другому – со стороны церкви. Интересно заметить, что священник Н. Горизонт первоначально опасался реакции церковных властей на его намерение и даже постарался это намерение замаскировать под паломничество в Иерусалим, но чистосердечное признание перед преосвященным епископом Тихоном привело к получению благословения на задуманное предприятие. В результате Н. Горизонт отправился в Сербию уже не просто как частное лицо по личной инициативе, а с особым поручением от преосвященного Тихона по доставке к командующему Сербской армией генералу М. Г. Черняеву иконы Божией матери¹⁸.

Но что было делать тем, у кого не было достаточно личных средств для отправки в Сербию? Основным центром организации отправки добровольцев в Сербию были Славянские комитеты. Желающие отправиться на войну подавали в их адрес специальные прошения, стандартный текст которых содержал сообщение о желании поступить в ряды добровольцев и сражаться против турок и просьбу сделать распоряжение об отправлении в Сербию и снабжении деньгами на экипировку и путевые издержки¹⁹. Однако очень многие получали в организациях Славянских комитетов отказ. Такой отказ получил и Е. Коровин, на свои личные средства и, видимо, средства редакции «Саратовского справочного листка» добравшийся до Одессы, где сразу же поспешил обратиться в местное отделение Славянских комитетов²⁰. Е. Коровин не сообщал

о причинах отказа, но в тексте Н. Горизонтова сохранились запомнившиеся ему случаи отказов Московского Славянского комитета: причины могли быть связаны с отсутствием формально необходимых документов (например, свидетельств о совершеннолети, о трезвости и т. п.) и военного опыта в прошлом. Сам Н. Горизонтов встретил в Московском славянском комитете хорошее к себе расположение, но оно возникло только после того, как он упомянул о порученной ему миссии по доставке иконы генералу Черняеву²¹.

Те, кто получили от Славянских комитетов отказ, могли попробовать искать другие, не вполне законные, пути отправки в Сербию. Другие пути искал и Е. Коровин, которому посоветовали обратиться к «бывалому человеку», некоему хозяину табачной лавочки, известному всем болгарам и сербам в Одессе. В нескольких словах корреспондент саратовской газеты обрисовал «местное славянское общество», при посредничестве которого в Одессе была собрана и отправлена в Сербию целая группа добровольцев, в составе которой он и оказался. Е. Коровин не мог скрыть того факта, что не все в этой группе были «приятными компаньонами»²². Фактически свидетельство саратовского добровольца дает информацию об имевшем место, помимо официально признанной деятельности Славянских комитетов, нелегальном формировании отдельных добровольческих военных отрядов и группировок местной диаспорой этнических славян.

Следует предположить, что о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться русским волонтерам при отправке в Сербию, в России, и в том числе в Саратове, знали. Более того, в Саратове была предпринята отдельная инициатива по отправке добровольцев. По сообщению «Саратовского справочного листка» 16 августа 1876 г. состоялось заседание местного отделения Общества попечения о больных и раненых воинах под председательством саратовского губернатора М. Н. Галкина-Враского. Губернатор предложил создать отдельный саратовский отряд добровольцев и для этого сформировать специальную комиссию по отправке добровольцев в Сербию на финансовые средства Общества. Предложение объяснялось следующим образом: «В Саратове во все это время являлось множество охотников ехать в Сербию для поступления в действующие войска. Некоторые из них, имевшие свои скудные средства, уже отправились. Большинство же обращалось к разным членам Общества, прося вспоможения»²³.

На заседании Общества попечения о больных и раненых воинах была озвучена численность обращавшихся с такого рода просьбой лиц: 200 чел., из которых 50 были отставными солдатами. Уже 12 сентября 1876 г. отряд в составе 17 волонтеров отправился из Саратова со станции железной дороги. На вокзале были организованы торжественные проводы. Преосвященный Тихон отслужил

напутственный молебен и произнес воодушевляющую речь. По свидетельству очевидца, «такого стечения народа наш вокзал никогда не видел»²⁴. А «Саратовский справочный листок» сообщал: «Патриотическое воодушевление, которым проникнута была вся эта огромная масса народа, по своему свойству и размеру не имеет ничего себе подобного в летописях нашего города»²⁵.

В содержании всех без исключения записок саратовских добровольцев выделяются такие структурные элементы, как описание предыстории решения стать добровольцем и деталей, связанных с отправкой из России; рассказ о подробностях преодоленного на пути в Сербию маршрута и, наконец, сообщения, непосредственно относящиеся к участию в боевых действиях. При этом нельзя не заметить, что основную по объему часть записок составляет именно описание маршрута движения из России в Сербию, то есть в значительной своей части тексты являются травелогами и в их сюжетно-образной линии преобладает хронотоп дороги.

На пути следования в Сербию саратовским волонтерам встречались разные люди и населенные пункты, на их глазах менялись ландшафты, типы хозяйствования и образ жизни, культурно-бытовые традиции; среди описанных ими русских и зарубежных городов – Одесса, Киев, Кишинев, Галац, Браилово, Парачин, Делиград и Белград. В деталях описаний заметно влияние личностных особенностей авторов записок. Путь священника Н. Горизонтова – все-таки отчасти паломничество и он обязательно фиксирует сведения о церквях и религиозной жизни населения, а путь Н. Серафимовича – это с самого начала военная экспедиция и в его тексте преобладают сцены военной повседневности, описания расположения военных частей, указания на количество орудий и т. п. Во всех путевых заметках присутствуют сюжеты, обусловленные преодолением значительной части маршрута железной дорогой (виды из окна поезда, разговоры с пассажирами). Зачастую авторы записок обнаруживают простые человеческие чувства, среди которых сентиментальная привязанность к малой родине и несколько наивно-простодушное стремление постоянно сравнивать впервые увиденное в далеких краях с тем, что было хорошо известно в Саратовской губернии. Так, Н. Горизонтов находит гостиницы в Киеве хуже саратовских, хотя сам город значительно красивее Саратова. Херсонская губерния напоминает ему степи южной части Саратовской губернии, а саратовским поварам он советует поучиться у румынских и сербских²⁶.

Наибольший интерес для историка, конечно, представляют взгляды авторов записок на славянское население и высказанные ими оценки Сербо-турецкой войны. В этом отношении нужно констатировать эволюцию настроений от первоначального освободительного порыва и общественного энтузиазма к стремлению критически

анализировать реальную ситуацию на Балканах, а в ряде случаев – к разочарованию в итогах участия русских добровольцев в Сербско-турецкой войне. Эффект болезненной переоценки восприятия южнославянской борьбы и понимания исторической роли в ней русского народа был следствием, прежде всего, изначально завышенных балканских освободительных иллюзий в мифологизированном общественном сознании. Славянофильская пропаганда и настоящая «балканская волна» в прессе содействовали распространению этностереотипов в восприятии населения Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины. В российском общественном сознании к середине 1870-х гг. укоренились представления о культурно-религиозном и этнополитическом единстве всех южных славян. Художественно-литературные и визуальные образы славян Османской империи на страницах российской прессы в одно и то же время были представлены как пассивно-страдательные (гонимые, обездоленные, беззащитные, нуждающиеся в помощи России) и активно-героические (отчаянно и самоотверженно сражающиеся за свободу и веру)²⁷.

Знакомство русских добровольцев с социальной действительностью Балкан вносило коррективы в общее понимание ситуации. Выяснялось, что племенное и религиозное родство «братъев-славян» – не более чем миф, и, к примеру, сербы могут недолюбливать болгар. Увиденные жилища и детали быта славян развенчивали миф об их поголовной бедности и обездоленности. Видимо, у читателей «Саратовского справочного листка» вызывало интерес умозаключение безвестного автора «Письма добровольца»: «Не теми красками рисуют Сербию. Это страна богатая, благодатная, с прекрасными видами и... дешевым содержанием»²⁸. Многим русским добровольцам в глаза бросались «восточные» черты быта и культуры славян и тогда их травелоги начинали приобретать элементы, характерные для типично ориенталистских описаний путешествий. Во всяком случае изначально добровольцы были настроены на встречу с «родным», а не «чужим», но атрибуты славянства и православности зачастую вытеснялись картинками «восточных» видов природы, городов, типов населения и т. п. Так, священник Н. Горизонтов был сильно разочарован тем, что не увидел большого уважения к православной обрядности: «...Ехали православную страну освободить, а как приехали – и распознать нельзя, точно ли это православная страна?»²⁹.

Крушение этностереотипов обнаруживается в большом количестве попутных замечаний о сербах, сделанных разными саратовскими добровольцами: «Серб скуп и любит жить особняком», «ленив и груб в понятиях», «общественные дела делает плохо»³⁰. Но особенно болезненно себя проявило и даже приводило к трагическим последствиям несоответствие распространенного стереотипа о героизме славянской борьбы с реаль-

ным поведением на войне непрофессиональных воинов. Русские офицеры ожидали от сербских солдат самоотверженной героической борьбы и в то же время дисциплины, готовности выполнять приказы. Но непрофессиональные воины, вчерашние крестьяне, не были готовы отдавать жизнь и их поведение зачастую расценивалось русскими добровольцами как трусость и предательство. На страницах их записок появляется выражение «сербы стреляют в русских». Дело было в том, что сербы старались открывать огонь, видя турецкие войска еще издалека, боялись близкого боя, разбежались при атаках. При этом русские офицеры в стремлении увлечь толпу бросались вперед и могли в такой ситуации стать жертвами плохо направленной пули какого-нибудь сербского солдата. Впрочем, видимо, имели место и случаи целенаправленного убийства сербами русских офицеров при попытке удерживать их, когда они обращались в бегство³¹.

Разумеется, была и обратная сторона. Сербские ожидания тоже не во всем совпадали с реальностью при встрече и совместной борьбе с русскими добровольцами. В Сербии хотели увидеть приехавших к ним на помощь сильных, благородных и состоятельных русских, готовых к бескорыстным подвигам. Но поиздержавшиеся в дороге добровольцы сами нуждались в деньгах и надеялись на некоторое вознаграждение от сербского правительства³². Кроме того, состав добровольцев из России был разнородным и некоторые из них отличались недостойным поведением. Примечательно, что эти факты не пытались скрывать от читателя добросовестные авторы записок. К примеру, Н. Горизонтов упоминал националистические выходки против евреев, турецких мулл в Сербии, грубое поведение и дебоширство в гостиницах³³.

Г. И. Успенский, прибывший в армию генерала М. Г. Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом, так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...Возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»³⁴. Тем не менее в записках саратовских добровольцев нельзя встретить такой констатации полного разочарования русских участников Сербско-турецкой войны 1876 г. Этот факт объясняется хронологией создания текстов (они относятся к начальному периоду войны) и их незавершенностью. Содержание записок саратовских добровольцев в целом дает яркую характеристику общественных настроений в России и роли добровольческого движения 1876 г. в качестве предыстории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- ¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 427. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 об.
- ² См.: Кузьмичева Л. В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М. : Наука, 1981. С. 77–98.
- ³ См.: Григорьев И. М. Участие добровольцев Среднего Поволжья в национально-освободительном движении южных славян (1876 год) // Революционное движение в Среднем Поволжье и Приуралье : науч. тр. Куйбышев : Куйбышев. кн. изд-во, 1977. Вып. 1. Т. 183. С. 18–25.
- ⁴ См.: Кочуков С. А. Русские добровольцы на Балканах в зеркале графики (1876 г.) // Славянский сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Наука, 2015. Вып. 12. С. 90–101.
- ⁵ См.: Шепелева А. Ю. Добровольческое движение из поволжских губерний в Сербию в сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г. // Изв. Самарского науч. центра Российской Академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 370–373.
- ⁶ См., напр. : Русские о Сербии и сербах. Т. 1 : Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст. А. Л. Шемякина. СПб. : Алетей, 2006.
- ⁷ См.: Славин И. Я. Памяти саратовских добровольцев // Волга. 1911. № 162 (3 авг.).
- ⁸ См.: На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.) ; № 172 (14 авг.) ; № 188 (4 сент.).
- ⁹ См.: С театра войны. Из записной книжки волонтера // Саратовский справочный листок. 1876. № 203 (24 сент.) ; № 204 (25 сент.).
- ¹⁰ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.) ; 1877. № 1 (1 янв.) ; № 15 (20 янв.) ; № 38 (19 февр.) ; № 65 (25 марта) ; № 108 (27 мая) ; № 109 (28 мая) ; № 110 (29 мая) ; № 127 (18 июня).
- ¹¹ См.: Записки добровольца // Саратовский справочный листок. 1876. № 272 (17 дек.).
- ¹² См.: Письмо добровольца из Саратова // Саратовский справочный листок. 1876. № 183 (28 авг.).
- ¹³ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁴ На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁷ С театра войны. Из записной книжки волонтера // Саратовский справочный листок. 1876. № 203 (24 сент.).
- ¹⁸ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁹ Подробнее см.: Кочуков С. А. Указ. соч. С. 92–93.
- ²⁰ См.: На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.).
- ²¹ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ²² На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 172 (14 авг.).
- ²³ Саратовский справочный листок. 1876. № 175 (18 авг.).
- ²⁴ Славин И. Я. Памяти саратовских добровольцев // Волга. 1911. № 162 (3 авг.).
- ²⁵ Саратовский справочный листок. 1876. № 195 (14 сент.).
- ²⁶ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1877. № 1 (1 янв.).
- ²⁷ Подробнее см.: Кочукова О. В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х гг. «Нива» и «Пчела») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия. История. Международные отношения. 2019. Вып. 2. С. 142–144. DOI: <http://doi.org/10/18500/1819-4907-2019-19-2-141-146>.
- ²⁸ Письмо добровольца из Саратова // Саратовский справочный листок. 1876. № 183 (28 авг.).
- ²⁹ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 108 (27 мая).
- ³⁰ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 110 (29 мая).
- ³¹ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 127 (18 июня).
- ³² См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 109 (28 мая).
- ³³ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 65 (25 марта).
- ³⁴ Успенский Г. И. Из Белграда (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

Образец для цитирования:

Кочукова О. В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 252–257. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>

Cite this article as:

Kochukova O. V. Notes of Saratov Volunteers – the Participants of the Serbian-Turkish War of 1876 as a Historical Source. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 252–257 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>

УДК 947.084

Кадровая политика государства в лесном хозяйстве периода нэпа: проблемы и уроки (по материалам Поволжья)

Е. В. Воейков

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры Менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, evgenijvoejkov@yandex.ru

В статье исследуется неизученный в историографии вопрос о государственной кадровой политике в отношении работников лесничеств на примере Поволжья, которая в 1920-е гг. носила противоречивый характер. Крупным успехом следует считать появление лесного института в Татарской АССР и лесного техникума в Пензенской губернии, что способствовало увеличению количества квалифицированных специалистов в регионе. Но проводимые массовые сокращения и уход со службы работников лесничеств привели к ухудшению состояния лесного фонда. Ожидаемая экономия от сокращения аппарата обернулась убытками из-за роста хищений леса местным населением.

Ключевые слова: лесной фонд, сокращения кадров, работники лесничеств, лесная стража, Поволжье.

Поступила в редакцию: 12.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Personnel Policy of the State in Forestry of the NEP Period: Problems and Lessons (Based on the Materials of the Volga Region)

E. V. Voeikov

Evgenij V. Voeikov, <https://orcid/0000-0003-3971-8960>, Penza subsidiary of Financial University under the government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440031, Russia, evgenijvoejkov@yandex.ru

The article examines the unexplored in historiography question of the state personnel policy in relation to forestry workers on the example of the Volga region, which in the 1920s was controversial. A major success should take the emergence of the forest Institute in the Tatar ASSR and forestry College in the Penza province, which contributed to the increase in the number of qualified professionals in the region. But the ongoing mass layoffs and separations of workers of forest areas has led to the deterioration of the forest Fund. The expected savings from the reduction of the machine turned into losses due to the growth of forest theft by the local population.

Keywords: forest Fund, frame reductions, forest managers, forest guards, Volga region.

Received: 12.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>

Лес на протяжении тысячелетней истории был спутником жизни и соратником русского человека. Работники лесного хозяйства Поволжья в 1920-е гг. обращали внимание на важное экономическое и экологическое значение леса: «Лес сдерживает распространение сыпучих песков, не дает развиваться оврагам, укрепляя их, уравнивает температуру, в лесу нет жары. Лес накапливает для почвы влагу из выпавшего за зиму снега. Население лесистых местностей во время зимней безработицы имеет побочный заработок по заготовке и вывозке леса, жжет уголь, гонит смолу и деготь, делает разные изделия из дерева – корыта, ложки, чашки, колеса, дуги и прочее. Жители не знают душающего сухого пыльного лета»¹.

Россия – одна из самых богатых лесами стран мира. Но сам по себе факт, что страна располагает 23 % мировой площади покрытых лесом земель и 22 % мирового запаса древесины еще не означает изобилия лесных ресурсов и отсутствия проблем в лесном хозяйстве. «Более 90 % всех лесных ресурсов РФ сосредоточено в малонаселенных регионах Сибири и Дальнего Востока... Однако многие многолесные районы недоступны из-за удаленности и бездорожья, что осложняет их вовлечение в эксплуатацию... Мало-лесные и среднелесные районы расположены в Центральном, Приволжском, Уральском, Южном, Северо-Кавказском федеральных округах. Мало-лесными считаются Центральный и Центрально-Черноземный районы, Ростовская, Волгоградская области, Северный Кавказ, Поволжье... Однако эти районы находятся в эпицентре внутреннего потребления лесных ресурсов, поэтому являются наиболее освоенными и истощенными»². В этой связи тщательное изучение, анализ, обобщение исторического опыта эксплуатации лесов России, особенно ее Европейской части, для выработки оптимальной стратегии развития лесной промышленности и лесного хозяйства представляют одну из важнейших национальных задач страны.

В последние десятилетия в отечественной историографии наметилась тенденция к исследованию истории лесного хозяйства России и ее отдельных регионов³. Однако значительное количество опубликованных работ не является показателем глубокой и всесторонней проработки темы. Часто из контекста исследования почти полностью «выпадают» живые люди, являющиеся творцами как спасительных, так и разрушительных мероприятий для русского леса. В данной

статье рассмотрен совершенно не изученный в отечественной историографии аспект развития лесного хозяйства в годы новой экономической политики: государственная кадровая политика в отношении работников лесничеств на примере Среднего и Нижнего Поволжья. Территориальные границы исследования включают Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую (до 1924 г. – Симбирскую) губернии и Татарскую АССР в административно-территориальных границах середины 1920-х гг. В избранных пространственных границах Поволжье располагало значительными лесными массивами. В частности, только леса Симбирской губернии превышали по площади казенные леса Франции почти на 1/3⁴.

Хронологическими рамками нэпа приняты 1921/22 – 1927/28 гг. Отчетность в народном хозяйстве страны давалась за хозяйственный или «операционный» год, который продолжался с октября одного года по сентябрь следующего; переход к отчетности по календарным годам с января по декабрь был осуществлен в 1930 г.

В годы Гражданской войны началось формирование органов лесного хозяйства. В соответствии с принятым СНК и ВЦИК «Основным законом о лесах» от 27 мая 1918 г. высшим лесным органом становилось Центральное управление лесов (ЦУЛ) республики, вошедшее позднее в систему Наркомата земледелия РСФСР⁵. На местах весной 1918 г. образовались лесные отделы губернских земельных управлений Наркомата земледелия, которые в период Гражданской войны занимались выделением под вырубку лесных площадей и заготовкой дров. В Поволжье формирование губернских лесных отделов земельных управлений (ГЛО) произошло в течение 1918 г.

В период нэпа роль основных заготовителей лесных материалов, особенно дров для местной промышленности и населения, наряду с лесопромышленными трестами в Поволжье взяли на себя лесные подотделы местных земельных отделов (управлений) в губерниях или лесные отделы наркоматов земледелия автономных республиках, в частности в Татарской АССР, входивших в систему Наркомата земледелия РСФСР (Наркомзем или НКЗ). Для удобства осуществления производственной деятельности в 1924 г. повсеместно при лесных отделах были образованы специальные структуры – лесзаги. Свои заготовки гублесзаги вели через систему производственных участков, созданных на базе лесничеств.

Для понимания встречающихся понятий необходимо сделать уточнение, касающееся терминологии. Положением о лесной страже 1869 г. было введено разделение лесной стражи на лесников и объездчиков, которое сохранялось и в первые десятилетия XX в.

Государственная политика в первые десятилетия советской власти в отношении лесов и в том числе работников лесного хозяйства носила противоречивый характер. Рассмотрим сначала

положительные аспекты проводимых мероприятий. В первую очередь следует констатировать, что революция 1917 г. стала мощным модернизационным фактором для лесного хозяйства России. Национализация лесов в принципе давала больше шансов для их рационального использования в силу специфики леса как природного ресурса с длительным периодом достижения зрелости древесных пород, сопоставимой с продолжительностью человеческой жизни. Переход всего лесного фонда страны в государственную собственность создавал основы для улучшения экологической ситуации в лесах и организации научно обоснованного их использования, что было положительно воспринято большинством лесоводов России. «Основной закон о лесах» провозгласил принцип: «Хозяйство во всех лесах... должно проводиться: а) в интересах общего блага; б) на основах планомерного лесовозобновления»⁶. Для каждой губернии в соответствии с правилами ведения лесного хозяйства был определен размер годовой лесосеки, то есть количество леса, которое можно вырубать без ущерба для нормального развития лесов региона.

После революции в стране постепенно стало увеличиваться количество учебных заведений, в том числе и готовящих специалистов лесного хозяйства. Следует подчеркнуть, что этот процесс шел в условиях сильнейшего экономического кризиса периода Гражданской войны и последующей послевоенной разрухи начала 1920-х гг. У истоков высшего лесного образования в Казани стоял выдающийся ученый-лесовод Г. Ф. Морозов. Именно он в 1917 г. обосновал необходимость открытия высшей лесной школы в регионе. В ноябре 1918 г. был открыт лесной факультет при Казанском университете. В феврале 1919 г. начались учебные занятия на новом факультете; деканом был избран профессор А. А. Юницкий. С июня 1922 г. лесной факультет Казанского университета был закрыт и в тот же день открыли Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства с сельскохозяйственными и лесными отделениями. Обязанности декана лесного факультета продолжал исполнять профессор А. А. Юницкий, а преподавателями работали видные лесоводы: профессора А. П. Тольский, Л. И. Яшнов, Д. И. Морохин и др. У факультета имелось учебно-опытное лесничество в Раифе (Зеленодольский район современной Республики Татарстан), только летом 1926 г. там проходили практику порядка 300 студентов⁷. В 1930 г. лесной факультет был преобразован в Казанский лесотехнический институт, который в 1932 г. был переведен в Йошкар-Олу.

Важно отметить, что в дореволюционной России основным высшим учебным заведением, готовящим лесоводов, был Петербургский лесной институт. Открытие в Поволжье еще одного профильного высшего учебного заведения стало значительным шагом вперед в деле подготовки лесных специалистов в регионе и стране.

До революции в Пензенской губернии в За-сурском лесничестве функционировала лесная школа. В апреле 1921 г. был образован Пензенский лесной техникум. Год спустя в учебном заведении имелось уже два курса с 75 обучающимися. Первый выпуск планировался осенью 1923 г.⁸ Губернская газета в апреле 1926 г. писала: «Пензенскому техникуму исполнилось 5 лет со дня основания. За это время техникум выпустил 128 лесоводов»⁹.

Одновременно в 1920-е гг. в отдельных лесничествах Поволжья проводился комплекс мероприятий по повышению профессиональной грамотности уже работающей в лесничествах лесной стражи. Пензенская губернская газета в 1925 г. сообщала: «По распоряжению гублесотдела в лесничестве стали читаться лекции по лесному хозяйству, так как имеются лесники, которые еще мало знакомы с лесным делом и даже не могут различить лесных пород, произрастающих в Леонидовском лесничестве»¹⁰. В 1927 г. при Пензенском ГЛЮ были организованы двухнедельные курсы повышения квалификации для лесничих и их помощников. Для чтения лекций были приглашены из Казанского лесного института профессора Судейкин и Тольский, из Ленинградского лесного института – профессор Ткаченко¹¹. Аналогичная информация сохранилась и по другим административно-территориальным единицам Поволжья. В отчете лесной секции профсоюза лесных и сельскохозяйственных рабочих Татарской АССР приводилась информация, согласно которой при 20 лесничествах были организованы «библиотечки, состоящие из 34 книг». При этом отмечалось: «Предположено по мере накопления средств пополнять эти библиотечки, но и в настоящем составе секция уверена, что они во многом помогут лесоводам, как в их производственной, так и общественной работе»¹². Также в Республике планировалась организация курсов повышения квалификации для лесной стражи.

Важным мероприятием для повышения образовательного уровня работников лесничеств и координации их деятельности стало издание с 1924 г. всесоюзного журнала «Лесовод», на страницах которого обсуждались актуальные вопросы развития лесного хозяйства, публиковались как статьи руководителей Управления лесами при Наркомземе, так и работников лесничеств. Отдельные проблемы лесного дела поднимались и авторами статей в журнале «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо».

Однако наряду с однозначно прогрессивными мероприятиями по повышению уровня подготовки специалистов первые послереволюционные годы стали временем значительного ухудшения состояния лесного фонда страны и серьезных проблем в материальном положении и условиях труда работников лесного хозяйства. В рамках данной статьи более подробно исследуется кадровый вопрос в истории лесного хозяйства Поволжья.

Первые годы новой экономической политики запомнились служащим лесничеств Поволжья наряду с низкой зарплатой и отсутствием финансирования мероприятий по уходу за лесом еще и массовыми кадровыми сокращениями. Кадровые чистки лесной стражи проводились в русле кампаний борьбы за экономию государственных средств и удаления из рядов служащих «чуждых элементов. Так, в постановлении губернской конференции Саратовского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих (секция работников леса) в феврале 1923 г. указывалось: «Произвести пересмотр состава работников леса в отношении целесообразности подбора их на основе усиления кадрового пролетарского элемента и удаления враждебных кулацких»¹³. Газета «Пролетарский путь» сообщила о начале чистки в Ульяновской губернии: «Все взяточники и шкурники будут удалены из лесной стражи и заменены более дельными товарищами»¹⁴.

Проблема недостаточной или полной профнепригодности части работников лесничеств действительно существовала. Специалист лесного дела в опубликованной в журнале «Лесовод» статье провел анализ социального состава лесной стражи в дореволюционный период и в 1920-е гг.: «Кадры стражи в довоенное время пополнялись обыкновенно деревенскими «бобылями», то есть сельским пролетариатом. Такие пролетарии, поступая в стражу, совершенно отрывались от деревни, получая в лесу казенное помещение с отоплением, установленный земельный надел и небольшое жалование... и десятками лет оставались на своих должностях. Из них вырабатывались прекрасные лесники, которые в совершенстве знали порученные им обходы и объезды и могли осуществлять надзор и руководство как по производству культур, так и по уходу за лесом... За время Гражданской войны почти все лесные сторожки или сожжены, или разрушены. Прежняя лесная стража или добровольно оставила свои места, или была удалена под напором требования населения. К настоящему времени состав лесной стражи на 98 % новый. Удовлетворяет ли этот состав своему назначению? К сожалению, за редкими исключениями, не удовлетворяет. Не удовлетворяет, прежде всего, по классовому составу. За период революции содержание стражи было крайне неопределенно, да и не всегда оплачивалось, и поэтому сельский пролетариат в стражу не шел, так как негде было жить, и не на что жить, а шли чаще всего лица, связанные с деревней, имеющие там имущество, которое они приумножали незаконным пользованием лесом. В лесной сторожке нередко жили люди, выброшенные волной революции за борт и искавшие возможности просуществовать до благоприятного момента. Автору этих строк пришлось встретить в роли культурного надзирателя лесничества бывшего ректора одного из университетов, а в роли объездчика – бывшего генерал-лейтенанта. Правда, оба обязанности свои исполняли хорошо, но относились к ним как к тяжелому незаслуженному наказанию»¹⁵.

В лесничествах Поволжья действительно существовала значительная прослойка лиц, не соответствующих занимаемой должности, от которых необходимо было избавляться. Например, в списке сокращенных при реорганизации лесничеств Пензенской губернии в 1922 г. значится лесничий Керенского лесничества И. З. Новокрещенов, уволенный «за несоответствие своему назначению и не могущий прекратить рост самовольных порубок». Помощник лесничего Нижнеломовского лесничества Н. Н. Широков был уволен «за халатное отношение к служебным обязанностям»¹⁶. Губернская газета сообщала, что лесник Саратовского лесничества в 1922 г. «в течение целого года вместо того, чтобы охранять лес, предоставлял окрестным крестьянам свободно производить порубки леса и хвороста и за это брал с них взятки деньгами и продуктами»¹⁷. Руководитель Бековского лесничества Саратовской губернии И. Долгов на протяжении ряда лет злоупотреблял служебным положением. За счет хищений и подлогов он вел роскошный образ жизни. Как выяснилось на суде, бековский лесничий сделал дорогой ремонт своего дома, держал горничную и кухарку, трех лошадей, трех коров, трех породистых собак¹⁸.

Пензенская губернская газета сообщала в 1924 г. о ситуации в Засурском лесничестве: канцелярия запущена, работники низкой квалификации, лесная стража, особенно в 1 объезде, была замечена в пьянстве¹⁹. По результатам ревизии Чембарского и Морозовского лесничеств Чембарского уезда Пензенской губернии в том же году оба лесничих были отданы под суд²⁰. Осенью 1925 г. состоялся судебный процесс над четырьмя лесниками Пензенского лесничества. В обходе лесника С. Мишанова за неполных 3 месяца было срублено 446 деревьев, у А. Цибаева за 4 месяца – 755 деревьев, у П. Жирнова за 13 месяцев – 804 дерева, у И. Болдырева – 288 деревьев. Губернский суд приговорил каждого к лишению свободы на один год условно с испытательным сроком 3 года²¹.

В газетах Поволжья в 1920-е гг. также регулярно публиковались заметки с упоминанием аналогичных случаев злоупотребления служебным положением лесной стражи. Наиболее часто по этому вопросу публиковали заметки издания Ульяновской губернии²² и Татарской АССР²³. Поэтому начатая политика сокращения кадров работников лесничеств была вызвана не только желанием экономии государственных средств и классовым подходом, но и объективной необходимостью навести порядок в лесничествах.

Многочисленные факты коррупции и злоупотребления служебным положением настраивали местное население враждебно по отношению к работникам лесничеств. Ситуацию усугубляла застарелая вражда рабочих лесозаготовок и части служащих лесничеств к имеющим образование лесным специалистам, которые занимали обычно руководящие должности. В связи с этим проводи-

мая сверху политика сокращения кадров («чисток») работников лесничеств была воспринята многими людьми на местах, в том числе и в аппарате лесничеств, с большим энтузиазмом. На VI губернском съезде профсоюза работников земли и леса Пензенской губернии в феврале 1924 г. работники со специальным лесным образованием упоминались под наименованием «спецы». Выступавший в прениях Холодов говорил «о бюрократизме и волокитстве в ГЛЮ и лесничествах... что спецы не допускают широкие массы к торгам, а передают все кулакам»²⁴. Другой оратор Гусев с возмущением задал вопрос: «Почему очищено (от слова «чистка» в значении «сокращение штата». – Е. В.) только 2 лесничих и 95 лесников?». Выступающий Артошкин утверждал, что «в лесничествах действительно существует спецовская паутина, и не только в лесничествах, но и в ГЛЮ, и в эту паутину попадают даже наши партийные работники», кроме того, «за счет перевода крестьянам леса спецы дома строят». За специалистов лесного хозяйства на съезде заступился руководящий работник ГЛЮ Кедр: «Я не говорил бы здесь, если бы Гусеву не аплодировали... Пересаливать в речах вообще только вредно, а это сделал т. Гусев, которому надо сказать: «Прошло время, когда так безответственно можно было выступать против специалистов». Я говорю, несомненно, ни ГЛЮ, ни съезд, ни товарищи с мест не могут поддерживать политику Гусева и его травли специалистов»²⁵. В заключительном слове руководитель ГЛЮ Поцелуев с сожалением отметил: «Я ожидал больше прений деловых, но мне говорили лишь о том, что все специалисты подлецы, которых надо гнать поганой метлой... Давайте бросим заниматься этим бесцельным поливанием, как ни говорите, а специалисты стержень дела, без этого стержня мы будем как без рук»²⁶.

Массовые сокращения работников лесничеств начались по всей стране в 1922/23 г. На 1 октября 1923 г. численность персонала лесничеств России, по сравнению с 1 октября 1922 г., сократилась: специалистов – на 12 %; служащих – на 31 %; лесной стражи – на 20 %²⁷. В 1923/24 г. произошло новое сокращение: в 34 губерниях и автономных областях было уволено лесников – 6,7 тыс. (27,3 %), объездчиков – 1,7 тыс. (31,3 %). В отчете Управления лесами по данному вопросу отмечалось: «В общем и целом пересмотр лесной стражи принес положительные результаты и, безусловно, оздоровил ее состав. Правда, в некоторых единичных губерниях был проявлен неумелый подход к делу, внесший значительные потрясения в аппарат лесничеств»²⁸.

В обзоре работы Ульяновского губкома за октябрь – декабрь 1924 г. указывалось: «За отчетный период произведена чистка лесной стражи. Из всего количества объездчиков и лесников в 1411 человек уволено 416 человек (62 объездчика и 354 лесника)»²⁹. В результате количество работников лесного хозяйства только за несколько месяцев уменьшилось на 29,5 %. В годовом

отчете Ульяновского ГЛЮ отмечалось, что если в 1924/25 г. численность лесной стражи составляла 1553 чел., то в 1925/26 г. – 1184 чел., то есть уменьшение составило 369 чел.³⁰ В Саратовской губернии в 1919 г. насчитывалось 2500 служащих лесничеств, к 1924 г. их осталось 1319³¹. Только за 1925/26 г. количество объездчиков сократилось с 251 до 209 и лесников с 900 до 800 чел.³² Массовость проводимых сокращений в отдельных случаях наводит на мысль, что от подобных кампаний пострадали не только жулики и случайные люди, но и достойные работники, честно выполнявшие свой долг. Косвенно это признавалось и в процитированном выше отчете Управления лесами, упомянувшем «неумелый подход» при сокращении кадров и «потрясения» в аппарате лесничеств.

В Поволжье процесс безудержного сокращения работников лесного хозяйства вызвал отдельные попытки противодействия на местах. Специалисты лесного хозяйства высказывали опасения и протестовали. Так, например, на совещании при лесном отделе Саратовского губземуправления в августе 1923 г. высказывалось соображение, что «лесная стража и администрация сокращены сверх меры»³³. В разработанной инструкции Пензенского гублесотдела указывалось, что «ввиду ограниченного числа техников-специалистов в России эта группа требует особенно внимательного отношения к себе». Главными основаниями для увольнения устанавливались: «а) явно преступные действия по службе, документально установленные; б) документально доказанное небрежное отношение к своим служебным обязанностям; в) полное несоответствие данного лица... занимаемой должности в силу его личных качеств...»³⁴. Обращает на себя внимание, что классовый подход, присутствующий в общегосударственной политике по сокращению лесной стражи, в данных рекомендациях Пензенского ГЛЮ отсутствовал. Заведующий охраной леса Ульяновского гублесотдела на губернском съезде лесных работников в марте 1925 г. отмечал: «При чистке, конечно, были ошибки, но не по нашей вине, а по вине комиссий. Впоследствии кое-как удалось ошибки исправить и некоторых сотрудников восстановить»³⁵. В отчете Карсунского уездного земельного управления Ульяновской губернии упоминался вариант подбора кадрового состава лесной стражи на основании мнения местного населения: «...УЗУ (уездное земельное управление. – Е. В.) обратилось к населению с особым обращением, чтобы последнее дало материал обо всех хороших и плохих качествах в отдельности каждого сотрудника лесничества. Таким образом, на основании получаемых справок и отзывов лесная стража была пересмотрена...»³⁶.

Непосредственным результатом сокращения лесной стражи стало увеличение размеров охраняемых участков леса. В 1923/24 г. в Саратовской губернии средняя площадь объезда составляла 4380 десятин, обхода – 870 десятин (1 десятина=1,09 га); при этом в отчете гублесотдела от-

мечалось, что нормальной площадью объезда по местным условиям следует считать 2500 десятин и обхода – 500 десятин³⁷. К середине 1920-х гг. ситуация в Саратовской губернии улучшилась и практически пришла к рекомендованной норме: в 1925/26 г. средняя площадь объезда составляла 2266 га, обхода – 592 га³⁸. В Ульяновской губернии ситуация оказалась хуже саратовской: в 1925/26 г. площадь объезда составляла 4378 га, обхода – 1028 га³⁹. Лидером по средней площади объезда в 1924 г. в Поволжье оказалась Татарская АССР, где объезд достиг 6,2 тыс. десятин; обход татарских лесников, равный 1,1 тыс. десятин, был чуть больше, чем у ульяновских⁴⁰. Но самая большая нагрузка легла на лесников Самарской губернии. В февральской 1927 г. записке Самарского лесного отдела приводилось сравнение площади обходов лесника в довоенный период и в 1920-е гг.: 1914 г. – 774 га, в 1925/26 г. – 912, в 1926/27 г. – 1290 га. В 1914 г. лесник должен был ежедневно проходить 20 верст (1 верста = 1,067 км), в 1925/26 г. – 25, в 1926/27 г. – 35 верст. По мнению авторов данного документа, увеличение обходов произошло из-за сокращения штатов лесной стражи⁴¹.

В резолюциях пленума профсоюза работников земли и леса 1926 г. по вопросу площади обходов отмечалось (п. 12), что «размеры обслуживаемой площади на одного специалиста значительно повысились по сравнению с довоенным временем», например, в Смоленской губернии до войны этот показатель составлял 3660 га, в середине 1920-х гг. – 9830 га, в Ленинградской губернии – 11 тыс. и 22 тыс. га соответственно⁴².

Помимо проводимых «сверху» сокращений, работники лесничеств в 1920-е гг. увольнялись со службы и сами. Причиной ухода обычно были перегруженность работой, низкая заработная плата, плохие жилищные условия, случаи избиений и убийств лесной стражи, участвовавшие в 1920-е гг. Но в опубликованных статьях специалистов лесного дела периода нэпа и в архивных документах главной причиной кардинального сокращения численности работников лесничеств называются именно «чистки».

Негативный эффект от непродуманных массовых увольнений работников лесного хозяйства и увеличения площадей обхода и объезда, проявившийся в росте хищений леса, последовал практически сразу. Публикации в журнале «Лесовод» демонстрировали подобные идентичные явления в разных частях СССР. Например, очень выразительно был проанализирован опыт Украинской ССР: «Принцип – экономить на сокращении лесников – совершенно не оправдывается жизнью. Печальный опыт Украины по уменьшению лесной стражи на 45 % в истекшем году дал настолько отрицательные результаты, что от новой реформы пришлось возвратиться к старому порядку. Там после сокращения стражи лесные порубки по отдельным лесничествам за первые три месяца увеличились на 1200 % по сравнению со временем до

сокращения; на убытки, причиненные порубками казне, можно было бы содержать всех уволенных лесников и иметь некоторую экономию... Так недостаточно продуманная реформа дала печальные результаты»⁴³.

Поволжье в рассматриваемых в данной статье границах подтверждает общую тенденцию роста хищений леса местным населением. Обращает на себя внимание факт, что в документах чаще всего причиной незаконных порубок назывался именно недостаток лесной стражи. Так, например, в докладе инспектора лесов Самарской губернии П. Е. Макшеева приводились следующие данные: «До февраля 1922 г. в 55 лесничествах Самарской губернии состояло: объездчиков 248 человек и лесников 1505 человек. Циркуляром губземуправления от 9 февраля с/г... количество лесной стражи сокращено (ввиду отказа от продпайка и недостаточных ассигнований из центра кредитов) почти на 50 %, и в настоящее время имеется: объездчиков 175 чел. и лесников 775 человек... Последнее сокращение числа лесной стражи значительно ухудшило вопрос с охраной дач от порубок. Нередки площади обхода безлошадного лесника в 2–3 тысячи десятин, что делает охрану только номинальной»⁴⁴. В годовом отчете Саратовского ГЛЮ за 1925/26 г. подчеркивалось, что на рост порубок повлияло проведение массовой «чистки» стражи в 1923 г.⁴⁵ Руководитель Ульяновского ГЛЮ Гайдамак считал, что количества лесной стражи из-за значительного количества самовольных порубок необходимо увеличить на 200 чел.⁴⁶ Дефицит кадров лесной стражи для охраны вверенной ей лесной площади отмечался лесными инспекторами в актах обследований ряда лесничеств Самарской губернии в 1926/27 г.⁴⁷

Специалист лесного хозяйства Татарской АССР писал в газетной заметке: «Сокращение 300–400 человек лесной стражи как бы приносит экономию 3–4 тысячи рублей в месяц, но если вникнуть в положение вещей глубже... Примером может служить сосновая дача «Сиушевский Бор», расположенная в ½ версты от г. Буинска. Площадь ее около 500 десятин, охранялась до октября месяца двумя лесниками. Самовольных порубок в ней не было. Но вот оставлен был один, и что же? Через 2 дня самовольно срублено 3 дерева, оцениваемые в месячное жалованье лесника»⁴⁸. В отчете правительства Татарской АССР в 1929 г. обращалось внимание на тот факт, что в сфере охраны леса от порубок, «несмотря на целый ряд мер... не достигнуто значительного улучшения, ввиду недостатка лесной стражи»⁴⁹.

Таким образом, рассмотренная в статье государственная политика в отношении работников лесного хозяйства в годы нэпа отличалась противоречивостью. Несомненным крупным успехом следует считать появление лесного института в Татарской АССР и лесного техникума в Пензенской губернии, что способствовало увеличению количества квалифицированных специалистов в

регионе. Однако проводимый государством курс не отличался последовательностью и не смог обеспечить стабильность и планомерность развития лесного дела в стране. Массовые сокращения и уход со службы работников лесничеств привели к ухудшению состояния лесного фонда. Ожидаемая экономия от сокращения аппарата обернулась убытками из-за роста хищений леса местным населением.

В современной России ситуация с работниками лесного хозяйства продолжает оставаться неблагоприятной. Узаконенная Лесным кодексом 2006 г. реформа, как и в 1920-е гг., привела к сокращению служащих лесничеств. В результате, как выразился в своей статье специалист лесного дела, «от целой армии главных охранителей леса остались разрозненные партизанские отряды»⁵⁰. В СМИ неоднократно высказывалось соображение, что крупномасштабные лесные пожары и незаконные вырубki лесов «черными лесорубами» – результат сокращения работников лесничеств. Председатель научного совета по лесу Российской академии наук, академик РАН А. Исаев отмечает: «В России до 1 января 2005 года численность лесничих, мастеров и лесников составляла более 120 тысяч человек, а общая численность работающих в лесхозах достигала почти 200 тысяч человек. Именно они обеспечивали нужды промышленности и населения в древесине, охрану лесов от пожаров... Сегодня численность лесной охраны в регионах сократилась до 18 тысяч человек. Большая часть из них не участвует в охране лесов, а занимается многочисленной отчетностью по исполнению полномочий»⁵¹. Можно констатировать, что исторический опыт развития российского лесного хозяйства 1920-х гг. оказался невостребованным властными структурами на новом этапе развития в начале XXI в., что повлекло за собой повторение уже совершенных ошибок.

История развития лесного хозяйства страны в переломные эпохи Гражданской войны, нэпа, довоенной модернизации и Великой Отечественной войны нуждается в дальнейшем более тщательном изучении. Бесценный исторический опыт необходимо использовать при разработке стратегии экономического развития России, тем более что на протяжении всего XX столетия целенаправленной программы развития лесного хозяйства России не существовало.

Примечания

- 1 Надо поднять лесное хозяйство (значение леса в Самарской губернии) // Коммуна. 1924. 11 апр.
- 2 *Зиновьева И. С.* Общее и особенное в территориальном распределении и экономическом использовании лесных ресурсов России // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11 (57). С. 34–35.
- 3 Подробнее историографию вопроса см.: *Воейков Е. В.* Деятельность Саратовского управления лесоохраны и

- лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 482.
- 4 См.: О профессиональной лесной школе // Экономический путь (Симбирск). 1919. 24 янв.
- 5 Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Государственное изд-во полит. литературы, 1959. Т. 2. С. 312–329.
- 6 Там же. С. 324.
- 7 См.: Корбут М. «Земной рай» (Раифская лесная дача института сельского хозяйства и лесоводства) // Красная Татария. 1926. 14 окт.
- 8 См.: Яскевичев П. Пензенский лесной техникум // Трудовая правда. Пенза. 1922. 15 апр.
- 9 Пензенский день. Юбилей лесного техникума // Трудовая правда. Пенза. 1926. 30 апр.
- 10 Дятел. В Леонидовском лесничестве // Трудовая правда. Пенза. 1925. 17 апр.
- 11 См.: А. К. Пенза. Курсы лесных специалистов // Трудовая правда. Пенза. 1927. 16 июля.
- 12 Деятельность лесной секции Татареспублики // Лесовод. 1926. № 5. С. 48–49.
- 13 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- 14 О наших лесах // Пролетарский путь. Ульяновск. 1924. 16 февр.
- 15 Соколов П. А. О борьбе с самовольными лесными порубками // Лесовод. 1925. № 2. С. 28–29.
- 16 Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 97. Л. 8, 9 об.
- 17 Лесник – взяточник // Известия. Саратов. 1925. 7 янв.
- 18 См.: Г. В. Долговщина (Сердобский уезд) // Известия. Саратов. 1926. 27 марта.
- 19 См.: А. К. Лесной техникум в Ахунах // Трудовая правда. Пенза. 1924. 5 июля.
- 20 См.: Советская хроника. В лесном отделе. Предание суду // Трудовая правда. Пенза. 1924. 18 окт.
- 21 См.: В Пензе. Лесные порубки // Трудовая правда. Пенза. 1925. 23 окт.
- 22 См., напр. : Розов С. Охранник лесов – взяточник // Пролетарский путь. Симбирск. 1924. 12 янв.
- 23 См., напр. : Лесной Д. Взятчиков надо взгреть // Красная Татария. 1925. 13 янв.
- 24 ГАПО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 158. Л. 417.
- 25 Там же. Л. 418–418 об.
- 26 Там же. Л. 419 об.
- 27 См.: Мальков В. Технический персонал в лесном хозяйстве РСФСР // Лесовод. 1924. № 1. С. 22.
- 28 Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923–24 год // Лесовод. 1925. № 1. С. 7.
- 29 Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 728. Л. 153 об.
- 30 Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 186. Л. 5 об.
- 31 См.: Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- 32 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 10 об.
- 33 Полуэктов М. Лесное хозяйство губернии // Известия. Саратов. 1923. 13 сент.
- 34 ГАПО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
- 35 ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 195. Л. 99, 121.
- 36 Отчет Карсунского уездного исполнительного комитета XVI Карсунскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 1-го января 1923 г. по 15 марта 1925 г. Карсун, 1925. С. 155.
- 37 См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 5–5 об.
- 38 Там же. Д. 4043. Л. 10 об.
- 39 См.: ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 186. Л. 4 об.
- 40 См.: Кедрер А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 9. С. 16.
- 41 См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 311 об.
- 42 См.: Резолюция по докладам тов. Веловича «Быт, условия труда и общественно-производственная работа лесных специалистов» и тов. Кедрера «Участие лесной секции в бюджетно-штатной работе» // Лесовод. 1926. № 7. С. 70.
- 43 Соколов П. А. О борьбе с самовольными лесными порубками // Лесовод. 1925. № 2. С. 29.
- 44 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567. Л. 5 об. 6.
- 45 См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 50 об.
- 46 См.: ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 195. Л. 99, 121.
- 47 См.: ЦГАСО. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 18. Л. 178 об., 282.
- 48 Щеглин Г. Осторожнее с сокращениями лесников // Красная Татария. 1924. 10 нояб.
- 49 Основные итоги работы правительства Татарской автономной Социалистической Советской республики к VIII Всетатарскому съезду Советов. Казань, 1929. С. 39.
- 50 Щепоткин В. Как очистить «золото» от копоти // Российская Федерация сегодня. 2012. № 07–08. С. 39.
- 51 Исаев А. Что происходит в лесном хозяйстве страны? // Российская Федерация сегодня. 2016. № 10.

Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Кадровая политика государства в лесном хозяйстве периода нэпа: проблемы и уроки (по материалам Поволжья) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 258–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>

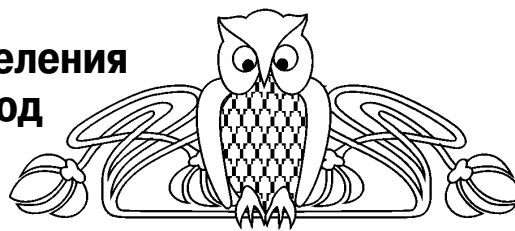
Cite this article as:

Voyeikov E. V. Personnel Policy of the State in Forestry of the NEP Period: Problems and Lessons (Based on the Materials of the Volga Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 258–264 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>

УДК 94(47).084.8

Социально-бытовые проблемы населения Саратова и пути их решения в период Великой Отечественной войны

В. Н. Данилов

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovvik@yandex.ru

В статье исследуются состояние жилищного фонда, работа коммунальных служб, проведение противоэпидемических мероприятий и деятельность системы здравоохранения г. Саратова как элементов социальной политики государства и повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны. Формулируется вывод о том, что по объективным причинам в социально-бытовой сфере значительно ухудшились жилищно-коммунальные условия, но система медицинского обслуживания городского населения справилась в 1941–1945 гг. с возложенными на нее задачами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратов, городское население, жилищные условия, медицинское обслуживание.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social and Everyday Problems of the Population of Saratov and Ways of Their Solution During the Great Patriotic War

V. N. Danilov

Victor N. Danilov, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, danilovvik@yandex.ru

The article shows the state of the housing stock, the work of public services, anti-epidemic measures and the activities of the health system of the city of Saratov as elements of the social policy of the state and the daily life of the population during the great Patriotic war. It is concluded that for objective reasons in the social sphere housing and communal conditions have significantly deteriorated, but the system of medical care of the urban population has coped in 1941–1945 with the tasks assigned to it.

Keywords: Great Patriotic War, Saratov, urban population, housing conditions, medical care.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-265-272>

Война резко нарушила сложившийся в условиях советской действительности 1920–1930-х гг.

и ставший к тому времени привычным образ жизни людей. Это касалось не только морально-психологической составляющей их поведения и изменения характера их деятельности, но и способов удовлетворения ими самых насущных потребностей. Необходимость изыскания средств для обеспечения всем необходимым многомиллионной армии, ведущей крупномасштабные военные действия с мощным противником, и сокращение ресурсной базы ввиду материальных и людских потерь объективно способствовали ухудшению социально-бытового положения всех категорий населения Советского Союза. Особое значение преодоление вытекавших отсюда трудностей социально-бытового порядка имело для крупных индустриальных центров, где производились основные средства вооруженной борьбы.

В современной российской историографии исследование вопросов условий жизни и быта граждан в период Великой Отечественной войны относится к числу одной из самых обсуждаемых тем. Их изучение ведется по двум направлениям: как составная часть социальной политики государства и в методологической парадигме истории повседневности. Изданные в 1990-е гг. труды В. С. Кожурина¹, Г. Г. Загвоздкина² и М. С. Зинич³ заложили солидные основы для последующего научного анализа пределов необходимого и возможного в социальной политике в условиях войны, способов осуществления социальных мероприятий и их результатов, включая вопросы социально-бытового обеспечения жизнедеятельности городского населения. Важную роль в разработке методологии изучения военной повседневности и массового сознания сыграли труды Е. С. Сеньявской⁴. Ею же был подготовлен обобщающий раздел о повседневной жизни советских людей в условиях военного времени в многотомном фундаментальном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»⁵. Однако, как показал предшествующий историографический опыт, перспективы дальнейшего изучения вопросов социальной политики и повседневной жизни военного времени, прежде всего, открываются на региональном уровне, поскольку различия в положении местностей относительно линии фронта обуславливало территориальную специфику жизнедеятельности населения. Это наглядно показано в трудах Н. П. Палецких⁶, А. Ш. Кабириной⁷, Т. В. Павловой⁸ и др. Ранее в своих публикациях мы также обращались к проблемам социальной

истории Саратовского региона периода Великой Отечественной войны, касавшимся изменений в составе населения⁹, материального положения и снабжения городских и сельских жителей¹⁰, основных направлений адресной социальной поддержки¹¹. В данной статье рассматриваются такие важные стороны социальной политики и повседневности, как состояние жилищно-коммунальной сферы и медицинского обслуживания населения Саратова в 1941–1945 гг.

Жилищный вопрос. Обеспеченность жильем городского населения в Саратовском Поволжье, как в целом в стране ввиду его бурного роста в процессе форсированной индустриализации, накануне войны была недостаточной. Прибытие же эвакуированного населения в города и рабочие поселки региона, мобилизация сельских жителей для работы на предприятиях военной промышленности и стройках еще больше обострили жилищный вопрос. К концу 1942 г. численность населения Саратова выросла почти на треть – с 372 тыс. до 498 тыс. чел. Было очевидно, что прирост городского населения значительно превышал возможности его расселения в зданиях и домах имевшегося жилого фонда, а также возможности возведения в такое короткое время новых жилых помещений в соответствии с довоенными нормами и требованиями строительства. Следствием этого стало резкое сокращение количества жилой площади на душу населения. Несмотря на то, что в Саратове после выселения в сентябре 1941 г. немецких семей освободилось 1549 квартир общей жилой площадью 29937 м², средняя обеспеченность жителей областного центра жилплощадью снизилась к 1943 г. в 1,5 раза (с 5,84 м² до 4,3 м²)¹².

В наиболее трудный первый период войны работа органов власти направлялась на максимально полное использование имевшегося фонда зданий и сооружений социально-культурного и другого непромышленного назначения для размещения эвакуированного населения, а также организацию строительства жилищ простейшего типа. С целью ослабления остроты жилищной проблемы принимались решения о массовой проверке домов на наличие свободной жилой площади, предписывалось строго соблюдать паспортный режим, пресекались попытки переездов из районов в города региона. Под жилье стали передаваться помещения клубов, баз, складов, магазинов. Почти все гостиницы в военный период использовались под постоянное место жительства для эвакуированных и военных. По прямому назначению в Саратове эксплуатировались только гостиница «Европа» и общежитие гостиничного типа «Спартак», а также «Дом колхозника». Чтобы справиться с наплывом командированных, ставились койки в коридорах, а зачастую постояльцы размещались на полу, что, естественно, ухудшало санитарное состояние гостиниц. Поскольку городские общежития передавались полностью или частично эвакуированным учебным заведениям и предприятиям, в крайне

стесненных условиях оказались студенты саратовских вузов, учащиеся техникумов и ремесленных училищ. Проблему усугубило развертывание в области широкой сети эвакогоспиталей, которые оборудовались в основном за счет мебели и инвентаря местных гостиниц, общежитий и больниц.

Возможности обеспечения жильем мигрантов в городах области и, прежде всего, в Саратове за счет уплотнения местных жителей, а также переоборудования под жилые помещения зданий и сооружений иного назначения уже в начале 1942 г. были в основном исчерпаны. Незначительный эффект принесло временное переселение в сельскую местность части коренного городского населения, не занятого в военной промышленности, и членов семей эвакуированных рабочих и служащих. Возможности для нового жилищного строительства оказались еще более ограничены. Значительная часть строителей, занятых в предвоенный период в гражданском жилищном строительстве, была переведена в промышленное строительство и на сооружение различных оборонных объектов. Сюда же были переданы большинство подъемных механизмов, другая строительная техника, направлялись строительные материалы, производство которых тоже сократилось. В 1941 г. производственная программа Управления промышленности стройматериалов Саратовской области была выполнена на 58 %, только кирпичные заводы не додали 30,3 млн штук кирпича¹³.

В первые военные годы повсеместно жилища строились, как правило, облегченного, барачного типа, кроме завершения ранее начатого строительства. Центрального отопления, водопровода и канализации бараки обычно не имели. Использовались для размещения эвакуированных рабочих и землянки, построенные вблизи предприятий на пустырях. Практика ускоренного возведения подобного жилья была узаконена Постановлением СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Саратовский авиационный завод в первые годы войны, например, построил 6 общежитий и молодежный городок на 800 мест. Заводы, разместившиеся в Саратове на Дачных остановках, возвели из жилищ упрощенного типа целый эвакопоселок¹⁴.

На начало 1943 г. жилой фонд Саратова состоял из 34375 строений общей площадью 1774 тыс. м², то есть за счет строительства общежитий, казарм, бараков он увеличился за прошедший с начала войны период почти на 200 тыс. м²¹⁵. С этого года строительство жилья временного типа стало постепенно сворачиваться. Теперь старались возводить дома капитального типа: кирпичные, шлакоблочные либо деревянные, которые впоследствии требовали меньших затрат материалов и рабочей силы на текущий ремонт, что осознавалось большинством руководителей предприятий. И. С. Левин приводит следующие данные по авиационному заводу: в 1943 г. по-

строили «4 двухэтажных дома, общежитие, туберкулезный санаторий, в 1944 – 4 двухэтажных дома и 10 коттеджей»¹⁶. Серьезным препятствием на пути расширения капитального строительства в последние годы войны оставалась нехватка стройматериалов. Так, в 1943 г. из 8 кирпичных заводов области только один (Пугачевский завод красного кирпича) выполнил производственный план. Показатели остальных колебались в пределах 35–72 % плана¹⁷. Заводы по производству стройматериалов не смогли достичь довоенного уровня и в 1946 г. Саратовский завод красного кирпича № 1 в 1940 г. произвел 9,5 млн штук кирпича-сырца, а в 1946 г. – только 8 тыс. Энгельсский кирпично-черепичный завод соответственно 688 тыс. и 70 тыс. штук черепицы¹⁸.

В годы войны определенные средства из местного бюджета выделялись на ремонт квартир и общежитий, но эти средства, как правило, не осваивались из-за нехватки стройматериалов (лес, кирпич, кровельные материалы и т. д.) и рабочей силы. По области в 1942 г. на капитальный ремонт жилфонда было выделено почти 4 млн руб., из которых было использовано меньше 2 млн руб., из намеченных по плану 276 домов было отремонтировано только 93. Даже в 1944 г. план капитального ремонта был выполнен на 82 %¹⁹. В создавшихся условиях сами граждане, как могли, помогали в ремонте и поддерживали в пригодном состоянии свое жилье, но всех этих усилий было явно недостаточно. Поэтому к концу войны изношенность жилого фонда края была абсолютно очевидной. К тому же ущерб жилому сектору городов был нанесен вражескими авиационными налетами 1942–1943 гг., хотя, безусловно, в гораздо меньшем масштабе, чем промышленно-хозяйственным объектам.

Работа коммунальных служб. С началом войны возможности для нормального функционирования хозяйственно-бытовых служб значительно сократились. Это, в частности, выразилось в том, что в июле – августе 1941 г. местные бюджеты края уменьшались в расходной части на 25 %. Саратовская область обязана была перечислить в союзный бюджет 22 млн руб.²⁰ Тем не менее исполкомы местных советов, как и в довоенное время, продолжали считать коммунальную сферу в числе своих приоритетных задач. Выступая на собрании актива города Саратова в сентябре 1941 г., председатель горисполкома А. И. Ключников наряду с налаживанием нормированной торговли и заготовкой овощей в числе шести проблем, стоявших на первом плане, выделил также: «1) обеспечение бесперебойной работы электростанций, бесперебойное питание электроэнергией и полное удовлетворение электроэнергией бытовых нужд; 2) обеспечение предприятий и в целом города бесперебойным снабжением водой; 3) безотказная работа гортранспорта и в первую очередь – трамвая; 4) образцово подготовить жилье к зиме; 5) обеспечить все предприятия и всех

жителей топливом»²¹. Эти вопросы оказались самыми трудноразрешимыми для муниципальных властей в военный период. Именно на этом участке работы местные исполнительные структуры Советов получали наибольшие нарекания со стороны партийных органов и населения.

Электроэнергии в Саратове не хватало еще в довоенный период. С пуском эвакуированных предприятий разрыв между мощностями электростанций и потребностями составил более 30 %. В целях ликвидации энергетического кризиса исполком Саратовского горсовета ввел жесткие нормы потребления электроэнергии в жилом секторе. В частности, запрещалось использовать электричество для отопления, освещения витрин и вывесок²². Устанавливался строгий график подачи тока предприятиям. Но устранить недостаток электроэнергии не удалось ввиду малой мощности электростанций и перебоев со снабжением их топливом. Жилые дома в Энгельсе, Марксе и Красноармейске, получавшие ток из Саратова, вообще в годы войны не освещались.

С топливом в Саратове было особенно плохо в зиму 1941/42 г., когда прекратился подвоз угля из захваченного врагом Донбасса и упали выработки на Савельевском сланцевом руднике из-за износа оборудования и мобилизации большей части шахтеров в армию. Острую нехватку твердого топлива власти пытались ликвидировать за счет увеличения заготовок дров в районах области, использования горючих отходов предприятий и режима экономии. С этой целью при горисполкоме была создана топливная группа, работавшая на штатной основе²³.

Массовое привлечение городского населения на заготовку дров по специальным распоряжениям городских и районных Советов было типичным явлением на протяжении всей войны и сравнимо по своим масштабам с мобилизациями на строительство оборонительных рубежей. Ежегодно в Саратов заготавливалось более 300 м³ дров. Ими в первую очередь обеспечивались больницы, школы, детские учреждения и семьи военнослужащих. Раньше наступления морозов отопительный сезон в коммунальном секторе не начинался. В ноябре 1942 г. ввиду нехватки топлива Саратовский горисполком установил предельно допустимые температуры: в лечебных учреждениях 16–18°, в школах 14–16°, в жилых домах с центральным отоплением 14–15°, на промышленных предприятиях 8–10°, в учреждениях, вузах и техникумах 12–14°. И хотя в решении горисполкома было записано: «Предупредить руководителей учреждений и предприятий, а также комендантов жилых домов, что за превышение установленных температур виновные будут привлекаться к уголовной ответственности»²⁴, указанные нормы редко где выдерживались. Не случайно одними из самых ярких воспоминаний саратовцев о зимнем военном времени был холод в учреждениях и жилых домах.

В какой-то мере улучшить ситуацию с отпуском электричества для нужд города и отоплением жилых помещений помогло сооружение в 1942–1943 гг. двух веток газопровода Елшанка–Саратов. В 1944 г. население получило в 2 раза больше электроэнергии, чем в предыдущий период. Хотя отпуск в жилой сектор составлял всего 7 % от всей выработанной электростанциями энергии, это позволило в массовом порядке включать в сеть дома горожан²⁵. В некоторых кварталах города в конце войны газ стал использоваться для бытовых целей. Трест «Саргаз» в 1945 г. обслуживал 126 абонентов, из них 36 промышленных предприятий, 82 коммунальных предприятия и дома, 8 столовых, ресторанов и зрелищных заведений²⁶. Но тут возникла другая опасность для саратовцев: из-за некачественной прокладки газопровода стали происходить взрывы домов. Вот как описывает это в своих воспоминаниях видный ученый-филолог, профессор Саратовского госуниверситета О. Б. Сиротина: «Газ метан сам по себе не имеет никакого запаха и цвета (сейчас его специально подкрашивают и ароматизируют, а тогда ничего этого не было), и поэтому, когда ржавые трубы давали течь, газ заходил в подвал, человек зажигал спичку, не подозревая ни о чем, – и взрыв»²⁷.

В связи со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой в регионе большое значение имело банное обслуживание населения, но с этим в области наблюдались постоянные сложности. В начале войны некоторые помещения бань были переданы военным ведомствам, заняты под склады и другие цели. Вновь организовать их работу было очень сложно. Не хватало топлива, электроэнергии для освещения, воды, инвентаря, мыла. Продолжавшие функционировать бани работали с большой нагрузкой, привычными стали очереди в них. Санитарные нормы по количеству обязательных помывок не выдерживались. В целях улучшения банного обслуживания устраивались душевые-санпропускники, устанавливались простейшие дезокамеры – вошебойки. В сферу коммунального хозяйства края входили и прачечные, но зачастую они обслуживали госпитали и медицинские учреждения, а от населения белье практически не принималось.

Головной болью руководства тех городов, где имелся коммунальный водопровод, было обеспечение в военных условиях бесперебойного снабжения водой населения, промышленных предприятий, воинских частей, госпиталей и т. д. Трудно было найти детали для замены вышедших из строя механизмов водозабора. Отсутствовали материалы для ремонта сети и уличных водоразборных колонок, не хватало сырья для химической очистки и хлорирования воды. Однако определенные сдвиги в лучшую сторону здесь все же наблюдались. В Саратове, где до войны водопроводная сеть обеспечивала лишь около 60 % потребностей, в 1943 г. мощность

водоподъемных сооружений выросла в 1,5 раза²⁸, а в конце войны силами организаций Наркомата авиапрома и Наркомата среднего машиностроения удалось завершить сооружение новых питьевого и промышленных водопроводов, строительство которых велось с середины 1930-х гг.

В военные годы практически прекратили свою работу такие службы коммунального хозяйства, как тресты по очистке, горзелентресты. Они испытывали затруднения с техникой, материалами для ремонта, не хватало горючего, запчастей для оставшихся автомобилей. В потоке забот, связанных с обслуживанием нужд фронта, партийным и советским органам в это время было не до благоустройства населенных пунктов. Только в самом конце войны вновь стали высаживать на улицах и в парках деревья, красить фасады зданий и чинить заборы. Значительно больше средств стало выделяться на ремонт внутригородских дорог, поскольку, например, в Саратове в 1943 г. изношенность асфальтовых дорог составляла 75 %, булыжных – 50 %²⁹. Тем не менее на протяжении всего военного периода для поддержания порядка в городах устраивались воскресники, декадни, месячники по очистке улиц и дворов, к участию в которых привлекалось городское население.

Ситуация с трамваем, который являлся основным видом транспорта в Саратове, стала ухудшаться еще в последние предвоенные годы: значительно сократился объем капитального ремонта путей и контактной сети, не обновлялся подвижной состав. С началом войны работа трамвая стала испытывать также трудности из-за недостатка работников и ограничений в подаче электроэнергии. Поэтому уже в конце 1941 г. было приостановлено движение на восьми из пятнадцати маршрутов, связывавших центр с окраинами Октябрьского и Волжского районов. Основная часть трамваев была сосредоточена на маршрутах, обеспечивавших доставку рабочих к заводам в Сталинском (Заводском) районе и на Дачных остановках. Однако справиться в должной мере с возросшим пассажиропотоком на этих линиях трамвайное хозяйство города также не смогло³⁰.

Ответственность за плохую работу внутригородского транспорта возлагалась на горисполком Саратова. Первый секретарь обкома ВКП (б) И. А. Власов в сентябре 1941 г. заявил: «Хотя бы раз товарищ Ключников поехал с инженерами, директорами на этих трамваях, идущих по окраинам, повесели бы на окнах от Крытого рынка и до завода комбайнов, посмотрели бы, как это делается – лучше бы спланировали»³¹. Новый же партийный лидер области П. Т. Комаров в одном из первых своих выступлений в мае 1942 г. констатировал, что «вопрос о трамвае обсуждался 15 раз, но результатов нет»³². Однако как раз в это время трамвайное движение стало несколько улучшаться. Зимой – весной 1942 г. комиссия горисполкома по работе трамвая добилась привлечения предприятий и организаций к ремонту

трамвайных путей и вагонов, изготовлению запасных частей, была налажена подготовка рабочих кадров для трамвайного парка. Саратов получил несколько вагонов, эвакуированных из Воронежа, Калинина и Москвы. В 1942 г. пассажирский парк трамваев был пополнен 9 моторными и 12 прицепными вагонами, но было списано 28 прицепных вагонов, находившихся в эксплуатации с 1910–1911 гг. Кроме того, из пассажирского парка в грузовой было передано 8 моторных и 3 прицепных вагонов³³. В июне – июле 1942 г. саратовский трамвай стал работать более-менее сносно, но потом вновь ситуация ухудшилась. К концу войны эксплуатировалось только треть имевшихся в наличии трамвайных вагонов. По причине роста изношенности полотна увеличилось количество сходов трамваев с рельсов: в 1943 г. их было 1356, в 1944 г. – 1737³⁴. Безусловно, работа трамвая не затрагивала основную массу населения края, но она влияла на повседневную жизнь людей, которые трудились на крупных предприятиях, обеспечивающих нужды армии.

Противоэпидемические мероприятия. Нехватка топлива, скученное размещение населения из-за недостатка жилищ и ухудшение питания людей привели к тому, что в Саратове и области с началом войны резко ухудшилась эпидемиологическая обстановка, что в конечном итоге повлекло за собой вспышки сыпного и брюшного тифа. Первые заболевания сыпным тифом были зарегистрированы уже летом 1941 г. Источником инфекций чаще всего служили вокзалы, где стала скапливаться большая масса пассажиров из числа эвакуированного населения. К концу лета в Саратовской области было выявлено 86 тифозных больных³⁵. С наступлением холодов эпидемиологическая обстановка еще больше ухудшилась. Если в октябре 1941 г. в области было зарегистрировано 186 больных сыпным и брюшным тифом, то в декабре уже 240, в январе 1942 г. – 923. Пик распространения тифозных заболеваний приходился на февраль – март 1942 г. – 4627 случаев, большинство которых закончились смертельным исходом³⁶.

Поскольку эпидемиологическая обстановка ухудшилась не только в Саратовской области, но и по всей стране, центральная власть была вынуждена принять экстренные меры. 23 января 1942 г. Совнарком СССР вынес решение о помощи саратовскому институту «Микроб», занимавшемуся изучением и борьбой с особо опасными инфекциями, в первую очередь чумой. На заседании правительства было решено обязать облисполком обеспечить институт необходимым имуществом, транспортом, специалистами. Запрещалась мобилизация транспорта и имущества института «Микроб», а также использование его работников не по назначению. Чумологи, зоологи и грузуноистребители подлежали бронированию от призыва в армию³⁷. 2 февраля 1942 г. ГКО издал постановление № 1234 «О мероприятиях по

предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии», где определил ответственность различных государственных органов за осуществление профилактических мер³⁸.

Местные партийные и советские органы также прилагали усилия к тому, чтобы не допустить разрастания отдельных вспышек острозаразных болезней в эпидемии. Еще в декабре 1941 г. бюро Саратовского обкома ВКП (б) и исполком облсовета приняли совместное постановление о развертывании в месячный срок производства бактериологических препаратов – тифозно-паратифозной тривакцины, противодифтерийной сыворотки, оспенного детрита и других средств лечения и предупреждения заболеваний. К производству вакцин превлекся ряд предприятий и учреждений (институт «Микроб», Саратовская и Энгельсская санбаклаборатории, трест мясомолочных совхозов и Хватовский стекольный завод)³⁹. На девяти железнодорожных узлах Саратовской области стали действовать санитарно-контрольные пункты и изоляторы.

Для предотвращения эпидемий в области и Саратове были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии во главе с председателями исполкомов советов. И только после того, как на борьбу с острозаразными болезнями были брошены значительные силы и средства, эпидемии удалось остановить. В Саратове были развернуты 4 инфекционные больницы на 960 коек. На режим круглосуточной работы были переведены бани, расширена сеть санпропускников, дегазационных камер и прачечных. Медицинские работники и санитарный актив осуществляли подворное обследование квартир, где имелись случаи заболеваний тифом, проводили санитарную обработку помещений. Только в августе 1942 г. в Саратове было обследовано более 50 тыс. квартир. К концу 1943 г. в районах области действовало 22 санитарно-эпидемиологические станции, десятки санпропускников и около тысячи временных и стационарных дезокамер. Через последние в годы войны прошли миллионы комплектов одежды⁴⁰.

Уже в апреле 1942 г. заболеваемость тифом по области снизилась более чем вдвое. Если в марте 1942 г. в Саратове было зарегистрировано 762 случая заболевания сыпным тифом, в апреле – 552, то в мае фиксировалось 138 случаев, в июне – 10, в августе – 5, а в сентябре всего один случай⁴¹. Это позволило сократить в больницах количество так называемых эпидемических коек, а 4-ю детскую инфекционную больницу перевести в санаторий для туберкулезных больных. Таким образом, в результате принятых мер очаги сыпного и брюшного тифа удалось относительно быстро погасить, и тиф не получил характера эпидемии, как было в Гражданскую войну. Тем не менее случаи заболеваний тифом, связанные с распространением педикулеза и отсутствием достаточных средств для личной гигиены, фиксировались и в последующем: в 1943 г. – в Балашовском, Вольском,

Романовском, Ртищевском, Федоровском районах, в 1944 г. – в Энгельсе, Балакове, Вольске⁴².

Опасность в годы Великой Отечественной войны представляли и другие виды острозаразных заболеваний (холера, дизентерия, малярия), с которыми также приходилось бороться. Долгое время, пока в конце войны и на этом участке противоэпидемической работы были достигнуты позитивные результаты, Саратовская область считалась неблагополучной по заболеваемости малярией. В 1943 г., например, в Саратове по распространенности малярия среди инфекционных заболеваний уступала только гриппу (соответственно 21,8 и 560 случаев на 10 тыс. населения). А в целом по области в тот год органы здравоохранения выявили 44 тыс. больных малярией⁴³.

Осенью 1942 г. удалось предотвратить эпидемию холеры, грозившую стать серьезным бедствием для саратовцев, поскольку хлынул большой поток беженцев с юга и стояла теплая погода. По решению Саратовского горисполкома, на пристани Увек и въездах в город были организованы круглосуточные медицинские посты и бактериологические лаборатории, которые обязывались осматривать все пароходы, идущие снизу по Волге, и проезжающий автогужевого транспорт с целью выявления подозрительных по холере больных. Карантин прошли в Саратове тогда более 2 тыс. чел., противохолерными прививками были охвачены 55 тыс.⁴⁴

Состояние учреждений здравоохранения. Деятельность медицинских работников и органов здравоохранения в годы Великой Отечественной войны, разумеется, не ограничивалась борьбой с эпидемиями. Важнейшей задачей для них являлась организация эвакуационных госпиталей и лечение раненых советских военнослужащих, что будет специально рассмотрено в одной из последующих глав. В военные годы с лечебных учреждений не снималась и обязанность оказания медицинской помощи гражданскому населению.

Медицинское обслуживание охватывало все категории населения, но все же преимущество, прежде всего, отдавалось работникам, занятым в оборонных отраслях производства. Согласно приказу наркома здравоохранения СССР от 29 июля 1942 г. на тех предприятиях, где имелись поликлиники, амбулатории и здравпункты, предусматривалось создание медико-санитарных частей как наиболее эффективной формы медицинского обслуживания. Их персонал проводил среди работников лечебно-профилактические мероприятия, занимался снижением травматизма на производстве и общем санитарном состоянии на предприятиях. Для улучшения медико-санитарного обслуживания женщин Наркомат здравоохранения РСФСР приказом от 10 ноября 1942 г. № 1008 обязал организовать при закрытых поликлиниках, амбулаториях медсанчастей или здравпунктах оборонных предприятий врачебные акушерско-гинекологические кабинеты. Тружени-

цам оборонной индустрии обеспечили внеочередной прием во все лечебные учреждения, их детей принимали в ясли и детсады в первую очередь⁴⁵. Повышенное внимание органы здравоохранения в военный период уделяли детскому населению, инвалидам труда и Великой Отечественной войны. В Саратове в 1944 г. имелось 6 детских больниц на 645 коек⁴⁶. Ослабленные дети, а также заболевшие дизентерией или туберкулезом изолировались в отдельные группы и даже ясли, детсады, получая соответствующее питание и уход.

С началом войны система гражданского здравоохранения столкнулась с большими трудностями. Организовывать медицинское обслуживание населения в 1941–1945 гг. приходилось в условиях сокращения медицинского персонала и больничных помещений, нехватки мягкого инвентаря и другого оборудования, острого недостатка в физиотерапевтической и рентгеновской аппаратуре, топлива и медикаментов. Значительно ухудшилось питание больных. Так, в 3-й советской больнице Саратова в 1942 г. вместо 5 руб. в день на питание больного тратилось всего 2 руб. 66 коп.⁴⁷ Ряд лечебных учреждений совершенно не получал белья и мануфактуры, в результате чего в крупных саратовских больницах имелось по полторы смены белья на койку при норме три смены. Даже в считавшейся лучшей в городе и области 1-й советской больнице в 1942 г. на 890 больных имелось 300 ложек, 300 глубоких и 500 мелких тарелок. Чай больные пили из консервных банок, поскольку ни одного стакана больница не имела⁴⁸. Значительно сократились возможности оказания экстренной медицинской помощи. В Саратове, как и прежде, продолжала работать станция скорой помощи, но ее действующий автопарк сократился на треть.

Тем не менее в годы Великой Отечественной войны удалось в целом сохранить систему здравоохранения, а в отдельных случаях и совершенствовать ее. В Саратове и области за это время количество некоторых видов медицинских учреждений даже увеличилось, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице.

Из таблицы следует, что в регионе в 1941–1945 гг. увеличилось количество больниц, больничных коек, санэпидемстанций, детских яслей и мест в них. Но и эти данные не в полной мере отражают рост числа медицинских учреждений. В частности, не учитываются медицинские пункты и больницы крупных предприятий. В 1944 г., например, в Саратове насчитывалось 6 заводских медчастей и 62 медпункта, в которых работали свыше 350 чел. медицинского персонала⁴⁹.

Заметно улучшилось медицинское обслуживание на заключительном этапе войны, что объяснялось большими ресурсами и накоплением опыта работы в чрезвычайных условиях военного времени. Конкретно это можно проследить на примере Саратова. Количество лечебных учреждений в городе за годы войны увеличилось на 7 единиц,

Основные показатели здравоохранения Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны

Лечебные учреждения и медицинский персонал	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Больничные учреждения, в том числе в Саратове	198 16	193 17	187 20	198 20	202 24	222 нет данных
Больничные койки, в том числе в Саратове	10476 4445	9737 4082	10893 5028	11533 5443	11509 5219	14115 нет данных
Врачебно-амбулаторные клинические учреждения, в том числе в Саратове	496 49	438 43	473 47	498 48	478 51	нет данных нет данных
Стационарные фельдшерско-акушерские пункты	528	486	488	493	495	549
Санэпидемстанции	19	20	22	нет данных	нет данных	нет данных
Врачебный персонал (без зубных врачей), в том числе в Саратове	2152 1207	2109 1195	2020 1005	1593 869	1716 1043	2142 нет данных

*Таблица составлена по материалам: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 172; ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 14, 35; Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1651. Л. 17; Д. 935. Л. 8; Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 71. Л. 202–204.

а больничных коек – на 1000. Численность врачебного персонала достигла довоенного уровня. Еще 30 октября 1942 г. горисполком принял решение об увеличении количества медицинских участков и уменьшения количества населения, обслуживаемого одним участковым врачом⁵⁰. В 1944 г. по всем поликлиникам и амбулаториям города было почти 1619 тыс. посещений, на дому в помощь оказывалась более 120 тыс. больным. В сравнении с предыдущим годом наполовину сократилась смертность в больницах (находилась в пределах 4–5 %), что являлось несомненным достижением саратовских медиков в тех условиях. В городе было организовано 27 пунктов неотложной помощи в ночное время по всем врачебным специальностям; открыта больница для инвалидов войны; закончилось строительство водолечебницы «Саратовские серные воды»; созданы глазная больница, глазной, стоматологический и физиотерапевтический центры; 1-я городская больница, 14-я и глазная клиники стали пользоваться природным газом⁵¹.

Значительно больше внимания стало уделяться профилактике заболеваний путем интенсификации прививок (против оспы и брюшного тифа) и через оздоровительные мероприятия. Например, в 1944 г. Саратовский шарикоподшипниковый завод направил 1176 рабочих в дома отдыха и более 1000 чел. в санатории⁵². Летом этого года врачи города провели медицинский осмотр рабочих-подростков. Около тысячи ребят получили направление на стационарное лечение, были посланы в санатории, дома отдыха или получили дополнительное питание⁵³.

Общие тяжелые для страны условия военного времени не могли не привести к снижению жизненного уровня населения, в том числе и такого крупного российского города, как Саратов, находившегося долгое время в ближнем тылу советско-германского фронта и принявшего большое количество эвакуированных и беженцев. Люди действительно терпели объективные труд-

ности и лишения, а основные усилия власти были направлены на то, чтобы обеспечить жителей необходимым для поддержания их работоспособности минимумом средств социально-бытового назначения. Но если в жилищно-коммунальной области, несомненно, наблюдался упадок, то система здравоохранения, столь уязвимая сфера в периоды всякого рода катаклизмов, вполне определенно справилась в 1941–1945 гг. с возложенными на нее задачами: Саратовском Поволжье избежало эпидемий, а медицинские работники смогли поддерживать здоровье людей, несмотря на все сложности материального порядка.

Примечания

- 1 См.: Кожурин В. С. Неизвестная война : Деятельность советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М. : АОН, 1990.
- 2 См.: Загвоздкин Г. Г. Цена Победы : социальная политика военных лет. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1990.
- 3 См.: Зинич М. С. Будни военного лихолетья, 1941–1945 : в 2 вып. М. : Паута, 1994. Вып. 1.
- 4 См.: Сенявская Е. С., Сенявский А. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования : теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы : в 6 т. М. : МГИМО – университет, 2010. Т. 3 : Победа. С. 197–211.
- 5 См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. М. : Кучково поле, 2014. Т. 10. С. 251–393.
- 6 См.: Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : Челяб. гос. агроинж. ин-т, 1995.
- 7 См.: Кабирова А. Ш. Война и общество : Татарстан в 1941–1945 гг. Казань : Фэн АН РТ, 2011.
- 8 См.: Павлова Т. В. Засекреченная трагедия : гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград : Перемена, 2005.

- ⁹ См.: Данилов В. Н. Изменения в составе населения Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 98–109.
- ¹⁰ См.: Данилов В. Н. Доходы и потребление населения Саратовской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 98–106.
- ¹¹ См.: Данилов В. Н. Основные направления адресной социальной поддержки населения в годы Великой Отечественной войны : опыт Саратовской области // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 230–239.
- ¹² См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2621. Л. 153.
- ¹³ Там же. Д. 2913. Л. 9 ; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 1. Д. 738. Л. 3.
- ¹⁴ См.: Там же. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 962. Л. 3 ; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 76. Л. 4.
- ¹⁵ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 25. Л. 27 ; ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 989. Л. 23.
- ¹⁶ Левин И. С. Грозные годы. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1984. С. 97.
- ¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. А-80. Оп. 1. Д. 5038. Л. 44–56.
- ¹⁸ Там же. Д. 1454. Л. 1–17.
- ¹⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3274. Л. 6 ; ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 989. Л. 22–23 ; Д. 1205. Л. 11.
- ²⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 821. Л. 24.
- ²¹ Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 868. Л. 20.
- ²² Там же. Д. 891. Л. 67.
- ²³ Там же. Д. 890. Л. 154.
- ²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 32. Л. 41.
- ²⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 339. Л. 2 ; Д. 406. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-2650. Оп. 2. Д. 9. Л. 43.
- ²⁷ Сиротина О. Б. Жизнь вопреки или я счастливый человек : Воспоминания. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. С. 77.
- ²⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 6. Л. 63.
- ²⁹ Там же. Д. 23. Л. 38.
- ³⁰ См.: Местное самоуправление Саратова : история и современность / авт. коллектив ; под общ. ред. В. Н. Данилова. Саратов : Архитектор, 2005. С. 166–167.
- ³¹ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 1. Л. 82.
- ³² Там же. Д. 57. Л. 8.
- ³³ Там же. Л. 6–8, 52, 89 ; ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275. Л. 5.
- ³⁴ См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 218. Л. 142 ; ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275. Л. 5 ; Д. 339. Л. 16.
- ³⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2367. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 2737. Л. 103.
- ³⁷ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2750. Л. 1–2.
- ³⁸ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 160. Л. 195–198.
- ³⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2750. Л. 36–43.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 63. Л. 31 ; Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275. Л. 10.
- ⁴¹ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 54. Л. 3.
- ⁴² См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1245. Л. 65 ; Д. 1247. Л. 69.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 989. Л. 26.
- ⁴⁴ См.: Местное самоуправление Саратова : история и современность. С. 162.
- ⁴⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 339. Л. 37.
- ⁴⁷ Там же. Д. 275. Л. 10.
- ⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3266. Л. 10–11.
- ⁴⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 339. Л. 39.
- ⁵⁰ Там же. Л. 37.
- ⁵¹ См.: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. С. 174.
- ⁵² См.: ГАНИСО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 50. Л. 52.
- ⁵³ См.: ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 339. Л. 39.

Образец для цитирования:

Данилов В. Н. Социально-бытовые проблемы населения Саратова и пути их решения в период Великой Отечественной войны // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 265–272. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-265-272>

Cite this article as:

Danilov V. N. Social and Everyday Problems of the Population of Saratov and Ways of Their Solution During the Great Patriotic War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 265–272 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-265-272>

УДК [94+316.334.3](47)

Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области)

О. Н. Маркова

Маркова Оксана Николаевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ksenja0502@mail.ru

В статье анализируются поведенческие и досуговые практики советского социума, государственная политика в культурно-досуговой сфере в 1960-е гг., демонстрировавшие позитивные изменения на социальном уровне и в общественном сознании. Рассматриваются методы интеграции политики партии и инициативы «снизу» советских людей в области организации и регулирования свободного времени. Использование архивных материалов по Саратовской области позволяет выделить региональный аспект данной темы.

Ключевые слова: советская повседневность, государственная политика, досуг, клубное дело, кружковая работа, индивидуализация.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Sphere of Official Leisure of Soviet People in the 1960s: a Dichotomy of the Collective and Individual (Based on the Materials from the Saratov Region)

O. N. Markova

Oksana N. Markova, <https://orcid.org/0000-0002-0695-3772>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ksenja0502@mail.ru

The paper regards the behavioral and leisure practices of society and government policy in the field of culture and leisure in the 1960s, which demonstrated the shifts at the social level and in the public consciousness. Methods of integrating party policies and initiatives of common Soviet people in organization and regulation of free time are considered. The use of archival material on in the Saratov region allows us to highlight the regional aspect of this topic.

Keywords: Soviet everyday life, state policy, leisure, club affairs, group work, individualization.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-273-277>

Так называемые «Шестидесятые» годы рассматриваются исследователями как переломный

период в социокультурной практике Советского Союза. Детальное изучение данного периода дает представление о том, как преобразуется и насыщается культурное пространство новыми содержательными смыслами. Важнейшим направлением этих преобразований является поворот от строго идеологизированной повседневной жизни к удовлетворению индивидуальных потребностей советских людей во всех сферах его деятельности. Обычный человек, образ жизни и занятия которого часто оставались ранее в тени государственной политики, приобретает новые социальные роли¹. Центральным аспектом, позволяющим характеризовать данный феномен, является досуговая область повседневной жизни как способ некой самоидентификации и самовыражения общества и личности. В этой связи представляет интерес типологизация форм досуга по степени участия в нем государства и индивидуума. С одной стороны, советская идеология претендовала на присутствие во всех сферах общественной и частной жизни. С другой стороны, в 1960-е гг. тотальный диктат государства постепенно снижался, появлялись ростки индивидуальных форм досуга, иногда даже противоречившие официальным нормам. Именно через призму двух этих векторов и стоит рассматривать досуг советского человека.

Советский быт был устроен по модели двоемирия: официальное, государственное устройство контрастировало с внутренним пространством «частной комнаты». Как отмечает С. Бойм, все пространства, являющиеся не личными и не государственными – коридор, лестничная площадка, двор, составляли пограничную зону между «личным» и «общественным»². Промежуточное пространство для советского человека было незначимо и невидимо. Стремление к четкой регламентации всех сфер существования человека, включая быт и досуг, в конце концов на практике оказалось не осуществимым. Постепенно досуговая повседневность приобретала раскрепощенные черты и проявлялась в создании новых форм рекреации людей. В принятой на XXII съезде КПСС III программе партии было записано: «Партия будет неустанно заботиться о расцвете литературы, искусства, культуры, о создании всех условий для наиболее полного проявления личных способностей каждого человека...», а дальше говорилось о воспитании в каждом художественных вкусов и навыков³. Новые, открывшиеся для советских людей возможности вскоре дали свои плоды.

В основе проблематики данной статьи лежат исследования поведенческих и досуговых практик социума как инструмента анализа глубоких социальных процессов. В данном случае область повседневности представляется важным маркером трансформации всех общественных институтов, способов их регулирования государством, эволюции социопсихологических характеристик. При внешней идентичности советской политической и идеологической системы в различные периоды существования именно повседневность, формы рецепции идейных установок и трансформации ментальных основ общества стали важными индикаторами внутрисистемных отношений. Преимущественно экстенсивное экономическое развитие, рекрутирование рабочей силы из сельской местности в промышленность и строительство приводили к росту городского населения и, соответственно, городского пространства, которое по своей сути являлось потребительским и более индивидуалистическим. Это вело к тому, что основной социальной стратегией постсталинского политического руководства стал отказ от жесткой мобилизации общественного ресурса и переход к «покупке» социальной лояльности. С углублением процесса урбанизации произошло уменьшение трудовой нагрузки и увеличение свободного времени, что качественно изменили восприятие советских идеологов и образа реальности. Утвердившиеся ранее догматы коллективистской идеологии не могли интегрировать новые веяния потребительского общества. Более того, власть не только не консервировала релевантный коллективистской идеологии сельский социум, но и экспортировала в деревню урбанистические принципы, резко расширяя потребительские стереотипы. Исследование через призму различных эволюционных характеристик советского досуга позволяет верифицировать трансформации советской повседневности, изменение ментальных стереотипов советского человека и государственной политики в указанной сфере. В данном случае мы имеем дело с непростой ситуацией, когда государство оказалось между Сциллой городских потребительских отношений и Харибдой регулируемого патерналистского общества.

Государственная политика в связи с изменившимся курсом была направлена на организацию развлекательных программ в образовательных учреждениях, домах культуры, развитие новых досуговых форм, таких как туризм, молодежные и артистические кафе, а также клубы по интересам. Не отступая от стратегической цели формирования коммунистических норм и ценностей, государство направляло работу всех культурно-просветительных учреждений в первую очередь на повышение уровня эстетического воспитания молодого поколения. Это требование касалось как массовых учреждений культуры, так и признанных профессиональных коллективов искусств. Так, перед руководством Саратовского академического

театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского была поставлена задача привлечения молодого поколения к оперному и балетному искусству с использованием для этой цели различных форм общения со зрителями и контактов с органами народного образования и педагогическими коллективами, регулярно проводимых совместно с Областной научной библиотекой города выставок, посвященных музыке и музыкальному театру⁴. В программы так называемых народных университетов, сеть которых была развернута в 1960-е гг. по всей области, при изучении ленинского идейно-теоретического наследия в обязательном порядке должны были включаться вопросы, касавшиеся коммунистического понимания культуры и искусства. При этом необходимо было вопросы теории и практики идеологической работы в данной сфере увязывать с практикой «совершенствования деятельности клубных учреждений и библиотек»⁵. На лекционных и практических занятиях освещались вопросы планирования деятельности клубов, направления и формы этой работы. Каждое секционное занятие заканчивалось каким-то мероприятием, имеющим практическое значение в работе клуба, дома культуры, киноустановки. Проводились показательные вечера отдыха и устные журналы, встречи со специалистами и передовиками производства. Вместе с тем более половины занятий проводилось в таких активных формах, как ленинский урок, диспут, литературно-музыкальный вечер, вечер викторин⁶. Это помогало выстроить определенную системность в работе учреждений культуры по организации досуга населения, подчиняя его все же целям коммунистического воспитания.

Направляли данную деятельность партийные комитеты и соответствующие структуры исполкомов Советов. Еще в июне 1953 г. согласно постановлению Совета Министров СССР от 11 апреля 1953 г. было создано управление культуры исполкома Саратовского областного Совета депутатов трудящихся, в ведении которого была передана вся сеть государственных культурно-просветительных учреждений: библиотек, музеев, дворцов и домов культуры, клубов, парков культуры и отдыха на территории региона. В городах и районах области были созданы городские и районные отделы культурно-просветительной работы⁷. Помимо содействия в организации работы культурно-просветительных организаций на местах и контроля «идейно-художественного уровня» проводимых ими мероприятий, данные органы управления в 1960-е гг. стали больше внимания уделять вопросу укрепления кадрового состава учреждений культуры в городах и сельской местности. Значительное пополнение кадрами низовые учреждения культуры, особенно сельские, получали за счет выпускников Саратовского областного культурно-просветительного училища, в котором имелось два отделения: библиотечное (со сроком обучения 1 год и 10 мес.) и клубное

(2 года и 6 мес.). К 1962 г. в штатном составе преподавателей насчитывалось 49 чел., из них 33 – с высшим образованием⁸.

Уровень культурного обслуживания населения зависел, прежде всего, от деятельности клубных организаций, которые для сельской местности являлись самыми массовыми учреждениями культуры. В 1960-е гг. клуб – это центр массово-политической и культурно-просветительной работы, пропаганды достижений науки, техники, передового опыта и просто культурного отдыха трудящихся. В этот период деятельность клубных организаций испытывала явный подъем, о чем свидетельствовала статистика посещаемости их мероприятий и рост самодеятельных клубных объединений. Ежегодно 3–4 тыс. тружеников районов Саратовской области посещали клубы и дома культуры. Значительно увеличилось количество кружков. Например, в Вольском районе к концу десятилетия их насчитывалось 119, в том числе 50 драматических, 43 хоровых, 11 танцевальных, 2 духовых оркестра, 2 оркестра струнных инструментов и 11 прочих⁹. В Балашовском районе работал 81 кружок (953 участника)¹⁰. В Пугачевском районе в учреждениях культуры работало 111 различных кружков по интересам и кружков художественной самодеятельности. В них объединялись 1431 чел.¹¹ В Дергачевском районе функционировало 74 различных кружка, среди которых самыми многочисленными были музыкальные, шахматные, танцевальные, даже стрелковые и мотоциклистов¹². В Новоузенском районе работали кружки кройки и шитья, изобразительного искусства и др.¹³ Кружки давали толчок в проявлении индивидуальности и творческих способностей населения. В каждом районе области проводились смотры коллективов художественной самодеятельности, на которых отбирались участники областных фестивалей народного творчества. Все это говорило не только об улучшении постановки художественной самодеятельности в стране, но и появлении гораздо большего свободного времени у советских граждан для досуговых занятий, а следовательно, и уменьшении тягот быта. Считалось, что тем самым на практике успешно реализуется одно из декларативных положений III Программы КПСС, которое гласило: «Досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству¹⁴».

Действительно, организуя досуг населения, учреждения культуры нацеливались на заполнение свободного времени рабочих, колхозников и служащих различного рода культурными мероприятиями, которые становились все более массовыми и разнообразными. Наряду с кружковой работой и ставшими уже традиционными лекциями и докладами на общественно-политические (о Ленине, решениях партийных форумов, междуна-

родном положении) и научно-популярные темы, показом бесплатных документально-хроникальных кинофильмов, расширилась развлекательная программа учреждений культуры, включавшая, в частности, коллективные вечера отдыха производственников, тематические вечера (например, «Сделаем наш город красивым и чистым», «Вечер спорта», «День книги», «Мы к коммунизму держим путь», «Мы – мирные люди», «День здоровья»), вечера интересных встреч (с писателем Розановым, заслуженным артистом РСФСР Ильченко), литературные вечера и концерты-лекции («Твоих друзей легион», «Рассказы о любви»)¹⁵. Такая политика позволяла руководству держать под своим контролем свободное время советских людей, но в то же время способствовало проявлению культурной индивидуальности всех групп населения.

Широко практиковавшиеся в советский период народные гуляния сочетали в себе развлекательный компонент и в то же время глубинное идейно-политическое содержание. Как отмечает Е. В. Золотухина-Аболина, чувство единства каждого советского человека с родиной и народом находило выражение не только в ратных подвигах или напряженном труде, но и в таких формах, как массовые празднования и демонстрации 9 мая, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая, 12 апреля и пр. «Торжество родины воспринималось как личный праздник, создавалась единая целостность – «советский народ»¹⁶. Первомайские гулянья, проходившие под девизом «Пусть солнце мира светит народам», праздники в дни советской молодежи, воздушного флота, военно-морского флота, железнодорожника, строителя, физкультурника, танкиста объединяли людей, развивали советский патриотизм.

Вместе с тем в 1960-е гг. в общественном сознании акцент все более смещается в сторону приоритета личности, на возможность раскрытия творческого потенциала в каждом человеке. Образовывались своеобразные зоны дистанцирования от публичного пространства власти с характерными для них символика и ритуалами. Наглядным примером подобной тенденции являлись клубы самодеятельной песни, создаваемые в некоторых Дворцах культуры (в Саратове – клуб «Дорога», руководитель В. Ланцберг). Примером такого творческого объединения может служить и КЛМ – клуб любителей музыки (школа № 16 г. Энгельса)¹⁷, организованный для повышения уровня музыкальной грамотности школьников. Поэтому такое замечательное явление, как творчество автора-исполнителя В. Высоцкого¹⁸, популярность которого начинается с конца 1960-х гг., невозможно верно понять и оценить, не принимая во внимание изменений, происходивших в бытовом укладе и массовом сознании советских людей.

Наличие большего разнообразия развлекательных мероприятий, по сравнению с предшествующим десятилетием, показывают сводные отчеты о работе такого специфического учрежде-

ния, как Парк культуры и отдыха имени Горького в г. Саратове¹⁹. Например, в 1961 г. там были организованы тематические вечера: «Сделаем наш город красивым и чистым», «Вечер спорта», «День здоровья». В дальнейшем в программу работы парка были включены вечера интересных встреч с писателями, с заслуженными артистами РСФСР, с композиторами, литературные вечера, посвященные творчеству великих писателей и поэтов: Шолохова, Горького, Чехова, Гоголя, Есенина, Маяковского, о любви и дружбе. Организованы различные клубы по интересам: клуб интересных встреч, фотолюбителей, бесплатная школа любителей танцев для разучивания танцев для вечеров молодежи, клуб любителей шахмат. Также периодически проводились смотры творческих коллективов художественной самодеятельности, самодеятельных театров и драматических коллективов, различные концерты эстрадного, духового и симфонического оркестров, творческие отчеты школьных оркестров, гулянья и спортивные вечера. Наряду с этим не исключалась и идеологическая составляющая всех подобного рода мероприятий, поскольку все это должно было служить «широкому показу успехов советского народа в коммунистическом строительстве, в политической, экономической и в культурной жизни советского общества». При планировании же самих мероприятий, как правило, указывалось, что в их основе лежат те или иные партийные документы: постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 г., о развертывании социалистического соревнования в честь XXII и XXIII съездов КПСС и т. п.²⁰

Большой резонанс в Саратове имел проведенный по инициативе Городского парка культуры и отдыха в Зеленом театре с 3 по 16 мая 1961 г. первый в городе фестиваль «Самодеятельная театральная весна», ставший последствием традиционным в течение ряда лет. Он преследовал цель содействия творческому росту театральной самодеятельности. Под начало ГПКО в том же 1961 г. перешел городской клуб фотолюбителей. Дирекция Парка оказала ему действенную помощь: для кружка начинающих фотолюбителей была оборудована фотолаборатория, начали проводиться выставки художественной фотографии. Особое внимание уделялось проведению вечеров коллективного отдыха. Для них на предприятия по договоренности с местным комитетом профсоюзов дирекция ГПКО доставляла специальные приглашения, дававшие участникам некоторые льготные права, например, бесплатный вход или внеочередное пользование аттракционами²¹.

Целой сетью культурно-просветительных учреждений располагали и другие города области, прежде всего, Энгельс, Балашов, Вольск, Балаково, которые в досуговой работе на первый план выдвигали, как тогда говорилось, «воспитание в

человеке чувства прекрасного». В отчете учреждений культуры Балашова за 1961 г. в этой связи, в частности, указывалось: «Большие и разнообразные обязательства взяли люди, решившие уже сегодня жить по-коммунистически. Разведчики будущего не только выполняют и перевыполняют производственные планы, они хотят научиться понимать музыку, живопись, прикладное искусство. Помочь им вправе наши библиотеки». В городе существовал устный журнал «В мире прекрасного», велась культурно-просветительная работа по таким направлениям, как «знай и люби музыку», «творческие планы драмтеатра», «как понимать живопись» и «литературные обзоры». О проведении литературно-музыкальных вечеров на обувной фабрике, маслозаводе, рассказывалось в читальном зале городской библиотеки²².

Важной особенностью данного периода являлся реально обозначившийся процесс стирания культурно-бытовых границ между городом и деревней. Этому способствовала шефская работа городских самодеятельных коллективов учреждений культуры и искусства в деревнях и селах. Особую роль в шефской работе, в первую очередь в работе по пропаганде музыки, конечно, занимали театры Саратова, что в практическом плане вело к повышению художественного уровня выступлений сельских артистов-любителей.

Выполняя решения Саратовского промышленного Облисполкома от 13 декабря 1963 г. «Об организации шефской работы» учреждения культуры и искусства г. Саратова проделали работу по подготовке художественной самодеятельности. Хоровое общество и консерватория организовывали занятия с сельскими хоровыми коллективами. Так, например, заработала первая в Союзе школа игры на баяне по телевидению, организованная на общественных началах кафедрой народных инструментов Саратовской консерватории²³. Драматический театр им. К. Маркса шефствовал над Ртищевским народным театром, помогая оборудованием и костюмами; театр юного зрителя – над Балаковским народным театром.

В справке о планируемых на летний сезон шефских гастролях в Самойловский район, направленной в ЦК КПСС, руководство Саратовского государственного театра оперы и балеты имени Н. Г. Чернышевского не без гордости заявляло: «Коллектив театра стремится значительно расширить шефские связи с селом, установить тесную творческую дружбу с рабочими и инженерно-техническими работниками промышленных предприятий города, еще активнее участвовать в развитии эстетической пропаганды²⁴. Это стремление нашло отражение в социалистических обязательствах, принятых коллективом в ответ на обращение Центрального Комитета КПСС к партии и советскому народу в связи с дальнейшим развитием работы по эстетическому воспитанию трудового населения и молодежи и решениями XXII съезда КПСС.

Как видим, усилившаяся в 1960-е гг. государственная поддержка способствовала расширению сети досуговых комплексов, увеличению количества кружков и «клубов» по интересам для всех слоев социума. Структуры управления и идеологические инстанции стали делать упор на индивидуализацию досуговой сферы, учитывая интересы граждан в использовании своего свободного времени. Занятия становились разнообразными и разноплановыми. Любой советский человек, будь он ребенком или трудящимся на производстве, если он хотел, мог найти себе дело по душе.

По существу именно в эпоху «оттепели» впервые начал осуществляться сложный процесс «перехода от моностилистической к стабильной полистилистической культурной организации»²⁵, продолженный затем в период «перестройки» и в постсоветский период. На смену строгой иерархичности советской тоталитарной культуры сталинского периода приходит демократичная деиерархизация; тотализация культуры вытесняется ее детотализацией; вместо типичного для тоталитарной культуры исключения «чуждых» культурных элементов происходит их включение, достигается культурная терпимость²⁶. Определяющую роль в процессе такого перехода сыграла культура повседневности.

Примечания

- ¹ См.: Брусиловская Л. Культура повседневности эпохи «оттепели»: Метаморфозы стиля // *Общественные науки и современность*. М., 2000. № 1. С. 166.
- ² См.: Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни // *Культурология*: Дайджест. 2004. № 3 (30). С. 20.
- ³ См.: *Прикладное искусство и современное жилище* /

под ред. С. М. Темерина. М.: Изд-во Академии художеств, 1962.

- ⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1070. Оп. 2. Д. 270. Л. 9; Д. 268. Л. 3.
- ⁵ Там же. Ф. 2866. Оп. 2. Д. 715. Л. 5.
- ⁶ Там же. Л. 9.
- ⁷ Там же. Л. 1.
- ⁸ Там же. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 278. Л. 173–174.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 42–43.
- ¹⁰ Там же. Л. 37а.
- ¹¹ Там же. Л. 145.
- ¹² Там же. Л. 50.
- ¹³ Там же. Л. 92.
- ¹⁴ Третья программа КПСС. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 22.09.2019).
- ¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–2.
- ¹⁶ См.: Золотухина-Аболина Е. В. Курс лекций по этике. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 314.
- ¹⁷ КЛМ. Заря молодежи. 1960. 8 янв.
- ¹⁸ См.: Клуб Самодетельной песни (КСП) // Неформальная Россия: о неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР: опыт справочника / сост., науч. ред. и вступ. ст. В. Н. Березовского, Н. И. Кротова. М.: Молодая гвардия. 1990.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 235. Л. 2–14.
- ²⁰ Там же. Л. 11.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Д. 201. С. 26.
- ²³ Там же. Д. 278. Л. 145.
- ²⁴ Там же. Л. 6.
- ²⁵ *Ионин Л.* Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 239.
- ²⁶ Там же. С. 234–239.

Образец для цитирования:

Маркова О. Н. Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 273–277. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-273-277>

Cite this article as:

Markova O. N. Sphere of Official Leisure of Soviet People in the 1960s: a Dichotomy of the Collective and Individual (Based on the Materials from the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 273–277 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-273-277>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 94(438).081

Новое исследование по истории национальных меньшинств

Рецензия на книгу: Кретинин С. В. «Немцы в Польше. 1918–1939 гг.». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. 223 с.

А. А. Борисова

Борисова Алла Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Воронежский государственный университет инженерных технологий, allaborisova@yandex.ru

В рецензии представлен анализ монографии С. В. Кретинина, в которой рассматривается проблема немецкого национального меньшинства в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.). Отмечаются значимость проделанного историком исследования; раскрывается особенность авторского подхода; обозначены дискуссионные вопросы. По мнению рецензента, монография С. В. Кретинина по существу открывает новые перспективы для изучения истории немцев в Польше.

Ключевые слова: рецензия на книгу, монография, С. В. Кретинин, немцы, Польша.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

A New Study on the History of National Minorities

A. A. Borisova

Book review: *Kretinin S. V.* «Germans in Poland. 1918–1939». Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2019. 223 s.

Alla A. Borisova, <https://orcid.org/0000-0002-6009-1093>, Voronezh State University of Engineering Technologies, 19 Revolution Av., Voronezh 394036, Russia, allaborisova@yandex.ru

The review presents the analysis of S. V. Kretinin's monograph, which examines the problem of the German national minority in Poland in the interwar period (1918–1939). The importance of the research done by the historian, the features of the author's approach are noted, the discussion issues are indicated. According to the reviewer, S. V. Kretinin's monograph essentially opens up new prospects for studying the history of the Germans in Poland.

Keywords: book review, monograph, S. Kretinin, Germans, Poland.

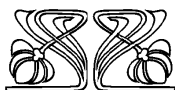
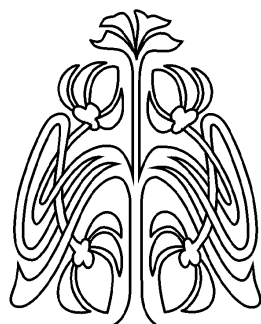
Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-278-280>

Новая работа профессора Воронежского государственного университета С. В. Кретинина «Немцы в Польше. 1918–1939 гг.» посвящена истории немецкого национального меньшинства в Польше в межвоенный период. Это первый в российской историографии труд на данную тему¹.

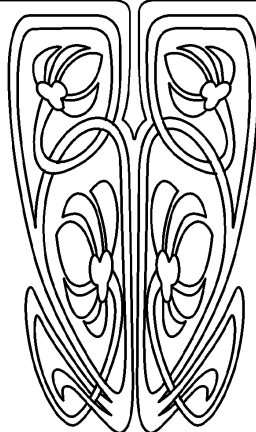
Следует отметить, что национальный вопрос в условиях современности не теряет своей актуальности. Принцип создания мононациональных государств, обоснованный и поддерживаемый представителями различных идейных течений, более двух столетий будоражит сознание

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

народов, но всякий раз в рамках территориальных границ этих государств оказываются люди разной этнической, религиозной или языковой принадлежности. Автор неоднократно обращался к истории национального вопроса и национальных меньшинств, рассматривал историю судебных немцев, их взаимоотношения с чехами².

Обращаясь к теме «немцы в Польше», С. В. Кретинин остановился на периоде между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). Особенно остро проблема национальных меньшинств обозначила себя после Первой мировой войны, когда на политической карте на обломках империй появились новые государства. Во вновь образованном польском государстве, границы которого на западе и севере были урегулированы по Версальскому мирному договору, а на востоке – по Рижскому договору с Советской Россией (1921 г.), проживало большое количество немцев. Ранее немцы были подданными Австро-Венгерской монархии, Российской империи и Германского государства. Немцы Германской империи проживали в бывших прусских областях (в Верхней Силезии, Великой Польше и Померании). Эти немцы стали в одночасье национальным меньшинством, что не могло не сказаться на их правовом положении во вновь созданном польском государстве³.

С. В. Кретинин отмечает, что не только немцы, но и другие национальные меньшинства (украинцы, белорусы, евреи и т. д.) подвергались в Польской республике полонизации⁴. В рецензируемой монографии читателю впервые предложена широкая панорама истории немецкого меньшинства в Польше. И сразу следует подчеркнуть, что перед нами солидное научное изыскание, базирующееся на внушительной источниковой базе и глубокой авторской аналитической работе. Документальное построение монографии основано на материалах германских, польских, голландских и российских архивов, на многочисленных парламентских документах, публикациях по истории массовых депортаций, репрессий, выселений немцев минувших лет, на многочисленной периодической и мемуарной литературе. Изученные материалы зачастую предоставляли весьма противоречивую информацию (например, по поводу численности немцев в отдельных районах Польши)⁵, а в ряде случаев иллюстрировали информационные лакуны. Сложная источниковая база явно не испугала автора, позволив ему сделать обоснованные выводы.

Автор акцентирует наше внимание на политической жизни немцев в Польше и это не случайно, поскольку именно немцы как меньшинство славились своей активной политической позицией.

Работа построена по хронологическому принципу и включает в себя три главы. Первая глава описывает историю немецкого меньшинства в Польше после окончания Первой мировой войны до начала 30-х гг. XX в. После образования поль-

ского государства в 1918 г. многие немцы стали гражданами другого государства и из титульной нации превратились в меньшинство. И, несмотря на то, что Версальский договор гарантировал возможность получения польского гражданства для бывших подданных Германской империи, а польская конституция 1921 г. предоставляла широкие права национальным меньшинствам, польское руководство неоднократно предпринимало попытки законодательно вынудить немцев покинуть территорию Польши. Автор акцентирует внимание на сложностях подсчета немецкого меньшинства в разных районах Польши (в Царстве Польском, Познани и Поморье, в Верхней Силезии, Галиции и Волыни). Сложность консолидации немецкого меньшинства заключалась в том, что между немцами в разных регионах существовали значительные различия, даже по отношению к самой республике. А все попытки добиться компромисса и единства действий не увенчались успехом. Именно эта мысль звучит рефреном на протяжении всего исследования.

При внимательном прочтении рецензируемой книги закономерен вывод, согласно которому автору, как минимум, удалось на высоком профессиональном уровне обобщить материал о политике полонизации и разномечивания после 1919 г. Происходило вытеснение немцев из хозяйственной и общественно-политической сфер жизни, их выдворение в Германию. Автор на обширном архивном материале приводит доказательства и немецких погромов, видя их причины в миграционной политике польского государства⁶, называет такие антинемецкие акции «диким разномечиванием»⁷. И с этим нельзя не согласиться. Анализируя политику польских властей по отношению к немцам в Познани, Верхней Силезии, Померании, исследователь сравнивает ее масштабы и региональные особенности. С. В. Кретинин обращает внимание на тот факт, что в западных польских областях, в Познани и Поморье, политика разномечивания привела к резкому сокращению немецкого населения, а на востоке страны массового оттока населения не было⁸. Следует подчеркнуть, что, несмотря на обилие фактического материала, книга читается легко.

Для защиты своих прав немцы решают объединиться в единую организацию, но политического единства достичь не удастся. Автор подробно освещает немецкое социалистическое и рабочее движение в Польше, дает характеристики основным лидерам, анализирует программы социал-демократов разных регионов Польши. Однако социал-демократы, несмотря на ведущие политические позиции, не смогли противостоять правым течениям, уступив место на политической арене националистическим и праворадикальным силам.

Во второй главе книги раскрывается история немецкого меньшинства в 1930-е гг. Победа Гитлера в Германии была с воодушевлением воспринята многими немцами в Польше. Немецкое

меньшинство надеялось на решение немецкого национального вопроса в других государствах. Центральная тема второй главы – борьба между «старыми» и «молодыми» политическими силами за политическую и финансовую лояльность Германии. С. В. Кретинин подробно освещает деятельность Младонемецкой партии Польши, которая ориентировалась на германский нацизм. Кроме того, впервые с максимальной точностью по материалам зарубежных архивов вычислены количество и состав участников партии, рассмотрены ее отношения с консерваторами и левыми, детально прорисована программа младонемцев. При этом впервые широко использованы архивные материалы. Автор приходит к документально обоснованному выводу, согласно которому переоценивать значение Младонемецкой партии как некоей «пятой колонны» нацистов в Польше не следует, хотя свою негативную роль в деле пропаганды национал-социалистической идеологии они сыграли⁹.

Третья глава посвящена отношениям немцев и поляков в контексте трагических событий Второй мировой войны. Германия Гитлера использовала польских немцев как инструмент внешней политики. Немцы в Польше накануне Второй мировой войны, по мнению автора, столкнулись с тем, что стали заложниками и невольными соучастниками агрессивной политики Гитлера¹⁰. С. В. Кретинин подробно осветил трагедию польских немцев, которые стали жертвами антигерманских настроений. Книга изобилует примерами судеб немцев, подвергшихся репрессиям и депортациям со стороны польского государства. На наш взгляд, это одно из достоинств монографии, поскольку позволяет нам сопереживать и лучше понять то непростое время. Поляки видели в польских немцах диверсантов, а понятия «немец» и «нацист» стали для большинства поляков синонимами. Автор приходит к убедительному, на наш взгляд, выводу о невозможности квалифицировать польских немцев как «пятую колонну».

К сожалению, в работе недостаточно раскрыт процесс массового изгнания немцев из Польши в период Второй мировой войны, но отдельные аспекты этого явления освещены в публикациях автора¹¹. Это касается депортации немцев из Чехословакии¹², из стран Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны¹³.

Очевидно, что рецензируемая монография должна вызвать интерес научной общественности и широких читательских кругов в России и за рубежом. Изобилие фактического материала, оригинальные авторские идеи, интересные сюжетные повороты, уверенно аргументируемые выводы – все это присутствует в книге воронежского ученого. Вместе с тем хотелось бы еще раз

обратить внимание на непростую для исследования тему и сложность заявленных задач. Подводя итоги, считаю необходимым отметить, что в свет вышла отличная, добротная, востребованная книга. Эта монография из тех работ, к которым и специалисты, и все интересующиеся историей будут обращаться не одно десятилетие.

Примечания

- 1 См.: Кретинин С. В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. 223 с.
- 2 См.: Кретинин С. В. Судето-немецкая социал-демократия. Страницы политической истории, 1918–1939 гг. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-т, 1998. 204 с.
- 3 См.: Борисова А. А. Правовое положение немцев в Польше после окончания Первой мировой войны // Актуальные проблемы развития общества, экономики и права : сб. научных статей молодых преподавателей и аспирантов / сост. Т. В. Елисеева. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2012. С. 35–41.
- 4 См.: Кретинин С. В. «Польша для поляков : политика полонизации и разнемецивания в Польской республике в первой половине 1920-х гг. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 51.
- 5 См.: Кретинин С. В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг. С. 27–29.
- 6 Там же. С. 41.
- 7 Там же. С. 43.
- 8 Там же. С. 61.
- 9 См.: Кретинин С. В. Младонемецкое движение в Польше, 1920–1930-е гг. // Исторический журнал : научные исследования. 2014. № 4(22). С. 399.
- 10 См.: Кретинин С. В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг. С. 171.
- 11 См.: Кретинин С. В. Интернирование и депортации немецкого национального меньшинства в Польше накануне и в начале Второй мировой войны // Миграционные последствия Второй мировой войны : депортации в СССР и странах Восточной Европы : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск : Наука, 2014. Вып. 3. С. 138–150.
- 12 См.: Кретинин С. В. Депортация немцев из Чехословакии в 1945–1946 гг. : проблема исторической справедливости // Труды молодых ученых Воронеж. гос. ун-та. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. С. 339–342.
- 13 См.: Кретинин С. В. Массовые выселения и «изгнание» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг. : актуальные подходы и современное состояние дискуссий // Миграционные последствия Второй мировой войны : этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск : Наука, 2012. Вып. 1. С. 45–56.